INTERSLAVICA

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

inslav

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Ответственный редактор
доктор исторических наук
А. С. МЫЛЬНИКОВ

МОСКВА
«НАУКА»
1986

inslav

В книге помещены статьи и материалы, отражающие современное состояние зарубежных исследований языка, истории, культуры, славянских и балканских народов, анализируются связи между наукой и политикой буржуазных государств в сфере, касающейся славяноведения и балканистики в западных странах. Освещаются вопросы международного сотрудничества в изучении славяноведения, дается историография отдельных проблем.

Редакционная коллегия:

Г. Л. АРШ, А. Н. ГОРЯИНОВ, В. А. ДЬЯКОВ,
М. Н. КУЗЬМИН, Л. Б. МИЛЯКОВА, А. С. МЫЛЬНИКОВ,
Н. И. ТОЛСТОЙ, В. А. ХОРЕВ, Е. А. ХЕЛИМСКИЙ

Рецензенты:

В. И. ФРЕЙДЗОН, Ю. Ф. ИВАНОВ

З $\frac{0506000000-178}{042\ (02)-86}$ 23-86-II

© Издательство «Наука», 1986 г.

inslav

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагая вниманию читателей очередной сборник статей и материалов по современной зарубежной историографии славянских и балканских исследований, редколлегия и авторский коллектив продолжают освещение тематики, получившей разработку в ранее изданных сборниках «Славяноведение и балканистика за рубежом» (М., 1980, 200 с.) и «Славяноведение и балканистика в зарубежных странах» (М., 1983, 336 с.). Основные принципы отбора и организации материала, которыми мы руководствовались в названных сборниках, нашли отражение и в настоящем издании.

Это относится прежде всего к пониманию предмета славяноведения и балканистики, которые рассматриваются в качестве двух взаимосвязанных комплексов научных дисциплин, изучающих язык, историю и культуру славянских и других народов Центральной и Юго-Восточной Европы в их прошлом и настоящем, в контексте связей этих народов как между собой, так и с народами других регионов. Освещение этой проблематики получает все более основательную и широкую разработку во многих зарубежных странах, способствуя делу взаимопонимания и международного сотрудничества. Об этом со всей определенностью свидетельствуют итоги очередного, IX Международного съезда славистов, проходившего в Киеве в сентябре 1983 г.

В Обращении Совета Министров СССР к участникам киевского съезда подчеркивалась научная и общественно-культурная значимость изучения и распространения научных знаний по истории, культуре, языкам и литературе славянских народов. «На протяжении всей истории, — указано в Обращении, — славянские народы были тесно связаны с другими народами и внесли значительный вклад в мировую цивилизацию. Ныне они борются за мир и социальный прогресс, за утверждение высокогуманной социалистической культуры, за развитие сотрудничества и дружбы между всеми народами» («Правда», 8 сентября 1983 г.). Киевский форум славистов стал событием большого международного значения. Слависты пяти континентов приняли «Обращение участников IX Международного съезда славистов ко всем

inslav

ученым мира», в котором призвали своих коллег и всех людей доброй воли умножить усилия в борьбе за мир, против угрозы мирового пожара. «Изучая историю, языки и литературу, искусство и культуру славянских народов, — говорится в этом призыве, — мы особенно ясно представляем себе, сколько великих усилий потребовалось для создания мировой культуры и современной цивилизации» («Правда», 14 сентября 1983 г.).

Советские ученые и их коллеги из других социалистических стран всегда стремились и стремятся внести свой вклад в дело международного сотрудничества, показать жизненную силу прогрессивных традиций, возникавших и укреплявшихся в течение многовековой борьбы славянских и балканских народов против социального и национального угнетения, раскрыть вклад этих народов в мировую культуру. Отрадно отметить, что сходные стремления все более и более пробивают себе дорогу и находят отражение в трудах честных ученых капиталистических стран. Оставаясь, как правило, на буржуазных методологических позициях, такие исследователи стремятся сказать свое слово при разработке конкретных вопросов истории и культуры славянских и балканских народов. Независимо от той или иной оценки подобных работ, они представляют научный интерес и могут способствовать деловому обмену мнениями между советскими учеными и их зарубежными коллегами.

Приходится, однако, признать, что со стороны определенных кругов капиталистических государств нередко встречаются попытки иного рода, направленные не на налаживание международного сотрудничества, а на его срыв и искусственное обострение, на использование науки для решения нечистоплотных политических целей. Для подобного подхода характерна нарочитая тенденциозность и откровенная недобросовестность в выборе тематики исследования и сознательном извращении исторических фактов. Место научной аргументации занимают лживые домыслы и грязные инсинуации, набившие оскомину фразеология антисоветизма и антикоммунизма, пропагандистская шумиха, призванная отравить дух взаимопонимания между народами, сеять семена вражды и ненависти. Ни один честный ученый, каких бы методологических принципов он ни придерживался, не может пройти мимо подобного вреднего и человеконенавистнического политиканства.

Как и в предыдущих сборниках, значительное внимание обращено на освещение научного сотрудничества и современного состояния славянских и балканских исследований

inslav

в отдельных странах. В сборнике, в частности, охарактеризована организация этих исследований в Венгрии, ГДР, Норвегии, Чехословакии, Югославии и других странах. Приятно отметить, что авторами таких статей, кроме советских ученых, выступают зарубежные слависты — Э. Нидерхаузер (Венгрия) и Э. Эгеберг (Норвегия). Сам факт их участия является хорошим примером делового сотрудничества ученых.

Современность, как известно, тесно связана с прошлым. И порой трудно и даже невозможно в полную меру оценить нынешний уровень славяноведения и балканистики в отдельных странах без учета особенностей исторической эволюции науки. Поэтому в настоящем сборнике опубликован цикл статей, посвященных мало изученным вопросам становления славистики в Германии (до 1945 г.), США, Великобритании, Франции, Венгрии. При написании этих статей авторы привлекали не только печатные, но и архивные источники.

Разработка вопросов истории и современного состояния зарубежной историографии славяноведения и балканистики имеет, таким образом, существенное научное и прикладное, справочное значение. Редколлегия и авторский коллектив сборника выражают надежду, что этот сборник, в совокупности с предшествовавшими ему изданиями, будет способствовать созданию в будущем обобщающего труда, посвященного комплексному рассмотрению путей становления и развития славянских и балканских исследований в славянских и неславянских странах.

inslav

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А. П. Горяинов, М. А. Робинсон

IX МЕЖДУНАРОДНЫЙ СЪЕЗД СЛАВИСТОВ: ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

IX Международный съезд славистов состоялся 7—13 сентября 1983 г. в Киеве. В нем приняли участие 1846 ученых из 26 стран (1557 делегатов и 289 гостей) [1].

С докладами на съезде выступили 514 ученых (от СССР — 134), в дискуссиях по докладам — около 1200. Состоялось два пленарных заседания съезда (открытие и закрытие) и 12 пленарных заседаний пяти работавших на съезде секций: языкознания, литературоведения, литературоведческо-лингвистической проблематики, фольклористики и исторической. На секции языкознания было заслушано 199 докладов (37 — от СССР), состоялось 1 секционное и 50 подсекционных заседаний; на секции литературоведения — 145 докладов (40 — от СССР), состоялось 4 секционных и 30 подсекционных заседаний; на секции литературно-лингвистической проблематики — 58 докладов (8 — от СССР), 1 секционное и 15 подсекционных заседаний; на секции фольклористики — 40 докладов (17 — от СССР), 1 секционное и 9 подсекционных заседаний; на секции исторической проблематики — 71 доклад (33 — от СССР), 1 секционное и 17 подсекционных заседаний. Впервые в истории съездов славистов в Киеве были организованы два заседания по интердисциплинарным темам («круглые столы»): «Этногенез славян», «Юрий Крижанич в контексте своего времени». Во время работы съезда провели заседания члены и эксперты 21 славистической комиссии МКС: грамматической структуры славянских языков; издания памятников славянской музыки; исследования балто-славянских отношений — новый председатель академик АН Лит. ССР В. П. Мажюлис (СССР); истории славистики; исследования славянской культуры раннего Средневековья — новый председатель член-корреспондент АН УССР И. И. Артеменко (СССР); исследования общественной мысли славянских народов; лексикологии и лексикографии; лингвистической библиографии; лингвистической терминологии; общеславянского лингвистического атласа — новый председатель проф. В. В. Иванов (СССР); славянских литературных

iaslav

языков; славянской ономастики; славянской поэтики и стилистики; славянской социолингвистики; славянского фольклора—новый председатель проф. В. Е. Гусев (СССР); славянской фразеологии; словаря церковнославянского языка; транскрипционной; фонетики и фонологии славянских языков — новый председатель проф. Ч. Хуркова-Новотна (ЧССР); эдиционно-текстологической; языковых контактов.

IX Международный съезд славистов был подготовлен Международным комитетом славистов и его Президиумом; председатель — академик М. П. Алексеев, исполняющий обязанности председателя академик АН УССР П. Т. Тронько, вице-председатели — академики Й. Хамм (Австрия), В. Георгиев (Болгария), проф. С. Грачиотти (Италия), академик В. Хензель (Польша), проф. Д. Ворт (США), проф. С. Волльман (Чехословакия), академик Б. Крефт (Югославия). Активную роль в подготовке съезда сыграли представители Советского Союза в МКС: академик Г. В. Степанов, академик АН УССР В. М. Русановский, член-корреспондент АН БССР М. П. Судник, доктор филологических наук А. Н. Робинсон, а также секретари МКС В. П. Гребенюк, В. Т. Коломиец и В. А. Юзвенко (все — СССР).

Деятельность съезда протекала в соответствии с решениями, принятыми МКС на пленарных совещаниях в Будапеште—Вышеграде (1979), Цюрихе (1980), Копенгагене (1982), а также на совещании Президиума МКС в Москве (1981). На этих совещаниях была обсуждена основная проблематика съезда, отобраны темы докладов и составлена тематически-календарная программа всех пяти секций.

В связи с 1500-летним юбилеем Киева большое место в работе IX Международного съезда славистов заняла проблематика, связанная с комплексным изучением Киевской Руси, ее языка, фольклора, истории и литературы. Одной из основных на съезде была также тема «И. С. Тургенев и мировая культура (к 100-летию со дня смерти)».

Во время работы съезда состоялись три заседания МКС — два в Киеве и одно в Чернигове. На этих заседаниях был рассмотрен и принят новый Устав МКС (по докладу Й. Хамма); впервые членом МКС был избран славист из Индии проф. Г. Прасад; отдельное представительство в МКС получила Новая Зеландия — эта страна ранее имела одно место в МКС совместно с Австралией.

В заключение IX Международный съезд славистов принял «Обращение о мире к ученым всего мира».

Как известно, вопросы истории славистики активно обсуждались уже на VIII Международном съезде славистов

inslav

в Загребе. На Киевском съезде внимание к историографическим проблемам проявилось еще более отчетливо. Доклады, посвященные тем или иным вопросам методологии славистических исследований, становления и развития отдельных славистических дисциплин, научного творчества ученых, были внесены в программу всех секций съезда и рассматривались на многих заседаниях секций и подсекций [2].

В секции I «Языкознание» следует отметить доклад, подготовленный к съезду выдающимся украинским славистом академиком И. К. Белодедом (1906—1981) и А. И. Белодедом. В докладе освещено развитие славистики в Киеве начиная с IX в. и показано значение этого города как одного из крупнейших научных центров лингвославистики.

Во II, литературоведческой, секции методологический интерес представлял доклад С. Волльмана (ЧССР) о предмете, методах и перспективах сравнительного изучения славянских литератур. В этом докладе, сделанном на пленарном заседании секции, речь шла о принципах системного подхода в славянском сравнительном литературоведении.

Наиболее интенсивно историографическими проблемами литературоведения занималась 5-я подсекция литературоведческой секции «Современное состояние и перспективы изучения славянских литератур». В программе этой подсекции значилось семь докладов, в которых так или иначе затрагивались проблемы литературоведческой историографии. Среди них — сообщения советского исследователя В. И. Борщукова «Изучение советских славянских литератур за рубежом (70-е годы)» и чешского ученого М. Мольнара «Развитие, современное состояние и перспективы литературоведческой украинистики в ЧССР», а также доклад В. Н. Баскакова (СССР) о проблемах библиографического исследования польско-русских литературных связей.

Вопросам методологии сравнительного изучения славянских литератур были посвящены доклады болгарских ученых Б. Ничева, С. Божкова и Х. Дудевского. Б. Ничев подчеркнул в своем докладе значение сравнительного изучения славянских литератур для создания теории сравнительного изучения межлитературного процесса. В совместном докладе С. Божкова и Х. Дудевского, посвященном изучению советской литературы в ее взаимосвязях с другими славянскими литературами, были отмечены важность изучения коммуникативных явлений, возникающих в ходе контактов советской литературы с литературами других социалистических стран, необходимость учета наряду со специфическими особенностями отдельных литератур социалистических стран

inslav

исторического опыта многонациональной советской литературы.

В докладе М. Вегнера (ГДР) характеризовались литературоведческие исследования М. М. Бахтина, доклад Б. Бялокозовича (ПНР) был посвящен взглядам на литературу И. А. Бодуэна де Куртенэ (для полноты картины отметим также, что одной из фонетических гипотез этого выдающегося слависта было посвящено сообщение французского исследователя Ж. Дюрена «Бодуэн де Куртенэ и история человеческого языка», сделанное в одной из подсекций лингвистической секции).

С большим интересом был встречен участниками заседания подсекции «Литература Киевской Руси в славянском и мировом контексте» совместный доклад Г. Н. Моисеевой (СССР) и М. Крбца (ЧССР) «Памятники Киевской Руси в освещении Йозефа Добровского». Авторам доклада удалось убедительно показать, что знаменитым чешским славистом во время его поездки в Россию (август 1792—январь 1793 г.) были изучены многие древнерусские рукописные тексты; знакомство с ними впоследствии нашло отражение в работах Добровского. В этой же подсекции югославским ученым М. Бабовичем был сделан доклад об изучении в Югославии после второй мировой войны «Слова о полку Игореве».

В подсекции «И. С. Тургенев и мировая культура» для историков славистики определенный интерес представлял доклад А. Звигельского (Франция) о деятельности «Ассоциации Ивана Тургенева, Полины Виардо и Мари Малибран» и о создании мемориального музея в доме П. Виардо в Буживале (Франция), где жил великий русский писатель.

На заседаниях III, литературно-лингвистической, секции историографическая тематика нашла место в докладе П. Бранга (Швейцария) об итогах социолингвистических исследований художественной литературы и их перспективах с точки зрения объединения усилий лингвистов и литературоведов, а также в сообщении исследовательницы из ФРГ Р. Лахманн о риторической концепции Феофана Прокоповича в его труде «De arte rhetorica».

Значительное количество докладов историографического характера было сделано в V, исторической, секции. За исключением совместного доклада В. К. Бондарчика и И. В. Чаквина, посвященного изучению славянскими учеными XVI—начала XX в. этногенеза белорусов, все они были сосредоточены на заседаниях подсекции «Общественная мысль славянских народов в период просвещения и национального возрождения и проблемы истории славистики». Оживленный

inslav

обмен мнениями вызвал доклад советского историка Л. П. Лантевой «Развитие русской исторической мысли в XIX в. и проблемы славяноведения», в котором автор попытался дать представление о подходе к изучению славистических дисциплин историков различных школ и направлений. Общая характеристика состояния чехословацкой исторической славистики послевоенного периода была дана в докладе К. Германа (ЧССР). М. Каспер (ГДР) остановился в своем докладе на развитии в Германской Демократической Республике сорабистики как комплексной научной дисциплины.

В остальных докладах, с которыми выступили Э. Доннерт (ГДР), Х. Купер (США), Й. Погачник и М. Живанчевич (Югославия) были рассмотрены различные стороны научной и общественной деятельности отдельных ученых. Авторы докладов пришли к выводам о большом вкладе Е. Копитара в изучение южных славян (Х. Купер), а также о его значительной роли в становлении украинской национальной самобытности и украинской культуры (Й. Погачник), о наличии тесных контактов между И. И. Срезневским и деятелями иллирийского национального движения (М. Живанчевич). Об экономических взглядах русского ученого, дипломата и политика Д. А. Голицына (1734—1803) сообщил Э. Доннерт (ГДР).

В выступлениях участников «круглого стола», посвященного Ю. Крижаничу, были рассмотрены взгляды Крижанича по различным вопросам языка, истории и культуры.

В заключительный день работы съезда состоялось заседание комиссии по истории славистики [3]. В нем приняло участие 35 ученых из 12 стран, в том числе шесть советских славистов во главе с председателем комиссии, членом-корреспондентом АН СССР Д. Ф. Марковым. На заседании был рассмотрен ход работы над серией издаваемых по инициативе комиссии сборников «Исследования по истории мировой славистики», были обсуждены вопросы о деятельности Международной комиссии по истории славистики после VIII международного съезда славистов и о перспективах ее работы, были заслушаны информационные сообщения представителей национальных комиссий по истории славистики об итогах их деятельности, решены организационные вопросы.

В ходе заседания было отмечено, что серия сборников по истории мировой славистики, издающаяся в различных странах, имеет прочную основу. В период между VIII и IX съездами славистов к вышедшим ранее советскому сборнику, посвященному методологическим проблемам истории сла-

inslav

вистики [4] и чехословацкому сборнику, в котором рассмотрена история славистики конца XVIII — первой половины XIX в.[5], добавился сборник, подготовленный болгарскими учеными и содержащий статьи славистов различных славянских и неславянских стран [6]. Близка к завершению работа над сборниками по истории славистики в конце XIX—начале XX в. и по истории славистики в неславянских странах.

В докладе об итогах деятельности Международной комиссии по истории славистики в 1978—1983 гг. и о перспективах ее работы на последующее пятилетие, с которым выступил вице-председатель комиссии В. А. Дьяков, а также в информационных сообщениях о работе национальных комиссий по истории славистики В. Цайля (ГДР), В. Заимовой (НРБ), Й. Грозиенчика (ЧССР), В. А. Дьякова (СССР) отмечалось также, что одним из основных направлений деятельности Международной комиссии по истории славистики и соответствующих национальных комиссий является изучение развития славистики в национальных рамках. Международная комиссия рекомендовала национальным комиссиям сосредоточить внимание на этих исследованиях, что создаст со временем необходимую базу для написания обобщающего труда по истории мировой славистики.

По предложению членов Комиссии от СССР, обоснованному в докладе В. А. Дьякова и поддержанному зарубежными учеными, было решено также включить в перспективный план деятельности комиссии работу над библиографией важнейших исследований по истории славистики.

ДОКЛАДЫ ПО ИСТОРИОГРАФИИ НА IX МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ СЛАВИСТОВ *

Бобовић М. Изучение «Слова о полку Игореве» в югославской русистике, с. 224.

Баскаков В. Polnisch—russische Literaturbeziehungen: Probleme der bibliographischen Forschung, с. 355.

Белодед И. К., Белодед А. И. Киев в истории лингвославистики, с. 58.

Białokozowicz B. Jan Baudouin de Courtenay and slavonic literatures, с. 357—358.

Бондарчик В. К., Чаквин И. В. Проблемы этногенеза белорусов в трудах славянских ученых (XVI—начало XX в.), с. 511.

Борщуков В. И. Zur Erforschung der slawischen Sowjetliteraturen im Ausland (in den 70-er Jahren), с. 360—361.

Божков С., Дудевский Х. Сравнительное изучение развития советской литературы и ее взаимосвязи с другими славянскими литературами: Основные методологические принципы, с. 361—362.

---

* О данном перечне см. примеч. 2.

inslav

Brang P. Состояние и задачи социолингвистического исследования славянских литератур, с. 465—466.
Cooper H. Ерней Копитар и начало изучения южных славян, с. 541—542.
Donnert E. Дмитрий Алексеевич Голицын (1734—1803) и его произведение «Vom Geist der Ökonomisten» («О духе экономистов»): Русские общественные учения и государственные теории в годы Великой французской революции, с. 542—543.
Durin J. Бодуэн де Куртенэ и история человеческого языка: Применение к славянским странам, с. 185.
Herman K. Die tschechoslowakische historische Slawistik 1945—1980, с. 546.
Kasper M. Die Entwiclung der sorbischen Volksforschung als slawistische Disciplin nach dem zweiten Weltkrieg, s. 549.
Lachmann R. «Decorum» как всеобъемлющий стилистический принцип: О риторической концепции Феофана Прокоповича, с. 398.
Лапшева Л. П. Entwicklung das historischen Denkens im Rahmen der russischen Slavistik im 19. Jahrhundert, с. 551—552.
Моисеева Г. П., Krbec M. M. Die Erforschung altrussischer Handschriften der Kiewer Rus' durch Josef Dobrovský, с. 240.
Molnár M. The development, conditions and tasks of Ukrainian literary studies in Slovakia, с. 380.
Ничев Б. Некоторые методологические проблемы сравнительного изучения славянских литератур, с. 381.
Pogačnik J. Инициативы Копитара в украинском народном возрождении, с. 558—559.
Wegner M. М. М. Бахтин и сравнительное изучение романа, с. 388.
Wollman S. Object, methods and prospectives of comparative slavic literature, с. 389.
Zwiguilsky A. L' «Association des amis d'Ivan Tourguéniev, Pauline Viardot et Maria Malibran» et le Musée Ivan Tourguéniev à Bougival: bilan et perspectives, с. 321—322.
Живанчевиќ М. И. И. Срезневский и его отношение к иллирийскому движению, с. 570.

[1] Все статистические данные, связанные с работой съезда, приведены по материалам Советского комитета славистов.

[2] Полные названия докладов по историографической тематике, сделанных на съезде, даны в приложении, где указаны на том языке, на котором их резюме опубликованы в «Резюме докладов и письменных сообщений» IX международного съезда славистов (М., 1983) и с указанием страниц данной публикации.

[3] О деятельности Международной комиссии по истории славистики до VIII международного съезда славистов и о ее заседании в Берлине (ГДР) в 1980 г. см.: Прокофьева Н. А. Международная комиссия по истории славистики. — В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980, с. 32—43; Берлинское заседание Международной комиссии по истории славистики. — Сов. славяновед. 1981, № 4, с. 124—126, подп.: *В. Д., А. М.*

[4] Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, 339 с.

[5] Studie z dejin svetovej slavistiky do polovice 19. storočia. Bratislava, 1978. 510 s.

[6] История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. София, 1981. 272 с.

inslav

Г. К. Клепикова

КАРПАТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ — СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ МЕЖДУНАРОДНОГО НАУЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Карпатское языкознание (КЯ) понимается сейчас как особый раздел языковедческой науки, точнее — как пространственно характеризованный фрагмент совокупности лингвистических дисциплин (индоевропейской, финно-угорской ареальной лингвистики, теории языковых контактов, типологии и т. д.), имеющий своей целью описание и интерпретацию процессов и результатов взаимодействия языков в карпатской зоне и сопредельных регионах. В указанном выше смысле КЯ выступает как лингвистический компонент карпатистики (карпатологии, карпатоведения) — обширного междисциплинарного круга наук историко-филологического цикла, призванных изучать комплексно ситуацию в зоне Карпат [1], интенсивные исследования в области материальной и духовной культуры, фольклора, языка [2] которой дают основания постулировать существование специфической этнолингвистической общности.

Предложенное выше понимание КЯ обнаруживает известное сходство с балканским языкознанием, имеющим, однако, в отличие от КЯ более чем полувековую историю (если принимать в качестве условной точки отсчета публикацию обобщающего труда К. Сандфельда — *Sandfeld K.* Linguistique balkanique. Paris, 1930) и достигшим в настоящее время высокого уровня разработанности теоретических и практических аспектов, о чем свидетельствует наличие не только синхронических описаний важнейших схождений в языках балканской языковой общности [3], определяемой как «балканский языковой союз» (БЯС) [4], но и опытов моделирования фрагментов его системы [5].

Следует подчеркнуть, что уже давно осознается специфический характер изучения диалектов карпатского ареала, когда они рассматриваются в качестве лингвистических объектов, противопоставленных, с одной стороны, иным диалектам, репрезентирующим отдельные национальные языки [6], и демонстрирующие, — с другой, — большое число разноуровневых интердиалектных (интерязыковых) схождений. Источник последних видят или в праславянском [7] (и тогда соответствующие корреспонденции относят к гомогенному лингвистическому континууму), или в более поздних сближениях, в результате взаимодействий, взаимовлия-

inslav

ний языков ареала [8] (ср., в частности, общий пласт прямых и опосредованных заимствований из восточнороманского [9], венгерского [10] и др.; в этом случае они характеризуют гетерогенный лингвистический континуум, и потенциально-языковую общность того или иного типа).

Однако «конституирование» КЯ происходит лишь в последнее десятилетие, в ходе все более активизирующегося, целенаправленного изучения лингвистических особенностей карпатской зоны, которые оцениваются в плане гипотезы о существовании карпатской языковой общности (КЯО). Подобное изучение вызывает необходимость динамического подхода к определению и уточнению проблематики КЯ, его основных теоретических и методологических понятий, к соотношению его с иными разделами языкознания (и прежде всего — с балканским языкознанием) — равно как и с другими научными дисциплинами, например с этнографией [11]. Хотя в конкретно-исследовательском и теоретическом планах сделано (и делается) немало, до сих пор, к сожалению, не существует систематического изложения (очерка) основных положений КЯ. К их числу, помимо прочих, могут быть отнесены, по нашему мнению, следующие.

1. КЯО и языковые общности иных типов.

В карпатистике характер КЯО определяется с учетом действия не только генетических факторов или возможности независимого развития в отдельных языках сходных явлений, но и наличия конвергентных тенденций, которые в ходе длительного и разнонаправленного процесса контактирования неоднородных в лингвистическом (и этническом) отношении составляющих, способствуют формированию языковых общностей различного типа, в том числе и «языковых союзов» (ЯС) [12]. На данном этапе наших знаний особенности КЯО в синхронном плане [13] могут быть описаны с помощью признаков, специфических для КЯО, а также общих с ЯС (в частности, с БЯС) и с общностями, развивающимися в направлении ЯС (ср. БСлЯС — см. сн. 12).

Так, (1) КЯО, аналогично БСлЯС, может оцениваться как гипотетическая общность, своего рода «теоретическая интерпретация» имеющихся лингвистических (диалектных) данных, которая позволяет рассматривать общие элементы в качестве принадлежащих определенному единству, обладающему, по крайней мере в отдельных своих фрагментах, системной организацией; существование же БЯС в конвенциональном смысле (см. выше) несомненно. (2) КЯО и БЯС можно представить как базирующиеся на результатах взаимодействия языков, понятие же БСлЯС отражает процесс,

inslav

конкретную ситуацию прямого контактирования (отсюда — проблематика би- и полилингвизма, формирование корпуса общих элементов и др.). (3) В отличие от ситуации БЯС, позволившей выработать значительное число схождений на различных языковых уровнях, и в отличие от БСлЯС, где они прогнозируются, для КЯО в целом пока может быть указано достаточно много соответствий лишь на лексико-семантическом уровне. (4). Если для БЯС фиксируемые схождения — следствие не только актуальных (прямых) контактов, но и более общих причин — опосредованных контактов, называемых «балканистическими процессами», существования некоей общей модели структуры БЯС, воздействующей на структуру каждого балканского языка и т. д.[14], то, вероятно, в отношении КЯО (и общностей того же типа — лексико-семантических par excellence — можно говорить прежде всего о прямых контактах (двухсторонних, многосторонних) при том, что последние указывают на источник заимствования лексических элементов (но не всегда — на их происхождение!); вместе с тем принимается во внимание и специфика уровня семантики, развитие которой связано с контактированием языков, но допускает и интерпретации в духе «семантических универсалий» [15]. По нашему мнению, в настоящее время нет веских аргументов в пользу трактовки КЯО как ЯС [16].

2. Соотношение карпатского и сопредельных регионов.

Зона Карпат (как и большинство природно-географических зон) не является замкнутой в хозяйственно-экономическом, историко-культурном, лингвистическом и т. п. отношениях областью; интерес для нас представляет ее тесная связь с зоной Балкан. Это подтверждают исследования многих аспектов карпатской ситуации, осуществленные в последние 10—15 лет. Они показывают, что рассмотрение тех или иных явлений изолированно, в масштабах лишь карпатского ареала, представляется недостаточным — и в синхронном, и — в еще большей мере — в диахроническом (генетическом) планах [17]. Именно поэтому карпатистика (resp. КЯ) принципиально включает в свои задачи обращение к балканскому материалу для установления в нем явлений, корреспондирующих с карпатскими [18], или, напротив, для констатации в этих зонах несоответственных явлений [19].

Фиксация тесных связей между карпатской и балканской зонами позволяет, во всяком случае в лингвистической сфере, допустить существование карпато-балканской (балкано-карпатской) макрообщности (БКО) [20]. Степень автономности каждой из (микро)зон достаточно велика, что дает ос-

inslav

нование изучать их во многих планах раздельно (например, балканскую — в составе БЯС, под углом балкапославянско-неславянских отношений и пр., карпатскую — в составе иных объединений языков, например западнославянско-немецкого и др.) [21]. Одной из особенностей КБО, отражающей указанное выше членение, является относительность локализации ее лингвистического центра, а именно — двойная (в течение формирования БКО) ориентированность ее по признаку «центр — периферия». Современная карпато-балканская ситуация должна рассматриваться как результат действия (наложения, суммирования) в макрозоне двух противоположно направленных иррадиационных «волн». История языковых (и этнических) контактов в балкано-карпатском ареале показывает, что первоначально центром была карпатская зона, в пределах которой, начиная с глубокой древности, складывались общие элементы [22]. В дальнейшем (I тысячелетие н. э.) в результате миграционных процессов, в частности продвижения предков южных славян на Балканский п-в, эти элементы проникали далеко на юг, и ныне, в той или иной степени, они присутствуют в болгарском, македонском, сербохорватском и других языках Балкан. Роль первой «волны» в образовании БКО, а также отдельных языков, прежде всего южнославянских, чрезвычайно велика [23]. Позднее, в средние века мощным центром иррадиации элементов, приобретавших статус балкано-карпатских параллелей, становятся Балканы. Вторая иррадиационная «волна», распространявшаяся в русле массовых миграционных движений балканского населения в направлении с юга на север (и северо-запад), усилила конвергентные тенденции в БКО [24] и значительно увеличила число характерных для обеих (микро)зон лексико-семантических схождений. Сильное воздействие на карпатский лингвистический континуум оказали южнославянские языки [25], особо подчеркивается роль восточнороманских языков [26]. Из сказанного следует, что соотношение «центр : периферия» выступает в масштабах БКО как асимметричное — например, для карпатского «центра» «периферией» оказываются области к югу от Карпат [27], напротив, для балканского «центра» «периферией» оказывается карпатская зона [28].

3. Единицы, которыми оперирует КЯ в целях пространственно-временной классификации (стратификации) инвентаря лексико-семантических схождений.

В лингвистической карпатологии в настоящее время используются при анализе и интерпретации общих для языков зоны элементов два основных термина: «карпатизмы» и «бал-

inslav

канизмы». При изучении истории языков ареала и формирования КЯО существует необходимость трактовать «карпатизмы» в диахроническом смысле — как собственно карпатские, т. е. специфические для языков зоны единицы, происхождение которых локализуется в карпатском лингвистическом пространстве (древнем или современном). В практике же синхронных, в частности лингвогеографических, исследований «карпатизмы» — это все специфические элементы, характерные для языков (диалектов) карпатского ареала, в том числе и так называемые балканизмы — та часть общекарпатских элементов, которая вошла в языки ареала вследствие миграции населения к северу от Дуная (см. выше) [29]. Известно, что в балканской лингвистике под «балканизмами» понимают изменения (явления), проходящие по всем языкам или группе языков БЯС [30], или даже в отдельном языке [31].

Таким образом, (1) при изучении карпатской ситуации с учетом балканского материала, т. е. в масштабах БКО, целесообразно использовать термин «карпато-балканизмы» (характерные для макрозоны лексико-семантические схождения), учитывать возможность двоякого (синхронного и диахронного) толкования термина «карпатизм» и, наконец, специального понимания термина «балканизм»; при (2) изучении БКО в балкано-карпатском ракурсе, т. е. через призму балканской ситуации, достаточно использовать термины «балкано-карпатизмы» (общие для макрозоны элементы) и «балканизмы» («карпатизмы» —элементы, специфические для каждой зоны (соответственно — балканской и карпатской) [32].

На современной стадии, вероятно, еще невозможно сформулировать весь круг проблем, которые должно решать КЯ в целом и отдельные его разделы [33]. Осознание и формулирование конкретных задач зависит от хода развития самого КЯ (в конечном счете — от суммы имеющихся и так или иначе интерпретированных фактов [34]). В дальнейшем число направлений, аспектов КЯ, равно как и методов, может увеличиваться, может изменяться их соотношение и оценка важности того или иного направления и т. д.

Ныне одной из первоочередных задач КЯ является диалектологическое, прежде всего лингвогеографическое, ареальное, изучение карпатской (resp. карпато-балканской) зоны [35]. Это вытекает, во-первых, из необходимости выявить и систематизировать корпус общих черт, определяющих своеобразие данного лингвистического континуума; во-вторых, на основе пространственной проекции возможно большего числа специфически карпатских схождений дать харак-

inslav

теристику самой карпатской зоны, ее отношения к балканской, а также описать типы дифференциации БКО, т. е. распределение в ней микрозонных ареалов [36]. Тесно связана с этим направлением и задача изучения топонимики карпатского ареала [37].

Эти исследования позволят приступить в полном объеме к историко-этимологическому изучению карпатской лексики [38]; к этому кругу вопросов примыкает и исследование языка древних памятников письменности, отражающих особенности говоров карпатского ареала [39].

Другой важной задачей на современном этапе является осмысление теоретических проблем языкового контактирования и интерференции применительно к специфике карпатского (карпато-балканского) ареала. Разработка их идет параллельно с изучением конкретных языковых фактов, представляющих фиксацию результатов интерференции [40], и это помогает не только глубже понять факты, но и целенаправленно корректировать программы сбора диалектного материала.

Указанные выше актуальные задачи КЯ — лингвогеографическое изучение карпатской зоны как база теории языковых контактов — привлекает наибольшее внимание лингвистов. Интенсивные исследования в этих сферах [41] подготовили реальную почву для перехода к новому этапу развития КЯ — к изучению языкового взаимодействия в карпатской (карпато-балканской) зоне в целом. Очевидно, что решение этой глобальной задачи невозможно без объединения усилий ученых-диалектологов разных стран, прежде всего расположенных в зоне.

Важным шагом на пути к осуществлению международного сотрудничества в области КЯ явился специальный симпозиум, организованный Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в 1973 г.[42] Следует иметь в виду, что в нашем Институте лингвистическая карпатистика разрабатывалась уже в течение ряда лет и в 1967 г. был опубликован специальный атлас [43]. На указанном симпозиуме советские ученые предложили в качестве темы сотрудничества ученых социалистических стран создание атласа, цель которого — изучение процессов интерференции в карпатской зоне и в сопредельных регионах («Общекарпатский диалектологический атлас» [ОКДА] [44]). Специалисты-диалектологи поддержали эту идею, а VII съезд славистов одобрил план подготовки Атласа и принял соответствующее решение.

В дальнейшем сотрудничество ученых ряда стран было закреплено в двухсторонних соглашениях академий наук;

inslav

с 1977 г. тема включена в Долгосрочную программу многостороннего сотрудничества научных учреждений социалистических стран в области общественных наук в качестве целевого проекта. В его осуществлении теперь принимают участие научные центры СССР, ПНР, ЧССР, ВНР, СФРЮ. Координатором всей работы в Советском Союзе и за рубежом является Институт славяноведения и балканистики АН СССР, в котором создана специальная проблемная группа под руководством проф. С. Б. Бернштейна, возглавляющего и Международную редколлегию Атласа. От СССР в качестве соисполнителей участвуют следующие учреждения: Институт общественных наук АН УССР (г. Львов), Ужгородский университет, Институт языка и литературы АН МССР; на многих этапах работы активное участие принимали сотрудники Черновицкого университета и некоторых других вузов Украины.

Создание ОКДА потребовало серьезных предварительных обсуждений, так как впервые в истории лингвогеографии Центральной и Юго-Восточной Европы речь шла о региональном макроатласе, карты которого должны отразить синхронно зафиксированные (70-е годы XX в.) диалектные явления современных национальных языков — близкородственных (славянские), родственных на уровне различных ветвей индоевропейской семьи (славянские, романские, албанский) и неродственных (индоевропейский, финно-угорский). В ходе подготовки Атласа возникло много сложных вопросов и общетеоретического, и методического, технического характера. Дискуссии по различным аспектам концепции ОКДА и в отношении частных (в том числе организованных) вопросов работы над ним велись на многих международных конференциях начиная с 1974 г.[45] Представляется целесообразным кратко сформулировать наиболее важные принципы, которые положены в основу данного труда, подготавливаемого большим международным коллективом [46].

1. В ОКДА поставлена задача методами картографирования синхронно изучить многочисленные общие элементы, оцениваемые как возникшие в диалектах карпатского ареала вследствие длительных языковых контактов — «карпатизмы» (см. выше), прошедшие сложный путь многоступенчатых преобразований, многократных перекрестных заимствований. Международный коллектив ОКДА исходит из идеи существования в карпатской (карпато-балканской) зоне генетически гетерогенного диалектного континуума.

2. Поскольку специфическая общность диалектов карпатской зоны засвидетельствована прежде всего на уровне

inslav

лексики и семантики, на картах ОКДА будут отражены главным образом лексико-семантические явления; по возможности будут учитываться некоторые параллели в сфере словообразования. Коллектив Атласа не ставит задачу изучения схождений в области фонетики (фонологии), грамматики, синтаксиса.

3. ОКДА дает синхронное описание лингвистической ситуации в карпатском ареале и его связей с сопредельными зонами, прежде всего с балканской, поскольку, как уже говорилось, обе зоны в определенном смысле составляют единство (-БКО).

4. ОКДА создается как собственно лингвистический атлас; его составители пришли к выводу, что он не должен быть комбинированным (например, лингво-этнографическим и т. д.), так как расхождения между лингвистическим и этнографическим исследованием (resp. картографированием) и в общетеоретическом, и в методическом отношениях чрезвычайно существенны (см. сн. 11).

5. Для сбора материала был составлен Вопросник ОКДА, опубликованный в 1981 г. и содержащий около 800 вопросов. В него из индексов по каждому национальному языку, обследуемому в Атласе, были включены схождения, (1) представленные в диалектах более чем двух контактирующих языков, (2) в диалектах двух неконтактирующих языков, (3) лексемы, связанные с традиционным народным бытом и культурой [47]. При подготовке Вопросника нашли отражение как объективные факторы (например, стадия изученности лексики и семантики соответствующих языков), так и субъективные, выражающиеся, в частности, в том, что взаимодействовали принципы и опыт национальных диалектологических школ. Интеграции знаний и профессиональных приемов и навыков этих школ, несомненно, способствовало повышению научного уровня Вопросника, являющегося, таким образом, плодом совместной, подлинно творческой работы всего коллектива [48]; вместе с тем участники работы понимают, что Вопросник не может претендовать на абсолютную полноту в отражении специфических карпатских схождений.

6. Лексико-семантическая направленность Атласа обусловила и характер используемой при записи материала и его картографировании транскрипции. В ее основу положена система транскрипции «Общеславянского лингвистического атласа» (также являющегося темой широкого международного сотрудничества), дополненная знаками, необходимыми для отражения некоторых фонетических явлений, существен-

inslav

ных для восточноромапских, венгерских, албанских диалектов [49].

7. Сетка непосредственного обследования в ОКДА включает свыше 160 населенных пунктов на территории карпатского ареала и в балканской зоне; особенностью Атласа является возможность рекартографирования (примерно для 60 населенных пунктов) данных румынских диалектологических атласов [50].

Полевой материал для ОКДА собирался коллективом в течение 1979—1981 гг., одновременно центры картографирования приступили к обработке полученных сведений и их картографированию. Было решено опубликовать 6—7 выпусков Атласа; в каждом из них предполагается поместить материал ответов примерно на 100 вопросов Вопросника — в виде карт или индексов некартографируемых материалов. Публикацию 1-го и 2-го выпусков должны осуществить АН МССР (изд-во «Штиинца») и АН СССР (изд-во «Наука»), один из последующих выпусков, вероятно, будет издаваться АН УССР (изд-во «Наукова думка»), два выпуска планирует напечатать Польская АН, по одному — ЧСАН и академии СФРЮ.

В настоящее время полностью готов и утвержден к печати 1-й выпуск ОКДА, содержащий свыше 70 карт и комментариев к ним, некартографируемые материалы, а также введение, предисловие, справочные материалы (списки населенных пунктов, информаторов, эксплораторов и др., общий объем труда — более 50 а. л.). Издание подготовлено на русском языке, некоторые разделы вводной части даются в переводе на французский и молдавский языки. Подготовлен корпус карт и комментариев 2-го выпуска (около 50 карт и комментариев) и 3-го (около 60 карт). Ведется картографирование для 4-го выпуска.

Создание ОКДА могло бы быть важным условием для перехода к качественно новому этапу в развитии международного сотрудничества в области КЯ — к созданию на базе Атласа, с широким использованием его карт и материалов, а также иных источников (историко-этимологических, топонимических и др.) трудов обобщающего характера, посвященных углубленному изучению взаимодействия лингвистических идиомов в карпатской (и шире — карпато-балканской) зоне.

Подобные исследования позволят дать научно обоснованную стратификацию общих и локальных для карпатской зоны явлений, выяснить роль отдельных языков в формировании карпатской языковой общности и т. д. Полученные

inslav

результаты будут способствовать решению некоторых общих и частных проблем этногенеза славянских и балканских народов, их истории на стадии, предшествовавшей феодализму, и в раннефеодальную эпоху [51].

Развитие новых форм научного сотрудничества в области карпатского языкознания, осуществление его в широком масштабе с целью создания фундаментальных трудов позволит комплексно решать важные вопросы языковой (и этнической) истории Центральной и Юго-Восточной Европы.

[1] См.: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981, с. 5, 9 и сл. (далее — ОКДА); *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии. — В кн.: Славянское языкознание. VII международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1973, с. 41; *Он же.* Общекарпатский диалектологический атлас (ОКДА). — Zborník filozofickej fakulty Univerzity Komenského. Bratislava, 1976, XXVI, s. 11 (далее — Zborník). Чешский лингвист А. Вашек задачи КЯ («лингвистической карпатологии») определяет как изучение (1) лингвистических последствий так называемой «валашской пастушеской колонизации»: а) воздействие грамматической структуры языка колонистов на язык коренного населения и б) воздействие специфической пастушеской лексики, прежде всего терминологии, как отражение особенностей «валашской колонизации», являющейся гомогенной в хозяйственном отношении к гетерогенной — в лингвистическом и (2) последствия взаимоотношений языков карпатского ареала. См.: *Vašek A.* Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques. — Romanoslavica, Bucureşti, 1967, XIV, p. 15. Нам представляется, однако, что последняя задача оказывается более общей, включающей как частные аспекты задачи 1а и 1б. Необходимо, разумеется, иметь в виду важность социально-экономических (равно — природно-географических, этнографических культурно-исторических и т. п.) факторов в образовании языковой общности, в данном случае — карпатской. Вместе с тем, поскольку эти факторы играют роль внелингвистических, целесообразно акцентировать внимание на собственно лингвистических, разграничивая по возможности внешне- и внутрилингвистические предпосылки. Подробнее об этом: *Толстой Н. И.* Некоторые вопросы соотношения лингво- и этногеографических исследований. — В кн.: Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л., 1974. с. 18. Ср. разграничение Ф. Соссюром внешнелингвистического и внутрилингвистического: *Соссюр Ф., де.* Курс общей лингвистики. — В кн.: Труды по языкознанию. М., 1977.

[2] Эти исследования планируются и координируются Международной комиссией по изучению культуры Карпат и Балкан (МКККБ); о ее задачах и деятельности см.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 239 и сл.; *Он же.* Этнографическое изучение славянских народов в СССР. — Сов. славяновед., 1978, № 6, с. 22. Проекты обобщающих трудов по народной архитектуре, пастушеству, фольклору публиковались в бюллетене МКККБ «Carpatobalcanica», Bratislava (1978 VIII и 1979 IX); информацию Б. Н. Путилова о работе по теме «Разбойничий-збойницкий-гайдуцкий фольклор славяно-карпатско-балканского региона конца XIX—XX в.» см.: Информационный бюллетень МАИРСК. М., 1981, вып. 5, с. 65—66; информация

inslav

о концепции обобщающего труда «Народные песни и народная музыкальная культура Карпат и Балкан» см.: Carpatobalcanica, 1981, XI.

[3] Ср. сводную библиографию по балканистике: *Schaller H. H.* Bibliographie zur Balkanphilologie. Heidelberg, 1977; см., кроме того, публикации по балканской (в том числе языковедческой) библиографии Института балканистики БАН: Bibliographie d'études balkaniques. Sofia, I—XV, 1968—1983. Специально о славянской зоне БЯС см.: *Цыхун Г. А.* Типологические проблемы балкано-славянского языкового ареала. Минск, 1981.

[4] О целесообразности определения языкового союза (ЯС), этого наиболее общего понятия теории языковых контактов, в конвенциональном духе см.: *Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. М., 1979, с. 5, 274. Этот подход позволяет, на наш взгляд, более корректно ставить вопрос о формировании ЯС (в частности, БЯС) (*Цивьян Т. В.* Указ. соч., с. 291).

[5] О синтаксической и коммуникативной моделях БЯС см.: *Цивьян Т. В.* Указ. соч., с. 274, 279 и сл.

[6] Подробнее об особом положении, например, юго-западных украинских говоров в украинском диалектном континууме см.: *Бернштейн С. Б.* Карпатский диалектологический атлас. — ВЯ, № 4, 1963, с. 76 (далее — *Бернштейн С. Б.* КДА); *Он же.* Предисловие. — В кн.: Карпатский диалектологический атлас. М., 1967, с. 7 (далее — КДА) и др. Об изучении особенностей карпатоукраинских говоров см.: *Можаева И. Е.* Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованных в СССР с 1946 по 1969 г. — В кн.: Карпатская диалектология и ономастика. М., 1972, с. 478—576 (далее — КДО). Упомянем здесь и специальное ежегодное библиографическое издание: Радянські Карпати. Львів, 1977—1981 (см. и ранее опубликованную кн.: Українське радянське карпатознавство. Київ, 1972). Конфронтации моравских говоров и всех остальных чешских говоров посвящена особая глава в кн.: *Vašek A.* Jazykové vlivy karpatské salašnické kolonizace na Moravě. Konfrontačně-komparatistická gramatická studie karpatologická. Praha, 1967.

[7] О проблеме связей словацкого и южнославянских языков см.: *Леков И.* Отношение на среднословашки съм южнославянската езикова група. — Списание на БАН. София, 1937, т. 55, с. 203 и сл.; известная модификация взглядов автора отражена в работе: *Леков И.* Моделът на обществената и вътрешносистемната обусловеност в развоя на славянската езикова група. — В кн.: Славянска филология. София, 1978, XV, с. 35.

[8] Один из наиболее полных обзоров по карпатской лингвистической проблематике см.: *Vašek A.* Sur la méthodologie, p. 17 и сл. Кратко об истории изучения этого же круга проблем см.: Общекарпатский диалектологический атлас. Вопросник. М., 1981, с. 9 и сл. (далее — ОКДА. В.); *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции, с. 25—28 и др.

[9] В связи с изучением двухсторонних контактов упомянем некоторые важные исследования последних 10—15 лет, например, о восточнороманских (resp. румынских) заимствованиях в украинских говорах: *Vrabie E.* Influența limbii române asupra limbii ucrainene. — Romanoslavica, XIV, p. 109—198 (далее — RS); *Robciuc I.* Elemente românești în ucraineana. Contribuții la studiul contactelor lingvistice. Bucureşti, 1971; *Lobiuc I.* Elemente românești în terminologia păstoritului și creșterii vitelor la huțuli. — RS, 1971, XVIII, p. 112 и сл.; *Клепикова Г. П.* Об изучении лексических заимствований из румынского языка в карпатоукраинских говорах. — Сов. славяновед. 1973, № 6, с. 72 и сл.

inslav

Ср. также сводную работу: *Niţa-Armaş S.* et al. L'influence roumaine sur la lexique des langues slaves. — RS, 1968, XVI, p. 59 и сл.

[10] О венгерских элементах в украинских говорах: *Lizanec P.* Magyar-ukrán nyelvi kapcsolátok. Uzshorod, 1979; *Лизанец П. Н.* Атлас лексичних медяризмів та їх відповідників в українських говорах Закарпатської обл. УРСР. Ужгород, 1976; *Лизанец П. Н.* Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Будапешт, 1976 и др.

[11] Очевидно, что обособление КЯ служит свидетельством тенденции к определенному сближению различных областей одной науки (в данном случае — лингвистики) и возникновению на их «стыке» новых дисциплин, что вызывается необходимостью совмещать разные методические подходы при изучении сложных явлений, в частности в рамках тематики «язык и общество». Более проблематична, на наш взгляд, вероятность такого сближения на стыке различных наук. Ср. в этой связи интерес к по-новому (и неоднозначно) понимаемой этнолингвистике. Например, Н. И. Толстой предлагает определять ее, с одной стороны, как отрасль *языкознания* (курсив наш. — *Г. К.*), которая ставит и решает проблемы языка и этноса, языка и культуры, языка и народного менталитета, языка и мифологии и т. д. Для этого раздела лингвистики существенно «рассмотрение. . . конструктивной роли языка и его воздействия на формирование и функционирование народной культуры, народной психологии, народного творчества»; с другой стороны, он допускает понимание ее как комплексной дисциплины, «предметом изучения которой является «план содержания» культуры, народной психологии и мифологии, *независимо* (курсив наш. — *Г. К.*) от средств и способов их формального воплощения (слово, предмет, обряд, изображение и т. д.). В этом случае этнолингвистика — яркий пример «экспансии», проникновения лингвистической методологии в соседние дисциплины, в данном случае в этнографию». Наконец, он же поясняет, что новая наука «не конкурирует с лингвистикой и этнографией, фольклористикой и культурологией и тем более с социологией, но вытесняет их, а является самостоятельной отраслью знания, комплексной пограничной наукой, стоящей на грани перечисленных наук, опирающейся во многом на их источники и достижения и пользующейся, как и многие другие современные научные дисциплины, комплексными методами» (*Толстой Н. И.* Некоторые проблемы и перспективы славянской и общей этнолингвистики. — Изв. АН СССР, Серия лит-ры и яз., № 5, 1982, с. 399, 404). По нашему мнению, «плюрализм» в понимании сути новой дисциплины может породить сомнения в реальном ее обособлении от других наук. В данном случае представлялось бы более корректным фиксировать внимание на том или ином уровне сотрудничества, взаимодействия различных исторических и филологических наук, на задаче сопоставления конечных (или промежуточных) результатов, достигнутых этими науками. Об аспектах сотрудничества, например, лингвистов и этнографов см.: *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Общекарпатский диалектологический атлас. Принципы. Предварительные итоги. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1978, с. 33 и сл.; *Они же.* Общекарпатский диалектологический атлас и проблемы сотрудничества лингвистов и этнографов.— Carpatobalcanica, 1980, X; *Они же.* Историко-культурные аспекты лингвогеографического изучения карпато-балканской зоны. — В кн.: Славянское и балканское языкознание. М., 1984. В несколько иной форме о сходном отношении к связи лингвистического этнографического и других аспектов при изучении карпатской ситуации см.: *Va-*

inslav

ek A. Sur la méthodologie, p. 37; *Вашек А*. Лингвистическая карпатология. — ВЯ, 1976, № 2, с. 20.

[12] Конвенциональное понимание ЯС (см. сп. 4) полезно, вероятно, иметь в виду и при изучении языковых общностей иных типов. Термином ЯС обозначают иногда и ситуации языкового контактирования, характеризующиеся повышенной концентрацией типологически сходных черт, позволяющей говорить о реализации языкового единства (см.: *Невская Л. Г.*, *Судник Т. М.* Диалектные контакты в зоне современного балтийско-славянского этноязыкового пограничья. — В кн.: Славянское языкознание. VIII Международный съезд славистов. Доклады советской делегации, с. 285); хотя данная ситуация и именуется «балтийско-славянским языковым союзом» (БСлЯС), следует иметь в виду, что, вероятно, можно считать «языковым союзом» прежде всего лингвистический объект, (1) в котором выделен полный набор основных системных схождений на разных уровнях и (2) в котором обнаруживается тенденция к конечному единству, к общей структурной схеме (построенной на основании этих схождений) (подробнее: *Судник Т. М.*, *Дивьян Т. В.* К типологическому сопоставлению механизмов двуязычия (балто-славянский и балканский языковые союзы). — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983, с. 203, 200). Изучение БСлЯС в указанных аспектах только начинается, и пока может быть лишь высказано предположение, что «происходит синтез балто-славизмов, и языковой союз оказывается доступным наблюдению in statu nascendi» (там же, с. 204).

[13] Некоторые вопросы диахронической характеристики КЯО, в частности вопрос о начальном этапе формирования последней (уже в эпоху бронзы), рассмотрены в работе: *Бернштейн С. Б.* КДА, с. 75; *Он же*. Проблемы интерференции, с. 31; *Он же*. Итоги работы над ОКДА и задачи VI Международной конференции по ОКДА. — В кн.: Справочно-информационные материалы по ОКДА. М., 1978, с. 7 (далее — СИМ); ОКДА. В., с. 5 и др.

[14] *Дивьян Т. В.* Указ. соч., с. 273, 274.

[15] Подробнее: *Ульманн С.* Семантические универсалии. — В кн.: Новое в лингвистике. М., 1970, вып. V, с. 253 и сл.; *Вейнрейх У.* О семантической структуре языка. — Там же, с. 163—170.

[16] *Бернштейн С. Б.* КДА, с. 76; *Он же*. Проблемы карпатского языкознания. — КДО, с. 12; *Он же*. Интерференция языков карпатского ареала. — В кн.: Балканские исследования. Проблемы истории и культуры. М., 1976, с. 208. *Он же*. Лингвистические аспекты ОКДА. — Сб. ОКДА, с. 9 и др.; *Клепикова Г. П.* К проблеме взаимоотношения языков «центральной» и «периферийной» зон балкано-карпатского ареала. — Общеславянский лингвистический атлас (ОЛА). 1982. М., 1985.

[17] Однако как подготовительный этап подобных всеобъемлющих исследований «локальное» изучение карпатских фактов представляется необходимым.

[18] Именно благодаря учету балканских данных удается описать современное состояние таких сложных феноменов материальной культуры, как, например, отгонное пастушество, и проследить их эволюцию. Так, в историческом плане можно говорить о зависимости пастушества в Карпатах от балканского пастушества, в типологическом же (синхронном) отношении единого карпато-балканского пастушества ныне не существует (см., например: *Клепикова Г. П.* Балканские элементы в карпатской терминологии горного пастушества. — В кн.: Балканские исследования, с. 210). Что касается языка, то органиче-

inslav

ская связь языков карпатской и балканской зон позволит глубже изучить и объяснить процессы и факты собственно карпатского характера. См.: *Младенов М.* Мястото на южнославянските езици в Общокарпатския лингвистичен атлас. — Zborník, s. 47—48.

[19] Принятие этой идеи привело и к организационным изменениям: существовавшая с 1959 г. Международная комиссия карпатской культуры (МККК) была преобразована в МККБ, См.: *Бромлей Ю. В.* Современные проблемы этнографии. М., 1981, с. 239; ср. более раннюю публикацию, где проблема учета балканских данных еще не ставилась: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. И.* Этнографические аспекты карпатоведения (в связи с работой Международной комиссии карпатской культуры). — Сов. славяновед., 1973, № 6, с. 62 и сл.

[20] О карпато-балканской (resp. балкано-карпатской) сообщности см. также: *Vašek A.* Koncepce a realizace Karpatského lingvistického atlasu. — Zborník, s. 25.

[21] *Леков И.* Моделът. . ., с. 29.

[22] О роли отдельных языков (главным образом индоевропейских) в этот период подробнее: *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции, с. 33; *Он же.* Интерференция, с. 209 и сл. и др.

[23] *Бернштейн С. Б.* КДА, с. 74; *Он же.* Интерференция, с. 207 и др.

[24] *Бернштейн С. Б.* Проблемы интерференции, с. 40 и др.

[25] *Младенов М.* Указ. соч., с. 48.

[26] Об этом, например, см.: *Vašek A.* Op. cit., s. 22.

[27] *Младенов М.* Указ. соч., с. 47.

[28] *Клепикова Г. П.* К проблеме взаимоотношения. . .

[29] Подробнее о «карпатизмах» и «балканизмах» в карпатологии, в том числе об эволюции в понимании терминов, см.: *Бернштейн С. Б.* КДА, с. 79; *Он же.* Предисловие. — В кн.: КДА, с. 16; *Он же.* Аспекты, с. 6 и с..; ОКДА. В., с. 10 и др.

[30] Различают тотальные (общие), свойственные всем языкам БЯС, и парциальные(частичные), а также градуальные, балканизмы, — в зависимости от числа языков, где отмечаются те или иные балканские явления, и от степени развития явления в том или ином языке; проводится также различие между балканизмами, существенными для БЯС («sprachbildende») и не существенными («nichtsprachbildende») см., например: *Duridanov I.* Zur Bestimmung des Begriffs «Balkanismus» auf den verschiedenen Sprachebenen. — In: Ziele und Wege der Balkanlinguistik. Beiträge zur Tagung vom 2—6 März in Berlin. Berlin, 1983, S. 59—63.

[31] О принципиальной возможности такой постановки вопроса см.: *Цивьян Т.* Указ. соч., с. 272 и сл.

[32] Поэтому, в частности, в отношении балканских языков (в том числе балканославянских) нельзя говорить о существовании в них «карпатизмов» (см.: *Бернштейн С. Б.* О некоторых аспектах «Общекарпатского диалектологического атласа». — Prace językoznawscze, Kraków, 1976, zesz. 61, s. 16; *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Историко-культурные. . .).

[33] Ср. в этой связи: «Попытка уже в настоящее время отразить всесторонне все аспекты карпатского языкознания обречены на неудачу» (*Бернштейн С. Б.* О некоторых аспектах. . ., с. 15).

[34] Т. е. уровнем, так сказать, «предварительного знания»; о роли последнего (а также прогнозирования) для грамматики см.: *Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972, с. 38 и др.; ср.: *Цивьян Т. В.* Указ. соч., с. 213, 267. «Предварительное знание», следовательно, может быть отождествлено с постижением некоторых сторон изучаемого объекта на интуитивном уровне.

inslav

[35] Как уже упоминалось, в первую очередь речь должна идти о лексических и семантических элементах, поскольку именно они на современном этапе КЯ позволяют исследовать с должной полнотой характер языковой общности в карпатской зоне. С. Б. Бернштейн писал: «. . .Пока базой карпатского языкознания являются лексика, семантика и словообразование»; менее ясен фонетический и грамматико-синтаксический аспекты проблемы, и в этих направлениях предстоит большая работа (подробнее: *Бернштейн С. Б.* Аспекты. . ., с. 7—8; *Zaręba A.* Założenia metodologiczne OKAD. — Prace językoznawcze, Kraków, 1976, zesz. 61, s. 99; ОКДА, В., с. 12 и др.).

[36] Несомненно, что в дальнейшем станет актуальной проблематика описательной и исторической диалектологии языков ареала. Предстоит, однако, сформулировать ее задачи, учитывая особенности данного языкового континуума (в частности, гетерогенность); пока это сделано в отношении к континууму близкородственных диалектов (диалектов одного языка). Подробнее см.: *Аванесов Р. И.* Описательная диалектология и история языка. — В кн.: Славянское языкознание. V Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1963, с. 293 и сл.; *Калнынь Л. Э., Масленникова Л. И.* Сопоставительная модель фонологической системы славянских диалектов. М., 1981, с. 3 и сл.

[37] Ср. постановку задачи создания общекарпатского топонимического атласа: *Майтан М.* Топонимика и ОКДА. — В кн.: СИМ, 1978, с. 85 и сл.; при этом следует иметь в виду большую работу по изучению ономастики в странах ареала в связи с созданием Славянского ономастического атласа.

[38] Упомянем начавшиеся предварительные работы по такому труду, как Ареально-этимологический словарь карпатской лексики, планируемому лингвистами Института славяноведения и балканистики АН СССР. В задачи Словаря входит установление вклада отдельных языков карпатской и сопредельных зон в формирование КЯО — с учетом роли как первоначального источника специфической лексики, так и механизма распространения лексических единиц, характеризующегося множественностью источников заимствования и многократностью актов заимствования одних и тех же элементов (т. е. возможностью разновременного их появления в нескольких зонах одной языковой территории) и т. д. В качестве начальных этапов создания Словаря планируется подготовить пробный выпуск, а также два специальных труда, посвященных общим проблемам историко-этимологического изучения карпатской лексики и проблемам восточнороманско-карпатославянских языковых отношений.

[39] Подробнее: *Бернштейн С. Б.* Интерференция. . ., с. 209. Об исследованиях, посвященных языку памятников западноукраинской письменности, см., например: *Можаева И. Е.* Указ. соч., с. 490—495; в последние годы это направление у нас и за рубежом (например, в Венгрии) продолжает успешно развиваться.

[40] Ср. развитие сформулированной С. Б. Бернштейном идеи об отношении теории субстрата и теории языковых контактов и интерференции (см.: *Бернштейн С. Б.* Интерференция. . ., с. 203; *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Процессы языковой интерференции на Карпатах и «Общекарпатский диалектологический атлас». — Сов. славяновед., 1976, № 2, с. 63 и сл.); важно для интерпретации языковых фактов и допущение, что КЯО представляет собой языковую общность особого характера, отличную от ЯС (см. выше) и т. д.

[41] В частности, значительный опыт накоплен в картографировании говоров отдельных языков ареала (см.: ОКДА. В., с. 11) и т. д.

inslav

[42] См.: Симпозиум по проблемам карпатского языкознания. 24—26 апреля 1973 г. Тезисы докладов и сообщений. М., 1973; хронику о нем см.: Сов. славяноред., 1973, № 6, с. 114—116.

[43] *Бернштейн С. Б.* и др. Карпатский диалектологический атлас. М., 1967. Непосредственная цель КДА формулировалась как изучение карпатоукраинско-южнославянских лексико-семантических корреспонденций. Занятия этой проблемой имеют длительную историю, однако корректно задача была поставлена лишь В. М. Иллич-Свитычем («Лексический комментарий к карпатской миграции славян», опубликована в Изв. АН СССР, ОЛЯ, XIX, 1960, № 3), ср. также: *Бернштейн С. Б.* КДА, с. 79 и сл.; *Он же.* Предисловие, с. 21 и др. КДА и исследования, осуществленные на его основе, показали, что данная проблема — только один из аспектов тематики лингвистического взаимодействия и интерференции в зоне Карпат, что на территории Карпат существует языковый мир, где обычные классификационные критерии нуждаются в уточнениях, что многие специфические элементы в диалектах зоны должны интерпретироваться с учетом показаний диалектов, порой далеко отстоящих от данной зоны и т. д. (подробнее: *Бернштейн С. Б.* Проблемы. . ., с. 9; *Он же.* Проблемы интерференции. . ., с. 30; ОКДА. В., с. 10 и сл., также и др.

[44] Впервые мысль о создании лингвистического атласа Карпат зафиксирована в: *Vašek A.* Zur la méthodologie, p. 38; *Бернштейн С. Б.* Проблемы. . ., с. 14.

[45] Подробно об истории создания ОКДА, в частности, обо всех международных встречах коллектива Атласа (до 1981 г.) см.: ОКДА. В., с. 12—15; там же (с. 116—125) см. библиографию всех публикаций 1973—1981 гг., связанных с проблематикой Атласа и работой над ним.

[46] ОКДА, В. с. 12—15; ранее: *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Общекарпатский. . ., с. 29 и сл.

[47] *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Общекарпатский. . ., с. 37—38.

[48] ОКДА. В., с. 16.

[49] Там же, с. 101 и сл.

[50] Там же, с. 15; подробнее см.: *Клепикова Г. П.* Проблема рекартографирования и Общекарпатский диалектологический атлас. — ОЛЯ. 1979. М., 1981, с. 5.

[51] В качестве примера исследований подобного рода может служить доклад IX съезду славистов: *Бернштейн С. Б., Гиндин Л. А., Клепикова Г. П.* Общекарпатский диалектологический атлас и некоторые проблемы этногенеза южных славян. — В кн.: Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983.

Е. Л. Немировский

О СВОДНОМ КАТАЛОГЕ СЛАВЯНСКИХ СТАРОПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ

В специальных фондах и подразделениях библиотек, музеев, архивов собирают, тщательно хранят и внимательно изучают книги кирилловского и глаголического шрифта XV—XVII вв. — замечательные памятники культуры бе-

inslav

лорусского, болгарского, румынского, русского, сербского, украинского, хорватского и других народов. Книги эти издавались в Польском государстве, на этнической территории южнославянских народов, в Чехии, в Великом Княжестве Литовском, в Венеции, в Московском государстве. . .

Однако исследователи XIX—первой половины XX в. значительно большее внимание уделяли рукописной книжности. Можно назвать лишь немногих крупных славяноведов, серьезно занимавшихся изучением старопечатной книжности; среди них Е. С. Бандтке, П. В. Владимиров, Д. И. Зубрицкий, Вук Караджич, К. Ф. Калайдович, Е. Ф. Карский, П. И. Шафарик, В. Ягич, А. И. Яцимирский.

В последнее время положение изменилось. Пришло, наконец, понимание того, что печатные книги XV—XVII вв. сохранили и закрепили лингвистическую и текстологическую традицию предшествующих столетий, что они сохранили живое слово людей, которые их составляли, редактировали, печатали, продавали и читали — предисловия и послесловия, глоссы и маргиналии, вкладные и владельческие записи. Книги эти, наконец, — памятники материальной культуры своего времени — шрифты, которыми они напечатаны, техника воспроизведения иллюстраций и орнамента, бумага, переплет — все это о многом говорит внимательному исследователю.

Но пробудившийся интерес к старопечатной книжности столкнулся со слабостью источниковой базы. Исследователи истории культуры, литературы, искусства славянских народов, обращаясь к книгам кирилловского шрифта, принуждены пользоваться трудами И. П. Каратаева, В. М. Ундольского и других библиографов и археографов прошлого века [1], трудами, для своего времени весьма ценными, но ныне устаревшими. Поэтому-то в последние десятилетия как в СССР, так и за рубежом неоднократно высказывалось мнение о необходимости создания международного Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Вопрос уже имеет свою историю.

Едва ли не первым на важность проблемы указывал английский славяновед и знаток истории книги Джон С. Г. Симмонс, который в 1963 г. на страницах московского сборника «Книга. Исследования и материалы» писал: «. . . следует безотлагательно предпринять международную инвентаризацию кириллических книг, вышедших до конца XVII в., с целью впоследствии издать их сводный каталог и библиографию в подходящем масштабе» [2]. В августе 1966 г. Дж. С. Г. Симмонс разослал славистам и библиографам 14

inslav

стран мира письмо, в котором предлагалось поставить вопрос о Сводном каталоге на обсуждение Международного конгресса славистов и национальных Академий наук славянских стран. В письме говорилось о том, что автор его разрабатывает проспект будущего издания, детальные правила описания старопечатных книг и другие документы, которые впоследствии должны быть разосланы. Этого, однако, сделано не было.

В 1964 г. автор этих строк, формулируя актуальные задачи советской историографии книги, назвал следующие «первоочередные темы. . . к выполнению которых можно приступить уже сегодня:

1. Сводный каталог славянских старопечатных книг XV—XVII вв.

2. Ценз (перепись) сохранившихся экземпляров первопечатных изданий XV—XVI вв.

3. Альбом типографских материалов славянских старопечатных изданий XV—XVII вв.» [3].

Более детально проект был обсужден на страницах журнала «Советское славяноведение» в 1968 г. [4] Здесь был сформулирован принцип поэкземплярного учета и описания книг кирилловского шрифта, а также опубликован предварительный перечень славянских книг кирилловского шрифта XV—первой половины XVI в. с указанием всех известных автору экземпляров. Впоследствии перечень удалось значительно расширить и опубликовать в дополненном виде [5]. Но в 1960-х годах, когда были сделаны первые предложения о создании международного Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов, реальных возможностей осуществления этих предложений не было. Побудительной основой и первопричиной углубленного библиографического исследования книг кирилловской печати в книгохранилищах Советского Союза послужили труды А. С. Зерновой, выполненные в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — «Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках» (М., 1958) и «Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в.» (М., 1968; составлен совместно с Т. Н. Каменевой) [6]. В 60-х годах выкристаллизовалось представление о том, что появлению международного сводного каталога должен предшествовать учет местных собраний и их более или менее детальное описание. Такие описания появились уже в 70-х годах; в их основу была положена методика, разработанная в 1960 г. А. С. Зерновой. Методика

inslav

пользовалась большой популярностью, в начале 70-х годов она была переиздана [7].

В 70-х годах в СССР появились печатные каталоги собраний средней величины, насчитывающих 150—300 книг кирилловской печати, в настоящее время готовятся к выпуску в свет еще несколько таких каталогов, монографические описания территориально или хронологически обособленных разделов собраний крупнейших советских библиотек.

Славянскую книгу кирилловского шрифта активно изучают зарубежные историки. Широкой известностью пользуются труды П. Атанасова, Л. Деменя, Л. Медаковича, Л. Чурчича и других историков славянской книги [8]. Многолетние труды Дж. С. Г. Симмонса по розыску в зарубежных книгохранилищах изданий кирилловского шрифта достойно увенчаны напечатанным в ГДР факсимильным изданием Азбуки, напечатанной в 1578 г. в Остроге Иваном Федоровым [9]. В течение последних десятилетий за рубежом были сделаны поистине сенсационные находки в области старославянской первопечатной книжности. Полный список их мы приводить не будем. Назовем лишь первые отечественные печатные учебники — львовскую Азбуку 1574 г. и острожскую Азбуку 1578 г., экземпляр Триоди цветной Швайпольта Фиоля из города Брашова (Румыния), в котором сохранилась гравюра с именем типографа, или наиболее полный экземпляр «Малой подорожной книжицы» белорусского просветителя Франциска Скорины, найденный в Копенгагенской королевской библиотеке, который позволил отодвинуть дату возникновения первой типографии на территории нашей страны с 1525 на 1522 г.[10]

В последние годы были опубликованы обзоры фондов старопечатных книг отдельных зарубежных библиотек [11]. И все же мы пока еще очень далеки от сколько-нибудь исчерпывающего знания предмета.

Так или иначе, но публикации последних лет подготовили почву для первичной проработки вопроса о Сводном каталоге славянских старопечатных книг кирилловского шрифта.

Создание такого каталога в течение ближайших 20—25 лет представляется нам делом реальным и вполне осуществимым [12].

В перспективный план научно-исследовательской работы Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина на 1976—1980 гг. была включена тема «Сводный каталог изданий кирилловского и глаголического шрифтов XV—XVII вв.».

inslav

В качестве одной из первых работ в рамках темы был составлен предварительный список изданий кирилловского шрифта XV—первой половины XVI в.

Из 78 названий, упомянутых в списке[13], лишь 22 издания были выпущены в свет на территории нашей страны — в Вильне. Однако в советских книгохранилищах представлены не только отечественные, но и зарубежные издания кирилловского шрифта — большинство из них не в одном, а в нескольких экземплярах. Из 78 инкунабул и палеотипов, упомянутых выше, в СССР нет лишь 8 изданий: Октоиха пятигласника около 1494 г. (Цетинье), Октоиха 1510 г. (Тырговиште), венецианских «Службы блаженной деве Марии» и «Молитв св. Бригитты» 1512 г., Молитвенника с Часословцем 1520 г. (Венеция), Октоиха 1535 г. (Угровлахия), Молитвослова 1536 г. (Венеция) и Молитвенника 1545 г. (Тырговиште).

Достаточно полно в советских книгохранилищах представлены и глаголические издания XV—XVIII вв.: 41 название из 60 известных по литературе[14].

В наших библиотеках есть немало инкунабул и палеотипов кирилловского и глаголического шрифтов, которых, согласно имеющимся у нас в настоящее время сведениям, за рубежом нет. Это Осмогласник 1491 г., напечатанный в краковской типографии Швайпольта Фиоля — первая печатная книга кирилловского шрифта. Все 7 известных нам экземпляров находятся в библиотеках СССР — по два экземпляра в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, Государственном Историческом музее и в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина, один экземпляр — в Научной библиотеке Ленинградского государственного университета[15].

Экземплярами, находящимися в советских библиотеках, представлено большинство пражских изданий Франциска Скорины, Молитвенник (Трбепик) 1523 г. Божидара Горажданина (уникальный экземпляр ГПБ, шифр: I.5.II), Требник, напечатанный в Угровлахии в 1534 г., Четвероевангелие Филиппа Молдованина (Сибиу, 1546).

Многие недавно опубликованные подробные описания южнославянских старопечатных изданий выполнены по экземплярам, находящимся в советских книгохранилищах[16].

Отметим попутно, что в последние годы в наши библиотеки поступило немало изданий кирилловского шрифта, которые ранее в славяно-русской библиографии вообще учтены не были. Назовем, например, уникумы Научной библиотеки им. М. Горького Ленинградского университета — Часовник

inslav

1630 г., Часовники 30-х и 50-х годов XVII в., Псалтырь конца XVII в. В Горьковском историко-архитектурном музее-заповеднике обнаружена уникальная Триодь (М., 1742) [17]. Среди новых поступлений в Отдел редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — ранее не описанные Псалтырь (М., 1796) и Псалтырь (Яссы, 1791).

В процессе создания сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов необходимо обеспечить поэкземплярное изучение описываемых книг.

Учет всех сохранившихся экземпляров и их подробное описание возможны лишь в том случае, если в работе по созданию Сводного каталога сотрудничает достаточно большое количество участников. Приглашения участвовать в работе были направлены всем библиотекам, архивам и музеям СССР, в которых имеются фонды славянских старопечатных книг. Согласие участвовать в работе дали библиотеки Болгарии, Польши, ГДР, Чехословакии, Югославии. К созданию каталога привлечены отдельные исследователи, занимающиеся проблемами истории славянского книгопечатания в Великобритании, США, Франции и некоторых других странах. В феврале 1980 г. в Государственной библиотеке СССР им. В. И. Ленина состоялось международное совещание специалистов НРБ, ПНР, СССР и ЧССР, в ходе которого были определены основные направления работы [18]. Предполагается подготовка двух типов изданий. Первое из них — собственно Сводный каталог — представляет собой хронологический перечень старопечатных изданий с краткими библиографическими описаниями и указанием всех сохранившихся экземпляров. Описание включает имя автора, название книги, сведения о месте издания, название типографии или имя типографа, дату выпуска издания в свет. Научный аппарат Сводного каталога содержит указатели заглавий, имен, типографий и книгохранилищ, в которых находятся сохранившиеся экземпляры издания.

Параллельно со Сводным каталогом ведется подготовка второго типа изданий — Описания старопечатных изданий кирилловского шрифта (а впоследствии — и глаголического шрифта) отдельных типографий. Каждый выпуск содержит размещенные в хронологическом порядке подробные описания изданий. Полностью воспроизведен текст титульного листа или заглавия, вынесенного в начало основного текста книги. Приведены сведения о месте издания, типографии или печатнике, о времени издания. Указан формат издания (в долях

inslav

печатного листа), а также формат полосы набора. Приведена листовая формула, состоящая из трех частей, объединяемых знаками равенства. В первой части указан состав издания в тетрадях, во второй — счет листов, в третьей — общее количество листов (или страниц). Далее указывается количество строк на полосе, даются сведения о характере и размещении сигнатуры, фолиации и пагинации, а также сведения о количестве красок и характере двухкрасочной печати. Описание включает сведения об основных структурных подразделениях книги с воспроизведением их названий, а также сведения о вариантах состава. Указывается размер 10 строк всех имеющихся в издании шрифтов. Приведены сведения о построчном размещении иллюстраций и орнамента, общем количестве досок и сделанных с них оттисков.

Важнейшей частью Описания старопечатных изданий кирилловского шрифта является подробное описание всех сохранившихся экземпляров. Указываются библиотеки, в которых они находятся, приводятся шифры или инвентарные номера, даются сведения о комплектности экземпляров. Приводятся записи, имеющиеся на полях и чистых листах экземпляра. Даны отсылки на литературные и библиографические источники, в которых описан данный экземпляр.

Поэкземплярный учет и описание старопечатных изданий как бы закрепляет их за библиотеками, устраняет возможность злоупотреблений, предотвращает расчленение экземпляра. Интересы сохранности фондов требуют, чтобы такие сведения стали необходимым элементом сводных каталогов редких и особо ценных изданий.

Изложенную нами методику иллюстрирует первый, во многих отношениях пробный, выпуск Описания старопечатных изданий кирилловского шрифта, который посвящен краковской типографии Швайпольта Фиоля [19]. Выпуск, изданный Государственной библиотекой СССР им. В. И. Ленина в 1979 г., сопровожден альбомом, в котором в натуральную величину репродуцированы шрифты, орнамент и иллюстрации изданий.

Второй выпуск Описания, посвященный типографии Гюрга Црноевича, должен быть подготовлен совместными усилиями Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина, Народной библиотеки СР Сербии, Библиотеки Матицы Сербской СФРЮ и Народной библиотеки им. Кирилла и Мефодия (НРБ), ибо большинство сохранившихся экземпляров этой черногорской типографии находятся в Болгарии и в Югославии. В Югославии находятся и единственные

inslav

экземпляры выпущенных этой типографией Октоиха пятигласника ок. 1494 г. и Молитвенника (Требника) 1495 г.[20]

Немалые трудности возникают при подготовке третьего выпуска Описания, который посвящен валашской типографии иеромонаха Макария. Два издания этой типографии — Служебник 1508 г. и Четвероевангелие 1512 г. — сохранились в сравнительно большом количестве экземпляров в книгохранилищах СССР, НРБ и СФРЮ. Однако Октоих 1510 г., вышедший из той же типографии, известен лишь в двух экземплярах, которые все еще остаются недоступными для широкого круга ученых-славистов; они находятся в Митрополичьей библиотеке г. Блаж (СР Румыния) и в Хиландарском монастыре на Афоне (Греция).

[1] Об этом говорит факт факсимильного воспроизведения этих трудов. Так, например, «Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кирилловскими буквами, 1491—1730» И. П. Каратаева (СПб., 1861) факсимильно воспроизведена в 1973 г. под руководством и с послесловием Л. Чурчича в г. Нови Сад (СФРЮ).

[2] *Симмонс Дж. С. Г.* О некоторых старопечатных кириллических книгах в Дублине. — Книга. Исследования и материалы, 1963, сб. 8, с. 254.

[3] *Немировский Е. Л.* Источниковедение и историография русского первопечатания. Автореф. дисс. . . . д-ра ист. наук. М., 1964, с. 22.

[4] *Немировский Е. Л.* Славянские инкунабулы и палеотипы кирилловского шрифта в книгохранилищах Советского Союза. — Сов. славяновед., 1968, № 1, с. 11—25.

[5] *Немировский Е. Л.* Заметки о славянском старопечатании. — В кн.: Книга и графика. М., 1972, с. 99—106.

[6] См. также сводный каталог черниговских изданий кирилловского шрифта — *Каменева Т. Н.* Черниговская типография, ее деятельность и издания. — Тр. ГБЛ, 1959, т. 3, с. 224—384.

[7] *Зернова А. С.* Методика описания старопечатных книг кирилловской печати. — Тр. ГБЛ, 1960, т. 4, с. 204—255; Работа с редкими и ценными изданиями. М., 1973, с. 17—96.

[8] См.: *Атанасов П.* Начало на българското книгопечатане. София, 1959; *Он же.* Уникален паметник на руската средновековна култура в Народната библиотека «Кирил и Методий». Славянската граматика от Иван Фьодоров в България. — Известия на Народна библиотека «Кирил и Методий», 1971, т. 12 (18), с. 61—80; *Он же.* Яков Крайков. Книжовник. Издател. График. XVI в. София, 1980; *Медаковић Д.* Графика српских штампаних књига XV—XVII века. Београд, 1958; *Чурчић Л.* Псалтир Божидара Вуковића из 1519—1520 године. — Зборник Матице српске за књижевност и језик, 1974, књ. 22/3, с. 463—486; *Demeny L., Simonescu D.* Un capitol important din vechea cultură romanească (Tetravanghelul, Sibiu, 1546). — Studii şi cercetări de documentare si bibliologie, 1965, N 1, supliment, s. 3—18.

[9] *Grasshoff H., Simmons J. S. G.* Ivan Fedorovs griechisch—russisch / kirchenslawisches Lesebuch von 1578 und der Gothaer Bukvar' von 1578/1580. Berlin, 1969.

inslav

[10] *Mircea I.-R.* De la Cracovia la Brasov: incunabulul din 1491. — Magazin istoric, 1972, N 8, p. 50—51; *Nadson A.* Skaryna's Prayer book. — The Journal of byelorussian Studies, 1972, v. 2, N 4, p. 339—358; *Анушкин А. И.* Виленская типография Скорины. — Книга. Исследования и материалы, 1975, сб. 30, с. 169—176.

[11] См.: *Атанасов П.* Славянската старопечатна сбирка на Народна библиотека «Ив. Вазов», Пловдив. — Библиотекар, 1971, № 2, с. 44—45; *Он же.* Украинские кириллические старопечатные книги XVI—XVII вв. в Болгарии. — Сов. славяновед., 1972, № 6, с. 72—83; *Он же.* Книги Ивана Федорова в Болгарии. — В кн.: Книга и графика. — М., 1972, с. 107—114; *Немировский Е. Л.* Издания Ш. Фиоля, Ф. Скорины и И. Федорова в книгохранилищах Варшавы и Кракова. — Сов. славяновед., 1975, № 5, с. 69—75 и др.

[12] *Nemirovskij E. L.* Gesamtkatalog alter Drücke in kyrillischer und glagolitischer Schrift. Theoretische und methodische Grundlagen. — Zentralblatt für Bibliothekswesen, 1981, N 1, S. 6—14.

[13] См.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Методические указания. Вып. 1. М., 1976, 32—41.

[14] См.: *Крминг А. А.* Славянские старопечатные книги глаголического шрифта в библиотеках СССР. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 101—125; *Он же.* Предварительный список старопечатных изданий глаголического шрифта XV—XVIII вв. — В кн.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. М., 1977, вып. 2, с. 12—50.

[15] *Nemirovskij E. L.* Die slawischen Inkunabeln in kyrillischer Schrift. — In: Beiträge zur Inkunabelkunde. Dritte Folge. Berlin, 1975, Bd. 5, S. 76—80.

[16] *Немировски Е. Л.* Рујанско Четворој еванђеље. — Библиотекар, 1966, № 5—6, с. 406—420; *Nazor A.* Kožičićev Bukvar. — Slovo. Časopis Staroslavenskog instituta, 1964, br. 14, s. 121—128.

[17] См.: *Горфункель А. Х.* Каталог книг кирилловской печати 16—17 веков. Л., 1970, с. 10; *Шайдакова М. Я.* Описание коллекции книг кирилловской печати XVI—XX вв. Горький, 1975, с. 18.

[18] См.: В помощь составителям Сводного каталога старопечатных изданий кирилловского и глаголического шрифтов. Материалы Международного совещания специалистов НРБ, ПНР, СССР и ЧССР по работе над Сводным каталогом. М., 1980.

[19] См.: *Немировский Е. Л.* Описание изданий типографии Швайпольта Фиоля. М., 1979 (Описание старопечатных изданий кирилловского шрифта, вып. I). 52 с., 8 таблиц.

[20] См.: Октоих од петог до осмог гласа из штампарије ђурђа Црнојевића. (Факсим. изд.). Београд, 1973.

inslav

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ ЗА РУБЕЖОМ

А. С. Мыльников

О СТАНОВЛЕНИИ СЛАВИСТИКИ В ГЕРМАНИИ (КОНЕЦ XVII — ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XVIII в.)

Наряду со Швецией Германия принадлежала к числу тех стран, за пределами славянского мира, где ранее всего произошло оформление в самостоятельную область знания славянских изучений. Если не касаться попыток трактовки средневековыми немецкими авторами прошлого и современного им положения соседних славянских народов [1], а также первых во многом разрозненных и эмпирических суждений на этот счет, связанных с распространением в XVI в. реформационных и ренессансных идей и появлением описаний европейских путешественников в Россию и другие славянские страны, то относительно устойчивые опыты сравнительного анализа языков, а равно некоторых аспектов истории и культуры славянских народов восходили в Германии к рубежу XVII—XVIII вв. Являясь составной частью германо-славянских контактов, они преимущественно были связаны с кругом пиэтистов в Галле во главе с профессором восточных языков местного университета А. Г. Франке (1663—1727), с деятельностью Х. В. Лудольфа (1655—1712), совершившего в 1692—1694 гг. поездку в Москву, лично познакомившегося там с Петром I и посвятившим ему изданную в Оксфорде в 1696 г. первую грамматику живого русского языка, и особенно с именем великого немецкого мыслителя и ученого-энциклопедиста Г. В. Лейбница (1646—1716) [2]. Все это в сочетании с той важной и одновременно весьма противоречивой ролью, которую сыграла в последующий период немецкая славистика, побуждает еще раз обратиться к конкретным обстоятельствам и причинам, стимулировавшим разработку в немецкой среде вопросов языка, истории и культуры славянских народов. Этот круг вопросов будет рассмотрен нами преимущественно на примере Хельмштедтского университета, связанного с общественно-культурной жизнью Брауншвейгско-Ганноверского (Нижнесаксонского) региона. В рамках его мы хронологически ограничиваемся в основном периодом от расцвета славистической

inslav

деятельности Г. Лейбница на рубеже XVII—XVIII вв. до конца 1730—начала 1740-х годов, когда центр славянских изучений переходит постепенно из Хельмштедтского в учрежденный в 1734 г. Геттингенский университет, при котором с 1739 г. начался выпуск «Ученых известий», где определенное место занимала и славистическая проблематика [3].

Предлагаемая статья написана на основе впервые рассматриваемых с точки зрения истории славистики материалов архива Хельмштедтского университета и личных фондов его профессоров, а также других рукописных и печатных источников, выявленных нами во время работы в 1979 и 1982 гг. в Вольфенбютельском отделении Нижнесаксонского земельного архива ФРГ, Библиотеке им. герцога Августа в Вольфенбютеле, Нижнесаксонской земельной библиотеке в Ганновере, отделе рукописей государственной и университетской библиотеки в Геттингене, фондах бывшей Университетской библиотеки в Хельмштедте. Пользуясь случаем, автор приносит благодарность администрации и сотрудникам этих учреждений за помощь, оказанную в розысках и сборе необходимых материалов. Кроме того, в ряде случаев привлекались книги и брошюры из замечательного собрания «Россика» Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

1. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Общее состояние, направленность и организационные формы раннего периода истории немецкой славистики в значительной мере отразили особенности местной культурной жизни, на которую накладывала отпечаток политическая раздробленность Германии, закрепленная Вестфальским мирным договором 1648 г. В результате, по словам Ф. Энгельса, «. . .германская Римская империя являлась государством лишь номинально. Власть имперских князей все больше приближалась к полному суверенитету» [4]. Такая ситуация, тормозившая и предельно затруднявшая процесс складывания немецкой нации, в области духовной жизни приводила к партикуляризму и к возникновению не одного, а нескольких, нередко взаимно соперничавших, культурных регионов и центров. В их числе находился и университет в Хельмштедте, состоявший до 1745 г. под двойным управлением Брауншвейг-Люнебургской династии дома Вельфов, из которых одна ветвь владела Брауншвейгским герцогством, имея резиденцию в городе Вольфенбютель (от-

inslav

чего нередко именовалась Брауншвейг-Вольфенбютельской), а другая — Ганноверским курфюршеством, глава которого Георг Людвиг являлся с 1714 г. одновременно и английским королем под именем Георга I.

Хотя между Ганновером и несравненно более слабым Брауншвейгом существовало соперничество, которое нередко принимало весьма острые формы, династическое родство и совместное управление Хельмштедтским университетом в какой-то мере содействовало интеграции культурной жизни обоих нижнесаксонских государств. Характерно, что Г. Лейбниц, живший в Ганновере и состоявший на службе у местного курфюрста, одновременно был тесно связан с правящим брауншвейгским герцогом Антоном Ульрихом (1685—1714), поручения которого выполнял и даже состоял в начале XVIII в. в должности библиотекаря Августианской библиотеки в Вольфенбютеле. Эта библиотека возникла несколькими годами ранее Хельмштедтского университета, в 1572 г. Благодаря покровительству брауншвейгского герцога Августа, по имени которого затем была названа (он правил в 1635—1666 гг.), уже в XVII в. она превратилась в одно из крупнейших в Германии хранилищ, сделавшись со временем выдающейся достопримечательностью Вольфенбютеля и приманкой для ученых и путешественников. Немаловажным фактором, который оказал несомненное воздействие на усиление в этом регионе интереса к России и славянскому миру в целом, были политические события рубежа XVII—XVIII вв. и выход России на театр европейской дипломатической жизни, ее союзные отношения с Польшей, Австрийской монархией и Пруссией, успешная борьба с гегемонией Швеции на Севере Европы, активизация русско-немецких торговых отношений после основания в 1703 г. Петербурга и ряд других политических и экономических факторов. Среди них заметную роль играл интерес к реформам и личности Петра I, который посетил Ганновер в 1697 и 1713 гг., встретившись во время второй поездки неподалеку от Брауншвейга с Антоном Ульрихом. Примечательно, что Х. Ф. Вебер, автор трехтомной апологетической публикации «Преображенная Россия», впервые изданной во Франкфурте-на-Майне в 1721 г. [5], находился в России с 1714 по 1719 г. в качестве ганноверского резидента.

Возросший авторитет России Антон Ульрих стремился использовать в своих политических интересах. Для упрочения международных позиций небольшого герцогства Антон Ульрих выдал в 1708 г. свою старшую внучку Елизавету Христину замуж за австрийского эрцгерцога и будущего

inslav

германского императора Карла VI, а вскоре, в 1711 г., после предварительных переговоров, в которых энергично участвовал и Г. Лейбниц, был заключен брак между другой внучкой Антона Ульриха, принцессой Шарлоттой Христиной Софией, и сыном Петра I, в то время наследником российского престола царевичем Алексеем.

В итоге Брауншвейгское герцогство стало первым в ряду других немецких государств, установивших не только дипломатические, но и династические контакты с Россией. Но на этом матримониальные связи между Вольфенбютелем не завершились. В 1716 г. Петр I выдал свою племянницу Екатерину, дочь покойного брата Ивана V, замуж за Мекленбург-Шверинского герцога Карла Леопольда. В 1718 г. от первого брака родилась Елизавета Екатерина Христина, жившая с 1722 г. в России и вошедшая в историю под именем Анны Леопольдовны. По настоянию императрицы Анны Ивановны она вышла замуж за принца Антона Ульриха-младшего, второго сына правящего Брауншвейг-Люнебургского герцога из Бевернской линии Фердинанда Альбрехта II.

Мы намеренно остановились на некоторых обстоятельствах династических связей Вольфенбютеля с Веной и Петербургом, а также на сопряженных с ними фактах (брачный контракт между Петербургом и Шверином и интерес к личности Петра I в Ганновере), поскольку они имели не только политические, но и культурные последствия. В частности, по случаю свадебных торжеств появлялись генеалогические трактаты и панегирики, в которых затрагивались и некоторые общеславянские темы, а научные связи и книжный обмен, дополнявшиеся, например, личным знакомством и перепиской между Г. Лейбницем и Петром I, способствовали взаимному обмену культурной информацией как с Россией, так и с монархией Габсбургов, в составе которой проживали многие западно- и южнославянские народы. Все это, как мы увидим ниже, имело непосредственное отношение к процессу становления немецкой славистики.

Эта проблематика в целом еще не получила надлежащего освещения, хотя отдельные ее аспекты, важные для последующего изложения, давно уже находятся в поле зрения исследователей [6]. Однако эти работы, порой содержащие ценные фактические сведения, были написаны с позиций буржуазной методологии. Они страдали описательностью, которая зачастую сочеталась с пропагандой националистических взглядов и односторонней трактовкой вклада немецких ученых в разработку проблем языка, истории и

inslav

культуры славянских народов. Такой подход, хотя и в несколько модернизированном виде, продолжает в значительной мере сохраняться и в современной западногерманской историографии, касающейся немецко-славянских отношений и, в частности, характеристики так называемого образа России в сознании немецкого общества интересующего нас времени [7].

С принципиально иных позиций вопросы ранней истории немецкой славистики интенсивно разрабатываются историками и литературоведами ГДР. Уже вскоре после окончания второй мировой войны, в 1946 г. берлинское издательство «Академи ферлаг» выпустило в свет серьезную монографию Л. Рихтер «Образ России у Лейбница», в которой славистические интересы ученого трактовались в контексте взаимных немецко-русских контактов той эпохи. В последующие годы увидели свет ценные исследования Х. Грасхофа, Э. Доннерта, Х. Кунстмана, Г. Розенфельда, Л. Фейла, П. Хофмана и других авторов из ГДР, в которых многие аспекты раннего этапа славянских изучений в Германии, отчасти затрагивающие и интересующий нас Брауншвейгско-Ганноверский регион, получили дальнейшую разработку. В этом смысле первостепенное значение для рассматриваемой темы имели обобщающие труды Э. Винтера и Х. Рааба.

Выдающийся специалист в области истории общественной мысли славянских народов и германо-славянских связей Э. Винтер наиболее подробно затронул интересующую нас проблематику в двух капитальных монографиях о славистической деятельности университета в Галле [8]. Обе книги в совокупности воссоздают широкую картину становления славистики в этом регионе Германии.

Богатством содержащихся в ней материалов отмечена монографическая статья Х. Рааба «Начало славистических изучений в Северной Германии, в том числе в Мекленбурге и Померании» (1955—1956 гг.) [9]. Основное внимание автор этой работы сосредоточил на освещении славистических исследований в Мекленбурге и Померании в Петровскую эпоху и ближайшие к ней десятилетия, в том числе в университетах Ростока и Грайфсвальда. Все это, по мнению Х. Рааба, способствовало развитию в Германии славянской и русской филологии. В целом труды Э. Винтера, Х. Рааба и ряда других исследователей из ГДР, внесших вклад в разработку этой тематики, оказали воздействие и на некоторых серьезных западногерманских исследователей [10].

Обозревая историографию проблемы и отмечая содержащиеся в ней многие важные для нашей темы материалы, кон-

inslav

кретные замечания и более общие наблюдения и выводы, приходится, однако, признать, что процесс становления славянских изучений в Брауншвейгско-Ганноверском регионе до сих пор не стал предметом самостоятельного исследования. Думается, что одной из решающих причин этого было недостаточно ясное представление о сущности самого процесса становления славистики и неразработанность методики исследования этого процесса.

При рассмотрении этой проблематики на материалах Хельмштедтского университета, а отчасти и на более широком фоне в статье применена разработанная нами методика системно-регионального подхода [11]. Эта методика предполагает совокупное рассмотрение общественных, гносеологических и личностных факторов, обеспечивающих возникновение системного единства анализируемой культурно-исторической категории в рамках отдельных историко-культурных регионов. Учитывая отмечавшийся выше партикуляризм духовного развития Германии интересующего нас периода, это имеет особое значение. Не повторяя подробно основные параметры системно-регионального подхода, отметим, применительно к избранной теме, его главные аспекты. Мы исходим из того, что зачинатели славистики, которые зачастую таковыми себя и не считали, жили и работали в рамках определенных культурных центров, составлявших своеобразную систему. Она включала учреждения, в которых эти лица служили или с которыми были связаны библиотеки, архивы и иные, в том числе личные, собрания, которыми пользовались; круг повседневных бытовых и научных контактов и т. д. Все эти факторы рассматриваются совокупно как система, взятая на уровне микроструктур, но пространственно — в нашем случае, регионально ограниченная. Названный подход сочетается с методом книговедческого анализа, суть которого состоит в оценке книги как исторического источника по формуле: «анализ данного экземпляра — история данного книжного собрания — репертуар книги данной эпохи» [12].

2. О СЛАВИСТИЧЕСКИХ ЗАНЯТИЯХ Г. ЛЕЙБНИЦА

Г. Лейбниц, как хорошо известно, оказал огромное влияние на формирование научного подхода к изучению славянского мира. Важную роль играло его отношение к прошлому и настоящему России. По образному определению одного из исследователей, в своем отношении к России Лейбниц «из Савла стал Павлом» [13]. В самом деле, первоначально

inslav

с предубеждением относясь к восточному соседу, он в конце XVII в. резко изменил свои взгляды. Лейбниц приветствовал реформаторскую деятельность Петра I, с которым пять раз встречался лично, и по просьбе которого разработал несколько проектов экономического и культурного развития России[14]. Одновременно Г. Лейбниц интересовался и другими славянами, их местом в мировой истории. И. В. Ягич, высоко ценивший заслуги немецкого ученого в исследовании славянских языков и древностей, справедливо отмечал, что его работы в этих областях «носят на себе отпечаток гениальности»[15]. Свои занятия лингвистикой Г. Лейбниц соотносил с историей славяно-германских связей, полагая, что из всех европейских народов славяне и германцы в языковом отношении наиболее близки друг другу[16]. Впрочем, вопросы, связанные с ролью Г. Лейбница в развитии немецко-русских связей и в истории славистики, которые уже были и, несомненно, еще будут предметом специального рассмотрения, непосредственно не входят в круг стоящих перед нами задач. Но в интересах последующего изложения все же хотелось бы остановиться на некоторых особенностях славистических занятий Г. Лейбница.

Помимо характерного для Г. Лейбница живого интереса к современной ему политической жизни, в которой славянский мир во главе с Россией и Польшей того времени играл заметную роль, изначально внимание Г. Лейбница к славянской теме в значительной мере было связано с размышлениями о происхождении языков народов мира в целом. А для этого требовалось установить место и соподчиненность славянских языков в ряде других языков. Разрабатывая своего рода лингвистическую генеалогию, Г. Лейбниц выделил группу славянских языков, к которым относил русский, польский, чешский (по его терминологии: чешский и моравский), хорватский (по его терминологии: далматинский и славонский), вендский (в Лужицах, Бранденбурге и Люнебурге), словацкий и словенский (в Каринтии и Крайне). Лейбниц рассматривал эти языки в системе яфетических и арамейских языков народов Европы, Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии и Северо-Восточной Африки, которые в свою очередь возводил к общему языку. Для начала XVIII в., когда научная разработка славянских языков была еще недостаточной и когда зачастую вендов смешивали с вандалами или относили пруссов и литовцев к славянам, — для той эпохи классификация, предложенная великим немецким ученым, означала значительный шаг вперед. Ее отличали, во-первых, широкий сравнительно-лингвистический

inslav

подход и, во-вторых, отчетливо выраженное чувство историзма. «Языки говорят как народы», — заявлял Г. Лейбниц в 1712 г.[17]

С этой проблематикой был тесно связан вопрос о круге источников, которыми при ее разработке пользовался Г. Лейбниц. И здесь нужно отметить его научную переписку, которая сопровождала и зачастую дополняла изучение Г. Лейбницем современной и доступной ему научной литературы. В числе его корреспондентов находились, например, известный немецкий ориенталист И. Лудольф, владевший также церковнославянским и польским языками, его племянник, упоминавшийся выше Х. В. Лудольф, автор оксфордской грамматики русского языка, а также польский математик иезуит А. А. Коханьский, связанный со своими собратьями по этому ордену в Польше, Чехии и России. Переписка с А. А. Коханьским, начавшаяся в 1670 г., в основном была посвящена математике и естественным наукам, хотя определенное место в ней со временем стали занимать и славистические аспекты. Так, в письме 27 мая 1695 г. А. А. Коханьский приводил сравнения ряда слов и словосочетаний на венгерском, чешском и польском языках, сопровождая их латинскими и греческими параллелями [18]. В некоторых письмах со ссылками на информацию от иезуитской миссии в Москве, он сообщал Г. Лейбницу политические новости о России — о взаимоотношениях молодого Петра I с московским патриархом, о русско-китайских отношениях, а также отдельные сведения из истории России [19]. Но наибольшее значение для эволюции славистических занятий Г. Лейбница имела, конечно, его полностью до сих пор не опубликованная переписка с выдающимся шведским филологом и государственным деятелем И. Г. Спарвенфельдом. Интерес к нему со стороны Лейбница не был случаен: в составе шведской дипломатической миссии Спарвенфельд приехал в 1684 г. в Москву, где ему удалось пробыть до 1687 г., использовав это время для изучения русского языка и собирания рукописных и печатных лексикографических трудов русских, украинских и белорусских авторов, которые затем он вывез с собой.

До сих пор среди материалов Спарвенфельда в Библиотеке Упсальского университета сохраняются списки «Латинско-славянского словаря» К. Славинецкого, «Славяно-латинского словаря» Е. Славинецкого и А. Корецкого-Сатановского, «Лексикон языков польского и славенского» Симеона Полоцкого, рукопись записок Г. К. Котошихина о России XVII в., издания «Лексикона» П. Берынды и

inslav

«Грамматики» М. Смотрицкого и другие рукописные и печатные источники восточнославянского происхождения [20]. На их основе И. Г. Спарвенфельд на протяжении более двух десятилетий с привлечением славянских переписчиков работал над составлением четырехтомного славяно-латинского словаря. Использование И. Г. Спарвенфельдом, так же как и Х. В. Лудольфом в его «Русской грамматике», лексикографических трудов, возникших в украинско-белорусско-русской среде XVII в., было достаточно симптоматичным: оно показывало, что эти труды наряду с аналогичными трудами, создававшимися в зарубежной славянской среде, являлись важнейшими источниками славянских изучений, зарождавшихся в Швеции и в Германии на рубеже XVII—XVIII вв. Об этом со всей очевидностью свидетельствовала переписка Г. Лейбница с И. Г. Спарвенфельдом, начавшаяся 6 декабря 1695 г. Она, по справедливому замечанию Х. Рааба, оказала глубокое влияние на славистические занятия Г. Лейбница [21].

Действительно, для него И. Г. Спарвенфельд, собравший необходимые материалы в Москве и приступивший на их основе к словарной работе, являлся одним из наиболее важных, может быть, даже важнейшим информатором. Так, в письме 29 января 1697 г. Г. Лейбниц извещал своего шведского корреспондента о получении грамматики Х. В. Лудольфа, где затрагивался вопрос о различии между живым русским языком («обыденным языком московитов») и церковнославянским языком («языком науки в Московии»). В этой связи Лейбниц запрашивал мнение И. Г. Спарвенфельда об соотношении польского и чешского языков с церковнославянским [22].

В письме И. Г. Спарвенфельда 3 (13) марта того же 1697 г., по-видимому, являвшемся ответом на январское письмо Г. Лейбница, содержались суждения об изучении славянских языков, матерью которых шведский ученый считал церковнославянский язык и как наиболее близкий к нему называл «иллирийский», т. е. хорватский. Как далее сообщал И. Г. Спарвенфельд, он «написал в Англию, чтобы увидеть, напечатали ли в театре Оксфорда (т. е. в университетской типографии, расположенной в здании Шелдонского театра, построенном Ж. Шелдоном, епископом Кентерберийским. — *А. М.*) мой латинско-славянский и славянско-латинский словарь вместе с полной грамматикой чистого славянского (т. е. церковнославянского. — *А. М.*) языка».

И. Г. Спарвенфельд подчеркивал, что он мечтает при составлении сравнительной грамматики добавить, помимо

inslav

церковнославянского, из материала «иллирийского», польского и чешского языков. В этой связи он перечислял книги, которые необходимо знать для сопоставительного анализа этих языков, выделяя «Грамматику чешского языка» В. Розы (Прага, 1672) и, особенно, грамматику словенского языка А. Богорича, изданную в Витенберге в 1584 г. (заметим, что эту книгу высоко ценил В. Лейбниц, писавший о ней своему шведскому корреспонденту 13 июля 1697 г. из Вольфенбютеля) [23].

Продолжая обмен мнениями по интересовавшим их вопросам, И. Г. Спарвенфельд выслал Г. Лейбницу 26 апреля 1699 г. письмо с чрезвычайно любопытным приложением. Это было, по словам Спарвенфельда, «обозрение славяно-русского языка» или своего рода сжатая характеристика основ грамматики, написанная по-латыни и умещенная на семи больших листах. «Обозрение» построено в виде таблицы с пояснениями и комментариями. Основное внимание уделено кириллическому алфавиту: приведено его цифровое значение, написание прописных и строчных букв, их соответствие глаголице («буквице»), наименование букв по-русски, в латинской транскрипции и в переводе на латинский язык, а также их соответствие греческому и латинскому алфавитам. Примечательно, что И. Г. Спарвенфельд в целях большей наглядности поясняет звучание букв «славяно-русского алфавита» не только по-немецки, по-французски и по-итальянски, но — и это следует особенно подчеркнуть — на других славянских языках (польском, чешском, «иллирийском»). Этим «Обозрение» приобретает не только сравнительно-лингвистический, но и славистический характер.

Комментируя составленную им таблицу, И. Г. Спарвенфельд перечисляет гласные и согласные с пояснением на конкретных примерах их роли, показывает значение твердого и мягкого знаков, объясняет правила употребления букв для передачи многозначных цифр, кратко описывает такие грамматические категории, как склонение существительных и их деление на мужской, женский и средний род и т. д. Эти ценные материалы, отразившие не только литературные источники, но и личное знакомство И. Г. Спарвенфельда с русским разговорным языком того времени, заслуживают в дальнейшем специального изучения и публикации [24].

Как видно из переписки, Г. Лейбниц высоко ценил глубокие познания И. Г. Спарвенфельда в области славянской лингвистики и особенно хорошее знание им лексикологиче-

inslav

ских трудов московских ученых-книжников XVII в. В конце 1697 г., выражая надежду на скорейшее издание славянского словаря и грамматики И. Г. Спарвенфельда, он писал: «Я бы сам изучил словарь, ибо убежден в важности этого языка» [25]. Фраза тем более примечательна, что в эти годы Г. Лейбниц сам занимался опытами сопоставления разных славянских языков, причем не только с помощью соответствующей литературы, но и посредством контактов с живыми носителями этих языков. Среди таких информаторов Г. Лейбница находился, например, словак Матиас Забани, который по его рекомендации в 1699 г. прибыл в Стокгольм и стал работать переписчиком у И. Г. Спарвенфельда. Последний сообщал 19 августа 1702 г., что М. Забани переписывает для завершения его словаря то, «что остается от русского Калепина» [26]. Это указание чрезвычайно существенно для характеристики реальных источников труда, который подготавливал шведский ученый: речь, несомненно, шла о сочинении Е. Славинецкого «Лексикон латинский з Калепина преложенный на славенский», в основе латинской части которого лежал широко известный тогда словарь итальянского лингвиста А. Калепино (1502). Этот пример вновь подтверждает отмечавшуюся выше зависимость славистических штудий И. Г. Спарвенфельда (а через него — Лейбница) от работ московских ученых XVII в.

Интерес к русскому языку побуждал Г. Лейбница к сопоставительному анализу славянских языков, а это в свою очередь заставляло его обращаться к прошлому и настоящему славян, к истории их письменности и древностей и в конечном счете к вопросам их происхождения и первоначального расселения. И здесь следует со всей определенностью подчеркнуть пристальное внимание Г. Лейбница к поморским и полабским славянам, в том числе к остаткам этих племен, спорадически еще сохранявшимся в конце XVII—первой половине XVIII в. в районе Люнебурга (так называемый Вендланд). О целенаправленности такого интереса свидетельствовала, например, статья Г. Лейбница об этих племенах, написанная в форме письма к Г. Митхофу в 1691 г.[27] Этой темы он неоднократно касался и в переписке с И. Г. Спарвенфельдом. Так, в конце 1697 г. он выслал в Стокгольм «малецький листок со словами вендов из округи Люнебурга» [28]. А 27 декабря 1698 г. он упоминал о серболужицком языке, который определял как «чешский деревенский язык в Германии» [29].

Не отрицая возможного воздействия биографических факторов (П. П. Пекарский в свое время отмечал, что соб-

inslav

ственную генеалогию Г. Лейбниц возводил к местной славянской среде), мы полагаем, что в основе такого регионального интереса лежали более веские причины: стремление Г. Лейбница использовать как «мертвые», так и «живые» памятники славянских древностей для решения конкретных исторических и лингвистических вопросов. Показательно в этом смысле письмо Г. Лейбница, которое он направил 10 апреля 1710 г. хранителю королевской библиотеки в Берлине М. В. Лакрозу. Касаясь версии о варяжском (с точки зрения Лейбница — датском) происхождении Рюрика, он полагал, что тот прибыл в Новгород не из Скандинавии, а из Вагрии — области, где, как Г. Лейбниц писал, «расположен Любек, который считался в старину за принадлежащий славянам». Поясняя свою мысль, он продолжал: «Вагры, Оботриты, т. е. обитатели окрестностей Любека в Мекленбургии, а также в Люнебурге, были все славяне. Теперь эта страна повсюду населена германскими народами или сделавшимися таковыми» [30]. Независимо в данном случае от оценки взгляда Г. Лейбница по существу (а сходные предположения позднее высказывались и некоторыми русскими авторами) приведенная мысль примечательна как один из примеров использования Г. Лейбницем знаний о древних славянских поселениях на территории Германии, а отчасти и как свидетельство понимания им сложности процесса формирования немецкого этноса, включавшего в свою орбиту и славянские этнические компоненты. Этот аспект славистических занятий Г. Лейбница особенно важен для нашей темы потому, что первым ученым в этом регионе Германии, кто продолжил в духе Г. Лейбница разработку и освещение славянской проблематики, был его ученик Иоган Георг Экхарт (1664—1735).

Выходец из семьи лесничего, И. Г. Экхарт окончил Лейпцигский университет, где, вопреки желанию родителей, изучал не богословие, а историю и филологию. В 1694 г. он переехал в Ганновер, где на него вскоре обратил внимание Г. Лейбниц, нуждавшийся в толковых помощниках — дело в том, что с 1685 г. он являлся фактически историографом ганноверского курфюрста и по его поручению работал над сбором материалов по истории династии Вельфов («Origines Guelphica»). Под руководством Г. Лейбница Экхарт прошел хорошую научную школу и наряду со своим учителем стал одним из основоположников немецкой критической историографии.

Высоко ценя исторические и лингвистические познания своего ученика, Г. Лейбниц давал ему ряд ответственных

inslav

научных поручений. С предисловием И. Г. Экхарта в 1717 г. вышел посмертно в свет сборник этимологических работ Г. Лейбница, среди которых имелись и наблюдения славистического характера (включая упоминавшуюся статью-письмо Г. Митхофу о «вендах» Люнебурга). В переписке с ним Г. Лейбниц затрагивал многие вопросы источниковедения, историографии и организации исторических исследований и некоторые другие темы. Отметим, что в письме из Вены 12 апреля 1713 г. Г. Лейбниц сообщал И. Г. Экхарту о знакомстве «с сыном сиятельного графа Джанини»[31], по-видимому, речь шла о Ф. Джанини, видном деятеле культурной жизни Моравии, который был одним из учредителей и активных участников первого не только в Чешских землях, но и в Австрийской монархии раннепросветительского «Общества неизвестных литераторов», существовавшего в Оломоуце в 1746—1751 гг. В свою очередь И. Г. Экхарт переписывался не только с Г. Лейбницем, но и с рядом других немецких ученых, в частности с М. В. Лакрозом, интересовавшимся славянскими языками. В письме к последнему 26 июня 1714 г. он отмечал участие Г. Лейбница в подборе кандидатур профессоров истории Хельмштедтского университета[32]. Так через И. Г. Экхарта протягивалась нить славистических интересов, соединявшая Г. Лейбница и Хельмштедтский университет.

3. СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В УЧЕБНЫХ ПРОГРАММАХ ХЕЛЬМШТЕДТСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Хельмштедтский университет, в рассматриваемый период состоявший, как отмечалось выше, под совместным управлением ганноверской и брауншвейгской ветви Вельфов (причем влияние первой явно преобладало), был основан брауншвейг-вольфенбютельским герцогом Юлиусом в 1576 г. в качестве протестантского научного и учебно-педагогического центра. Во второй половине XVII в. он приобрел репутацию одного из лучших германских университетов. По европейской традиции он состоял из четырех факультетов — богословского, философского, юридического и медицинского. Составной частью университета было богатое собрание книг периодических изданий и рукописей. После того как в период наполеоновской оккупации в 1810 г. университет был закрыт, сложившаяся при нем библиотека в основном перешла в Августианскую библиотеку в Вольфенбютеле, отдельные части ее остались в Хельмштедте[33].

Университет притягивал к себе в XVIII в. студентов не только из различных частей Германии, в том числе из серб-

inslav

ских Лужиц, но и из протестантской среды таких стран, как Польша и славянские области Австрийской монархии, где господствующие позиции принадлежали католицизму. Этнический состав студентов, представляющий интерес для истории как славистики, так и славяно-германских отношений, до сих пор, насколько нам известно, специально не рассматривался, хотя сохранившиеся в университетском архиве документы позволяют полагать, что такое рассмотрение могло бы стать плодотворным.

Так, из дел об иностранных студентах, прибывавших в Хельмштедт, видно, что в 1717 г. на имя ганноверского курфюрста и английского короля Георга I с просьбой разрешить студентам-лютеранам из Польши и Литвы обучаться в здешнем университете обращался пастор из Вильны по имени Богуслав Копиевич. Между прочим, было бы небезынтересно выяснить его отношение к Илье Копиевскому (Копиевичу), который по поручению Петра I принимал участие с 1698 г. в издании русских книг в Амстердаме [34]. В конфессиональном отношении, как и виленский пастор, он был тоже протестантом. Прошение Б. Копиевича было удовлетворено, и в 1721—1752 гг. в Хельмштедтском университете училось, преимущественно на медицинском и теологическом факультетах, до десятка студентов из Речи Посполитой (Михаил Бэпкин, Глинский, Михаил Клоц, Людовик Кноблох, Якоб Редиус, Христиан Тилеман и др.) [35].

Если принять во внимание религиозно-политические мотивы, имевшие тогда значительную общественную остроту и актуальность, то становится понятным обращение отдельных профессоров Хельмштедтского университета, в частности юридического и богословского факультетов, уже в первые десятилетия его существования к отдельным аспектам славянской тематики, например к гуситскому (как антикатолическому) движению в Чешских землях или к деятельности польских социниан. Однако, как показал проведенный нами анализ печатных и рукописных учебных планов за 1700—1740-е годы, преимущественное внимание этой тематике уделялось на философском факультете, в курсах всеобщей истории. И первым профессором, который целенаправленно вводил в рамки этого курса историю России и других славянских стран, был ученик Г. Лейбница И. Г. Экхарт, занимавший должность ординарного профессора этого факультета с 1706 по 1714 г.

Конечно, И. Г. Экхарт прежде всего специалист по германской истории. Он и отозван был в 1714 г. в Ганновер, чтобы продолжить начатую Г. Лейбницем работу по истории

islav

династии Вельфов. Позднее в Лейпциге был издан важнейший труд И. Г. Экхарта — по истории Германии эпохи Карла Великого[36]. Но при этом он был ученым, который широко для своего времени понимал исторический процесс, о чем позволяют судить выявленные нами в архиве Хельмштедтского университета планы лекционных курсов И. Г. Экхарта.

Показательно, что он затрагивал разнообразный круг вопросов истории народов Восточной Европы, прежде всего России и соседних с ней государств. Так, в течение осеннего семестра 1708 г. И. Г. Экхарт в контексте своего курса останавливался на истории украинского казачества и Киева, на развитии и расширении Московского государства, в том числе и на характеристике царского дома, денежной и военной системы России, на истории Новгорода и на ряде смежных вопросов[37]. В следующих лекциях он продолжал освещение истории России XVII—начала XVIII в., затрагивая в этой связи историю Литвы и Финляндии, возвращение Петром I в ходе тогда еще не закончившейся войны со Швецией исконных новгородских земель (Ингерманландии) и основание Петербурга[38]. Чтобы оценить общественно-политическую остроту избранной И. Г. Экхартом проблематики, напомним, что указанные лекции он прочитал почти за год до решающего Полтавского сражения.

Конечно, одни лекционные планы при всей их ценности не могут раскрыть уровень и конкретное содержание того, о чем говорил хельмштедтским студентам И. Г. Экхарт. По счастью, нам удалось связать с этими лекционными планами несколько рукописей ученого, хранящихся в Ганноверской (бывшей королевской) библиотеке. Наиболее ценная и обширная из этих рукописей, написанная по-латыни, условно может быть названа «Набросок лекции по истории России с древнейших времен до начала XVIII в.»[39] Судя по упоминанию в ней трактата И. Г. Экхарта рукопись была составлена между 1711—1714 гг. Она представляет собой черновой и беловой варианты текста лекции с приложением библиографических заметок, выписок и различных дополнений.

В беловом автографе, несколько расширенном и обработанном по сравнению с черновым вариантом, И. Г. Экхарт определяет общее содержание курса всеобщей истории, указывая, что основными его частями является история Германской империи и других европейских государств. Наиболее важным из них после Германской империи по размерам и ближайшему соседству И. Г. Экхарт называет «Великое

inslav

Русское самодержавное государство», которое, как он подчеркивал, раскинулось на территории большей части Европы и Азии и граничит с Китайской империей.

Опираясь на обширный круг источников — от сочинений античных и византийских писателей до книг немецких и других европейских ученых и путешественников XVI—XVII вв., И. Г. Экхарт вкратце характеризует древний, средний и современный периоды в истории России. Он начинает свое изложение с первых веков новой эры, перечисляя народы, обитавшие на территории России. Сперва он упоминает киммерийцев, которых, по его мнению сменили скифы и родственные им сарматы, а затем аллапы и роксолапы, которые превратились в русских. В целом лекция носит скорее историографический характер, обнаруживая поразительную для того времени и для тех условий начитанность И. Г. Экхарта. Так, при освещении истории России последующего периода он выделяет труды, авторы которых, такие, как польский историк XV в. Ян Длугош и австрийский дипломат С. Герберштейн, посетивший Москву в 1517 и 1526 гг., цитировали, как говорит Экхарт, «русские летописи, писанные отечественным языком», или ссылались на них. Подобное внимание к первоисточникам истории России свидетельствовало не только о добросовестности И. Г. Экхарта, но и о высоком уровне его профессионального мастерства как источниковеда. Примеров тому немало. Так, он почти исчерпывающе перечисляет работы западноевропейских авторов о России XVII в. Он ссылается, например, на книгу виттенбергского историка К. Шурцфляйша «О бунте Разина» — речь, очевидно, шла о диссертации И. Мартиуса, выполненной под руководством К. Шурцфляйша. Она была издана под русским названием «Стенко Разинъ Донски Козакъ Изменникъ» в Виттенберге в 1674 г. и переиздана с измененным заглавием в Лейпциге в 1698 г. Обращает на себя внимание и другое: имя К. Шурцфляйша упоминается также в переписке Г. Лейбница с И. Г. Спарвенфельдом. Озабоченный тем, чтобы достать книгу А. Богорича о словенском языке, и рекомендуя ее вниманию шведского ученого, Г. Лейбниц в конце 1697 г. писал, что эта книга, по слухам, имеется в библиотеке «ученого профессора из Виттенберга» Шурцфляйша [40]. По-видимому, И. Г. Спарвенфельд не очень надеялся на получение книги из указанного Г. Лейбницем источника. Во всяком случае он 11 января 1698 г. иронически замечал: «Знания Шурцфляйша слишком химерические и архипедантичные, если то, что он спрятал в своей библиотеке и в своей душе, не соответствует тому,

inslav

что находится в сфере его интересов»[41]. Как бы то ни было, можно предположить, что о названной выше книге И. Г. Экхарт впервые услышал от Г. Лейбница, начав работать под его руководством в Ганновере.

В целом охарактеризованный автограф показывает, что лекции И. Г. Экхарта, в которых он говорил о России, стояли на высоком для исторической науки того времени уровне. Об этом позволяют судить и сделанные по-немецки наброски, посвященные истории Чехии[42], а также заметки о Венгрии и Трансильвании[43]. Если в первом случае он приводит подробную хронологию чешских князей и королей до XIV в., то во втором его занимают прежде всего вопросы истории Паннонии и Дакии в эпоху античности.

Лекционные планы и некоторые сохранившиеся к ним материалы позволяют заключить, что обращение И. Г. Экхарта к русской и общеславянской тематике не было случайным, а отражало сферу его научных интересов и серьезных размышлений. Не удивительно, что именно ему было поручено подготовить трактат по случаю бракосочетания царевича Алексея Петровича и брауншвейг-вольфенбютельской принцессы Шарлоты Христины Софии в 1711 г. К этому трактату мы вскоре вернемся, отметив пока, что И. Г. Экхарт рассматривал его не только как дань политическому случаю, но как начало большого труда по древнерусской истории. О наличии у него такого замысла позволяет заключить одно из замечаний И. Г. Экхарта: касаясь упоминаний в русских летописях и европейских хрониках о происхождении Рюрика от варягов, он отмечал, что русские и греки именовали варягами норвежцев и датчан, и обещал подробнее рассмотреть этот вопрос в подготавливаемом им труде о русских древностях («Das aber . . . soll in meinem bald aufgefertigtem Tractate von dem Alterthum der Russen völlig ausgeführet werden»)[44]. Этот замысел реализован не был, но, судя по словам автора, работа над ним велась, что не исключает возможности обнаружения ее рукописи в будущем.

После того как Экхарт покинул Хельмштедтский университет, чтение лекций по всеобщей истории вскоре продолжил Симон Фредерик Хан (1692—1729). Он с 1717 по 1724 г. занимал место ординарного профессора, а затем, как ранее И. Г. Экхарт, был отозван в Ганновер для участия в написании «Истории Вельфов». Лекции С. Ф. Хана, подобно его предшественнику, отличались широтой тематики, хотя уже в лекционном плане в июне 1717 г. он заявил, что преимущественное внимание будет уделять истории австрийской мо-

inslav

нархии Габсбургов[45]. Это вполне соответствовало области научных занятий Хана, который как раз в Хельмштедте завершил свой капитальный четырехтомный труд «Полное введение в историю государства, права и императоров Германии» (Галле, Лейпциг, 1721—1724): напомним, что корону Германской империи с 1438 г. с некоторыми перерывами удерживали австрийские эрцгерцоги из дома Габсбургов.

Основываясь на широком круге источников, Хан неоднократно ссылался на указания славянской анналистики (Видукинд, Дитмар, Козьма Пражский и др.), а также на исторические сочинения чешских историков В. Гайка, Б. Бальбина и др. Нередко ссылки эти приобретали характер кратких комментариев, в которых Хан давал свою оценку приводимым в источниках фактам, сопоставлял данные летописей и исторических трудов XVI—XVII вв. В этом смысле Хана можно считать одним из первых немецких историографов славянской истории[46].

Внимание к этим аспектам побуждало Хана и в лекциях говорить не только о собственно Австрии, но и о других народах (венграх и славянах), находившихся под властью австрийских эрцгерцогов—германских императоров. Примечательно, что этих сюжетов Хан касался не только в учебных курсах, но и в открытых лекциях, которые по установившейся традиции время от времени устраивал «для публики» Хельмштедтский университет. Как видно из найденного нами плана его выступлений 1718 г. («In explicanda Austriacae gentis Historia perrexiet»), наряду с характеристикой политики австрийских монархов, включая германских императоров конца XVII—начала XVIII в. Леопольда I и Иосифа I, С. Ф. Хан освещал и историческое развитие подвластных им, а также части прилегающих балканских территорий. В обнаруженном нами плане, в частности, значились в следующем порядке темы лекций по истории Венгрии, Чехии, Далмации, Хорватии и Славонии, Болгарии и Сербии, Боснии и Герцеговины. Сама тематика лекций, обращенных не только к студенческой, но и к более широкой аудитории в сочетании с фактом их чтения в Хельмштедте в 1718 г. — все это представляло собой незаурядное явление в истории славянских изучений в Германии[47].

К сожалению, пока не удалось обнаружить каких-либо документов, способных пролить свет на содержание лекций С. Ф. Хана, в связи с чем возможно лишь высказать несколько предположений на этот счет. Прежде всего из названий лекций видно, что в соответствии с ситуацией и представлениями того времени, С. Ф. Хан трактовал историю не народов,

inslav

а занимаемых ими территорий. Далее, хорошее знание литературы и источников о ряде славянских народов, отразившееся в упомянутом выше труде по политической истории Германской империи, С. Ф. Хан, несомненно, использовал и при подготовке этих лекций. Наконец, нельзя не обратить внимания на то, что одна из тем была посвящена Болгарии, которая входила в состав Османской империи и была в европейской науке вообще мало известна. Учитывая государственно-политический подход С. Ф. Хана, представляется наиболее вероятным, что он рассматривал историю Болгарии, как и историю Сербии, до утраты ими независимости в XIV в. Что касается использованных С. Ф. Ханом материалов, то круг их в то время был весьма ограниченным. Наиболее вероятным было привлечение книги далматинского историка Мавро Орбини «Славянское царство» (1601) и многотомной церковной истории Цезаря Бароция [48]. Не исключено также, что С. Ф. Хан затрагивал вопросы происхождения болгар и связей между волжской и дунайской Болгарией. Этот сюжет на рубеже XVII—XVIII вв. привлекал к себе все большее внимание европейских ученых. Он занимал, в частности, Г. Лейбница, с кругом которого С. Ф. Хан был связан. Так, в 1697 г. в уже цитированном письме к И. Г. Спарвенфельду Г. Лейбниц замечал: «Я хотел бы точно так же знать, являются ли древние болгары, пришедшие в Болгарию, принадлежащими к славянскому или какому-либо другому языку; и имеется ли в современном болгарском некоторое количество слов из их древнего языка?»[49].

После отозвания С. Ф. Хана в Ганновер должность профессора всеобщей истории оказалась на некоторое время вакантной. В связи с этим, как гласит запись от 26 апреля 1725 г. в «Каталоге деканов и профессоров», чтение курса было поручено профессору Поликарпу Лайзеру (1690—1728) [50], приехавшему в Хельмштедт из Виттенбергского университета еще в 1718 г. Это был разносторонне образованный человек, в сферу научных интересов которого, помимо художественной литературы как главной области его занятий, входили также история, история права и даже технология. Кроме того, по заказам дворянских семей Лайзер составлял многочисленные генеалогические таблицы. Незадолго до его смерти в Хельмштедте увидела свет книга П. Лайзера по исторической дипломатике Германии [51].

О характере лекций Лайзера судить трудно, так как читал он их короткое время, совмещая с выполнением основных обязанностей: в делах 1728 г. он именовался профессором

inslav

поэзии и метафизики [52]. Нам, к сожалению, не удалось найти планов лекций П. Лайзера, в которых, как это, например, имело место у И. Г. Экхарта и С. Ф. Хана, были бы специально выделены темы по славянской истории. Однако представляется вероятным, что отдельных ее аспектов, хотя бы бегло, П. Лайзер должен был касаться при изложении событий политической истории Германии. Так, сохранился конспект лекций «История германских императоров от Рудольфа I. до Максимиллиана I», который вел уроженец Хельмштедта Хайнрих Андреас Кох (1707—1766), в будущем брауншвейгский государственный деятель, с 1723 по 1730 г. учившийся в местном университете [53]. Из записей видно, что при освещении политической жизни Германской империи в XIII—XV вв. упоминались отдельные события польской и чешской истории (включая эпоху гуситского движения). Имя профессора, читавшего эти лекции, в конспекте не названо. Но, судя по времени обучения Х. А. Коха, им скорее всего был П. Лайзер.

Наше предположение косвенно подтверждается каталогом личной библиотеки последнего, свидетельствующим, что П. Лайзер был неплохо осведомлен о литературе по вопросам истории и языков русских, поляков, чехов и других славянских народов. Этот каталог, составленный и опубликованный после смерти владельца для аукционной распродажи, насчитывал около восьми тысяч книг и периодических изданий по филологии, истории, философии, теологии, юриспруденции и др., а также рукописи на персидском, турецком, арабском, латинском и греческом языках. Около двадцати изданий относились к русской и славянской лингвистике, источниковедению и истории — это были книги, изданные в Западной Европе в XVI—XVIII вв. В том числе, например, «Grammatica Russica» Х. В. Лудольфа (Oxford, 1696, № 759), «Respublica Moscoviae» (Lugduni Battavorum., 1630, N 760), «Rerum Moscoviticarum Auctores» (Frankf. a/M., 1600, N 761), «Respublica Poloniae» (Lugd. Bat., 1627, N 772), три книги по истории Польши Я. Длугоша и М. Кромера (N 774—776), «Helmoldi Chronica Slavorum» (1556, 1581, N 960—961), «Arnoldi Chronica Slavorum cum not H. Bangerti» (Lübeck, 1559, N 962) и др.[54]

Преемником П. Лайзера стал Готлиб Самуил Тройер (1683—1745), занимавший в Хельмштедтском университете с 1714 г. кафедру морали и политики. С 1729 г. он вел занятия по всеобщей истории, совмещая их в последующие годы с профессурой по государственному праву на юридическом факультете. После основания в 1734 г. Геттингенского уни-

Inslav

верситета он был приглашен туда на кафедру юридических, моральных и политических наук (примечательно, что одним из его преемников по этой кафедре явился А. Л. Шлецер, крупнейший немецкий историк-русист и славист XVIII в.) Г. С. Тройер принадлежал к тем немецким ученым, кто не только глубоко знал источники по русской истории, но и с симпатией относился к преобразовательной деятельности Петра I. Об этой стороне научных занятий Г. С. Тройера будет сказано ниже.

Небезынтересно отметить, что славянской темы касались на философском факультете в своей педагогической и научной деятельности преподаватели не только истории, но и других дисциплин. Так, ординарный профессор элоквенции (красноречия) и поэзии Эрхарт Ройш (1678—1740), служивший в университете с 1723 г., в одном из своих отчетов сообщал об изучении источников по древнегерманской истории, в которых упоминались и славяне [55]. Об интересе к ним свидетельствовал каталог библиотеки Э. Ройша, составленный сразу же после его смерти для распродажи на аукционе и содержавший 5816 регистрационных номеров, под которыми, впрочем, нередко указывались не одна, а две и более книг.

Изучение каталога показало, что по крайней мере 32 содержащихся в нем названия непосредственно относятся к языку, истории и культуре славянских народов [56]. Судя по составу библиотеки Ройша, его преимущественно интересовали западные славяне — поляки, чехи, лужицкие сербы. Однако это не совсем так. Как свидетельствовала его «Панегирическая речь» 1739 г., о которой мы скажем ниже, он был знаком и с работами по истории России.

Славянская тема, хотя и менее интенсивно, отражалась также на юридическом и богословском факультетах Хельмштедтского университета. Отчасти этому способствовало чтение здесь лекций некоторыми профессорами философского факультета (например, П. Лайзером). Однако и по смыслу программы указанных факультетов обращение к славянской проблематике оказывалось не только уместным, но зачастую и необходимым.

После Вестфальского мира 1648 г. в немецких протестантских университетах внимание к истории права вообще усилилось [57], особенно в связи с вопросом о юридическом статусе славянских земель в системе Священной Римской империи и трактовкой институтов традиционного славянского права. То, что знание последнего было непременным условием юридической квалификации той поры, свидетельствовали многочисленные правовые акты. Например, во время споров

inslav

с саксонским курфюрстом в первой половине XVIII в. относительно юридических полномочий германских императоров как чешских королей на некоторых территориях Верхней и Нижней Лужицы, до XVII в. относившихся к землям чешской короны, австрийская сторона ссылалась именно на обычное славянское право [58].

На богословском факультете отдельные славянские темы рассматривались в контексте истории церкви, в том числе в плане борьбы с традиционными славянскими культами в период насильственной христианизации поморских и полабских славян, изучения предшественников Реформации XVI в. Профессор этого факультета Иоган Лоренц Мосхайм (1694—1755), работавший в Хельмштедтском университете с 1723 по 1747 г., в конце 1713 г. прочитал семь лекций, в которых затронул и историю борьбы христианства с язычеством [59]. Профессор Герман фон дер Хардт (1660—1746), занимавшийся историей Реформации (в 1717 г. вышла в свет его книга «История реформационной литературы»), приступил в последующие годы к изучению документов гуситского движения. Как видно из печатного каталога его лекций за 1730 г., он занимался историей гусизма в Чехии («Hussiticorum ineditorum apparatu») и материалами Базельского собора 1431—1449 гг., на котором среди других вопросов рассматривались пути компромисса католической церкви с умеренным крылом гуситов — чашниками. Г. Хардту принадлежала также обширная семитомная публикация материалов Констанцского собора 1414—1418 гг.[60], по постановлениям которого, как известно, были сожжены Ян Гус (1415) и его соратник Иероним Пражский (1416).

Актуальность подобной тематики для протестантского университета неудивительна, так как в его богатом собрании рукописей, которое использовалось в научной работе профессоров и в их педагогической деятельности, находились рукописи по истории полабских и поморских славян, сборники материалов о сектантах и чешских реформаторах XIV—XV вв. (в том числе и о Яне Гусе), ряд рукописей по чешскому праву и т. д.[61]

Приведенные наблюдения позволяют заключить, что хотя славянская тема не была профилирующей, ее включение в учебные планы философского, а отчасти юридического и богословского факультетов отнюдь не составляло личной прихоти отдельных профессоров. Как раз наоборот, неуклонное присутствие этой темы в Хельмштедтском университете, несмотря на смену преподавателей, говорит в пользу того, что здесь имел место более широкий и устойчивый не

inslav

только научный, но и практический интерес, придававший славянской теме особое звучание в общественной жизни рассматриваемого региона.

4. СЛАВЯНСКАЯ ТЕМА В ТРАКТАТАХ ПРОФЕССОРОВ ХЕЛЬМШТЕДТА

Помимо учебно-педагогической деятельности профессоров Хельмштедтского университета, славянская тема получила отражение и в ряде опубликованных ими трактатов. Не останавливаясь более подробно на этой теме, заслуживающей специального сравнительно-исторического освещения, отметим лишь некоторые ее аспекты, имеющие непосредственное отношение к интересующей нас проблематике.

Первым в ряду подобных работ стоял уже упоминавшийся выше трактат И. Г. Экхарта «О происхождении великого царского наследника Алексея и княгини Шарлоты Христины Софии, урожденной принцессы Брауншвейг-Люнебургской, от византийского императора Константина Багрянородного».

Смысл трактата, изданного в Хельмштедте в 1711 г. и приуроченного к династическому союзу между Брауншвейгом и Россией, достаточно ясно отражен в его заглавии — И. Г. Экхарт стремился доказать, что как сын Петра I, так и внучка герцога Антона Ульриха происходили от византийского императора Константина.

Наряду с немецкими источниками общего и регионального характера (Дитмар, Арнольд, Брауншвейгская хроника и др.), Экхарт опирался и на данные славянских авторов. В первую очередь это были труды Длугоша и других польских историков XV—XVII вв., длительное время являвшихся основным источником информации западноевропейских ученых и путешественников о России. Как можно судить по отдельным указаниям Экхарта, он извлекал из подобных трудов цитировавшиеся в них отрывки из русских летописей [62].

Не входя в детальное рассмотрение этих сюжетов, отметим лишь отдельные моменты, игравшие в системе доказательств И. Г. Экхарта существенную роль. Во-первых, он со ссылками на исторические примеры (браки саксонских принцесс с представителями русских и польских княжеских семей в IX в. и позднее), показывал, что подобные немецко-славянские контакты имели давние традиции и таким образом, не должны вызывать удивления современников [63]. Во-вторых, в генеалогических рассуждениях о родстве царской семьи с Вельфами Экхарт привлекает данные из родословия польских и чешских королей и князей. Кроме того,

inslav

в Хельмштедте тогда же были опубликованы две генеалогические таблицы И. Г. Экхарта и несколько торжественных приветствий, посвященных династическому союзу Вольфенбютеля и Петербурга. Все это способствовало некоторому расширению информированности немецкого общества относительно славянской темы, причем с достаточно доброжелательных позиций. Последнее в сущности составило своего рода лейтмотив брошюры Г. С. Тройера, изданной в Вене под названием «Апология Ивана Васильевича II» [64]. Тема этой работы, посвященной делам и личности Ивана Грозного, была выбрана со знанием дела, а ее название носило вызывающе полемическую направленность. Дело в том, что в подавляющем большинстве книг, брошюр, листовок и газетных публикаций, появлявшихся на европейских языках начиная со второй половины XVI в., правление Ивана Грозного оценивалось однозначно отрицательно. Такая оценка чаще всего переносилась и на Россию в целом как на варварскую и дикую страну. Г. С. Тройер пошел против течения — не отрицая многие слабости и отрицательные черты Ивана IV, он стремился доказать, что тираном русский государь не являлся. Всю деятельность Ивана Грозного Г. С. Тройер рассматривал в русле борьбы за централизацию Русского государства, считая этот процесс необходимым и прогрессивным.

Для доказательства этого Г. С. Тройер наряду с рассуждениями о том, что такое тиран и подходит ли под такое определение Иван Грозный, основное внимание сосредоточил на критическом обзоре сочинений не только об Иване Грозном, но и о России вообще — Т. Брайденбаха, Х. Варшевича, Р. Гайденштайна, А. Гванини, С. Герберштайна, П. Одерборна, П. Петрея, П. Поссевино, Я. Уленфельда и других европейских ученых и путешественников XVI—XVII вв. Независимо от натянутости и крайней уязвимости самой апологии Ивана Грозного по широте охвата источников и меткости многих критических суждений о них эта часть брошюры Г. С. Тройера наиболее интересна, будучи одним из первых серьезных историографических опытов в ранней немецкой славистике. Что касается исходного замысла автора, то, по-видимому, он был связан, во-первых, со стремлением взглянуть на историю России с иных, дружелюбных и, как показалось Г. С. Тройеру, объективных позиций; во-вторых, путем обеления во что бы то ни стало Ивана Грозного косвенно прославить Петра I как другого крупнейшего русского государственного деятеля, с которым в начале XVIII в. вплотную столкнулось немецкое общест-

inslav

венное мнение[65]. Хотя здесь политические соображения превалировали над собственно научными, любопытно, что автор уловил существование связи между «допетровским» и «петровским» периодами истории России — обстоятельство, которое длительное время оставалось непонятым не только немецкими, но и многими русскими историками.

Идеи, в общих чертах намеченные в «Апологии», Г. С. Тройер подробно сформулировал и обосновал в обширной монографии «Введение в Московскую историю», изданной в 1720 г. в Лейпциге и Вольфенбютеле и отпечатанной у Соломона Шнора в Хельмштедте[66].

После некоторого перерыва в хельмштедтской среде создается новый цикл историко-публицистических работ, отразивших русскую и отчасти общеславянскую проблематику. Появление этих работ было связано с очередным туром брауншвейгско-российского сближения, начавшегося вскоре после вступления в 1730 г. на императорский престол Анны Ивановны. В династическом плане переход трона от младшей, «петровской», линии дома Романовых к ее старшей, «ивановской» линии означал оттеснение возможных преемников Петра I. Это обстоятельство в сочетании с тем, что новая императрица, по крайней мере — официально, была бездетной, вновь оживило разного рода матримониальные комбинации правящих кругов Вольфенбютеля и их союзников в Петербурге. По-видимому, этим, т. е. стремлением хоть как-то исторически обосновать текущие политические расчеты, был в значительной мере обусловлен очередной всплеск интереса к генеалогии российских и местных немецких государей.

Начало второму циклу таких работ было положено в 1733 г. Тогда в Вольфенбютеле была издана брошюра уже знакомого нам Г. С. Тройера «Происхождение Российского императорского дома и Брауншвейг-Люнебургских герцогов от общего германского материнского корня». От начала до конца брошюра носила официозный характер, не говоря о том, что в момент выпуска ее Г. С. Тройер являлся вице-ректором Хельмштедтского университета. Любопытно, что в заглавии русская династия именуется не царской, как обычно бывало раньше, а императорской, что означало безоговорочное признание этого титула за преемниками Петра I (как известно, ряд европейских держав длительное время отказывался от признания такой титулатуры). Не менее показательна и направленность содержания брошюры. Если, скажем, И. Г. Экхарт в 1711 г. обосновывал паритетное и до известной степени нейтральное происхождение обеих правящих родов от

inslav

византийских императоров, то теперь Г. С. Тройер доказывал генеалогическую зависимость русской династии и Вельфов, хотя и от общего, но баварского, т. е. германского корня. Это означало перестановку акцентов в пользу немецкой стороны.

Вместе с тем Г. С. Тройер, вопреки устоявшемуся в западноевропейских кругах мнению, повторял свою прежнюю высокую оценку Ивана Грозного, именуя его «одним из величайших государей, которых Россия имела» [67]. В целом брошюра производит впечатление своеобразного синтеза тезисов, которые автору было поручено развивать и обосновывать, с его собственными суждениями в пользу русско-немецкого взаимопонимания. Косвенно это подкрепляется тем, что тогда же, в 1733 г., была опубликована диссертация Людовика Августа Фабера «О вечной дружбе между Германской и Российской империями». Эта диссертация, защищенная 11 июля в Хельмштедтском университете, была написана под руководством Г. С. Тройера.

В диссертации содержался обзор истории немецко-русских контактов с древнейших времен со ссылками на большое количество источников как немецкого, так и славянского происхождения (например, труды польского историка Яна Длугоша). Автор упоминал о торговых связях немецких городов с Киевом и Новгородом, о поездках немецких путешественников в Россию в XVI—XVII вв., в том числе писал о свидании Фридриха Голштинского с царем Михаилом Федоровичем. Ряд сообщенных им сведений представляет историографический интерес (например, о восстании Степана Разина и о казачестве) [68].

Появление обеих работ именно в 1733 г. скорее всего связано с принятием на русскую службу и переездом из Вольфенбютеля в Петербург молодого принца Антона Ульриха, которого брауншвейгские политики и их приверженцы в России прочили в женихи Анне Леопольдовне, племяннице императрицы и, как тогда считалось, ее наиболее вероятной преемнице. Безрезультатный для них (после неожиданной кончины в январе 1730 г. Петра II, сына принцессы Шарлоты Христины Софии и царевича Алексея) итог брачного договора 1711 г., побудил вольфенбютельские правящие круги взять курс на новое породнение с русской династией. Не секрет, что в обеих случаях речь фактически шла о стремлении под любым предлогом создать правовую и генеалогическую основу для овладения русским престолом, в чем, как показали современные западногерманские историки Х. и Э. Клуэтинги [69], значительное содействие оказывал

inslav

в Петербурге вице-канцлер граф А. И. Остерман, происходивший из семьи протестантского пастора в Бохуме. Этой цели был, в частности, призван содействовать планомерный и целенаправленный сбор информации о прошлом и настоящем России и об обстановке в ближайшем окружении наследовавшей Петру II и благоволившей иностранцам императрицы Анны Ивановны.

В Петербурге этим занимался уроженец Вюртемберга Х. Ф. Грос, который с 1725 г. проживал в России, будучи адъюнктом, а вскоре и экстраординарным профессором философии петербургской Академии наук. В 1729 г. вместе с И. С. Бекенштайном он составлял немецкий вариант «Санктпетербургских ведомостей». Человек образованный и любознательный, Грос вскоре сошелся с кружком Феофана Прокоповича и проявлял живой интерес к общественно-политической и научной жизни России. Это обстоятельство, до сих пор недостаточно освещенное в литературе, имеет прямое отношение к рассматриваемой проблематике.

Как видно из его писем к другому члену русской Академии наук Г. Ф. Байеру, относившихся к 1728—1729 гг. из Москвы, куда Грос выехал для участия в торжествах по случаю коронации Петра II, он не только следил за ситуацией в придворной среде (в особенности, учитывая брауншвейгское происхождение молодого императора по материнской линии), но и уделял внимание изучению русского языка и истории России. Так, он посещал Патриаршую библиотеку, где, как писал 14 августа 1728 г., «видел без сомнения наиболее древний греческий кодекс Евангелия» [70]. В письмах за 11 сентября и 2 ноября 1729 г. Грос уведомлял Байера о работе Т. Грулика над историей России на латинском языке, в связи с чем тот, по словам Гроса, детально изучает Степенную книгу и другие русские летописи. Одновременно он упоминал о своих беседах с Феофаном Прокоповичем и В. Н. Татищевым, затрагивавших также исторические и филологические сюжеты [71].

В связи со сказанным заслуживает внимания анонимное недатированное письмо, хранящееся в рукописном фонде Августианской библиотеки в Вольфенбютеле. Судя по упоминанию в нем о наследовании российского престола, оно было написано в начале 1725 г., после смерти Петра I. Наряду с общими впечатлениями о России, в письме содержатся рассуждения о русском языке. Касаясь версии о происхождении русского языка от греческого, анонимный автор писал, что «это не более, чем сладкая мечта тех, кто все языки желает произвести от еврейского и греческого. Я лично, к сожа-

inslav

лению, первую половину года (пребывания в России. — *А. М.*) разделял это мнение, но, после того как теперь я начал читать и понимать, понял, к моему величайшему огорчению, этот самообман. Чтобы получить охоту к этой проблеме, я хочу здесь отметить три обстоятельства: а) основания, которые поначалу заставили меня думать, что он произошел от греческого; б) причины, почему я теперь так по большей части думаю; в) за что я его теперь принимаю». Пояснение этого последнего тезиса представляет для нашей темы особый интерес. «Я отвечаю, — писал автор письма, — что как немецкий язык является основой или матерью языков голландского, датского и шведского, так и славянский надо трактовать как составляющий основу отдельных языков — чешского, польского, литовского, также вендского, употребляемого народом, проживающим в Пруссии и в Лужицах. Ибо русский понимает поляка, чех русского и т. д.» Далее автор приводил аргументы в пользу того, что «местный русский язык происходит от славянского» [72].

Если отвлечься от ряда неточностей, продиктованных общим уровнем филологической науки того времени (например, весьма распространенное отнесение литовского языка к славянской группе), то в целом письмо свидетельствовало, что пребывание в России и общение с представителями образованного русского общества помогло автору наметить место русского языка в системе остальных славянских языков. Естественно, возникает вопрос, кому могли принадлежать приведенные выше соображения? Проведенный нами по материалам Архива Академии наук СССР почерковедческий анализ эпистолярии того времени позволил прийти к выводу, что автором вольфенбютельского письма был Х. Ф. Грос. Об этом свидетельствует не только сходство почерка и цвета чернил, но и круг научных интересов автора, совпадающих с тем, что известно о Гросе по его переписке с Байером.

После восшествия на престол Анны Ивановны Грос покинул в 1731 г. русскую службу, хотя остался в Петербурге в качестве советника Брауншвейгского посольства. Но в качестве иностранного почетного члена Академии наук он сохранил контакты с российской средой и в своих депешах из Петербурга и Москвы в Вольфенбютель уделял определенное место культурно-политической информации [73].

Обычным адресатом Х. Ф. Гроса был премьер-министр правящих брауншвейгских герцогов Фердинанда Альбрехта III и Карла I барон Иероним Мюнхаузен (1680—1742). Он являлся опытным политиком и образованным человеком, не чуждым и славянской проблематики. Не исключено, что

inslav

упомянутое выше анонимное письмо, атрибутируемое нами Гросу, предназначалось тоже Мюнхаузену. Во всяком случае в личной библиотеке последнего находилось не менее 30 изданий на разных языках по истории и современному положению славянских народов. В посмертно составленном каталоге библиотеки И. Мюнхаузена [74], включавшем 6343 названия книг и рукописей, наряду с упоминавшимися выше книгами И. Г. Экхарта и Х. Ф. Вебера («Преображенная Россия») и публикациями о России XVII—начала XVIII в. была представлена польская и чешская тематика. В рукописном отделе Библиотеки им. герцога Августа хранится сборник смешанного содержания из собрания И. Мюнхаузена (шифр 30.3.Extr.). В числе прочих рукописей он включает текст письма Шлезвиг-Гольштейнского посла в Петербурге Х. Штрюйка от 13 (24) мая 1727 г. с информацией о положении после недавней кончины Екатерины I (л. 37—40 об.) и копию «Завещания» императрицы, в котором устанавливалась очередность престолонаследия после ее смерти (л. 41—42 об.).

Наличие подобных материалов в собрании брауншвейг-вольфенбютельского премьер-министра вполне понятно. Если в Киле надеялись на переход российского престола к старшей дочери Петра I Анне Петровне, выданной в 1725 г. замуж за шлезвиг-гольштейнского герцога Карла Фридриха, то в Вольфенбютеле были заинтересованы в приходе к власти в России сына Шарлоты Христины Софии и царевича Алексея Петровича, Петра II, что на короткий срок (1727—1730) и произошло. Используя подобные материалы в текущих государственных делах, И. Мюнхаузен тогда и позднее через своих помощников или лично неоднократно запрашивал Х. Ф. Гроса о новостях политической и общественно-культурной жизни России. Особую заинтересованность, в частности, проявило вольфенбютельское правительство к третьему тому «Записок» петербургской Академии наук, выходивших на латинском языке, несколько раз затребовав прислать его [75]. Этот том, содержавший материалы за 1728 г., но вышедший в 1732 г. с посвящением Анне Ивановне, включал в исторической части работы академика Г. З. Байера, близко связанного с галльскими пиэтистами [76].

Трудно сказать с полной определенностью, почему в Вольфенбютеле с нетерпением ожидали присылки именно этого тома «Записок» Академии наук. Возможно, опубликованные здесь на латинском языке работы Байера предполагалось использовать для обучения молодого принца Антона Ульриха, которого готовили кандидатом в женихи Анне Леопольдовне. Но то, что в целом интерес к России в правящих

inslav

кругах Вольфенбютеля был связан именно с этой перспективой, сомнению не подлежит. И когда такой брак, наконец, состоялся, он был отмечен как в Петербурге, так и в Брауншвейге в июле—августе 1739 г. с особой пышностью и подчеркнутой торжественностью.

Любопытно, что незадолго перед тем, 15 июня, в Августианскую библиотеку от правящего брауншвейг-вольфенбютельского герцога Карла I поступило три рукописи ин-фолио (одна из них позднее выбыла) и четыре рукописи ин-кварто, посвященные русской тематике. Это были сборники русского происхождения на русском и латинском языках, включавшие разнообразные материалы по истории, филологии и политическому положению России первой трети XVIII в. (шифр 115.1.Extr.), Хроника России за 1600—1717 гг. на немецком языке (шифр. 115.2.Extr.), список XVII в. «Хождения в святой град Иерусалим» Арсения Суханова (шифр 210.5. Extr.), сборник исторического содержания на русском языке, включающий фрагмент легенды о походе киевского князя Олега на Царьград, Степенную книгу (17 степеней) и другие заметки (шифр 210.6.Extr.), «Ядро российской истории» А. И. Манкиева в хорошем русском списке начала XVIII в. (шифр 210.7.Extr.), а также альбом по истории русской нумизматики на русском языке начала XVIII в. (шифр 281.1. Extr.). К этой группе рукописей примыкает сборник смешанного содержания, включающий материалы по военной и церковной истории Петровской эпохи, сведения об исследовании Сибири и Камчатки, указы Петра I, Екатерины I и Петра II и др. (шифр. 115.3.Extr.). Скорее всего эти рукописи входили в состав даров, поступивших в Вольфенбютель от русского правительства. Не исключено, что некоторые из названных рукописей представляли собой те материалы Т. Грулика, о которых в 1729 г. уведомлял Байера Х. Ф. Грос.

По случаю очередного династического союза между Россией и Брауншвейгом профессор Хельмштедтского университета Э. Ройш подготовил два юбилейных латинских трактата — «Панегирическая речь» (июль) и «Священная власть» (август). То, что это было поручено именно Э. Ройшу, как раз тогда являвшемуся деканом философского факультета, неудивительно: он слыл большим знатоком стилистики и выполнял подобные поручения прежде (например, подготовил торжественную речь по случаю брака Карла, в близком будущем правящего герцога Брауншвейгского, и прусской принцессы Филиппины Шарлоты в 1733 г.) [77].

Июльский текст отличался краткостью и посвящен почти исключительно изложению генеалогии царской династии,

inslav

ее связям с византийскими императорами и домом Вельфов. Более подробно останавливался он на браке Ивана III с племянницей последнего византийского императора Зоей (Софией) Палеолог и на связях их потомства с Романовыми. Завершая царскую генеалогию Анной Леопольдовной, Ройш не упустил возможность подчеркнуть ее родственную связь как урожденной Мекленбург-Шверинской герцогини со славянскими корнями этой династии, тем более что в своем немецком титуле Анна Леопольдовна имела звание «княгини вендов».

В августовской работе Э. Ройш основное внимание обратил на генеалогию Антона Ульриха, не забывая, однако, вновь подчеркнуть славянские корни Мекленбургской герцогской династии. Чтобы усилить впечатление о важности прославляемого события, он именовал его союзом Европы и Азии и напоминал о предшествующем брачном союзе между Вольфенбютелем и Петербургом в 1711 г.

Хотя обе речи Э. Ройша не отличались особенной глубиной и представляли собой прежде всего образчик немецкого придворного красноречия первой половины XVIII в., они в некоторой мере способствовали пропаганде сведений о России и идей немецко-русских политических контактов. В этом смысле несравненно больший интерес имела третья работа, относившаяся все к тому же 1739 г. и принадлежавшая Рудольфу Августу Нольте (1703—1752) [78].

Свою брошюру «Литературное обозрение настоящих источников по русской истории» Р. А. Нольте (иначе: Нольтен) издал по-латыни в Лейпциге. Он посвятил ее поездке вольфенбютельского государственного деятеля А. А. Крама в Петербург в связи с бракосочетанием Антона Ульриха и Анны Леопольдовны. Воспользовавшись этим поводом, Р. А. Нольте информировал немецких читателей о важнейшей, с его точки зрения, литературе о России, изданной в Германии, начиная с XVI в. Несмотря на небольшой объем брошюры, состоявшей из 28 страниц, Р. А. Нольте включил сюда 115 книг, при отборе которых, по собственному признанию, советовался с русским дипломатом и политиком графом Г. И. Головкиным.

Работа Р. А. Нольте занимает особое место в немецких изучениях России и славянства, будучи едва ли не первой в Германии не только квалифицированно составленной, но и самостоятельно изданной библиографией литературы по славянской тематике. Каковы же ее истоки?

В отличие от авторов охарактеризованных работ профессором Хельмштедтского университета Р. А. Нольте не был.

inslav

Ко времени издания своей брошюры он занимался адвокатской практикой в Вольфенбютеле и слыл любителем истории и литературы. В 1737—1738 гг. в Брауншвейге была опубликована переписка немецких ученых, в том числе Г. Лейбница и И. Г. Экхарта, из собрания («музея») Р. А. Нольте. Кроме того, ему принадлежало несколько работ по истории и праву. И все же симптоматично, что нити биографии Р. А. Нольте, а стало быть и его интереса к славянской теме, вновь ведут нас к Хельмштедтскому университету, где он в 1722—1727 гг. обучался на юридическом факультете. Принимая во внимание годы его пребывания здесь, можно с полным основанием предположить, что Р. А. Нольте слушал лекции по истории С. Ф. Хана, а также и П. Лайзера, читавшего и на юридическом факультете. Из состава его «музея» видно, что Р. А. Нольте были известны и труды И. Г. Экхарта и его учителя Г. Лейбница. Это как раз круг тех ученых, которые сыграли решающую роль в разработке общеславянской, и в частности русской, проблематики в Брауншвейгско-Ганноверском регионе в первой трети XVIII в. И пример Р. А. Нольте в данном случае особенно примечателен, ибо он был воспитанником и выучеником этой среды.

После того как Анна Ивановна в августе 1740 г. умерла, успев назначить своим преемником двухмесячного младенца Ивана Антоновича, а его родители вскоре заняли высшие должности — Анна Леопольдовна объявила себя «правительницей», а Антон Ульрих был назначен генералиссимусом, стратегическая цель Вольфенбютеля, казалось, была достигнута. Следующим шагом планировалось возвести на курляндский престол младшего брата Антона Ульриха, принца Людвига Эрнста, который прибыл в Петербург летом 1741 г., когда режим «правительницы» доживал последние месяцы. И здесь вновь потребовалось знание истории России, чтобы точно выяснить юридические аспекты юридических связей с Прибалтикой. За получением необходимой и авторитетной информации Х. Ф. Грос обратился к выдающемуся русскому историку В. Н. Татищеву, с которым встречался, как указывалось выше, еще в 1729 г. Отчет об этом, направленный Гроссом в Вольфенбютель, был, насколько нам известно, первым упоминанием имени В. Н. Татищева в зарубежной немецкой среде [79]. Вскоре, в том же 1741 г., по-видимому, с использованием сведений, полученных от В. Н. Татищева и из других источников, Георг Септимий Андреас Праун (1701—1786), позднее, в 1773 г. ставший первым министром Карла I Брауншвейгского, составил

inslav

для внутреннего пользования «Краткий очерк истории Лифляндии и Курляндии», начинавшийся событиями XIII в. и доведенный до современного ему периода. В очерке, в частности, содержатся ссылки на работы местных прибалтийских (И. Р. Паткуль), немецких и польских авторов XVI—начала XVIII в.

Однако свержение «правительницы» Анны Леопольдовны и приход в конце 1741 г. к власти в Петербурге Елизаветы Петровны, сопровождавшийся арестом брауншвейгской семьи и приближенных к ним лиц (в том числе А. И. Остермана), резко изменили политическую ситуацию. Эти события означали окончательный провал двукратных попыток Брауншвейгов утвердиться на российском престоле. А годом позже по любопытному стечению обстоятельств скончались два брауншвейгских деятеля, непосредственно связанных с проведением подобного курса — премьер-министр И. Мюнхаузен и его доверенный петербургский агент Х. Ф. Грос. Отныне в глазах официальных кругов Вольфенбютеля русская тематика с ее славянскими («вендскими») реминисценциями, которой они совсем недавно оказывали демонстративную поддержку и покровительство, утратила практическую актуальность.

Не означая полного исчезновения интереса к ней, она претерпела своеобразное и достаточно любопытное видоизменение. До тех пор пока представители интернированной «русской» ветви Брауншвейгской династии (в лице Анны Леопольдовны, Антона Ульриха и их детей) оставались живы, правящие круги герцогства продолжали питать ставшие теперь иллюзорными надежды на возможность неожиданного изменения обстановки в Петербурге. Правда, заданий на этот счет профессорам Хельмштедтского университета, насколько можно судить по сохранившимся источникам, больше не давали. Но негласное наблюдение за внутриполитической ситуацией в России, соседней с ней Польши и вассальной Курляндии продолжалось. Оно осуществлялось Г. Прауном, ведению которого были поручены в 1746 г. государственный архив Брауншвейгского герцогства, а в 1751 г. Августианская библиотека в Вольфенбютеле.

Записки Г. Прауна, над которыми он работал в продолжение нескольких десятилетий, заслуживали бы отдельного рассмотрения. Отметим лишь, что в них собраны и обработаны данные по генеалогии курляндских герцогов, польских и шведских королей (последнее, видимо, было нужно для изучения вопроса о возможности устранения от насле-

inslav

дования русского престола преемника Елизаветы Петровны и конкурента Брауншвейгов, голштейнского герцога и будущего императора Петра III, поскольку тот обладал также правами на шведский трон), а также материалы о России [80]. В их числе находились исторические и юридические разработки о порядке престолонаследия в России, начиная с соответствующего акта Петра I 1722 г., генеалогия русских государей от царя Алексея Михайловича до рождения Павла I (1754), библиография европейской литературы о России до правления Екатерины II. Особое место в материалах Г. Прауна принадлежит краткой справке о составе и судьбе семейства Анны Леопольдовны и Антона Ульриха. Сведения эти точностью не отличаются, что позволяет судить о плохой информации составителя, возможно, пользовавшегося наряду с выписками из гамбургских газет попросту непроверенными слухами. Впрочем, эти и другие материалы, скрупулезно собиравшиеся Г. Прауном добрых четыре десятилетия, после высылки в 1780-х годах уцелевших членов этой семьи из России, утратили окончательно для вольфенбютельских властей какое бы то ни было значение, перестали пополняться и после смерти автора отложились в местном архиве.

В то же время исчезновение непосредственных резонов в поддержке правительством после 1741 г. русской и общеславянской тематики в сочетании с отсутствием прямых политических притязаний в отношении Польши и монархии Габсбургов (хотя, разумеется, при сохранении интересов к этим странам в целом) сказались на деятельности в этом отношении Хельмштедтского университета, на которой мы вкратце остановимся. Хотя в последующие десятилетия своего существования университет никогда не уделял ей столько внимания, как прежде, традиции, шедшие от И. Г. Экхарта и С. Ф. Хана, полностью утрачены не были. Их продолжили такие профессора, как Франц Доминик Хэберлин и, особенно, Юлиус Август Ремер.

Как видно по сохранившимся отчетам, Ф. Д. Хэберлин (1720—1787), работавший в Хельмштедтском университете с 1741 по 1787 г. и читавший лекции по всеобщей истории не только на философском, но и на юридическом факультетах, отчасти затрагивал славянские сюжеты в лекциях по истории Германской империи, в частности при освещении вопросов генеалогического характера. Эти вопросы интересовали его издавна, о чем, например, свидетельствовали незавершенные им таблицы «Генеалогическое доказательство того, что все высокие государи Европы произошли от Ав-

inslav

стрийской династии»[81]. Эта незрелая юношеская работа была подготовлена Ф. Д. Хэберлином в 1738 г. Но в последующие годы он едва ли специально изучал славянскую тему, используя в нужных случаях трактаты И. Г. Экхарта и Э. Ройша, находившиеся, как видно из описи 1788 г., в его личной библиотеке[82].

Более интересна с этой точки зрения научно-педагогическая деятельность Ю. А. Ремера (1738—1803), который с 1770 г. читал лекции по всеобщей истории в брауншвейгском Коллегиум Каролинум, основанном в 1742 г., а в 1787 г. был приглашен на должность ординарного профессора истории и статистики Хельмштедтского университета. Отличительной чертой Ю. А. Ремера был интерес к событиям не только отдаленного прошлого, но и современности. Еще находясь в Коллегиум Каролинум, он выпустил «Руководство по истории нового времени» (Брауншвейг, 1771), хотя само понимание им «нового времени» совершенно отличалось от нынешнего: он рассматривал в своей книге период от великого переселения народов до начала XVIII в. Свой компендиум, отразивший тематику лекций, Ю. А. Ремер в последующие годы непрестанно перерабатывал и дополнял. Последнее такое дополнение, специально посвященное периоду от 1740 до 1802 г., вышло в свет в год смерти автора. Кроме того, он издал «Руководство по всеобщей истории» (1783) и еще несколько обзорных работ. Во всех этих книгах заметное место уделено славянским народам — описанию истории и культуры древних славян, истории России, Польши Чехии, Болгарии, Сербии и других славянских земель. Освещение этой тематики построено на достаточно широком круге источников и литературы, носит обстоятельный, серьезный и добросовестный характер.

Таким образом, практически до закрытия университета в 1810 г. в нем удержалось обыкновение вводить в учебные курсы славянскую тему. Деятельность Ю. А. Ремера, связанная с иным этапом развития немецкой славистики и потому выходящая за очерченные нами хронологические рамки, была достойным завершением в целом гуманистической традиции в истолковании славянской темы, шедшей от круга Г. Лейбница.

5. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Материалы, относящиеся к становлению славистических изучений в Нижнесаксонском (Брауншвейгско-Ганноверском) регионе, показывают, что этот процесс в рассмотрен-

inslav

ные десятилетия прошел два этапа — первый был связан преимущественно с деятельностью Г. Лейбница на рубеже XVII—XVIII вв., второй — с Хельмштедтским университетом от прихода сюда И. Г. Экхарта до конца 1730-х годов. В собственно научном плане славистические занятия как самого Г. Лейбница, так и его ученика И. Г. Экхарта развивались в русле раннепросветительской философии и отмечены критическим подходом к изучаемым источникам. Показателен с этой точки зрения их интерес к «Историческому и критическому словарю» выдающегося французского мыслителя-материалиста П. Бейля, нашедший отражение в их эпистолярном наследии. Так, в письме профессору теологии Хельмштедтского университета И. Х. Ритмайеру 19 (29) марта 1697 г. Г. Лейбниц называл П. Бейля «разумно ученейшим человеком» [83]. О втором издании его словаря писал 8 октября 1701 г. профессору теологии и философии Хельмштедтского университета И. Г. Экхарт [84]. Критический подход при разработке славянской темы присущ также С. Ф. Хану и Г. С. Тройеру, он прослеживается и в упоминавшихся выше работах воспитанников Хельмштедтского университета Л. А. Фабера и Р. А. Нольте, что само по себе достаточно показательно для понимания царившей здесь научной атмосферы.

Но вместе с тем в их научной позиции запечатлелись и некоторые черты барочного миропонимания с типичным для него увлечением всем необычным, экзотическим, что, в частности, нашло выражение в генеалогических изысканиях И. Г. Экхарта. В еще большей степени поэтика барокко определяла не только содержание, но и форму юбилейных речей Э. Ройша и некоторых других выступлений 1730-х годов, связанных с русской темой.

Подобное переплетение раннепросветительских и барочных элементов, характерное для этого периода развития европейской общественной мысли в целом, во многом отвечало и местной общественно-политической и культурной ситуации, которая влияла не только на направленность, но и на внешнюю форму разработки славянской проблематики, потребителем которой в данном случае оказывалась не не столько научная, сколько придворная среда. Мы, например, могли убедиться, что две фазы усиленного внимания к этой проблематике в Хельмштедтском университете в 1710-х и 1730-х годах приходились на время интенсификации дипломатических и династических усилий брауншвейгских правящих кругов в русских делах. Отсюда проистекала заданность как темы, так и выводов, которые

inslav

преследовали вполне четкие идеологические цели, а также и заданность литературной формы, которая, учитывая придворную моду, должна была строиться по канонам высокого стиля барокко. Позднее, когда центр славистических изучений в рассматриваемом регионе переместился в новый Геттингенский университет, это обрело в научной и учебно-педагогической деятельности А. Л. Шлецера и некоторых других немецких ученых второй половины XVIII в. дальнейшее развитие в духе идей эпохи Просвещения. Впрочем, анализ содержания и идейно-политической направленности этих изучений должен стать предметом специального исследования.

Разработка и пропаганда знаний о славянских народах в немецком обществе отражала многоплановый и достаточно разнообразный по лежавшим в их основе причин и целей комплекс как собственно научного, так и конъюнктурно-политического интереса к России, славянско-германским контактам и славянскому миру в целом. Сопоставление приведенных выше наблюдений с результатами исследования аналогичного процесса в других регионах и культурных центрах Германии тех же десятилетий дает более или менее сходную картину.

В обобщающих работах Х. Рааба и Э. Виптера, в частности, убедительно прослежена политическая и экономическая подоплека интереса к России и другим славянским народам, который стимулировал развитие в немецких землях конца XVII—начала XVIII в. славистических изучений. Со ссылкой на наблюдения своих предшественников и архивные материалы Э. Виптер, например, отмечал, что А. Г. Франке и галльские пиэтисты, а также некоторые другие, связанные с ними лица, стремились путем приглашения студентов из славянских стран в Галле и организации школьного дела в России (например, гимназия в Москве пастора Э. Глюка, знавшего Екатерину I еще под именем Марты Скавронской) противодействовать римско-католической пропаганде и распространять идеи протестантизма в православной среде. Уже с 1699 г., когда разнеслись слухи о намерении Петра I послать своего сына для обучения в Дрезден, пиэтисты (рассчитывая на влияние его воспитателя пиэтиста Х. Гюйсена) сделали ставку на Алексея, в котором видели будущего преемника российского престола. В ряде случаев религиозно-миссионерские интересы шли рука об руку с интересами политического и дипломатического характера. Так, Х. Лудольф, тесно связанный с английскими и датскими правящими кругами (он служил секретарем принца

inslav

Георга Датского, мужа английской королевы Анны), выехал в Россию в 1692 г., по указанию Э. Винтера, тайно, получив предварительно инструктивные указания из Копенгагена, а посланец А. Г. Франке А. Аделунг, отправившийся в Россию в 1709 г., являлся одновременно агентом Фридриха I Прусского, с которым вскоре Петр I заключил оборонительный договор. В Галле существовали определенные интересы и в отношении Габсбургской монархии — как политические (поддержка антикатолической эмиграции и распространение пропагандистской протестантской литературы в Чешских землях), так и экономические (торговля венгерскими винами) [85].

Наличие сходных побудительных поводов вполне подтверждается и приведенными материалами Брауншвейгско-Ганноверского региона, в котором политические и династические связи с Россией играли роль одного из главных регуляторов славянских изучений. Примечательно, что даже в деятельности великого немецкого мыслителя-гуманиста Г. Лейбница, сыгравшего выдающуюся роль в развитии немецко-русского сотрудничества и в разработке славянской темы, отношение к России во многом определялось надеждами добиться для германской промышленности и коммерции преимуществ на русском рынке и оказывать в этом направлении воздействие на политику Петра I. В переписке с И. Г. Спарвенфельдом, относящейся ко времени Великого посольства 1697—1698 гг., Г. Лейбниц проявлял интерес к личности, поведению и маршруту поездок Петра I по европейским странам [86]. Еще В. И. Герье отмечал, что на завершающем этапе успешной для русской стороны Северной войны Г. Лейбниц в письмах к своему шведскому коллеге выражал опасения насчет чрезмерного усиления влияния России в Европе [87].

В сочетании с наблюдениями, накопленными в историографии немецкой славистики (в том числе в работах современных исследователей ГДР), рассмотренные в статье материалы Брауншвейгско-Ганноверского региона дают пищу для правильного понимания противоречивого социально-экономического и идейно-политического базиса складывавшейся в контексте развития германо-славянских взаимоотношений немецкой славистики, которая в конечном счете отражала классовые интересы формировавшегося в недрах феодализма буржуазного общества. Этим в сущности объяснялось и прослеживаемое уже на этапе становления славистики в Германии сплетение, сосуществование и столкновение разнообразных, порой — диаметрально противополож-

Inslav

ных, гуманистических и прагматических мотивов и тенденций, накладывавших отпечаток на собственно научное творчество, подчинявших его профеодальным и пробуржуазным идейным течениям, а нередко и откровенно практическим целям правящих кругов своего времени.

[1] *Donnert E.* Studien zur Slawenkunde des deutschen Frühmittelalters vom 7. bis zum beginnenden 11. Jh. — Jahrbuch für Geschichte des UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas, 1964, Bd. 8, S. 289—358.

[2] *Ягич И. В.* История славянской филологии. СПб., 1910, с. 59—69; *Цайль В., Порт Г.* Этапы развития славистики в Германии до 1945 г. — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 146—151.

[3] *Jirat V.* Slavisches in der Göttingischen Gelehrten Anzeigen 1739—1790. — In: Xenia Pragensia. Praha, 1929, s. 121—181.

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 22, с. 19.

[5] *Weber F. Ch.* Das veränderte Russland. Aufl. 1. Hannover, 1721; Aufl. 2. Frankfurt / M.; Leipzig, 1738—1742; Aufl. 3. Frankfurt / M., 1751—1754.

[6] *Герье В. И.* Отношение Лейбница к России и Петру Великому по неизданным бумагам Лейбница в Ганноверской библиотеке. СПб., 1871; *Bittner K.* Slavica bei G. W. von Leibniz. — Germanoslavica, 1931—1932, N 1—4, S. 3—32, 161—234, 509; *Mietzschke A.* Heinrich Milde: Ein Beitrag zur Geschichte der slavistischen Studien in Halle. Halle (Saale), 1941.

[7] *Groch D.* Russland und das Selbstverständniss Europas: Ein Beitrag zur europäischen Geistesgeschichte. Neuwied, 1961.

[8] *Winter E.* Halle als Ausgangspunkt der deutschen Russlandkunde im 18. Jahrhundert. Berlin, 1953; *Idem.* Die Pflege der West- und Südslavischen Sprachen in Halle im 18. Jahrhundert: Beitrag zur Geschichte des bürgerlichen Nationswerdens der west — und südslavischen Völker. Berlin, 1954.

[9] *Raab H.* Die Anfänge der slawistischen Studien im deutschen Ostseeraum unter besonderer Berücksichtigung von Mecklenburg und Vorpommern. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Gesellschafts - und Sprachwissenschaftliche Reihe, 1955—1956, N 4—5, S. 340—402.

[10] К числу серьезных исследований такого рода можно отнести книгу: *Matthes E.* Das veränderte Russland: Studien zum deutschen Russlandverständnis im 18. Jahrhundert zwischen 1725 und 1762. Frankfurt / M.; Bern; Cirencester, 1981.

[11] Подробнее см.: *Мыльников А. С.* Становление славистики как предмет исследования. — Zeitschrift für Slawistik, 1982, N 1, S. 20—28.

[12] *Мыльников А. С.* О книговедческом методе в источниковедении (к постановке вопроса). — В кн.: Книга: Исследования и материалы. М., 1972, т. 25, с. 8—20; *Он же.* Книга как объект источниковедения. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. Сб. статей. 1975 год. М., 1976, с. 58—74.

[13] *Benz E.* Leibniz und Peter der Grosse: Der Beitrag Leibnizes zur russischen Kultur-, Religion- und Wirtschaftspolitik seiner Zeit. Berlin, 1947, S. 3.

[14] *Пекарский П. П.* Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях. — Записки имп. Акад. наук, т. 4,

inslav

кн. 1, отд. 1, с. 1—19; *Чучмарев В. И.* Г. В. Лейбниц и русская культура: Из истории международных научных и культурных связей. М., 1968, с. 26.

[15] *Ягич И. В.* Указ. соч., с. 61. Недавно об этом вновь писал И. Хамм. См.: Хамм И. О специфике развития славистики в неславянских странах. — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 132—133.

[16] *Schulenburg S.* Leibniz als Sprachforscher. Frankfurt / M., 1973, S. 88—89.

[17] *Richter L.* Leibniz und seine Russlandbild. Berlin, 1946, S. 85.

[18] *Dickstein S.* Korespondencya Kochanskiego in Leibniza według odpisów E. Bodemanna z oryginałow. . . — In: Prace matematiczno-fisyczne. Warszawa, 1902, t. 13, s. 237—238.

[19] Ibid., 1901, t. 12, s. 244—245.

[20] Подробнее см.: *Birgegård U.* Лексикографические работы И. Г. Спарвенфельда и их место в истории русской лексикографии. — В кн.: Очерки по раннему периоду славяноведения в Швеции. Lund, 1975, p. 29—55; *Jacobowsky C. V.* J. G. Sparwenfeld: Bidrag till en biografi. Stockholm, 1932, s. 50—78.

[21] *Raab H.* Op. cit., S. 364.

[22] *Wieselgren II.* Leibniz' bref till Sparwenfeld. — Antiquarisk Tidskrift für Sverige, 1884—1885, N. 3, s. 15.

[23] Niedersächsische Landesbibliothek Hannover (далее — NLH), LBr 877, Bl. 15; *Wieselgren II.* Op. cit., s. 19.

[24] NLH, LBr 877, Bl. 80—84. В архивном деле порядок листов указан не точно.

[25] NLH, LBr 877, Bl. 22.

[26] NLH, LBr 877, Bl. 71.

[27] *Leibniz G.* Collectanea Etymologica / Cum praef. J. G. Eccardi. Hannover, 1717, p. 335.

[28] NLH, LBr 877, Bl. 20.

[29] *Wieselgren II.* Op. cit., s. 24.

[30] Цит. по: *Пекарский П. П.* Указ. соч., с. 16.

[31] Commercii litterarii clarorum virorum. E Museo Rud. Aug. Noltenii. Brunsvigae, 1738, t. 2, p. 400—401.

[32] Viri illustris G. G. Leibnitii Epistolae ad diversos. Lipsiae, 1738, t. 3, p. 366.

[33] *Haase H.* Die Universität Helmstedt, 1576—1810: Bilder aus ihrer Geschichte. Bremen, 1976, S. 79; *Volkmann R.* Die Universität Helmstedt und die Epochen ihrer Geschichte: Ausstellung aus Anlass des 300. Gründungsjubiläums der ehemaligen Universität Helmstedt. Helmstädt, 1976; *Idem.* Katalog der im Juleum verbindenen Teilen der ehemaligen Universitätsbibliothek Helmstedt. Pars 1: Bibliothecae Historiae civilis. Pars 2: Scriptores historiae civilis speciales. Helmstedt, 1963.

[34] *Быкова Т. А.* Книгоиздательская деятельность Ильи Копиевского и Яна Тессинга. — В кн.: Описание изданий напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. / Сост. Т. А. Быкова, М. И. Гуревич. М.; Л., 1958, с. 320.

[35] Niedersächsisches Staatsarchiv zu Wolfenbüttel (далее — NSW), Alt, N 555, Bl. 2.

[36] *Eccardus J. G.* Corpus historicum Medii aevi sive scriptores in orbe universo praecipue in Germania a temporibus Maxime Caroli Magni: Ex Codicibus Manuscriptii. Leipzig, 1723, Bd. 1—2.

[37] NSW, 37 Alt, N 212, Bl. 3 vers.

[38] NSW, 37 Alt, N 212, Bl. 4 vers.

irslav

[39] NLH, XXXII, N 1748.
[40] NLH, LBr, Bl. 20.
[41] NLH, LBr, Bl. 27.
[42] NLH, XIV, N 943.
[43] NLH, XXXV, N 1791.
[44] *Eckhart J. G.* Abstammung des . . . Alexii, Gross-Czarischen Cron-Prinzen und der . . . Fürstin . . . Charlotten Christinen Sophien, gebohrener Prinssessin von Braunschweig und Lüneburg von dem Griechischen Kayser Constantino Porphyrogenito. Helmstädt, 1711, S. 44.
[45] NSW, 37 Alt, N 215, Hf. 1, Bl. 38 vers.
[46] *Hahn S. F.* Vollständige Einleitung zu der deutschen Staats-, Reichs- und Kayser-Historie und dem daraus fliessenden Jure Publico. Halle; Leipzig, 1721, Bd. 2, S. 80, 90, 91, 120, 142, 148, 183 etc.
[47] NSW, 37 Alt, N 215, Hf. 2, Bl. 97 vers.
[48] *Дроснева Е. Д.* Становление русской болгаристики (до середины XIX в.). Л., 1980, с. 9.
[49] NLH, LBr, Bl. 22 vers.
[50] NSW, 37 Alt, N 2337, S. 104.
[51] NSW, 37 Alt, N 473, Bd. 2, Bl. 27.
[52] NSW, 37 Alt, N 475, Bl. 99 vers.
[53] NSW, IX Hs N 5.
[54] Catalogus Bibliothecae Leyserianae complecteus apparatum. . . Helmstadii, 1728.
[55] NSW, 37 Alt, N 217, Hf. 3, Bl. 27.
[56] Bibliotheca Reuschiana. Helmstadt, 1741.
[57] *Mölk G.* Die Geschichtswissenschaft an der Universität Helmstedt seit der Gründung der Universität Göttingen, 1737—1809. Berlin, 1969, S. 83—84.
[58] Niedersächsische Staats- und Universitätsbibliothek Göttingen. Handschriftenabteilung, Ded. S. 12, Bg. 67, vers. — 68.
[59] NSW, 37 Alt, N 214, Hf. 1, Bl. 109.
[60] *Volkmann R.* Die Universität Helmstädt. . ., S. 61.
[61] *Heinemann O.* Die Helmstedter Handschriften: Beschreibung. Frankfurt / M., 1963, Bd. 1, S. 283, N 352, S. 299, N 372 etc.
[62] *Eckhart J. G.* Abstammung. . ., S. 21, 23.
[63] Ibid., S. 35.
[64] *Treuer G. S.* Apologia pro Joanne Basilide II Magno Duce Moscoviae tyrannides vulgo fasoque insinueato. Vienne, 1711.
[65] Г. С. Тройеру принадлежал также трактат, в котором содержалось историческое и юридическое оправдание казни царевича Алексея Петровича: *Treuer G. S.* Untersuchung nach dem Recht der Natur wie weit ein Fürst Macht habe, seinen Erstgebohrenen Printzen von der Nachforlge auszuschliessen. Wolfenbüttel, 1718.
[66] *Treuer G. S.* Einleitung zur moscovitischen Historie. Leipzig; Wolfenbüttel, 1720. Об этом см.: *Щербина В.* Готлиб-Самуил Трейер и его сочинения по истории Московского государства. — В кн.: Чтения в историческом обществе Нестора Летописца. Киев, 1895, кн. 9, с. 156.
[67] *Treuer G. S.* Die Abstammung des Russischen Kauserlichen Hauses und der Braunschweig—Lüneburgische Hertzoge von einer deutschen Stamm-Mutter. Wolfenbüttel, 1733, S. 1.
[68] De perpetua amicitia Germanicum inter et Russicum imperium publice different. Praesea G. F. Trever. . . et respondens Ludovicus Augustus Faber. . . in Juleo Magno. D.XI. Julii ARS. Helmstadii, 1733, p. 5, 68, 70.
[69] *Klueting H.*, *Klueting E.* Graf Ostermann: Urkunden und Rege-

inslav

sten. «Ostermanniana» aus Hannover und Wolfenbüttel. Amsterdam, 1974, Bd. 2, S. 4.

[70] Архив АН СССР. Ленингр. отд., ф. 784, оп. 2, д. 2, л. 152.

[71] Там же, л. 197 об., 200—201.

[72] Wolfenbüttel, Herzog August Bibliothek, Cod. Guelf., 405 Now., Bl. 192, 192 vers., 193.

[73] NSW, 2 Alt, N 3327.

[74] Verzeichniss einer auserlesenen Sammlung (von I. Münchhausen) gebundener Bücher aus allen Theilen der Wissenschaften . . . Wolfenbüttel, 1781.

[75] NSW, 1 Alt 22, N 786, Bl. 120, 123—123 vers., 135.

[76] *Winter E.* Halle. . ., S. 192.

[77] NSW, 37 Alt, N 2337, S. 121, 123; NSW, 37 Alt, N 347, Bl. 25.

[78] *Nolte R. A.* Diatribus litteraria de genuinis Historiae Russiae fontibus. Leipzig, 1739, p. 28.

[79] NSW, 1 Alt 22, N 788, Bl. 180—180 vers.

[80] NSW, IX Hs, N 11, Bl. 199—211.

[81] NSW, IX Hs, N 7, Bl. 1—93.

[82] NSW, IX Hs, N 44, S. 19 (N 215), 25—26 (N 256), 59 (N 367).

[83] Commercii Litterarii. . ., t. 2, p. 369.

[84] Ibid., p. 374.

[85] *Winter E.* Op. cit., S. 23, 33, 59, 62, 69 etc. О миссионерских целях пиэтистов в отношении России и православных земель на Балканах и на Ближнем Востоке в первой половине XVIII в. пишут и некоторые западногерманские историки. См., например.: *Kriebel M.* Das pietistische Halle und das orthodoxe Patriarchat von Konstantinopel: 1700—1730. — Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, Neue Folge, 1955, N 1, S. 50—70.

[86] NLH, LBr, Bl. 21 vers.

[87] *Герье В. И.* Указ. соч., с. 39.

Л. Б. Милякова

ВОЗНИКНОВЕНИЕ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ СЛАВИСТИКИ В США (конец XIX—начало 1920-х годов XX в.)

Несмотря на то, что интерес к изучению славянских народов имеет в Соединенных Штатах давнюю традицию, — первые научные исследования в этой области начали появляться в Америке во второй половине XIX в.[1], — вплоть до 70-х годов нашего века американские ученые лишь эпизодически и в обзорном плане обращались в своих работах к истокам этой традиции [2]. Определенное «забвение» истории американской славистики объяснялось рядом причин, главной из которых являлось преобладание советологии над историко-славистической проблематикой в преподавании и научно-исследовательской работе американской высшей школы после второй мировой войны.

inslav

Общая прагматизация исследований по славянской истории и филологии, их ориентация на современность привели к тому, что в американской историографии не появилось работ, где бы была дана обстоятельная характеристика истории славистики в США, отдельных этапов ее развития, в особенности этапа становления. Это приводило и приводит к существованию целого ряда недоразумений, к которым следует отнести абсолютизацию некоторыми американскими учеными филологического компонента славистики со ссылкой на то, что в Америке славистика якобы «изначально» была сугубо филологической наукой.

Лишь в 70-е годы с ростом во всем мире и в самих Соединенных Штатах интереса к славистике, который сказался в создании новых учебных программ в американских университетах и расширении соответствующей научной деятельности, возникла потребность оценить собственные достижения в этой области, обратиться к истории славистики в США. Появившиеся в этой связи статьи Р. Бирнса [3] и Т. Батлера [4], которые посвящены становлению славистики в США, сосредоточивают свое внимание на жизнеописании ряда первых славистов и перечислении выполненных ими исследований.

В данных работах мало внимания уделяется общественно-политической обусловленности появления славистики в Соединенных Штатах, остаются в стороне вопросы ее организации, нет дифференциации наук, входивших в славистический комплекс в тот период. Между тем выяснение именно этих вопросов имеет первостепенное значение для понимания ранней истории американской славистики.

Имеющаяся советская литература не дает представления о данном вопросе. Лишь в статьях по русистике в США, в их исторической преамбуле можно встретить в лучшем случае перечисление имен первых американских славистов [5]. До известной степени восполняет этот пробел одна из глав в монографии Г. П. Куропятника и статья И. К. Журавлева [6], в которых приведены некоторые реалии начального этапа американской славистики, главным образом славянской филологии. В историографии социалистических стран необходимо выделить пока единственную в своей области книгу чехословацкого ученого М. Куделки «О понимании славистики» (Прага, 1984), где наряду с анализом генезиса этого вопроса в различных странах приводятся данные о трактовке предмета славистики на этапе ее становления в США.

instav

Таким образом, проблематика этапа становления американской славистики в целом образует лакуну как в отечественной, так и в зарубежной историографии.

* * *

В XIX в. славистика не преподавалась и не изучалась в американской высшей школе: проблемы славянского мира находились в тот период на периферии государственных интересов США. Этот период можно назвать этапом преимущественно общественного интереса американцев к славянам. Интерес проявлялся, во-первых, в широком освещении американской публицистикой таких связанных с судьбами славянских народов проблем, как польское восстание в 1830—1831 гг., борьба югославянских народов за свое освобождение и т. д.[7]; во-вторых, в широком распространении и отмечаемой современниками популярности славянской, главным образом русской и польской, переводной литературы в стране [8]. С середины века появляются в Соединенных Штатах первые научные исследования по славянской филологии, а в последней трети XIX в. — и по славянской истории, вышедшие из-под пера Дж. Г. Персиваля, Т. фон Якоб (Талви), Дж. Кёртина, Ю. Скайлера, И. Фл. Хэпгуд, У. Ральстона, Т. Перри и др. Основательные знания первых американских авторов о славянах, полученные в результате практических по своему характеру контактов со славянскими странами, главным образом — дипломатических, и углубленные, как правило самообразованием, позволили им подготовить почву для появления славистики в американских университетах.

Лишь к концу XIX в. в Соединенных Штатах создались условия, позволившие ввести преподавание дисциплин славистического комплекса наук в университетах, и начать научно-исследовательскую работу в этой области.

Сравнительно поздняя институционализация славистики в США по сравнению с Германией, Францией и Англией объяснялась рядом причин. Главная причина состояла в том, что лишь с выходом империализма США за национальные рамки у Соединенных Штатов углубились внешнеполитические интересы в отношении славянского мира и в связи с этим — постепенно осознаваемая необходимость ознакомления с историей, языком и культурой славянских народов. Расширение американских интересов на Тихом океане и Дальнем Востоке (которые США начали рассматривать как собственную «сферу влияния») усилило к концу

imslav

века интерес к России, который в период русско-японской войны перешел в соперничество с нею [9].

Кроме того, в связи с появлением планов «сдерживания» мощи Германии (которая в тот период имела тихоокеанские колониальные владения) возрос интерес к судьбам славянских народов распадающейся Австро-Венгерской империи. Объединяло все эти факторы стремление к проникновению американских капиталов в славянские страны [10]. Именно на этот комплекс причин ссылался представитель ранней плеяды американских славистов Р. Кернер, объясняя открытие «славянских» отделений в университетах тем, что «американские интересы на Аляске, в Китае и на Тихом океане носят такой характер, что не разрешают оставаться безучастными к жизненно важным интересам. . . славянской Европы» [11].

Отставание США от западноевропейских стран во введении славистики в университетах объяснялось также тем, что лишь к концу XIX в. гуманитарные науки в Соединенных Штатах прошли стадию становления.

На протяжении всего XIX в. американская историческая мысль была «еще несколько провинциальна» [12]. Лишь в последней трети XIX в. удалось преодолеть отсутствие организационной базы для подготовки собственных кадров историков [1*], а в области методологии — освоить европейский позитивизм, главным образом в форме «спенсерианства» и «ранкианства» [13]. Достигнув к концу XIX в. довольно высокого уровня в изучении американской истории в трудах Дж. Скулера, Генри Адамса, Дж. Мак-Мастера, Ф. Тернера [14], буржуазные историки США проявляют интерес к истории зарубежных стран и народов, в том числе и славянских, для разработки картины всеобщей истории. Аналогичные процессы протекали и в филологических науках в США.

1* Вплоть до последней трети XIX в. университетские программы в США были тесно связаны с текущими нуждами страны, готовя в основном юристов и протестантское духовенство. Вызванные второй Американской революцией (1861—1876 гг.) социальные изменения предопределили успехи в постановке исторического образования в стране и организации работы историков. Историю начали преподавать в колледжах. База для получения докторской степени по гуманитарным наукам была создана в 1867 г. при университете Джонса Гопкинса. Вслед за этим университетом вскоре последовали университеты Гарварда, Колумбии, Йеля и Принстона. В 1884 г. была создана Американская историческая ассоциация, начавшая в 1895 г. издавать журнал «Американское историческое обозрение». См.: подробнее: История США. 1877—1918, т. 2. М., 1985, с. 417—432.

inslav

В то же время следует отметить, что такой важный фактор, как наличие в Соединенных Штатах многомиллионной славянской общины, не сыграл на первых этапах сколько-нибудь значительной роли в институционализации славистики в университетах. Хотя наличие славянской эмиграции и поддерживало определенный интерес к славянским народам в американском обществе, сама она в силу принадлежности в основном к беднейшим слоям населения и недостаточного общеобразовательного уровня (не соответствующего американским требованиям) не могла в тот период принять деятельного участия в утверждении славистики в университетах [15].

Период с 1900-х годов XIX в. до начала 1920-х годов XX в., когда в результате распространения славистики вширь закончилось образование соответствующих отделений в ведущих американских университетах, — это время становления в США славистики.

Первым университетом США, в котором началось преподавание и научно-исследовательская работа как в области «исторической славистики», так и других дисциплин славистического комплекса, стал Гарвардский. Организация в нем соответствующего отделения и превращение его со временем в один из главных центров американской славистики так же, как становление славистики в США в целом тесно связаны с именем А. К. Кулиджа (1866—1928). Кулидж происходил из богатой бостонской торговой семьи, имевшей связи с различными европейскими, в том числе и славянскими, странами. После окончания в 1887 г. гарвардского колледжа, решив посвятить себя изучению истории, он уехал в Европу для пополнения своего образования. На протяжении шести лет, проведенных за границей, Кулидж чередовал обучение в высших учебных заведениях Европы (учился в Школе политических наук в Париже и Фрайбургском университете [2*], где защитил диссертацию по американистике [3*]) с занятиями на дипломатическом по-

---

[2*] Обучение во Фрайбургском университете, ставшем в конце XIX в. центром неокантианской школы философии истории Г. Риккерта—В. Виндельбанда, где также ощущался «ренессанс Ранке», оказало влияние на формирование историко-методологических взглядов Кулиджа.

[3*] Выбор темы диссертации Кулиджа «Теоретические и иностранные элементы конституции Соединенных Штатов», связанный в генезисе с трудами А. де Токвиля, а также с развернутым в конце XIX в. историками американской так называемой «англосаксонской школы» поиском дополнительных обоснований «исключительного»

imslav

прище. В эти годы он побывал секретарем американской дипломатической миссии в Санкт-Петербурге (1890—1891), личным секретарем посланника Соединенных Штатов во Франции (1892) и секретарем Американской дипломатической миссии в Вене (1893) [16].

Работу в дипломатических миссиях Кулидж рассматривал как возможность более глубокого ознакомления с языком, историей и современным ему состоянием России и стран Центральной и Юго-Восточной Европы. При этом историк в Кулидже дополнял политика. Уже свои первые шаги по изучению славянских стран он тесно связывал с принципом, согласно которому история рассматривалась как советчица политики. Подтверждением этому является факт, что многочисленные статьи Кулиджа в либеральном журнале «Nation» [17], которые он публиковал во время своих путешествий (в перерывах между службой) по славянским странам — России, Польше, Сербии — содержат наряду с описанием быта, фольклора, с обязательным экскурсом в историю, также и анализ политической обстановки в «славянской Европе». Причем в своих политических прогнозах Кулидж, по его собственным словам, выступал зачастую против официально распространенных в России, Австро-Венгрии и Германии точек зрения, например, на «польский вопрос». Так, в серии очерков о Галиции [18] — о Кракове, Закопане — он пользуется экскурсом в историческое прошлое того же Кракова, описанием культуры, особенно периода Ренессанса, для доказательства тезиса о сохранении культурно-исторических традиций польского народа в настоящем. Подтверждению своеобразия этих традиций служит рассказ о коренном населении Закопане — гуралях. Статья Кулиджа содержит этнографические подробности описания их костюмов, обычаев. В целом же заметки Кулиджа о путешествии по польским землям позволяли ему сделать вывод, что проводимая Австро-Венгрией политика ассимиляции польского населения Галиции провалилась и в будущем необходимо ждать возрождения Польши в едином независимом государстве. В них он прямо предупреждал американское правительство, что ему следует готовиться к изменениям на политической карте «славянской Европы» [19].

Когда в 1893 г. Кулидж вернулся в Гарвард, старейший американский университет являлся захолустным учебным заведением Новой Англии, где преподавание истории было

характера буржуазной демократии США, отражал складывание его мировоззрения как защитника империалистической экспансии.

inslav

ограничено курсами по древнему миру, западноевропейской и американской истории [20]. Так же обстояло дело и в других американских университетах. В этих условиях Кулидж, получивший при поступлении в университет должность помощника преподавателя обзорного курса по европейской истории, на ежегодном собрании исторического факультета в 1893 г. предложил для чтения курс лекций по истории славян. Впоследствии он часто вспоминал, какой «насмешливый и резкий отказ» со стороны руководства факультета и преподавателей встретило его предложение [21]. Подобное отношение объяснялось недостаточным соответствием американской высшей школы требованиям времени, пресловутой автономией университетов, сохранением консервативного характера совета попечителей Гарварда, члены совета которого сдерживали введение новых предметов в программы преподавания.

Предлагая расширение, а по сути дела реформу преподавания истории, Кулидж выступил соавтором начатой в тот период президентом университета Ч. У. Элиотом перестройки преподавания в соответствии с современными требованиями, когда силу получали предметы, приобретавшие практическое значение в жизни. О трудностях на пути модернизации образования свидетельствует тот факт, что, несмотря на поддержку Элиота, понадобилась огромная энергия Кулиджа и его финансовая независимость, которой он также впоследствии пользовался в «славистических» целях, чтобы в 1894 г. он получил разрешение читать в течение семестра предложенный им курс по истории славян [4*].

Курс по истории «Северной Европы», как его называл сам Кулидж, включал историю России, Польши, Дании, Швеции и Турции за период с 1453 по 1795 г. Неизученность источников по данному вопросу в США и недоступность их для советских исследователей не позволяют судить о распределении материала в курсе по странам и периодам. Относительно названия курса в американской историографии существует ряд разногласий. А этот вопрос представляет ин-

---

[4*] Следует отметить, что американские авторы, вопреки имеющимся свидетельствам самого Кулиджа, склонны сглаживать сложности, имевшие место при введении славяноведения в Гарварде. См.: *Byrnes R.* Russian Studies in the United States before the First World War. — In: Forschungen zur osteuropaischen Geschichte, Berlin; Weisbaden, 1978, Bd 25, p. 40; *Batler T.* The Development of Slavic Studies at the End of the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century. — In: История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. София, 1981, с. 270.

inslav

терес, так как за ним стоит проблема содержательной стороны курса. Так, Т. Батлер склонен называть предложенный Кулиджем курс «историей России и Польши» [22]. В. Бентинк-Смит, опираясь на мнение коллеги Кулиджа по Гарварду Р. Мерримена, определяет курс как «историю России» [23], Р. Бирнс — как «историю Северо-Восточной Европы» [24].

По-видимому, можно сделать предварительный вывод, что, во-первых, в кулиджевском курсе отводилось большое место истории России, так как впоследствии на его основе возник его же «знаменитый курс по истории России» [25]; во-вторых, внутри курса история России рассматривалась в непосредственной связи с историей Польши: конечной датой курса является 1795 год — время третьего раздела Речи Посполитой; в-третьих, периодизация курса по событиям истории именно международных отношений (где начальной датой является падение Константинополя, а конечной — потеря Польшей независимости) опиралось на широко распространенную в буржуазной литературе того периода шлёцеровскую традицию, что свидетельствует о Кулидже как воспреемнике европейской позитивистской методологии истории и о наличии в его курсе определенного крена в сторону изучения внешнеполитической истории «Северной Европы».

Стремясь придать изучению истории славян систематический характер, Кулидж добился разрешения на следующий год (1895) читать курс (сроком в семестр) по «Восточному вопросу и Балканам», делая упор на историю XIX в. При этом, как отмечалось в гарвардской программе курсов, предусматривалось «изучить основные факторы, которые привели к образованию восточной проблемы, политику великих держав и интересы малых государств, которых эти события касались» [26]. То есть в центре внимания курса оказывался узел противоречий, связанных с наметившимся распадом Османской империи, национально-освободительным движением населявших империю народов, в том числе народов Балканского полуострова, и борьбой европейских великих держав за раздел ее владений.

В 1896 г. Кулидж прочел курс (опять же сроком в семестр), называвшийся «Дипломатическая история Европы с 1871 года», который был посвящен международной политике в период зарождения противоречий, приведших позднее к возникновению первой мировой войны. При этом выделялись такие проблемы, как русско-германские и русско-австрийские отношения, восточный вопрос [27]. Три вышеназванных курса впоследствии, как правило, чередовались, сменяя друг друга каждый год.

inslav

Вершиной преподавательской деятельности Кулиджа как слависта явился его полногодичный курс по истории России, который он начал читать в 1907/08 учебном году и продолжал вести вплоть до 20-х годов. Этот курс проводился поочередно с циклом лекций, посвященных восточному вопросу и Балканам. В курсе по истории России, ставшем основой, вокруг которой группировались другие курсы, связанные со славянской историей, по собственному свидетельству Кулиджа, ставилась задача «проследить общую концепцию русской истории с раннего периода до настоящих дней». При этом основное внимание уделялось «внутренним проблемам и социально-политическому развитию страны в новейшее время» [28]. Со временем курс по истории России стал дополняться спецкурсом и исследовательским семинаром по соответствующей проблематике. Его посещали студенты, собиравшиеся специализироваться по славянской истории. На спецкурсе, проводившемся три раза в неделю, Кулидж знакомил их с «библиографией предмета, с источниками и коллекциями источников, важными историческими работами» и основными проблемами тех периодов, которыми студент собирался заниматься [29].

На следующий год после введения лекционного курса по России Кулидж получил профессорское звание, что явилось признанием его заслуг в области преподавания славянской истории и профессиональной подготовленности.

Последним из введенных Кулиджем важных курсов (1909 г.), связанных с историей славян, являлся курс по истории Дальнего Востока в XIX в. Предполагалось, что прослушавшие его студенты смогут ознакомиться с «процессами на Дальнем Востоке начиная с конца XVIII в. до заключения Портсмутского мира» [30], т. е. до событий, завершивших русско-японскую войну 1904—1905 гг. Таким образом, в центре внимания и этого курса оказывалась история России: на этот раз русская внешняя политика в соответствующем регионе. В то же время следует обратить внимание на тот факт, что рассматриваемый в кулиджевском курсе период — это время, когда отчетливо начали проявляться планы проникновения самих США на Дальний Восток, в том числе и на русский Дальний Восток; когда в этом регионе образовались международные противоречия, затрагивавшие на разных этапах интересы Германии, Франции, Японии, США и России [31]. Кроме вышеназванных курсов, в разные периоды своей преподавательской деятельности Кулидж читал также лекции по истории стран Центральной Европы и по европейской истории с 1814 г. до конца XIX в. Таким образом, сла-

ipslav

вистические курсы Кулиджа были попыткой представить дипломатическую историю славянских стран главным образом новейшего времени, при этом история России рассматривалась наиболее многосторонне: с внутри- и внешнеполитической стороны. В результате деятельности Кулиджа на возглавляемом им славистическом отделении к началу 1920-х годов читалось более двух десятков курсов, в том числе курсы по истории и культуре Греции и Византии.

Образованное Кулиджем на историческом факультете славистическое отделение представляло вторую, высшую ступень американского высшего образования. Окончившие университетский колледж бакалавры проходили на отделении одногодичные программы подготовки, получая степень магистра, или после завершения двух- трехгодичной школы — степень доктора [5*]. При этом основными формами работы со студентами были не только лекционные курсы, но и исследовательские семинары, и занятия по подготовке диссертационной работы, на которых и проходил выбор научной специализации.

Использование Кулиджем широких географических рамок при подборе тематики славистических курсов носило принципиальный характер. Такой подход позволял ему определить место изучения истории славянских народов в рамках европейской и мировой истории. Следует отметить, что подобная широта объяснялась также незавершенностью процесса институционализации славяноведения в университетах США вплоть до 20-х годов XX в., стремлением привлечь наибольшее число заинтересованных в расширении своего гуманитарного образования студентов, так как от численности студентов и прежде всего от вносимой ими платы за изучаемые курсы зависело материальное положение всего исторического факультета, а значит и существование славистического отделения; кроме того, при отсутствии единого учебного плана подготовки славистов (система, сохранившаяся до сих пор) тематика и содержание подготовки студентов-славистов в значительной мере определялись также и научными интересами самого Кулиджа.

В целом же нельзя объяснить ориентацию его славистических курсов на изучение невралгических проблем международных отношений того времени (с которыми сталкивались

5* По уровню предъявляемых к ним требований докторские диссертации в начале века в США примерно соответствовали уровню магистерских диссертаций в России.

inslav

или должны будут, по его мнению, столкнуться в будущем Соединенные Штаты) только собственными научными интересами Кулиджа. Эта ориентация объяснялась более глубокой причиной, а именно: соответствующим пониманием Кулиджем идеологических задач изучения истории славян и славистики в целом в США. Эти задачи наряду с элементами «концепции славянской истории» и конкретной программой ее изучения были им самим сформулированы в докладе «О пользе изучения Северной Европы» на ежегодном заседании Американской исторической ассоциации в 1895 г. Доклад, являвшийся первым «славистическим» выступлением подобного рода среди американской научной общественности, получил столь горячую поддержку, что было решено ознакомить с его положениями более широкие круги: он был напечатан в ежегодном докладе Исторической ассоциации за 1895 г. и появился в виде статьи в органе ассоциации «The American Historical Review» за 1896 г.

Доклад Кулиджа был посвящен обоснованию необходимости широкого изучения всего комплекса славистических дисциплин в американских университетах. Останавливаясь на идеологических мотивах этой необходимости, он ссылался на государственную заинтересованность США в знаниях о состоянии славянских стран, особенно России. «. . . Все, что связано с развитием и условиями существования такой могущественной империи, безусловно, стоит нашего внимания», — убеждал Кулидж американских историков [32]. При этом Кулидж вслед за одним из идейных наставников американских историков того периода Л. Ранке обосновывал связь историографии зарождающейся славистики с «практической» политикой США [33].

Кроме того, в докладе нашли отражение попытки автора найти методологическое обоснование необходимости выделения истории славян при изучении всемирной истории и использовалась созданная в этих целях явно под влиянием немецкой идеалистической историографии «концепция славянской истории». При рассмотрении истории славян Кулидж склонен был отыскивать в ней некое неизменное начало, которое противопоставляло бы славян другим народам, главным образом романо-германским. Это «начало» у славянских народов он видел в наличии у них различного рода «раздробленности»: национальной, религиозной, культурной, — которую Кулидж противопоставлял якобы основополагающему началу Запада — его «единству» [34]. Подобная, довольно сомнительная, система доказательств служила Кулиджу для обоснования необходимости изучения истории славян в ка-

inslav

честве самостоятельного направления европейского исторического процесса.

Стремясь как-то примирить это умаляющее историю славян положение о «консервативном начале» с той важной ролью, которую в XIX в. играют славянские страны, Кулидж относит появление славян на международной арене в качестве самостоятельной политической силы к XVII—XIX в. Однако этой самостоятельности славянские народы в соответствии с его логикой, которую он в сущности наследует от Л. Ранке и немецкой школы права [6*], достигли не совсем «самостоятельно» [35]: в более ранние периоды их «приобщение к цивилизации» происходило якобы под воздействием того же романо-германского Запада: с одной стороны, посредством германской экспансии, а с другой — через влияние Константинополя [7*], которые, как вытекает из подобной системы рассуждений, и подготовили выход славян в качестве «активного и самостоятельного действующего лица на европейскую арену» [36].

В докладе нашел отражение и вопрос о предмете славистики. Кулидж считал необходимым ввести преподавание и научно-исследовательскую деятельность не только по истории, но и по славянской филологии. В своей программе славистических исследований он выделил историю «государственных институтов», «жизнь. . . и развитие классов в различные века», «фольклор, драматургию, военную стратегию, экономику, торговлю, литературу», историю церкви [37]. То есть, в отличие от немецкой славистической школы, он понимал славистику как историко-филологический комплекс дисциплин, т. е. очень близко к современной трактовке большинства специалистов [38]. Кроме того, Кулидж включал в предмет исследования славистики, как это вытекало из его университетских курсов, изучение всех славянских — в том числе и русского — народов; предметом изучения должны были стать и сопредельные народы «славянского ареала»: венгры, румыны, греки, турки.

[6*] Сравни с идеей Л. Ранке о приобщении славянских народов к цивилизации посредством германских завоеваний. См.: *Ranke L.* Geschichte der Papste. Meisterwerke. Berlin, 1874, Bd. 10, S. 258f, S. 301f.

[7*] Введение Кулиджем «византийского начала» в славянскую историю может свидетельствовать о его знакомстве с идеями русской историографии, в частности с концепциями славянофилов и неославянофилов. См., например, широко известный в западноевропейских странах труд В. И. Ламанского «Об историческом изучении греко-славянского мира в Европе» (СПб., 1871).

inslav

Доклад Кулиджа сыграл большую роль в пропаганде славистики в США, а ряд его положений нашел отклик как в научных, так и в административных университетских кругах. Во-первых, непредвзятый подход Кулиджа к ряду периодов славянской истории (особенно к XVII—XIX вв., с которыми он как специалист был хорошо знаком) намечал перспективу для объективного рассмотрения славистических проблем. (В то же время сохранение Кулиджем некоторых идеалистических схем в методологии подхода к «славянской» истории, а также тезис о необходимости подчинения исследований «государственному заказу» не могли в будущем не осложнить этого процесса). Во-вторых, в докладе было отражено зрелое понимание предмета и задач славистики, что не могло не влиять на выбор структуры славистики при ее введении в университетах.

Известный буржуазный историк В. С. Холт отмечает, что схема организации исторической науки в Америке заимствовалась в Англии [39]. Однако последовательная политика Кулиджа по введению в Гарварде преподавания дополнительных к истории дисциплин славистического комплекса свидетельствует о том, что о простом заимствовании при введении славистики нельзя говорить. Утверждение в Англии, а затем и в США сходных организационных структур славистики объяснялось, по-видимому, одинаковыми предпосылками и условиями ее появления в обеих странах. Кроме того, в Германии, которая задавала «тон» в мировой славистике и где культивировался филологический подход к этой науке, в тот период начали появляться его критические оценки [40], что должны были учитывать Кулидж и его единомышленники.

Кроме преподавания истории славянских народов, в Гарварде велась работа по славянской филологии. В 1896 г. Кулидж, стремясь превратить университет в центр комплексного изучения славистики, предложил историческому факультету кандидатуру Лео Винера (1862—1939) в качестве преподавателя славянских языков и литератур, а по совместительству и каталогизатора «славянской» книжной коллекции Гарварда. (Л. Винер позднее был известен как составитель и один из ведущих переводчиков двухтомной «Антологии русской литературы с древнейших времен до настоящего времени». Нью-Йорк, 1902—1903 — компендиума хорошо подобранных, но кратких отрывков английских переводов ведущих русских авторов, который сохраняет свое значение до сих пор в той части, которая касается докарамзинского этапа русской литературы. Кроме того, Винтер выступил

inslav

переводчиком наиболее полного для того времени 24-томного собрания сочинений Л. Н. Толстого. Бостон, 1904—1905).

После того как сопротивление администрации, не желавшей расширять преподавательские штаты славистического отделения [8*], было преодолено, Л. Винер был принят на факультет, где начал с 1896 г. читать курсы по русскому, польскому, старославянскому, а позднее — и чешскому языкам [41].

При обучении читались тексты на новых языках, применялся сравнительно-исторический метод исследования, обучение старославянскому основывалось на прогрессивной для того времени и до сих пор частично используемой методике «Учебника староболгарского языка» известного немецкого лингвиста А. Лескина [42]. В то же время полугодовой курс старославянского не носил самостоятельного характера, а был рассчитан на студентов, которые рассматривали его в качестве необходимого составного элемента при подготовке к занятиям индоевропеистикой, и основной упор на факультете делался на изучение современных языков. Как правило, это были годичные курсы, занятия на них велись три раза в неделю; занятия русским языком носили более фундаментальный характер, охватывая два-три года и подразделяясь на курсы по обучению «элементарному» языку и спецкурсы.

В 1899 г. проводимые Винером языковые курсы были дополнены обзорным курсом по «Общей славянской филологии», а позднее — по русской литературе XIX в., в которой большое внимание уделялось творчеству А. С. Пушкина, Н. В. Гоголя, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого; по польской литературе XIX в., где изучались А. Мицкевич, И. Красинский, Ю. Словацкий, Г. Сенкевич; также читался курс «Толстой и его время» [43]. Для большинства из этих курсов требовалось знание соответствующих славянских языков. Однако их посещение не давало студентам права на получение диплома об окончании университета: для этого в Гарварде в первое десятилетие XX в. был введен специальный курс «О влиянии и взаимосвязях славянских литератур с литературами Западной Европы» [44], т. е. славистический диплом по фило-

---

8* Условием принятия Л. Винера на факультет явилось согласие Кулиджа выплачивать ему жалованье из собственных средств за первые пять лет; эта практика продолжалась и в дальнейшем: Кулидж вынужден был платить С. Х. Кроссу, занявшему место Винера после ухода того из Гарварда. См.: The Slavic and East European Review, 1978, N 4, с. 659.

inslav

логии в тот период не носил еще самостоятельного «славистического» характера [9*].

Подчиненное положение славянской филологии, в особенности языкознания, по отношению к «исторической» славистике в Гарварде объяснялось не только личностью Винера, которому была ближе самостоятельная исследовательская работа, нежели преподавание, но и, главным образом, общим состоянием славистики в США вплоть до конца изучаемого периода. Первые отделения славистики в американских университетах, и в Гарварде в том числе, не имея в тот период финансовых и кадровых возможностей для одновременного развития всех дисциплин славистического комплекса силами отдельно взятых центров сосредоточивали основное внимание на одной из них: либо на истории, либо на филологии (при этом в организационно-преподавательском плане по отношению к ведущей дисциплине все другие рассматривались как вспомогательные).

Так, Гарвард как бы специализировался на «исторической» славистике и занятия славянскими языками в нем в первую очередь были подчинены задаче подготовки историков-славистов со знанием этих языков, из которых русский был обязательным; кроме того, языковые занятия служили подготовке преподавателей славянских языков и уж в последнюю очередь — специалистов по славянскому языкознанию. Винеровские курсы восполняли также широкий интерес, появившийся с начала XX в. в американском обществе к феномену славянской культуры, русской в особенности, который выражался в стремлении посредством изучения языка «вступить в прямой контакт с русской цивилизацией» [45].

В 1910 г. славистическое подразделение было пополнено Робертом Х. Лордом, одним из лучших учеников Кулиджа первого выпуска, который начал читать кулиджевские вводный и специальный курсы по русской истории. Сам Кулидж, занявший в это время пост директора Гарвардской библиотеки, вынужден был сократить свою преподавательскую деятельность. Заботясь о сохранении славистики в университете, он убедил руководство принять Р. Лорда на это место, отмечая достижения в работе отделения, в особенности «исторической» славистики. Так, в письме к президенту университета от 25 февраля 1910 г. он сообщал, что «в настоящее время трое из наших докторов по истории предлагают. . . моногра-

---

[9*] К сожалению, более подробные материалы о читавшихся Л. Винером славистических курсах отсутствуют в американской литературе.

inslav

фии» по славистике, а «двое выпускников этого года выбрали аналогичные темы. Уменьшив внимание к восточноевропейской и азиатской истории (имелась в виду проблематика, связанная с восточным вопросом и Балканами. — *Л. М.*), мы не только ослабили бы себя в той области, которая представляет в настоящее время большой интерес, но и погубили бы многое из того, что уже удалось построить»[46].

Несмотря на видимый прогресс в постановке славистического образования в Гарварде, наличие диспропорции между быстрым расширением проблематики читавшихся курсов и медленным увеличением преподавательского состава требовало от преподавателей энциклопедических познаний во многих областях славистического комплекса, мешало углублению специализации как преподавателей, так и студентов, а в целом — сдерживало на практике дифференциацию наук славистического комплекса.

Важным фактором, способствовавшим превращению Гарварда в крупный славистический центр, являлось также наличие в нем собранной А. Кулиджем богатой библиотеки славянской литературы, которую в начале XX в. превышала по объему лишь многотысячная «коллекция Юдина» Библиотеки конгресса в Вашингтоне[47]. Отправной точкой деятельности Кулиджа по сбору коллекции Гарварда являлось его убеждение в необходимости опоры на соответствующую базу источников и литературы для успешного развития славистики[48].

Библиотечная корпорация Гарварда так же, как и вся университетская администрация, не очень стремилась помочь ему в этом вопросе[49]. Деньги на приобретение славистической литературы почти не выделялись, комплектование велось в основном за счет получения ограниченного числа названий периодических и продолжающихся изданий из всего множества имевшихся в то время, а именно: 1) некоторых изданий университетов, историко-филологических и археологических обществ, духовных академий России, Польши, Сербии, Чехии и других стран; 2) изданий трудов славянских обществ в этих странах; 3) некоторых специальных журнальных изданий и журналов общего характера России, Польши и Германии и др.[50]

В начальный период работы Кулиджа в университете основными источниками пополнения славистической части библиотеки являлись пожертвования самого Кулиджа и его семьи, а также помощь его друзей, знакомых и всех, кого он мог приобщить к этому делу. Только в 1896 г. коллекция по славистике Гарварда смогла достичь таким путем 6000 книг

inslav

(не считая вышеназванной периодики), из которых, по свидетельству Л. Винера, 3000 томов подарил университету Кулидж [10*]. Несмотря на то что собиралась различная по проблематике литература (так, посланный на поиск книг в славянские страны Л. Винер купил богатейшее собрание литературы по Словении — так называемую «коллекцию Ломбардини», до сих пор являющуюся основой гарвардского собрания по этому краю), главное внимание Кулидж сосредоточил на таких направлениях, как источники и литература о России, включая такую интересующую его тему, как русская политика на Дальнем Востоке, а также по теме «турецкая экспансия и народы Балканского полуострова». Так, источниковая часть «русской коллекции» благодаря его помощи пополнилась в тот период: 1) документами и протоколами заседаний Государственной думы; 2) материалами первой русской переписи (1897 г.); 3) статистикой железнодорожного строительства в России и т. д.; литературная же часть увеличилась за счет покупки специальных периодических изданий таких, как 100-томный комплекс «Русской старины» и др., а также многочисленной литературы и источников для изучения народнического движения. В результате в 1910 г. Кулидж мог заявить с некоторой долей преувеличения, что «по Дальнему Востоку мы имеем, возможно, лучшую рабочую библиотеку вне Вашингтона, по России и другим славянским странам — лучшую в Соединенных Штатах (на неславянских языках), по Оттоманской империи и восточному вопросу, возможно, лучшую в мире» [51].

После назначения Кулиджа в 1910 г. на должность директора Гарвардской библиотеки, что являлось признанием заслуг в деле ее пополнения, его деятельность по расширению славистической части библиотеки была направлена, во-первых, на выработку правильной финансовой политики администрации в этом вопросе, а, во-вторых, на увеличение в нее собственных вкладов славянской литературы. В первом случае Кулиджу удалось достичь медленного, но постоянного роста ассигнований администрации на нужды библиотеки, в том числе и на нужды славянской ее части. О размере же собственных кулиджевских пожертвований на славянскую литературу свидетельствует тот факт, что в некоторые годы они составляли половину выделяемых университетом средств

10* Следует отметить, что в 1894—1895 гг. общие поступления в Гарвардскую библиотеку насчитывали 15 000 томов литературы (без периодики). См.: *Bentinck-Smith W.* Building a Great Library. The Coolidge Years at Harvard. Cambr. (Mass.), 1976, p. 11.

inslav

на покупку новых книг [52]. Особенно большие закупки книг производились им в 1919 г. во время его поездок по землям бывшей Австро-Венгрии и Польше в качестве представителя американской делегации на Парижских мирных переговорах и в 1921—1922 гг. в Советской России, где Кулидж находился как представитель научного отдела «Американской администрации помощи» (АРА) [53]. Пользуясь тяжелой обстановкой, в которой находилась страна, из России Кулидж вывез сам и с помощью своего ученика Ф. Голдера, тоже являвшегося членом АРА и занимавшегося сбором литературы для Гуверовского института, несколько тысяч книг и серийных изданий, главным образом по юриспруденции и искусству, относящихся к русскому довоенному периоду.

Рост славянской коллекции Гарварда давал возможность во все большей степени пользоваться на занятиях источниками на славянских языках и их переводами на английский язык — это были образцы фольклора, поэзии, исторические памятники. Однако до конца начального периода становления славистики в США сохранялась проблема англоязычных учебников, словарей и грамматик славянских языков [11*], на практике приходилось пользоваться в основном немецкими вариантами учебных пособий; также оставалась проблема языковой подготовки студентов. Чтобы расширить возможности языковой и общенаучной подготовки выпускников, Кулидж стремился посылать их в славянские страны на стажировку, зачастую за свой счет. С этой целью его ученик Р. Х. Лорд в 1908—1910 гг. был в университетах Москвы, Вены, Р. Кернер провел 1912—1914 гг. в Праге, Вене и Москве, Р. Блейк учился в 1911—1912 гг. в Петербурге у профессора М. Ростовцева и потом побывал в России в 1916—1918 гг. и т. д.

Рост авторитета Гарварда как центра славистики, а также распространение славистики вширь, объяснялось также тем, что Кулиджу удалось создать собственную научную политико-дипломатическую школу, ученики которой в свою очередь способствовали введению преподавания и началу научно-

---

[11*] Об остроте проблемы свидетельствует тот факт, что она была поднята на первом съезде американских славистов, проходившем в рамках съезда Американской исторической ассоциации в 1924 г. в г. Ричмонде, где ставилась задача «публикации русских, польских, чешских и болгарских словарей и грамматик; перевод славянских классиков (поэзия и проза); перевод наиболее интересных славянских исследований в области истории, экономики и др.». См.: The Slavonic Conference at Richmond. — The Slavonic Review, 1925, N 9, v. 3, p. 690.

inslav

исследовательской работы в области славистики в ряде крупнейших университетов США. С начала XX в. и на протяжении всего межвоенного периода они оказывали неограниченное влияние как на организацию науки, так и на развитие славяноведческих знаний в целом по стране. Среди учеников Кулиджа периода становления славистики наибольшей известностью пользовались Р. Х. Лорд (1885—1951), Ф. Голдер (1877—1927), Дж. Нойес (1873—1952).

На методологическую ориентацию Кулиджа и его учеников оказывали влияние различные европейские школы и направления исторической мысли и их историческое мировоззрение не являлось целостным; в позитивизме им было близко отрицательное отношение к постановке общих проблем исторического развития, а в качестве положительной программы выдвигались — «объективизм», внимание к фактам, абсолютизация самоценности факта. В этом также сказывалась связь кулиджевской школы с методологией Л. Ранке и с пользовавшимся влиянием в конце XIX—20-е годы XX в. немецким неокантианством (Г. Риккерт — В. Виндельбанд), представители которого рассматривали историю как науку «о событиях» и видели ее задачу исключительно в поиске «отдельных исторических фактов».

В то же время на результатах конкретных исследований сказывалось знакомство учеников Кулиджа со славянской историографией, в первую очередь русской, польской. В тематическом плане в работах этих ученых преобладала политическая и в основном дипломатическая история, в частности утверждалась концепция о «примате внешней политики над внутренней» и «примате политики над экономикой».

Сам Кулидж был более известен в США своей преподавательской и дипломатической деятельностью (был членом комиссии ученых-советников президента В. Вильсона при подготовке к Парижской мирной конференции 1919 г., членом американской делегации на этой же конференции и т. д.), чем своими научными изысканиями. О нем говорили, что он больше интересуется «производством ученых», чем «продукцией учености как таковой» [54]. В то же время в научном плане Кулидж обогатил американскую историографию рядом свежих положений — протестом против ее провинциальной страноведческой и тематической ограниченности, живым интересом к истории международных отношений XIX в. (непопулярной в США вплоть до 1900-х годов, до начала империалистической экспансии), в особенности отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, призывом к использованию источников при изучении этих проблем.

inslav

В целом научно-исследовательская работа Кулиджа отражала его преподавательские интересы. В научных кругах за ним утвердилась репутация специалиста в области международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе. Однако его первая работа — «Соединенные Штаты как мировая держава» (1908 г.) была далека от проблем, касающихся славян. Она связывала свою задачу с поиском исторической аргументации начавшейся американской экономической и военной экспансии. Лишь в главе, посвященной дальневосточному направлению этой экспансии, Кулидж касается истории международных отношений США с Россией, в особенности русско-американских отношений до и в период русско-японской войны. В этой работе, отступая от проповедуемого им же «объективизма», Кулидж выступает с позиций сервилизма перед правительственными кругами, как представитель официозного направления в изучении внешней политики США.

Основная работа Кулиджа, давшая ему репутацию исследователя истории международных отношений в Центральной и Юго-Восточной Европе, посвящена истории австро-русско-германского союза 70—80-х годов XIX в.[55] В ней он рассматривает важнейшие этапы восточной политики Германии после образования империи, в том числе политику вытеснения совместно с Австро-Венгрией России с Балканского полуострова и политику противодействия развитию освободительного движения в Юго-Восточной Европе; выделяет австро-германский союз 1879 г. и австро-германо-итальянский союз 1882 г. как шаги Бисмарка по расколу Европы на два военно-политических блока, приведшие к зарождению истоков первой мировой войны. Продолжением работы Кулиджа над внешнеполитической историей стран региона являлся перевод и редактирование им соответствующей, наиболее значимой западноевропейской литературы по этому вопросу [56].

Ряд более мелких работ Кулиджа был посвящен внутриполитической истории Австро-Венгрии, а точнее — вопросу о причинах ее распада [57]. В отличие от некоторых современных американских историков [58], усматривавших эти причины в воздействии внешних факторов, Кулидж видел их в условиях внутреннего развития монархии, в особенности в состоянии в ней национального вопроса.

Русская история нашла отражение в трудах ученика Кулиджа Франка Голдера. Голдер, защитивший докторскую диссертацию в 1914 г. так же, как его учитель, интересовался вопросами внешней политики России на Тихом океане [59].

inslav

Опираясь на материалы русских архивов, в монографии и ряде статей он исследовал большой круг проблем русского освоения Аляски, различных этапов русско-американских отношений, связанных с этим районом, в особенности отношений периода Гражданской войны в США. Большое значение для дальнейшего изучения этого круга проблем в Соединенных Штатах имело составление Голдером справочника-указателя «Руководство по материалам для изучения американской истории в русских архивах» (Вашингтон, 1917). В научной деятельности Голдера отчетливо проявились две тенденции, ставшие наиболее характерными для американской русистики в межвоенный период: с одной стороны, он заложил основы «исторической русистики» в Стэнфордском университете, где он преподавал после окончания учебы в Гарварде, а с другой — в какой-то степени определил путь ряда первых американских русистов, став одним из основателей (о чем говорилось выше) и первым директором имевшего откровенно антисоветскую направленность Гуверовского института при Стэнфорде.

История Польши также находила отражение в славистических интересах учеников Кулиджа. Самым значительным вкладом в ее разработку являлись исследования Р. Х. Лорда, которые не были многочисленными, но носили фундаментальный характер. По настоянию Кулиджа 1908—1910 гг. Лорд провел в архивах Берлина, Вены, Петербурга и Москвы, собирая материалы для диссертации о втором разделе Речи Посполитой. Благодаря содействию американского посольства в Петербурге он получил доступ к секретным политическим документам, касающимся дипломатической истории событий 1793 г., куда до него не допускались европейские исследователи, а русские ученые допускались ограниченно [60]. Это были секретные документы петербургской Коллегии иностранных дел, политические документы Екатерины II, донесения из Варшавы О.-М. Штакельберга и Я. И. Булгакова и инструкции Петербурга этим дипломатам и т. д.[61] В диссертации также использовались материалы архивов Австро-Венгрии и Германии. Благодаря широкому охвату источников и глубокому ознакомлению с имевшейся в тот период литературой работа Лорда (защищенная в 1910 г. и вышедшая отдельным изданием в 1915 г.) охватывала практически все стороны дипломатической истории второго раздела Речи Посполитой. Оцененная современниками как «лучшее историческое сочинение», до того выходившее в США [62], как образец торжества позитивистского принципа «объективно-

inslav

сти», работа действительно оказала большое влияние не только на славистику, но и на всю американскую историческую науку того времени как пример строго документального исследования и критического анализа источников по новому времени. Труд Лорда сохраняет до сих пор свое значение в используемой им источниковой базе [63]. На основные его выводы, не зависимые от выводов немецкой и австрийской историографии, в то же время оказала влияние польская историческая литература, в особенности работы В. Калинки, Ш. Аскенази, Б. Дембинского [64]. Эти выводы не находят подтверждения в современной исторической литературе [65]. Перу Лорда во время его преподавательской деятельности в Гарварде принадлежали также основанные на архивных документах работы о политике Бисмарка в отношении России в период польского восстания 1863—1864 гг. и о дипломатической истории третьего раздела Польши [66].

Еще один из учеников Кулиджа, обучавшийся также у Винера, Дж. Нойес, выбрал своею специальностью славянскую филологию. Его роль в деле утверждения славистики в США превышает значение всех первых выпускников-славистов Гарварда: Нойес явился организатором славистического отделения в Калифорнийском университете (Беркли), которое благодаря ему начало специализироваться по славянской филологии, и стал учителем целой плеяды американских филологов-славистов межвоенного периода. Его карьера в целом была типична для остальных учеников Кулиджа. В 1898 г. после защиты докторской диссертации он поехал в Россию (1898—1900), где совершенствовал свои знания в Петербургском университете у С. Л. Пташицкого, А. И. Соболевского и В. И. Ламанского [67].

В 1901 г. по возвращении в США его пригласил в Калифорнийский университет в качестве преподавателя славянских и английского языков президент этого университета Уилер, задумавший начать в нем изучение славянской филологии. Таким образом в рамках созданного отделения славянских языков Нойес преподавал русский, чешский, старославянский и другие языки, а также по собственному почину для расширения общенаучной подготовки студентов читал курсы по истории славянских литератур, по истории России, истории русских политических институтов, торговле и промышленности России. В 1917—1918 гг. преподавательский штат славистического отделения в соответствии с возросшими потребностями был увеличен за счет Александра Кауна и Джорджа Патрика, и Нойес смог посвятить себя целиком преподаванию славянских языков. Рост преподавательских

inslav

штатов объяснялся увеличением посещаемости курсов: если в 1901/1902 учебном году число учеников достигало 13, то к 1915—1916 гг., постепенно увеличиваясь, оно возросло до 20 человек ежегодно, а к концу первой мировой войны достигло 28 человек [68]. Славянское отделение, как и в Гарварде, первоначально ориентировалось главным образом на подготовку практических преподавателей славянских языков и лишь со временем стало готовить языковедов, занимавшихся научными изысканиями в области славянского языкознания. Кроме своей преподавательской деятельности, Нойес был известен как пропагандист славянской литературы в США. Он явился создателем собственной переводческой школы, переводя совместно с учениками и коллегами, редактируя и издавая на английском языке произведения русских писателей и поэтов от Д. И. Фонвизина до В. В. Маяковского, а также польских поэтов А. Мицкевича, Ю. Словацкого, И. Красинского и др.

Таким образом, Гарвард дал толчок и в некоторой степени послужил базой для создания славистических отделений в других университетах. Бурные события, потрясшие Европу: начало первой мировой войны, Октябрьская революция в России и нарастание под ее влиянием революционной ситуации в Центральной Европе вызвали развитие славистики вширь в Соединенных Штатах. Если в 1905 г. вслед за Калифорнийским университетом были созданы славистические отделения в Колумбийском и Чикагском университетах [12*], то в 1918—1922 гг. славистика преподавалась уже и в Бостонском университете (г. Бостон), Университете Брауна (г. Провиденс), Университете Буффало (г. Буффало), Южнокалифорнийском университете (г. Лос-Анджелос), Джорджтаунском университете (г. Вашингтон), Колледже Тафта, Вашингтонском (г. Сиэттл), Висконсинском, Йельском и других университетах [69]. В начале 1920-х годов XX в. каждый крупный университет считал для себя обязательным иметь славистическое отделение. Однако рост вширь организационной структуры славистики дробил силы еще не окрепшей науки. Ряд ученых, Кулидж в том числе, считали необходимым для достижения качественного «рывка», прогресса в славистике организовать на базе какого-либо из университетов (называлась кандидатура Гарварда) единый славистический центр по типу Школы славянских исследований Лондонского университета [70]. Однако для создания такого

12* Историю развития славистики в этих университетах еще предстоит исследовать.

inslav

центра в США в тот период не были найдены средства, и славистика продолжала развиваться и в дальнейшем силами отдельных университетов.

[1] Среди ранних американских работ по славистике выделяются труды: TALVJ (Th. A. L. von Jakob). A Historical View of the Slavic Language in its Various Dialects, with Special Reference to Theological Literature. — The American Biblical Repository, 1834, v. 4, N 13—16, p. 328—532; *Idem*. Slavic Popular Poetry. — The North American Review, 1836, July, p. 35—120; *Idem*. The Historical View of the Languages and Literatures of the Slavic Nations. New York, 1850; *Schuyler E*. Peter the Great. New York, 1884, 2 vols.

[2] Работы по истории славистики в США приходились в основном на 1920-е, 1940-е, 1950-е годы: *Kerner R*. Slavonic Studies in America. — SR, 1924, N 3, v. III, p. 243—258; *Idem*. Bibliography of American Doctoral Dissertations on Slavonic Studies, 1914—1924. — Slavonic Review (далее — SR), 1925, N 9, v. III, p. 745—749; *Meader C*. Russian Studies in America. — Russian Review (далее — RR), 1913, N 2, v. II, p. 194—196; *Preveden F. R*. Need of Slavonic Studies. — School and Society, 1926, 25 September, p. 394—395; Slavonic Studies in America. — SR, 1924, N 7, v. III, p. V—VIII; Slavonic Studies in America. — SR, 1924, N 8, v. III, p. VII—XI; *Maslenicov O. A*. Slavonic Studies in America. 1939—1946. — The Slavonic and East European Review (далее — SEER), 1947, N 65, v. XXV, p. 528—537; *Noyes G. R*. Slavic Languages at the University of California.— SEER, 1944, N 60, v. XXII, p. 53—60; *Coleman A. P*. Talvj's Correspondence with Percival J. G. — SEER, N 60, v. XXII, p. 83—96; *Spector I*. Russian Studies in the Pacific Northwest. — SEER, 1944, N 60, v. XXII, p. 61—69; *Lednicki W*. The State of Slavic Studies in America. — The American SEER, N 13, 1954, p. 100—116; *Manning C*. History of Slavic Studies in the United States. Milwaukee, 1957; *Ornsbein J*. Slavic and East European Studies: their Development and Status in the Western Hemisphere, 1957.

[3] *Byrnes R*. Archibald Cary Coolidge: A Founder of Russian Studies in the United States. — SEER, 1978, N 4, v. 56, p. 651—667; *Idem*. Russian Studies in the United States before the First World War. — In: Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin; Wiesbaden, 1978, Band 25, S. 35—46.

[4] *Butler Th*. The Development of Slavic Studies in America at the End of the Nineteenth and the Beginning of the Twentieth Century. — In: История на славистиката от края на XIX и началото на XX век. София, 1981, с. 267—271.

[5] *Блинкин Я. А*. Как в американской высшей школе преподают и изучают историю СССР. — В кн.: История и историки. Историографический ежегодник. 1979. М., 1982, с. 133—159.

[6] *Куропятник Г. П*. Общественные и культурные контакты. — В кн.: Куропятник Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи. 1867—1881. М., 1981, с. 111—116; *Журавлев И. К*. Томас Перри — пропагандист русской литературы в США.— Русская литература, 1974, № 1, с. 223—230. О другой американской славистке этого периода И. Фл. Хэнгуд см. справку к публикации: *И. Хэнгуд*. Граф Толстой дома. — Вопросы литературы, 1984, № 2, с. 163—167.

[7] Revolution of 1830—1831. — Democratic Review, 1846, v. 18, p. 47; Revolution of 1830—1831. — Museum of Foreign Literatures,

inslav

1831, v. 19, p. 226; Revolution of 1830—1831. — American Quarterly Register, 1932, v. 4, p. 96; *Godkin E. L.* American Opinion on Eastern Question in 1877. Plevna Defeat. — The Nation, 1877, v. 25, p. 115; *Idem.* Turco-Russian Complications. — The Nation, 1877, v. 24, p. 231; *Idem.* England and Russia. — The Nation, 1878, v. 27, p. 65 etc.

[8] В течение одного только 1886 г. (выборочно) в США были опубликованы следующие произведения русской литературы: The Epic Songs of Russia. New York, 1886; *Gogol N.* Eve of St. John. New York, 1886; *Nekrasov N. A.* Red-Nosed Frost. Boston, 1886; *Tchernuishevsky N. G.* A Vital Question or What is to be done? New York, 1886; *Tolstoy L.* Anna Karenina. New York, 1886; *Tolstoy L.* War and Peace. New York, 1886. О популярности польской литературы в стране свидетельствует тот факт, что в течение 1896—первого полугодия 1900 г. вышло отдельными изданиями 13 произведений одного Г. Сенкевича. Среди них четыре издания выдержал только роман «Quo vadis».

[9] *Зубок Л. И.* Очерки истории США. М., 1956, с. 405—414. Подробнее см.: *Нарочницкий А. Л.* Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке, 1860—1895. М., 1956.

[10] О позициях американского капитала в славянских землях Австро-Венгрии в конце XIX в., о росте торговли между двумя странами и усилении американских торгово-финансовых интересов в юго-восточном регионе Европы см. доклады генерального консула США в Вене: Commercial Relations of the United States with Foreign Countries during the Year 1900. Washington, 1901, v. II, p. 5—51.

[11] *Kerner R.* Slavonic Studies. . ., p. 243.

[12] Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки. М., 1977, с. 197.

[13] *Holt S.* Historical Scholarship in the United States and Other Essays. Seattle, 1967, p. 19.

[14] Историография новой и новейшей истории. . ., с. 200—204, 206—207; *Болховитинов Н. Н.* США: проблемы истории и современная историография. М., 1980, с. 308.

[15] *Butler Th.* Op. cit., p. 267.

[16] *E. E.* (*Emerton E.*). Coolidge Archibald Cary. — In: Dictionary of American Biography. New York, 1958, v. II, p. 393—395. Подробности биографии Кулиджа см. также в некрологах: A. C. Coolidge. — The Nation, 1928, January, v. 126, p. 83; A. C. Coolidge. — American Historical Review, 1928, April, p. 714; A. C. Coolidge. — Foreign Affairs, v. 6, N 3, p. 353—355.

[17] *Coolidge A. C.* Coup d'état in Servia. — The Nation, 1893, v. 56, p. 330; *Idem.* Across Siberia. — The Nation, 1895, v. 61, p. 165, 203, 238, *Idem.* Ararat.— The Nation, 1898, v. 67, p. 239; *Idem.* The Ancient Capital of Poland. — The Nation, 1896, v. 63, p. 137—138; *Idem.* A Polish Summer Resort. — The Nation, 1896, v. 63, p. 268—269.

[18] *Coolidge A. C.* The Ancient Capital. . .; *Idem.* A Polish Summer. . .

[19] *Coolidge A. C.* The Ancient Capital. . ., p. 138.

[20] *Byrnes R.* Russian Studies in the United States. . ., p. 36.

[21] *Bentinck-Smith W.* Building a Great Library. The Coolidge Years at Harvard. Cambr. (Mass.), 1976, p. 11.

[22] *Butler Th.* Op. cit., p. 40.

[23] *Bentinck-Smith W.* Op. cit., p. VI.

[24] *Byrnes R.* Archibald Cary Coolidge. . ., p. 653.

[25] *Bentinck-Smith W.* Op. cit., p. 7.

[26] Slavonic Studies in America. — SR, 1924, v. III, N 7, p. VI.

inslav

[27] Сравни с аналогичной проблематикой монографии Кулиджа, основанной на материалах данного курса: *Coolidge A. C.* The Origins of the Tripple Alliance. New York, 1926.

[28] Slavonic Studies in America. — SR, 1924, v. III, N 7, p. VI.

[29] *Ibid.*

[30] *Ibid.*

[31] Очерки новой и новейшей истории США. М., 1960, т. 1, с. 373—392, 437—452.

[32] *Coolidge A. C.* A Plea for the Study of the History of Northern Europe. — American Historical Review, 1896, v. 2, N 1, p. 35.

[33] *Вайнштейн О. Л.* Леопольд фон Ранке и новейшая буржуазная историография. — В кн.: Критика новейшей буржуазной историографии. Л., 1961, с. 130.

[34] *Coolidge A. C.* A Plea for the Study. . ., p. 36.

[35] Ibid., p. 35, 37.

[36] Ibid., p. 36.

[37] Ibid., p. 39.

[38] *Марков Д. Ф.* Славистика как комплекс научных дисциплин. — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 10.

[39] *Holt W. C.* Op. cit., p. 15.

[40] Palme A. Russian Studies in Germany. — RR, 1924, v. III, N 1, p. 133. Автор статьи А. Палмо выступил с критикой «филологического» подхода к славистике, считая, что «знание языка должно поддерживаться и углубляться изучением законов, управления, экономики и финансов. . ., и все это должно рассматриваться через историческую призму». При этом он свидетельствовал о заинтересованности правительственных и части общественных кругов Германии в введении всего комплекса славистических дисциплин в германской высшей школе и о противодействии этому консервативной традиции, существующей в ней.

[41] Slavonic Studies in America. — SR, 1924, v. III, N 7, p. VI.

[42] Ibid.

[43] Ibid.

[44] *Meader C.* Russian Studies in America, p. 194.

[45] *Ibid.*, p. 196.

[46] *Bentinck-Smith W.* Op. cit., p. 108.

[47] *Бабин А.* Библиотека Г. В. Юдина в Красноярске. Вашингтон, 1905.

[48] *Coolidge A. C.* The Harvard College Library. — Harvard Graduates' Magazine, 1915, September, p. 23.

[49] *Buck P.* Libraries and Universities. Cambr. (Mass.), 1964, p. 76.

[50] *Wiener L.* Slavic Studies at Harvard. — The Nation, 1896, v. 63, p. 420.

[51] *Bentinck-Smith W.* Op. cit., p. 108.

[52] Ibid., p. 11—14, 42—43.

[53] *Byrnes R.* Russian Studies in the United States. . ., p. 41.

[54] *Merriman R.* Suleiman the Magnificent. 1520—1566. Cambr. (Mass.), 1944, p. VII.

[55] *Coolidge A. C.* The Origins of the Tripple Alliance. . .

[56] *Creasy E.* Turkey / Ed. by Coolidge A. C. and Claflin W. H. Philadelphia, 1907; *Pribram A.* The Secret Treaties of Austria—Hungary. 1879—1914. / Ed. by Coolidge A. C. Cambr. (Mass.), 1920—1921, 2 vols; The Barrington-Bernard Correspondence / Ed. by Coolidge A. C. and Channing E. Cambr. (Mass.), 1912.

inslav

[57] *Coolidge A. C.* The Break Up of the Hapsburg Empire. — In: *Coolidge A. C.* Ten Years of War and Pease. Cambr. (Mass.), 1927, p. 241—268.

[58] *Kann R. A.* The Habsburg Empire. A Study in Integration and Desintegration. New York, 1957, p. 168; *Mamatey V. S.* The United States and East Central Europe. 1914—1918. A Study of Wilsonian Diplomacy and Propaganda. Princeton, 1957, p. XI.

[59] *Golder F.* The Russian Expansion in the Pacific (1641—1850). Cleveland, 1914; *Idem.* The Russian Fleet and the Civil War. — AHR. 1915, v. XX, N 40; *Idem.* The Purchase of Alaska.— AHR, 1920, v. XXV, N 3; *Idem.* The American Civil War through the Eyes of a Russian Diplomat. — AHR, v. XXVI, N 3.

[60] *Łojek J.* Robert Howard Lord — uczony niezwykły (1885—1954). In: *Lord R.* Drugi rozbior Polski. Warszawa, 1972, s. 14, 17.

[61] Ibid., p. 17.

[62] *Kerner R.* Slavonic Studies. . ., p. 254.

[63] *Łojek J.* Op. cit., s. 17.

[64] *Askenazy Sz.* Przymierze polsko-pruskie., Warszawa, 1918.

[65] История Польши. М., 1956, т. 1.

[66] *Lord R.* Bismark and Russia in 1863. — AHR, 1923, v. 24, October, p. 24—48; *Idem.* The Third Partition of Poland. — SR, 1925, v. 3, N 9, p. 481—498.

[67] *Драганов П. Д.* Кафедры русского языка в С[еверо]-Американских Соед[иненных] Штатах. — Новое время, 1902, 12 ноября.

[68] *Noyes G.* Slavic Languages. . ., p. 53.

[69] SR, 1924, v. 3, N 8, p. VII—XI.

[70] *Kerner R.* Slavonic Studies. . ., p. 249.

Н. А. Богаева

НЕМЕЦКОЕ ОБЩЕСТВО ПО ИЗУЧЕНИЮ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В 1913—1939 гг.

В конце XIX—начале XX в. международная ситуация способствовала дальнейшему развитию в Германии все возрастающего интереса к России и определила необходимость обстоятельного ее изучения [1]. Для решения этой задачи было создано специальное учреждение — Немецкое общество по изучению России. О структуре и деятельности этого Общества много писал исследователь из ГДР Герд Фойгт, работы которого публиковались на немецком и русском языках. Различные аспекты советско-германских научных и культурных связей разрабатывались советскими учеными академиком И. И. Минцем, А. Е. Иоффе, Е. А. Дудзинской, Ю. П. Муравьевым, Л. С. Никольской и их коллегами из ГДР Э. Винтером, Г. Розенфельдом, Л.-Д. Берендтом, Э. Штеккер и др.

Общество по изучению России было основано в Берлине 16 октября 1913 г. в 100-летнюю годовщину Битвы народов

Inslav

при Лейпциге [2]. Его созданию предшествовала ознакомительная поездка в Россию в 1912 г. большой группы немецких ученых и представителей государственного аппарата [3]. Инициатива создания Общества исходила от ученого-аграрника и специалиста по политической экономии Макса Зеринга, а переговоры с ведомством иностранных дел и прусским министерством культуры вел профессор восточноевропейской истории Берлинского университета Отто Гетч, ставший подлинным руководителем этого Общества [4]. К основателям Общества относятся также профессор политической экономии Берлинского университета Отто Аухаген и берлинский славист профессор Эрих Бернекер [5]. В феврале 1913 г. в ведомство иностранных дел и другие министерства была направлена составленная Гетчем памятная записка, где были сформулированы цели и задачи Немецкого общества по изучению России и намечен план его работы [6].

Предполагалось, что Общество будет изучать краеведение (географию и этнографию), историю, экономику, право, духовную культуру (церковь, университеты, школу, литературу, театр, музыку), изобразительное искусство России. При этом под Россией понимали всю Российскую империю, за исключением территорий, которыми традиционно занималась ориенталистика. Не исключалось расширение географических границ исследований. Основным же делом Общества, по мнению его создателей, должно было стать изучение всей совокупности проблем Российской империи, как истории ее возникновения, так и ее настоящей структуры и возможностей преобразования. Намечалась организация в Берлине и других крупных городах докладов с привлечением русских специалистов, обсуждение этих докладов, проведение торжественных встреч с русскими официальными лицами, а также различных культурных мероприятий, призванных знакомить немецкую общественность с русской культурной жизнью и литературой.

Общество должно было участвовать в проведении конгрессов, относящихся к его компетенции. В будущем предполагалось создание собственной библиотеки. Что касается публикаторской деятельности, то намечалось издание ежегодника, а также научной библиографии и критических обзоров новых явлений в русском языке. Общество намечало оказывать поддержку исследованиям, ведущимся в уже существующих учреждениях, таких, как семинар восточноевропейской истории Берлинского университета или других научных институтах, занимающихся Россией, вести собственные работы и организовывать учебные поездки в Рос-

inslav

сию. Оно видело свою задачу в том, чтобы сделать доступной для западноевропейского читателя огромную научную литературу России. При этом речь шла не столько о прямом переводе, сколько о соответствующей научной обработке соответствующих трудов. Общество, как полагали его организаторы, должно было выполнять задачи исследовательского института и информационно-пропагандистского центра.

По мнению Гетча, Общество не должно было стремиться к чрезмерному увеличению числа своих членов, ибо это лишь затруднило бы достижение поставленных перед ним целей. Членский взнос должен был составлять не менее 20 марок в год; предполагалось также получение пожертвований от заинтересованных корпораций или частных лиц[7]. Резиденция Общества должна была находиться в Берлине. Для руководства Обществом рекомендовалось привлекать лиц, обладающих влиянием в научной и общественной жизни. Предполагалось поддерживать тесную связь с заинтересованными кругами германской промышленности, а также наладить сотрудничество с министерством культуры.

31 июля 1913 г. Зеринг получил положительный ответ от высших инстанций. Президентом Общества стал князь Х. фон Хатцфельдт герцог цу Трахенберг, бывший обер-президент Силезии. Не обладая специальными знаниями восточноевропейских или русских проблем, он был, однако, связан родственными узами с высшим обществом царской России, что обусловило его контакты с прогерманской партией в России [8]. В круг обязанностей президента входили представительство и осуществление общего надзора за деятельностью Общества, улаживание внутренних разногласий и, прежде всего, поддержание контактов с высшими государственными инстанциями. Поэтому при выборе президента громкое имя и обширные личные связи всегда были важнее, чем способности кандидатов в научной области [9].

Учредительное собрание состоялось в здании прусской палаты депутатов в присутствии представителей ведомств внутренних дел, иностранных дел, финансов и торговли. Доклад о плане работы Общества и о предполагаемой форме его организации сделал О. Гетч. Был избран временный руководящий комитет, состоявший из 34 человек. В него вошли 15 представителей научных кругов (в том числе О. Аухаген, М. Зеринг, О. Франке, О. Гетч, Л. К. Гетц, К. Холль, А. Филипзон, Т. Шиман, Х. Шумахер и К. Виденфельд), промышленной и торговой буржуазии, 2 крупных землевладельца, 7 представителей государственного аппарата и один издатель.

inslav

Окончательный состав руководящих органов был утвержден на ежегодном собрании Общества, состоявшемся 25 апреля 1914 г.; оно дополнительно ввело в комитет еще нескольких человек. Комитет выбрал президиум, в который вошли президент князь Х. фон Хатцфельдт, вице-президенты М. Зеринг и Т. Шиман, управляющий делами О. Гетч, казначей П. М. Херман, а также О. Аухаген, издатель В. фон Крайен, председатель Германо-русского общества содействия торговым отношениям Фридрихс, член директората Имперского банка Э. Марон и др.[10] К этому времени Общество насчитывало 305 членов.

До первой мировой войны Общество по существу не успело развернуть свою работу. Было сделано всего несколько докладов. Издание ежегодника или журнала встретило серьезные денежные затруднения; удалось лишь основать книжную серию «Osteuropäische Forschungen» («Восточноевропейские исследования»), где в 1914 г. было опубликовано три книги. В 1914 г. Гетч попытался направить силы Общества на улучшение преподавания русского языка в высшей школе; еще с 1911 г. он требовал развития университетской славистики и предлагал пересмотреть учебные программы с тем, чтобы в обозримое время повсеместно ввести факультативное преподавание русского языка.

Гетч видел в России естественного союзника германского империализма в борьбе против британского[11]. Он хорошо знал Россию, являлся автором ряда интересных работ по русской тематике. Так, после посещения Туркестана в 1912 г. им был опубликован объективный отчет, в котором особое внимание уделялось экономическому развитию Средней Азии и деятельности русской администрации[12]. В. И. Ленин использовал приведенные в нем данные и высоко их оценил. О Гетче он заметил: «Автор знает по-русски, сам был в Туркестане NB и хорошо изучил литературу»[13]. В 1913 г. вышла книга Гетча «Россия. Введение на основании ее истории в 1904—1912 гг.», в которой указывалось на необходимость пробуждать интерес немецкой общественности к России с помощью точных научных знаний[14]. Взгляды Гетча резко отличались от враждебной по отношению к России позиции других исследователей. В 1914 г. произошел конфликт между ним и виднейшим представителем германского империалистического остфоршунга того времени профессором Т. Шиманом, который не проявлял в Обществе никакой активности и весной 1914 г. вышел из него[15]. В письме Гетчу, своему бывшему ученику, Шиман заявил, что его деятельность в Обществе приносит пользу лишь России,

inslav

но она «не соответствует ни нашим интересам, ни политике, которую преследует наше правительство»[16].

На рубеже 1917—1918 гг. Гетч, который фактически руководил Обществом, начал хлопоты о возобновлении его работы. На заседании президиума 2 февраля 1918 г. он подчеркнул, что Общество должно сохранять научный характер и действовать как исследовательский институт. Вместе с тем он высказывался за контакты с кругами, заинтересованными в экономических связях с Россией[17]. 12 июня 1918 г. состоялось собрание, на котором было принято решение об изменении названия Общества. Теперь оно стало называться Немецким обществом по изучению Восточной Европы. В 1918 г. было организовано лишь два вечера с докладами, из которых один был посвящен Украине. Этот интерес не был случайным, так как Украина занимала значительное место в экспансионистских планах германского империализма[18]. На втором вечере — 12 июля — бывший профессор истории литературы Московского университета А. Лютер выступил с тенденциозным докладом «Духовный и политический мир представлений большевиков», который от начала до конца являлся продуктом антикоммунизма[19].

После Ноябрьской революции 1918 г. в Германии Общество почти полностью прекратило свою работу до 1920 г., когда президентом Общества стал бывший министр культуры Пруссии Фридрих Шмидт-Отт, в 1919—1936 г. занимавший также пост президента Общества содействия немецкой науке[20]. Позднее, в 1922 г. в связи с большим объемом работ была введена должность генерального секретаря Общества. Ее занял Ханс Йонас, который в 1919—1922 гг. как представитель шведского Красного Креста и член германской правительственной комиссии занимался вопросом о возвращении немецких военнопленных из Сибири.

В это время Общество содействовало концентрации сил германского остфоршунга. 8 июня 1920 г. под руководством Гетча состоялась конференция объединений и обществ, разрабатывавших восточноевропейские вопросы, которая должна была служить общим целям информации и централизации исследований Восточной Европы. В конференции приняли участие представители 14 организаций. Гетч предложил объединить научные учреждения в «картель» и начать сотрудничество с промышленными союзами, а также с публицистическими и пропагандистскими организациями. Заявляя, что пришло время бороться с дилетантизмом, он предлагал поставить работу всего германского остфоршунга на твердую

imslav

основу. Хотя из-за внутренних разногласий «картель» просуществовал лишь один год и не принес существенных результатов, эта первая попытка централизации восточноевропейских исследований была весьма важна для структуры и целевых установок германского буржуазного остфоршунга [21].

Важным этапом на пути германо-советского сближения и сотрудничества стало заключение в апреле 1922 г. Рапалльского мирного договора, который был одним из важнейших проявлений ленинской внешней политики социалистического государства, основанной на принципе мирного сосуществования двух противоположных общественных систем [22]. Договор предусматривал развитие экономических отношений между двумя странами на основе принципа наибольшего благоприятствования. Рапалльский договор имел огромное значение для Германии, он содействовал восстановлению ее суверенитета, облегчил ее положение на международной арене. Важным было и налаживание экономических связей. Уже к концу 1922 г. германский экспорт в Советскую Россию увеличился более чем в 2 раза, а импорт — в 14 раз [23].

Рапалльский договор сыграл заметную роль в пробуждении интереса широких кругов германской общественности к первому социалистическому государству. В это время велась большая работа, направленная на налаживание культурных и научных связей между Германией и СССР. Весной 1923 г. Гетч принял участие в образовании так называемого Вестфальского комитета, который объединял ведущих профессоров различных областей знания. Он насчитывал 44 человека, среди них были лауреаты Нобелевской премии А. Эйнштейн, Ф. Хабер, М. фон Лауэ, В. Х. Нернст и М. Планк. В комитет вошли также 12 членов Немецкого общества по изучению Восточной Европы, такие, как О. Гетч, Ф. Шмидт-Отт, М. Зеринг, К. Штелин, Х. Йонас, генеральный директор Прусской библиотеки Ф. Милькау и др. Это представительное объединение должно было взять в свои руки научный обмен с Советским Союзом и, действуя под руководством президиума Немецкого общества по изучению Восточной Европы, способствовать его расширению. 29 октября 1923 г. комитет провел переговоры с непременным секретарем Академии наук СССР С. Ф. Ольденбургом, совершавшим поездку по Европе. Было решено возобновить обмен публикациями, начать обмен учеными, устраивать доклады советских ученых в Германии и немецких — в СССР. Для этой цели президиум Общества обратился к представителям различных немецких университетов, чтобы с их

inslav

помощью поставить германо-советские научные связи на твердую основу. Многие из них ответили согласием на это предложение о сотрудничестве [24]. С 1924 г. обмен публикациями получил договорную форму [25].

Осенью 1923 г. Гетч впервые посетил Советский Союз; это была одна из первых поездок буржуазных ученых в СССР. Во время поездки он встречался с советскими государственными деятелями и обсуждал с ними возможности германо-советского сотрудничества в области науки и культуры. Так, в переговорах с наркомом Г. В. Чичериным впервые была высказана идея проведения совместной исторической недели [26]. Поездка Гетча в СССР и первые связи с советской наукой способствовали росту авторитета Немецкого общества по изучению Восточной Европы в Германии.

Однако путь Рапалло был труден и тернист, на нем было много серьезных препятствий [27]. В Германии, как и в любой капиталистической стране, в вопросах внешней политики постоянно наблюдались противоречивые тенденции, объяснявшиеся острыми различиями экономических интересов между отдельными группами буржуазии. Так обстояло дело и с германской политикой в отношении Советского Союза [28]. После заключения Рапалльского договора в германских правящих кругах еще больше обострилась борьба по вопросу внешнеполитической ориентации Германии. Большая часть германской монополистической буржуазии выступала за сближение с Западом на основе антисоветизма и антикоммунизма. Другая, заинтересованная в экономических связях с Советской Россией, рассматривала германо-советские отношения как стимул для смягчения политики диктата со стороны западных держав по отношению к Германии. Поэтому борьба внутри германских правящих кругов за «восточную» или «западную» ориентацию была борьбой за тактическую линию во внешней политике германского империализма и сопровождалась колебаниями в германо-советских отношениях [29].

Министерство иностранных дел и стоявшие за его спиной круги германской буржуазии непрестанно чинили препятствия советско-германским экономическим отношениям [30]. Подобная тактика правительства не могла не оказать влияние и на развитие двусторонних связей в области науки и культуры. Хотя в переговорах с С. Ф. Ольденбургом Общество выработало реалистическую программу действий и создало аппарат для осуществления своих намерений, оно смогло провести лишь несколько вечеров с докладами. Гетч жаловался Шмидту-Отту, что лишь Вестфальский

instlav

комитет способствует налаживанию германо-советских связей, в то время как высшие чиновники министерства культуры и министерства иностранных дел ничего не предпринимают для этого. Кроме того, в руководстве Общества не было единства. Когда в январе 1925 г. в Обществе впервые должен был выступить с публичным докладом крупный ученый-марксист Е. С. Варга, Аухаген попытался сорвать это мероприятие. В возмущенном письме Шмидту-Отту он решительно высказался против подобной «агитации за большевистскую систему» аудитории, состоящей «по большей части из молодежи и прочих недостаточно критически мыслящих лиц» [31].

Уже в это время стало ясно, что все заслуживающие внимания начинания Немецкого общества по изучению Восточной Европы по сути были делом немногих лиц, таких, как Ф. Шмидт-Отт, Х. Йонас и особенно О. Гётч *, который еще во время первой мировой войны приобрел репутацию знатока восточноевропейской истории [32]. Являясь видным деятелем консервативной Немецкой национальной народной партии и избираясь по ее спискам депутатом рейхстага в 1920, 1924 и 1928 гг., Гетч враждебно встретил победу Великой Октябрьской социалистической революции, однако вскоре понял, что большевизм нельзя оценивать лишь как преходящее явление. Гетч занимал скептически выжидательную позицию по отношению к большевикам [33], но попрежнему видел в России естественного союзника Германии, полагая, что с «бедствием» Версальского договора можно бороться лишь «с помощью союза вновь окрепшей Германии с вновь усилившейся Россией» [34]. Во время Веймарской республики Гетч интенсивно занимался изучением современного положения в СССР и по праву считался самым информированным в этой области лицом в буржуазном лагере. Он поддерживал тесные контакты с научными учреждениями и общественными организациями Советского Союза и участвовал в подготовке многочисленных совместных мероприятий.

На ежегодном собрании Общества, состоявшемся 27 февраля 1924 г., в руководящие органы — президиум и комитет — было избрано 49 человек, среди них 22 профессора или сотрудника учебных заведений, 7 служащих государственного аппарата и 9 представителей буржуазии, из них

---

* Противоречивость и непоследовательность позиции Гётча проявилась в его отношении к Польше, на что неоднократно обращалось внимание в историографии ПНР.

inslav

6 крупных капиталистов. Экономические и торговые отношения с Советским Союзом привлекли в руководящие органы Общества ведущих представителей финансового, промышленного и торгового капитала. Отныне Общество превратилось в организацию монополистической буржуазии и вузовской интеллигенции [35].

В 1925 г. произошел решительный перелом в деятельности Общества, началось издание журнала «Остойропа», выпуск которого Общество намечало еще 12 лет назад. Общее руководство журналом осуществлял Гетч, а в его редколлегию вошли представители различных политических направлений, такие, как К. Виденфельд, М. Зеринг и Х. Шумахер, занимавшие во время войны аннексионистские позиции, исполненный ненависти к СССР эмигрант немецкого происхождения А. Лютер [36], а также не занимавшие определенных позиций Р. Саломон, О. Гебель и Ф. Шендорф. Основное бремя редакторской работы лежало на Гетче и берлинском центре [37]. И в журнале Гетч продолжал проводить свою линию мирного сосуществования Германии и СССР и бороться с противниками этого курса. Опираясь на факты, он старался дать читателю исторический анализ внутреннего и внешнеполитического развития Советского Союза. На страницах журнала регулярно помещались квалифицированные статьи советских ученых и государственных деятелей [38]. После поездки в СССР в 1927 г. генеральный секретарь общества Йонас отмечал, что журнал «Остойропа» «поразительно хорошо известен в Советском Союзе» [39].

В то же время журнал печатал в 1920-е годы и писания реакционных эмигрантов [40]. В связи с этим от имени Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС) и советского посольства были заявлены протесты. Руководству Общества напоминали, что тесные культурные связи между двумя государствами несовместимы с его антисоветской позицией. В результате этих протестов Лютер был освобожден от руководства отделом «Духовная жизнь» в журнале «Остойропа» [41].

Торжества по случаю 200-летия Академии наук СССР дали Обществу возможность установить более тесные контакты с представителями советской науки [42]. На празднества в Советский Союз прибыла многочисленная немецкая делегация, состоявшая из 35 человек. Среди них было много крупных ученых, работавших в Обществе или близких к нему. В состав делегации, возглавляемой Шмидтом-Оттом, входили Гетч, оба постоянных секретаря Прусской академии наук профессора М. Планк и Х. Людерс, директор Ме-

inslav

теорологического института в Берлине проф. Д. фон Фиккер, директор Берлинского института по изучению мозга проф. О. Фогт и др. Во время этого визита состоялась беседа Председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина со Шмидтом-Оттом, а затем прошли официальные переговоры, в которых с советской стороны приняли участие нарком просвещения РСФСР А. В. Луначарский, управляющий делами Совнаркома СССР Н. П. Горбунов, академик С. Ф. Ольденбург, а с немецкой — Ф. Шмидт-Отт, М. Планк, Х. Людерс и Э. Мейер. Был одобрен план обмена учеными, а также было решено привлекать ученых обеих стран для разработки наиболее важных проблем, представлявших общий интерес как для Советского Союза, так и для Германии. В ходе дальнейших переговоров была достигнута договоренность о развитии сотрудничества в области естественных наук, медицины, истории культуры, этнологии, лингвистики [43]. Затем переговоры с Горбуновым и Луначарским были продолжены в Берлине.

Уже в 1926 г. сказались результаты принятых решений. Полным ходом шло сотрудничество советских авторов с журналом «Остойропа». Ряд известных советских ученых выступил в Обществе с докладами. И. Г. Александров рассказал о разработке плана ГОЭЛРО, проектировании Днепрогэса и других крупных энергетических объектов, полярный исследователь А. И. Толмачев — о путешествиях на Новую Землю, Р. Л. Самойлович, занимавшийся исследованием арктических областей СССР, сделал доклад на тему «Природные ископаемые Русского Севера и возможности их промышленного использования». Гостями Общества были также педагог А. П. Пинкевич, сделавший доклад «Положение школы в Советской России», художник С. М. Колесников, рассказавший о выставке своих картин в Берлине, и ученики К. С. Станиславского О. Гзовская и В. Гайдаров, которые говорили о современном русском театре [44]. Доклады были тщательно подготовлены и всегда имели успех. В этом же году в последний раз на мероприятии Общества выступил эмигрант И. Ильин, после этого Гетч больше не позволял членам Русского научного института и других эмигрантских организаций использовать трибуну Общества в своих корыстных целях [45].

Большой интерес вызвала организованная Немецким обществом по изучению Восточной Европы в 1926 г. выставка византийско-русской монументальной живописи, которая демонстрировалась в Берлине, Кенигсберге, Кельне и Гамбурге. Общество посвятило этому событию специаль-

inslav

ный номер журнала, содержавший статьи советских и немецких специалистов о древнерусской живописи и отчет о выставке генерального секретаря Х. Йонаса [46].

В эти годы значительно вырос престиж Общества, привлекавший к его деятельности еще большее количество ученых, государственных деятелей и представителей крупной буржуазии. В феврале 1927 г. в президиум и комитет Общества было избрано 62 человека, среди них 24 ученых, 15 руководящих сотрудников государственного аппарата, 8 крупных промышленников и банкиров, три представителя германских экономических кругов, четыре издателя и редактора и два крупных землевладельца. Президентом по-прежнему оставался Шмидт-Отт, вице-президентами — Зеринг и Гетч [47].

В Кенигсберге, Гамбурге и Кельне возникли филиалы Общества. В правление кенигсбергского филиала вошли славист проф. П. Рост, историк д-р М. Винклер, профессора В. Д. Прейер и А. Шульц, обербургомистр, несколько промышленников и руководители Института экономики России и восточных государств. Его задачей было оказание содействия распространению знаний о Советском Союзе с помощью докладов, организации ознакомительных поездок и других мероприятий. Гамбургскую группу возглавил историк проф. Р. Саломон, а кельнскую — обербургомистр К. Аденауэр (будущий канцлер ФРГ, известный своим антикоммунизмом), что было свидетельством большой заинтересованности рейнско-вестфальской тяжелой промышленности в торговле с Советским Союзом. Однако численность и собственная инициатива всех трех филиалов всегда были незначительными. Они использовались для сопровождения иностранных гостей и для проведения выставок, которые прежде демонстрировались только в столице. Лишь изредка на их заседаниях заслушивались доклады [48].

Новой формой сотрудничества явилось проведение в Германии и Советском Союзе «исследовательских недель». По инициативе О. Фогта в Берлине 19—25 июня 1927 г. с успехом прошла «неделя советской естественной науки», в организации которой активное участие приняло Немецкое общество по изучению Восточной Европы. Договоренность о ее проведении была достигнута еще во время празднования юбилея Академии наук СССР. В Германию прибыла делегация советских ученых-естественников под руководством наркома здравоохранения РСФСР Н. А. Семашко. Такие доклады, как «Работы по социальной гигиене Наркомздрава

inslav

РСФСР» Н. А. Семашко, «Геологическая карта СССР» академика А. Е. Ферсмана или «Изыскания в области Курской магнитной аномалии» академика П. П. Лазарева, вызвали особый интерес и были повторно прочитаны во многих городах Германии. Немецкие газеты разных направлений подчеркивали научную значимость выступлений советских ученых, их политическую актуальность для советско-германского сотрудничества [49]. Молодые немецкие ученые получили долгосрочные командировки в исследовательские учреждения СССР [50].

Особое значение имела проведенная 7—14 июля 1928 г. в Берлине «неделя советской исторической науки», явившаяся первым выступлением советских историков-марксистов на международной арене. Она показала, что и в области общественных наук возможен и полезен обмен мнениями между учеными, работающими в странах с различными общественно-политическими системами и стоящими на различных идеологических позициях. Ее предыстория такова. В связи с 10-летием Великой Октябрьской социалистической революции Общество планировало открыть небольшую выставку исторической литературы, вышедшей в Советском Союзе в 1917—1927 гг., и в рамках выставки организовать три доклада советских ученых. Предполагалось пригласить М. Н. Покровского, а также одного географа и экономиста. Общество хотело отметить юбилей Великого Октября, не затрагивая проблем самой революции. Силам, задававшим тон в Обществе, представлялось «невозможным» устраивать «мероприятие, выражающее внутреннюю симпатию к революционному событию» [51]. По этой же причине руководители Общества не приняли приглашения советской стороны приехать в СССР на празднование юбилея революции. В Москву для подготовительных работ был направлен Йонас, который, в частности, встретился с А. В. Луначарским и М. Н. Покровским. В результате переговоров было решено направить в Берлин группу советских историков, которая состояла из 10 человек, в том числе историков-марксистов и представителей старшего поколения [52].

Для проведения «недели» в Берлине был создан подготовительный комитет из 30 человек. В его состав входили крупные деятели просвещения, виднейшие профессора и члены Прусской академии наук. Возглавляли его руководители Немецкого общества по изучению Восточной Европы Шмидт-Отт — председатель и Гетч — вице-председатель. В комитет вошли генеральный директор Прусской государственной библиотеки проф. Х. Крюс, ректор Бер-

inslav

линского университета проф. Э. Норден, президент Общества содействия науке им. императора Вильгельма проф. А. фон Харнак, историки и филологи профессора О. Аухаген, А. Бракман, К. Брейзиг, Х. Дельбрюк, М. Эберт, Л. К. Гетц, А. Гольдшмидт, Ф. Хартунг, Х. Майер, Э. Маркс, Ф. Мейнеке, Э. Мейер, Х. Онкен, Г. Роденвальд, Р. Саломон, Х. Шумахер, М. Зеринг, К. Штелин, М. Фасмер, В. Фогель, Т. Виганд, У. Вилькен, О. Вульф, а также генеральный секретарь Общества Х. Йонас. Однако необходимо отметить, что не все члены комитета искренне желали сотрудничества с советскими учеными, многие из них вынашивали планы упрочить связи с историками-немарксистами в Советском Союзе [53].

«Неделя» была торжественно открыта Гетчем 7 июля 1928 г. в переполненном актовом зале Прусской академии наук. Рассказав об истории организации «недели», Гетч заявил, «что в основу работ «недели» он кладет два принципа, взятые им из советского обихода: реконструкцию и смычку — реконструкцию отношений и смычку научных деятелей» [54]. Видимо, предупреждая возможные обвинения прессы в том, что «Общество, мол, привезло за свой счет большевиков и позволяет им заниматься здесь пропагандой своих идей», он отметил невозможность довольствоваться участием в этом мероприятии лишь представителей старшего поколения русской исторической науки [54а]. Советскую делегацию приветствовал министр культуры Пруссии К. Х. Беккер, а от советской стороны выступили посол СССР в Германии Н. Н. Крестинский, поблагодаривший за дружеский прием и произнесший речь на тему «Немецкие ученые и русская историография», и руководитель советской делегации М. Н. Покровский. В ходе проведения «недели» были прочитаны следующие доклады: М. Н. Покровский «Теории происхождения русского самодержавия», С. Ф. Платонов «Проблема Русского Севера в новейшей историографии», В. В. Адоратский «Советские архивы», М. К. Любавский «Заселение Великорусского центра», С. М. Дубровский «Столыпинская аграрная реформа», Д. Н. Егоров «Библиотековедение в РСФСР» и «О критике средневековых исторических работ по истории Западной Европы», Е. Б. Пашуканис «Советы солдатских депутатов в армии Кромвеля», В. И. Пичета «Аграрная реформа во второй половине XVI и начале XVII в. в восточных волостях Литвы», М. И. Яворский «Западноевропейское влияние на идеологию украинского движения во второй и третьей четверти XIX столетия» и «Результаты изысканий в области украинской истории

indlav

в 1917—1927 гг.», В. А. Юринец «Социальный процесс в зеркале украинской литературы XX в.» [55]

«Неделя» имела большой успех. Несмотря на уплотненный рабочий день — ежедневно проводилось по два заседания утром и вечером, — доклады неизменно собирали большую аудиторию, а некоторые прошли при переполненном зале. В беседе с корреспондентом газеты «Известия» руководитель советской делегации М. Н. Покровский отметил, что интерес к этому событию научной жизни «распространился далеко за узкий круг специалистов на широкую публику» и что «в отличие от других научных съездов, где интерес слушателей падает после первых же заседаний, в данном случае приток слушателей не только не снижался, но, наоборот, изо дня в день крепчал» [56]. Наряду с известными историками их посещали преподаватели истории высших и средних учебных заведений, студенты, в том числе и иностранцы — американцы, швейцарцы, голландцы и японцы. За немногими исключениями доклады читались на немецком языке.

Во время «недели» в зале Прусской государственной библиотеки работала выставка, на которой экспонировалась советская историческая литература за 1917—1928 гг. и архивные документы. Здесь было представлено более двух тысяч книг, размещенных в 16 тематических разделах. В разделе «Архивоведение и библиография» содержалось 40 наименований, в «Методологии истории» — 60, в разделе «Русская история с подотделами истории революции, компартии и III Интернационала» — 625, в «Истории национальных меньшинств» — 66, во «Всеобщей истории» — 440, в «Истории литературы» — 143, в «Истории философии» — 26. Устроители издали библиографический каталог выставки, что способствовало пропаганде материалов и вовлечению их в научный оборот. Кроме того, выставка содержала большое количество фотокопий документов начиная с XIII в. Наряду с грамотами русских князей на выставке были представлены тексты листовок Степана Разина и Емельяна Пугачева, отречение Наполеона I, ряд документов по гражданской войне и Октябрьской революции [57]. В Берлин была привезена также «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа» с собственноручными поправками В. И. Ленина, которую устроители выставки, однако, так и не решились продемонстрировать. Выставку за неделю посетили 1010 человек [58]. После закрытия выставки все представленные на ней книги перешли в собственность Немецкого общества по изучению Восточной Европы.

inslav

Советской делегации была предоставлена возможность познакомиться с германскими архивами. Причем в Потсдаме была организована специальная выставка архивных документов, представлявших большой интерес для советских историков. Там были выставлены документы «о русском революционном движении, о Герцене, Бакунине, Энгельсе, Лассале, о событиях 1848 г. и материалы к истории империалистической войны» [59]. В честь советской делегации было устроено три приема, на которых присутствовали государственные деятели, представители германской науки и промышленности [60].

Некоторые члены советской делегации были приглашены выступить с докладами в университетах Гамбурга, Кельна, Лейпцига, Мюнхена и др.[61]

Доклады участников «советской исторической недели» были опубликованы в издаваемых Обществом «Восточно-европейских исследованиях» [62]. Общество взяло на себя расходы по изданию докладов и по пребыванию советской делегации в Германии [63].

«Советская историческая неделя» нанесла ощутимый удар тем, кто считал, что исторической науки в СССР вообще не существует, а ее остатки служат лишь целям «пропаганды» новой общественно-политической системы [64]. С интересом, например, был заслушан доклад о состоянии советских архивов и о внимании правительства к архивному делу. Он свидетельствовал о наличии в СССР прочного фундамента для подлинно научных исторических исследований [65].

Наиболее ценным результатом «недели», по словам М. Н. Покровского, было укрепление связей между учеными двух стран [66]. В широких кругах германской общественности она пробудила интерес к советской науке, углубила старые и установила многочисленные новые связи между советскими и немецкими историками, привела к установлению прямого сотрудничества между ними в различных областях и, наконец, оживила немецкую историографию России и Восточной Европы. Так, по мнению Гетча, возобновление издания журнала «Цайтшрифт фюр остойропеише гешихте» в 1931 г. явилось прямым следствием успешно прошедшей «исторической недели» в Берлине [67]. Во время «недели» был выработан план использования немецких и советских архивных документов путем взаимного их предоставления во временное пользование. Было согласовано, что в распоряжение советских ученых будут предоставлены материалы о Карле Марксе и Фридрихе Энгельсе, а также архивные документы по истории социализма и русского рево-

instlav

люционного движения, а немецкие ученые получат документы о взаимоотношениях Романовых и Гогенцоллернов и о наполеоновских войнах [68]. Покровский и Гетч начали переговоры об издании на немецком языке документов о предыстории мировой войны, хранящихся в советских архивах. Таким образом, «советская историческая неделя» продемонстрировала возможность установления контактов даже в такой области, как историческая наука, где не могло быть и речи об идейном сосуществовании, а, напротив, велась идеологическая борьба [69].

С 8 по 16 января 1929 г. в Москве прошла «немецкая техническая неделя», организованная Союзом германских инженеров и Немецким обществом по изучению Восточной Европы. Немецкие специалисты сделали 14 докладов, провели более 30 научных собеседований по актуальным техническим проблемам [70]. Перед участниками «недели» выступили видные советские государственные деятели В. В. Куйбышев, Г. М. Кржижановский и А. В. Луначарский.

Следующая «неделя» состоялась в Берлине в 1932 г. Она была посвящена успехам советской медицины, о которых рассказали 15 видных советских профессоров во главе с наркомом здравоохранения М. Ф. Владимирским [71].

1925—1931 гг. явились временем наивысшей активности Немецкого общества по изучению Восточной Европы, что определялось курсом на сотрудничество немецкой и советской науки, проводимым его руководством, которое постоянно стремилось к расширению германо-советских научных связей. От руководства и членов общества исходили многочисленные инициативы, реальное практическое значение которых, впрочем, не следует переоценивать [72].

Летом 1928 г. была предпринята совместная советско-германская Алайско-памирская экспедиция, явившаяся одной из самых крупных и результативных международных научных акций за все довоенное время [73]. Подготовка этого мероприятия учеными обеих стран продолжалась три года, в нем участвовало более 60 человек [74]. Ценность научных данных, полученных во время советско-германской экспедиции, а также приобретенного опыта в организации подобных международных мероприятий отмечалась Комиссией экспедиционных исследований Академии наук СССР и немецкими учеными [75].

Особое внимание германской общественности вызвали организованные Обществом выставки, материал для которых предоставили советские музеи. Весной 1929 г. в Берлине, Кельне, Гамбурге, Франкфурте-на-Майне и Мюнхене демон-

inslav

стрировались русские иконы XII—XVIII вв. Предисловие для каталога выставки написал А. В. Луначарский, сопровождал произведения искусства известный художник И. Э. Грабарь. Интерес к выставке был очень велик, в Кельне ее посетило более 4 тыс. человек, в Мюнхене — более 10 тыс. Другая большая выставка была показана летом 1930 г. в Берлине, Кельне, Нюрнберге и Мюнхене. На ней экспонировались произведения древнего кавказского искусства IV—XVIII вв.[76] Эти выставки способствовали делу ликвидации глубоко укоренившихся в Германии примитивных представлений о «бескультурье» восточных славян и других народов СССР [77].

В 1926—1927 гг. Общество организовало доклады советских ученых в Высшей технической школе в Берлине, а в 1928 г. — проф. О. Фогта, директора Берлинского института по изучению мозга, в Тбилиси. В том же году оно приняло участие в организации выставки украинского архитектора Н. Топоркова. В 1929 г. Гетч и Йонас в беседах с Н. А. Семашко и руководителем советского медицинского издательства Саратовцевым приняли решение о преобразовании выходившего нерегулярно германо-русского журнала по вопросам медицины в ежегодник [78]. Общество помогало в составлении списка немецких участников Международного конгресса ориенталистов в Москве и оказывало помощь советским ученым во время их пребывания в Германии [79]. В 1927—1931 гг. многие советские ученые, государственные деятели и представители творческой интеллигенции выступали в обществе с докладами. Среди них — писательница Л. Н. Сейфуллина, профессора Н. Н. Паше-Озерский, И. Э. Грабарь, Г. Н. Чубинашвили и Р. Л. Самойлович, полярный исследователь Б. Г. Чухновский, кинорежиссер В. И. Пудовкин и др.

Представляют интерес планы Общества тех лет, которым не было суждено осуществиться. Они демонстрируют как далеко идущие цели Общества, так и пределы его активности. Так, например, планировалось создание заграничного пункта Общества в Москве, издание на русском языке корреспонденции о новых событиях в области немецкой науки, искусства и литературы, проведение «недели Черного моря» и совместных раскопок в Крыму и на Таманском полуострове [80].

Одним из наиболее важных совместных начинаний было издание на немецком языке советской публикации документов по предыстории первой мировой войны. Основой советской публикации послужило постановление Президиума ЦИК СССР от 22 июня 1929 г., которое предусматривало

irislav

издание документов по истории внешней политики России за 1904—1917 гг. В постановлении отмечалась необходимость в первую очередь начать публикацию материалов по истории мировой войны. Для руководства изданием была образована комиссия под председательством М. Н. Покровского. В нее вошли Е. Б. Пашуканис, В. В. Адоратский, В. В. Максаков, Ф. А. Ротштейн, Е. А. Адамов и А. Б. Халатов [81]. Первоначально советские историки намеревались издать дипломатические документы за весь период от Берлинского конгресса 1878 г. до 1917 г., разделив их на три серии, последовательно охватывающие — первая: 1878—1903 гг.; вторая: 1904—1913 гг. и третья: 1914—1917 гг. Однако обилие имеющегося материала побудило их сконцентрировать свои усилия на предыстории мировой войны и на дипломатии в годы войны. В первую очередь решено было выпустить в свет документы третьей серии, «как имеющие наиболее актуальное значение» [82].

Целью советских историков, как подчеркивал в предисловии к первому тому М. Н. Покровский, было разоблачение захватнических намерений всех империалистических держав и обличение империализма как общественной системы [83].

Немецкое общество по изучению Восточной Европы начало переговоры об издании документов во время «советской исторической недели» в 1928 г. Как сообщал М. Н. Покровский, «огромный эффект произвело сделанное им на первом заседании сообщение о предполагающемся опубликовании большого числа документов из архива Наркоминдела о событиях, предшествовавших мировой войне». Издание этих материалов, которое должно было занять важное место наряду с уже осуществленной публикацией «Большая политика европейских кабинетов» [84], с напряженным интересом ожидалось в Германии [85].

Чтобы продолжить переговоры, Гетч и Йонас в 1929 и 1930 гг. ездили в Москву, где в июне 1930 г. они подписали договор с Государственным издательством социально-экономической литературы. Договор предусматривал публикацию серии из 12 томов, охватывающей период с 1 января 1911 г. до ноября 1915 г. В будущем предполагалось издание и других томов. Обществу передавались все права на немецкое и другие нерусскоязычные издания. Подготовка томов происходила в тесном сотрудничестве советской и немецкой сторон. Гетч, издатель немецкой серии, в назначенный срок получал от советской комиссии рукопись того или иного тома. Он должен был обеспечить немецкий перевод, написать

inslav

комментарии для немецкого читателя и прочитать корректуру. Документы, составленные на английском или французском языках, также должны были переводиться на немецкий язык. И русское и немецкое издания печатались в Германии. Для русского издания советское издательство предоставляло матрицы, немецкая сторона — бумагу и типографское оборудование. Так как СССР не участвовал в международной конвенции по охране авторских прав на произведения литературы и искусства, то была достигнута договоренность, что русскоязычное издание отдельных томов не должно появляться раньше немецкого.

При издании серии Гетч рассчитывал получить материал для борьбы против Версальской системы. Он рассматривал эту публикацию как удар по 231-й статье Версальского договора [86]. По его мнению, она должна была снять с германского империализма основную ответственность за развязывание войны [87]. Однако содержание томов не оправдало его ожиданий.

Тем не менее сотрудничество между Гетчем и Московской комиссией историков продолжало развиваться. В 1931 г. вышел первый том публикации, которая называлась «Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительств». В основу данной публикации были положены документы царского министерства иностранных дел, хранящиеся в Архиве внешней политики. Наиболее важными материалами являлись «дипломатическая переписка министерства с российскими дипломатическими представителями за границей, ноты и памятные записки; докладные записки министра царю, записки и справки по различным вопросам, составлявшиеся в министерстве иностранных дел, переписка министерства иностранных дел с другими ведомствами и журналы междуведомственных совещаний» [88]. Кроме того, были использованы материалы других ведомств и учреждений царской России: военного министерства, генерального штаба, морского министерства, главного морского штаба, министерства финансов, министерства торговли и промышленности, а также совета министров [89].

В том же году в соответствии с условиями договора Гетч опубликовал в I томе журнала «Цайтшрифт фюр остойропеише гешихте» полный текст введения, написанного Покровским для русского издания [90]. Сборники документов «Международные отношения в эпоху империализма» начали выходить в СССР и Германии как идентичные издания [91], которые, однако, не были закончены [92].

inslav

Не следует забывать, что осуществление подобных начинаний проходило в борьбе приверженцев и противников германо-советского сотрудничества в духе Рапалло. В середине 1931 г. постоянно существовавшие в Обществе противоречия дошли до открытого кризиса. Еще в декабре 1928 г. известный берлинский славист М. Фасмер направил в министерство культуры письмо, в котором обвинил генерального секретаря Общества Йонаса в советской пропаганде, подверг резким нападкам деятельность Общества и его президента Шмидта-Отта [93]. Он заявил, что настало время «как-либо ограничить безответственную деятельность Немецкого общества по изучению Восточной Европы»; «если же этого не произойдет, то под угрозу будут поставлены как германская политика на Востоке, так и восточноевропейские исследования» [94]. Вместе с тем статьи в журнале «Остойропа» вице-президента Общества М. Зеринга и некоторых других его членов приобретали все более антисоветскую направленность.

В это же время Общество покинул его бессменный генеральный секретарь Йонас. Его преемником стал О. Шиллер, сотрудник Кенигсбергского института экономики, который, однако, уже весной 1931 г. перешел на дипломатическую работу и был направлен в Москву в качестве атташе по вопросам сельского хозяйства. В декабре 1930 г. Гетч тоже хотел уйти из Общества, но остался по просьбе Шмидта-Отта. Кризис углубился, когда фашистский шовинистический «Союз защиты западной культуры» обрушился на деятельность Общества с новыми нападками[95].

В 1931 г. в Обществе разгорелась борьба вокруг дальнейшего существования Русского научного института, ставшего к этому времени центром антикоммунистической и антисоветской пропаганды. Вопреки большинству руководства Гетч решительно выступал за ликвидацию этого института. В марте 1931 г. он направил Шмидту-Отту письмо, в котором требовал немедленно прекратить выплату денег институту и отобрать у него библиотеку, являвшуюся собственностью государства. Гетч заявил президенту Общества, что сотрудники института по своим знаниям и политическим взглядам не имеют права писать о СССР [96]. В начале июля Гетч повторил свое требование прекратить помощь эмигрантам из России. Разногласия, возникшие из-за будущего Русского научного института привели к окончательному разрыву Гетча с другими руководителями Общества, 4 июля 1931 г. он заявил об уходе с поста вице-президента, однако продолжал

inslav

научное руководство изданием советской публикации документов и редакцией журнала «Остойропа».

Уход Гетча ускорил изменения в характере деятельности Общества, которые были тесно связаны с именем нового генерального секретаря К. Менерта. В то время Менерту было 24 года, он родился в Москве, учился в Германии и США, в Берлине у Гетча и Хартунга защитил диссертацию на тему «Влияние русско-японской войны на политику великих держав» [97], с 1929 г. ежегодно посещал СССР. Менерт прилагал особые усилия к тому, чтобы использовать Общество для борьбы со стремительным ростом симпатий широких слоев населения Германии к Советскому Союзу [98]. Он стремился превратить его из органа культурного обмена в инструмент политической борьбы [99]. Менерт установил тесные связи с живущими в Праге антисоветскими элементами и украинскими националистами, против чего всегда выступал Гетч. Деятельность Менерта привела к конфликту со Шмидтом-Оттом, который 15 января 1932 г. ушел из президиума. Затем последовали сложные переговоры о персональных изменениях в руководстве Обществом. За ними внимательно следило советское посольство, в чем проявлялась заинтересованность советской стороны в продолжении деятельности Общества в духе Рапалло.

9 марта 1932 г. состоялись выборы нового руководства Общества. Президентом стал бывший министр иностранных дел Германии д-р Ю. Куртиус, первым вице-президентом — Гетч, вторым вице-президентом — Зеринг. Однако Гетч больше не верил в возможность успешной работы. Он сознавал, как изменилась ситуация в Обществе, в ряды которого проникало все больше профашистских и нацистских элементов. Действительно, в это время Обществу удалось провести лишь два крупных мероприятия — организовать состоявшуюся в конце 1932 г. в Германии выставку советской беллетристики и германо-советскую «медицинскую неделю» [100].

В период Веймарской республики Немецкое общество по изучению Восточной Европы было тесно связано с министерством иностранных дел. Его важнейшие мероприятия постоянно находили одобрение германского внешнеполитического ведомства, по поручению которого Общество выполняло некоторые задания, не без основания скрываемые от общественности [101]. Так аналитико-информационная деятельность Общества использовалась германским министерством иностранных дел. В 1932 г. библиотека общества содержала 8 тыс. томов. Она выписывала 92 журнала, из них 35 —

inslav

из Советского Союза [102], располагала важнейшими новыми публикациями. По желанию Менерта Общество получало от министерства иностранных дел донесения германских дипломатических представительств за границей и находилось в постоянной связи с немецкими институтами, занимавшимися восточноевропейской проблематикой. Обществом подготавливалась обстоятельная документация о положении в Советском Союзе и других восточноевропейских государствах. Его анализы помещались в первую очередь в журнале «Остойропа», издававшемся тиражом 1300 экз. Планировалось и англоязычное издание журнала [103].

Кроме того, в 1927 г. Общество возобновило издание книжной серии «Восточноевропейские исследования». В отличие от К. Штелина, издателя серии монографий «Quellen und Aufsätze zur russischen Geschichte» («Источники и труды по русской истории»), где печатались преимущественно работы по периоду феодализма, Гетч в «Восточноевропейских исследованиях» сконцентрировал внимание на истории России и Восточной Европы XIX в. и на новейшей истории [104]. Всего в этой серии в 1927—1940 гг. вышло 27 томов [105].

Упадок Общества, начавшийся примерно в 1931 г., после прихода к власти нацистов вскоре привел к его коренной реорганизации. В апреле 1933 г. Менерт поспешил заверить министерства и фашистские партийные инстанции, что деятельность Общества всегда соответствовала планам Гитлера [106]. Фашизация Общества осуществлялась путем замены его руководителей лицами, угодными новому режиму. В результате в руководстве Общества стали преобладать активные сторонники гитлеровского государства. Хотя О. Гетч и продолжал входить в состав президиума, этот орган служил лишь декорацией и не играл никакой роли.

В эти годы деятельность берлинского центра ограничивалась изданием журнала «Остойропа» (выходил до 1939 г.), организацией нескольких докладов и дискуссий. Гетч продолжал уделять основное внимание изданию публикации советских документов. В августе 1933 г. он посетил СССР для переговоров об издании «военной серии», содержащей материалы с августа 1914 г. по октябрь 1915 г. В 1934 г. вышли первые тома «военной серии», остальные последовали в 1935 и 1936 гг. По-прежнему считалось, что ответственность за их издание несет Общество, в действительности же с немецкой стороны этим занимались только Гетч и несколько переводчиков, среди которых большую работу вел д-р Э. Беме [107]. В октябре 1934 г. Гетч опять в связи с изданием документов в последний раз посетил Советский Союз. С 1 сен-

inslav

тября 1935 г. он был уволен из Берлинского университета, нацисты не могли простить ему реалистического отношения к СССР. В опубликованной в «Правде» статье «Судьба профессора Гетча» А. С. Ерусалимский считал «увольнение Гетча весьма характерным политическим показателем», свидетельством «антирусской тенденции» нацистской политики [108]. Гетч покинул свой пост в Обществе и отказался от руководства журналом. В это же время подверглось нападкам и издание советских архивных материалов. Однако в декабре 1936 г. министерство пропаганды решило продолжить их публикацию. Отныне предисловия к отдельным томам должны были проходить цензуру министерства, а реклама могла появляться только в специальных журналах и не превышать «среднего размера» [109]. Гетч постоянно переписывался с видным советским историком А. С. Ерусалимским, ответственным за издание с советской стороны, и через германское посольство и министерство иностранных дел получал от него материалы [110]. Была закончена «военная серия» и начата подготовка новой серии документов довоенного времени.

После вынужденного ухода Гетча из Общества и последующих нападок на фактических его руководителей престиж Общества был подорван. Значительное число членов Общества отказалось оказывать активную поддержку политике нацистов и предпочло «внутреннюю эмиграцию» [111]. В результате нацистам не удалось превратить Общество в оперативный инструмент своей внешней политики. Наиболее важные задачи в этой области они возлагали на «Антикоминтерн», Ванзейский институт СС, на институты Восточной Европы в Кенигсберге и Бреслау [112]. Вместе с тем в годы войны некоторые члены Общества выступали в роли исполнителей фашистской оккупационной политики, например Х. Кох, В. Маркерт, О. Шиллер, Г. фон Менде, В. Эссен, В. Коле. Они работали в органах оккупационных властей или политическими советниками в специальных воинских или диверсионных подразделениях. Причем в отличие от официальной фашистской концепции «жесткого» курса по отношению к народам Восточной Европы некоторые из них являлись приверженцами более «гибкой» восточной политики, которая предусматривала использование отдельных коллаборационистов из числа местного населения оккупированных областей [113]. В отношении же конечных целей представители обеих концепций были едины. Однако сторонники «гибкой» линии сомневались в эффективности политики устрашения и поэтому выдвигали требование дифференци-

inslav

рованной «политической стратегии». Так, изыскивая способы разрушения морально-политического единства народов Советского Союза, «профессора абвера» пытались воскресить кулацкие традиции в деревне, разбудить националистические инстинкты и религиозный фанатизм [114].

Такова история создания и деятельности Немецкого общества по изучению Восточной Европы, одного из наиболее значительных в межвоенной Германии научных объединений, занимавшихся восточноевропейской проблематикой.

[1] История СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1968, т. VI, с. 469—475; *Бестужев И. В.* Борьба в России по вопросам внешней политики: 1906—1910. М., 1961, с. 45—46, 386—387.

[2] *Voigt G.* Otto Hoetzsch 1876—1946. Wissenschaft und Politik im Leben eines deutschen Historikers. Berlin, 1978, S. 66.

[3] *Kuebart F.* Otto Hoetzsch — Historiker, Publizist, Politiker. Eine kritische biographische Studie. — Osteuropa, 1975, H. 8/9, S. 611—612.

[4] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde 1913 bis 1965. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt—Universität zu Berlin. Gesellschafts- und sprachwissenschaftliche Reihe, 1966, Jg. XV, H. 1, S. 1.

[5] *Eicke E. v.* Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. — Osteuropa, 1980, H. 8/9, S. 926.

[6] Denkschrift von Hoetzsch zwecks Gründung einer Deutschen Gesellschaft zum Studium Russlands. — In: *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 303—311.

[7] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 66.

[8] *Бестужев И. В.* Указ. соч., с. 46.

[9] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 1.

[10] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 67.

[11] *Kuebart F.* Otto Hoetzsch — Historiker. . ., S. 607.

[12] *Hoetzsch O.* Russisch-Turkestan und die Tendenzen der heutigen russischen Kolonialpolitik. — Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich, 1913, Jg. 37, H. 2, S. 371—409; H. 3, S. 343—389.

[13] *Ленин В. И.* Тетради по империализму. — Полн. собр. соч., т. 28, с. 513.

[14] *Hoetzsch O.* Russland. Eine Einführung auf Grund seiner Geschichte von 1904 bis 1912. Berlin, 1913.

[15] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 68.

[16] *Meyer K.* Theodor Schiemann als politischer Publizist. Hamburg, 1956, S. 199—200.

[17] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 169.

[18] *Кулинич И. М.* Захватническая политика германского империализма по отношению к Украине в 1914—1918 гг. — В кн.: «Дранг нах Остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967, с. 140—151; *Поп И. И.* Восточная политика центральных держав после Брестского мира. — В кн.: Германская восточная политика в новое и новейшее время: Проблемы истории и историографии. М., 1974, с. 137—143; «Дранг нах Остен»

inslav

и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы, 1871—1918 гг. М., 1977, с. 293—297.

[19] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 170.

[20] *Schulze-Wollgast H.* Friedrich Schmidt-Ott und die deutsch-sowjetischen Wissenschaftsbeziehungen während der Weimarer Republik. — In: Deutschland — Sowjetunion. Aus fünf Jahrzehnten kulturelller Zusammenarbeit. Berlin, 1966, S. 152—155.

[21] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 170—171; *Idem.* Aufgaben und Funktion der Osteuropa—Studien in der Weimarer Republik. — In: Studien über die deutsche Geschichtswissenschaft. Berlin, 1965, Bd. II: Die bürgerliche deutsche Geschichtsschreibung von der Rechseinigung von oben bis zur Befreiung Deutschlands vom Faschismus, S. 380.

[22] *Хвостов В. М.* Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования. — В кн.: Рапалльский договор и проблема мирного сосуществования: Материалы научной сессии, посвященной 40-летию Рапалльского договора (25—28 апреля 1962 г.). М., 1963, с. 45.

[23] История международных отношений и внешней политики СССР. М., 1967, т. I: 1917—1939 гг., с. 181.

[24] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 180—181.

[25] Подробнее об этом см.: *Розенфельд Г.* Научные и культурные связи между СССР и Веймарской республикой. — Вопросы истории, 1963, № 10, с. 78.

[26] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 178.

[27] *Давидович Д. С.* Советско-германские отношения в период Рурского кризиса. — В кн.: Рапалльский договор. . ., с. 140—141.

[28] *Кобляков И. К.* Новые материалы о Рапалльском договоре. — В кн.: Рапалльский договор. . ., с. 213.

[29] *Сухоруков С. Р.* Западногерманская буржуазная историография советско-германских отношений 1917—1932. М., 1976, с. 127.

[30] *Розенфельд Г.* Влияние Рапалльского договора на германо-советские экономические отношения.— В кн.: Рапалльский договор. . ., с. 127, 128, 131, 134.

[31] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 184.

[32] *Naročnickij A. L.* Eröffnungsansprache. — In: Deutschland und Russland im Zeitalter des Kapitalismus 1861—1914: 1. deutsch-sowjetisches Historikertreffen in der Bundesrepublik Deutschland Mainz, 14—21. Oktober 1973. Wiesbaden, 1977, S. 6—7.

[33] *Kuebart F.* Otto Hoetzsch — Historiker. . ., S. 618—619.

[34] *Hoetzsch O.* Die Versuche der Demokratisierung im alten Russland. Berlin, 1919, S. 16.

[35] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 194.

[36] *Wolfgramm E.* Slawisten in der Ostforschung. — In: Auf den Spuren der Ostforschung / Karl-Marx-Universität Leipzig. Leipzig, 1962, S. 157—160.

[37] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 184.

[38] *Богаева Н. А.* Западногерманский журнал по восточноевропейским исследованиям. — В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980, с. 114.

[39] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 210. В 1932 г. его выписывали 60 советских абонентов. См.: Ibid., S. 188.

[40] Пашуто В. Т. Истоки немецкой неофашистской концепции истории России. — Вопросы истории, 1962, с. 70—71.

[41] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 187.

[42] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 4.

[43] *Муравьев Ю. П.* Советско-германские научные связи в годы Веймарской республики. — В кн.: Ежегодник германской истории 1968.

inslav

М., 1969, с. 275—276; *Никольская Л. С.* Развитие советско-германских научных и культурных связей (1919—1928 гг.). — В кн.: Ежегодник германской истории 1970. М., 1971, с. 180—181.

[44] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 13.

[45] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 204.

[46] Osteuropa, 1929, H. 7/8.

[47] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 3, 11—12.

[48] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 207.

[49] *Иоффе А. Е.* Международные связи советской науки, техники и культуры: 1917—1932. М., 1975, с. 271; *Винтер Э.* Рапалло и немецкая наука. — В кн.: Рапалльский договор. . ., с. 169; *Муравьев Ю. П.* Указ. соч., с. 283.

[50] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 206—207.

[51] *Behrendt L.-D.* Das erste Auftreten der sowjetischen Geschichtswissenschaft in der internationalen Arena. Die sowjetische Historikerwoche 1928 in Berlin. — Jahrbuch für Geschichte, 1977, Bd. 17, S. 240.

[52] Ibid., S. 242—246.

[53] Ibid., S. 247—248.

[54] *Минц И.* Марксисты на исторической неделе в Берлине и на VI международном конгрессе историков в Норвегии. — Историк-марксист, 1928, т. 9, с. 87.

[54a] *Пашуканис Е. Б.* Неделя советских историков в Берлине. — Вестник Коммунистической академии, 1929, кн. 30 (6), с. 239.

[55] 50 лет советской исторической науки: Хроника научной жизни 1917—1967. М., 1971, с. 118; *Муравьев Ю. П.* Указ. соч., с. 278.

[56] Известия, 1928, 18 июля.

[57] *Минц И.* Указ. соч., с. 86—87.

[58] Второй съезд архивных работников РСФСР. — Архивное дело, 1929, вып. 2, с. 49.

[59] Известия, 1928, 18 июля.

[60] *Минц И.* Указ. соч., с. 88.

[61] *Behrendt L.-D.* Das erste Auftreten. . ., S. 260.

[62] Aus der historischen Wissenschaft der Sowjet Union. Berlin; Königsberg, 1929.

[63] *Behrendt L.-D.* Das erste Auftreten. . ., S. 259.

[64] *Минц И.* Указ. соч., с. 89.

[65] *Дудзинская Е. А.* Международные научные связи советских историков. М., 1978, с. 20.

[66] Известия, 1928, 18 июля.

[67] *Behrendt L.-D.* Die sowjetische «Historikerwoche» 1928 in Berlin. — In: Deutschland — Sowjet Union. . ., S. 206.

[68] *Муравьев Ю. П.* Указ. соч., с. 279.

[69] *Дудзинская Е. А.* Указ. соч., с. 21.

[70] *Иоффе А. Е.* Указ. соч., с. 271—272.

[71] *Муравьев Ю. П.* Указ. соч., с. 287; *Розенфельд Г.* Научные и культурные связи. . ., с. 83; *Kretzschmar U.* Die deutsch-sowjetischen Beziehungen auf dem Gebiet der Suchenforschung 1921 bis 1932. — In: Deutschland — Sowjetunion. . ., S. 526.

[72] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 219.

[73] *Иоффе А. Е.* Указ. соч., с. 268—269.

[74] *Муравьев Ю. П.* Указ. соч., с. 285—286; *Розенфельд Г.* Научные и культурные связи. . ., с. 82; *Schmidt E.* Die deutsch-sowjetische Alaj-Pamir-Expedition 1928. — In: Deutschland — Sowjetunion. . ., 516—522.

inslav

[75] *Rickmer Rickmers W.* Alaj! Alaj! Arbeiten und Erlebnisse der Deutsch-Russischen Alaj-Pamir-Expedition. Leipzig, 1930, S. 5.

[76] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 220.

[77] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 5.

[78] «Германо-русский медицинский журнал» выходил с 1925 по 1928 г. на немецком и русском языках под редакцией Н. А. Семашко и директора 2-й медицинской клиники в Берлине проф. Ф. Крауса. Затем журнал был преобразован в «Ежегодник медицинской науки Германии и Советского Союза». См.: *Розенфельд Г.* Научные и культурные связи. . ., с. 81.

[79] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 221.

[80] Ibid., S. 222; *Voigt G.* Dio Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 5.

[81] Постановление Президиума ЦИК СССР о создании комиссии для руководства изданием документов по истории внешней политики России за период 1904—1917 гг. — Архивное дело, 1929, вып. 2, с. 113.

[82] Международные отношения в эпоху империализма: Документы из архивов царского и временного правительств 1878—1917. Серия III. М.; Л., 1931. Т. 1: 14 января — 13 марта 1914 г., с. XXV.

[83] Там же, с. X.

[84] Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette, 1871—1914. Sammlung der diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes / Hrsg. von J. Lepsius, A. Mendelssohn—Bartholdy, F. Thimme. Berlin, 1922—1927, Bd. I—XL.

[85] Известия, 1928, 18 июля.

[86] Версальский мирный договор 1919 г., формально закончивший первую мировую войну, состоял из 440 статей и одного протокола. Он делился на 15 частей. Часть VIII (статьи 231—247) посвящалась вопросу о репарациях. Ст. 231 устанавливала вину Германии и ее союзников за развязывание войны 1914—1918 гг. См.: Дипломатический словарь. М., 1960, т. I, с. 273—281. Как указывает известный советский историк А. С. Ерусалимский, «статья 231-я Версальского договора, чтобы дать некоторое моральное оправдание требуемым от Германии репарационным платежам, связывает, как известно, проблему возмещения убытков победителей с проблемой о виновниках войны». См.: *Ерусалимский А.* Проблемы внешней политики Бисмарка в послевоенной германской историографии. — Историк-марксист, 1929, т. 12, с. 214.

[87] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 237; *Машкин М. Н.* К 100-летию со дня рождения Отто Гётча. — В кн.: Ежегодник германской истории 1976. М., 1977, с. 323.

[88] Международные отношения в эпоху империализма. . ., с. XXV.

[89] Там же, с. XXVI.

[90] *Hoetzsch O.* Die russische Aktenpublikation zur Vorgeschichte und Geschichte des Weltkrieges. — Zeitschrift für osteuropäische Geschichte, N. F., 1931, Jg. 1, S. 348—376.

[91] *Дудзинская Е. А.* Указ соч., с. 236.

[92] Hoetzsch veröffentlicht Moskaus Akten. — Osteuropa, 1975, H. 8/9, S. A458—A462; *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 238, 362—365.

[93] Письмо проф. Фасмера в министерство культуры Пруссии от 11 декабря 1928 г. — В кн.: *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 328—330.

[94] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 330.

[95] Ibid., S. 240—241.

[96] Ibid., S. 242—244.

[97] Восточная политика. Остфоршунг. Психологическая война. Москва; Берлин, 1977, т. II, с. 182.

inslav

[98] *Фойгт Г.* Немецкое общество по изучению Восточной Европы в 1913—1963 гг. — В кн.: Критика западногерманского «остфоршунга». М., 1966, с. 118.

[99] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 245—246.

[100] Ibid., S. 247—248.

[101] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 5.

[102] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 179, 247.

[103] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 6.

[104] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 190, 366.

[105] *Voigt G.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 14.

[106] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 257, 259, 260.

[107] *Voigt G.* Op. cit., S. 256.

[108] Правда, 1935, 11 июня.

[109] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 265, 269.

[110] *Stoecker E.* A. S. Jerussalimski. Deutsche Geschichte im Leben eines sowjetischen Historikers und Kommunisten. Berlin, 1980, S. 26—33.

[111] *Voigt G.* Otto Hoetzsch. . ., S. 270; *Idem.* Die Deutsche Gesellschaft für Osteuropakunde. . ., S. 7.

[112] *Фойгт Г.* Указ. соч., с. 119; *Заставенко Г. Ф.* «Остфоршеры» на службе гитлеровцев накануне и в годы второй мировой войны. — В кн.: Критика западногерманского «остфоршунга». . ., с. 187.

[113] *Сказкин С. Д., Драбкин Я. С.* Критика западногерманской историографии «изучения Востока». — Вопросы истории, 1964, № 11, с. 164.

[114] *Гогуэль Р.* Восточная политика и «остфоршунг»: Преемственность и эволюция. — В кн.: Критика западногерманского «остфоршунга». . ., с. 57—58.

В. Э. Орел

СЛАВЯНСКАЯ ЭТИМОЛОГИЯ В РАБОТАХ ФРАНЦУЗСКИХ СЛАВИСТОВ (конец 40-х—50-е годы XX в.)

Как предмет настоящей работы, так и принятые хронологические рамки выбраны не произвольно, но, как мы полагаем, отражают особенности развития славянской этимологии (и в нашей стране, и за рубежом), коренным образом отличающие исследовательскую методику и практику современного этапа этимологических изысканий в области славянской лексики от предшествующих периодов.

Истории формирования славянской этимологии как особого раздела лингвистического славяноведения пока не уделялось должного внимания, чему, по-видимому, есть и объективные причины, прежде всего — относительно позднее возникновение славянской этимологии как самостоятельной и *строго научной* дисциплины [1], соотносимой со сравнительной грамматикой. Между тем, изучая историю славянской

inslav

этимологии, можно надеяться, что в работах предшественников удастся обнаружить не только ошибки и заблуждения, но и подтверждения современным этимологическим концепциям, а порой и результаты, опередившие свое время [2].

Несмотря на то что история славянской этимологии как таковая пока не написана, в этой области все же сделан значительный шаг, поскольку мы располагаем весьма удачной периодизацией славянских этимологических исследований, предложенной О. Н. Трубачевым [3]. Первый этап развития славянской этимологии тесно связан с творчеством Ф. Миклошича, прежде всего с его «Этимологическим словарем славянских языков» [4]. И в этом словаре, и в предшествующих работах Ф. Миклошича нельзя не видеть «выражения примата старославянского языка, не только бесспорного и сейчас примата внешней, письменной фиксации, но также и главным образом примата древности языковых форм. . . Эта направленность словаря Миклошича составляет суть первого этапа» [5]. Постепенное освобождение от этой ориентации исключительно на старославянский лексический материал, переоценка значения других славянских данных привели к необходимости иных приемов историко-этимологического исследования лексики: славянская этимология обратилась вслед за сравнительной грамматикой к понятию «праславянского языка», «праславянской лексики» и т. п. и, как следствие, к широкому использованию реконструкции [6]. Второй период развития славянской этимологии приходится в основном на первую треть XX в. и открывается фундаментальным трудом Э. Бернекера [7]. С этим периодом связано в значительной мере и этимологическое творчество А. Мейе (если говорить здесь лишь о его интересах в области славянского языкознания) [8].

Для второго этапа развития славянской этимологии, однако, характерно довольно узкое понимание реконструкции и сферы ее действия, ограничиваемой лишь фонологическим и собственно морфологическим аспектами [9]. Этому соответствовал и взгляд на праславянский язык как на статичный и в целом монолитный феномен, не знавший ни истории, ни диалектного членения [10]. Отличие третьего, современного этапа развития славянской этимологии как раз и заключается в специальном внимании к проблематике, которой ранее пренебрегали: на первый план выходят, с одной стороны, такие проблемы, как «этимология и словообразование», «этимология и слово», с другой — понятия праславянского диалектизма и локализма, различение ранне- и позднепраславянских процессов [11].

inslav

Где же проходит рубеж между вторым и третьим этапами развития славянской этимологии? О. Н. Трубачев высказывал мнение, что «второй этап. . . продолжается и сейчас, с ним приходится считаться в полной мере, его идеи, теперь уже тормозящие прогресс в этой области языкознания, необходимо преодолевать» [12]. Разумеется, трудно спорить с тем, что вплоть до настоящего времени появляются этимологические работы, выполненные в традиции 70—80-летней давности, однако, как нам представляется, разработка новых принципов этимологических исследований в области славянских языков все-таки началась уже в первые послевоенные годы.

В этом отношении мы считаем показательными исследования французских славистов, выполненные в конце 40-х и в 50-е годы [13]. Хотя речь идет не о масштабных трудах (словарях, монографиях по тематическим группам лексики и т. п.), а об etymologica parerga, этимологических заметках, посвященных отдельным словам, их значение, тем не менее, весьма велико: конкретные, казалось бы, не имеющие особой роли лексемы служили «лабораторным материалом», на котором отрабатывались методические новшества, новые приемы словообразовательного анализа, новые концепции слова как объекта этимологии.

В свете сказанного не кажется случайностью то, что на IV Международном съезде славистов в Москве выдающийся французский исследователь А. Вайан выступил с докладом, посвященным именно этимологической проблематике [14]. Доклад А. Вайана, как и его статья, написанная к IV съезду славистов [15], особенно интересны потому, что могут рассматриваться в какой-то степени как итог исследований по славянской этимологии во Франции, осуществленных в указанный выше период. Хотя и доклад, и статья А. Вайана посвящены в основном разбору конкретных слов, им обоим предпосланы небольшие преамбулы более общего характера, в которых, на наш взгляд, высказаны некоторые полезные истины.

Прежде всего А. Вайан выступает как решительный антагонист этимологической практики, принятой на втором этапе развития славянской этимологии. «Этимологические словари славянских языков, как и других языков, — пишет он, — чересчур похожи на сад индоевропейских корней» [16]. Развивая эту метафору, А. Вайан подчеркивает, что преувеличение роли корневой морфемы, понимание этимологии как поиска корня приводят к неполным и ненадежным результатам. Каким же образом избежать корневых этимологий и повысить надежность исследования? Вновь обращаясь к метафориче-

inslav

ському приему [17], А. Вайан говорит о необходимости словообразовательного анализа лексемы, исследования слова, начинающегося не с инициали, а с финали [18]. Таким образом, этимология слова для А. Вайана — это прежде всего история слова, увиденная через призму словообразовательного анализа. При этом А. Вайан вовсе не считает последний единственным критерием достоверности в этимологии, ограничиваясь, правда, следующим афоризмом: «Хорошие этимологии — это те, которые даны непосредственно. Лучшие — те, от которых остается впечатление, что если бы язык не создал такого слова, его можно было бы создать самому» [19]. Иными словами, важен не только словообразовательный аспект этимологического анализа — важна и сама лексема в ее цельности, прежде всего в ее внутриязыковых связях, требующих тщательной внутренней реконструкции.

Несмотря на заметный лаконизм в общих высказываниях А. Вайана, они все же представляются весьма ценными как концентрация того практического опыта, которым располагала славянская этимология во Франции к концу 50-х годов. Не лишен интереса вопрос о том, как воплощались в конкретных этимологических решениях рассмотренные выше суждения более общего порядка. В качестве иллюстративного материала мы возьмем несколько этимологических заметок, публиковавшихся в 40—50-е годы в журнале «Revue des études slaves» [20].

Довольно неожиданным примером тонкого словообразовательного анализа *заимствованной* лексики может послужить заметка А. Вайана о ст.-слав. КРАГОУИЛЪ, КРАГОУИ 'ястреб' [21] и родственных формах в других славянских языках (болг. *крагуй* 'сокол, ястреб', с.-хорв. *кра̏гӯ̄ј* 'ястреб'; Accipiter nisus', хорв. стар. *kràgūlj* то же, словен. krágulj то же) [22]. В принципе источник этого слова был известен уже задолго до Вайана: это достаточно старое тюркское заимствование, ср. название ястреба — кашг. qyγuj (XI в.), караим. kyγyj, осм. kyγaj и т. п.[23] Однако подобные тюркские лексемы хорошо объясняют лишь формы типа ст.-слав. КРАГОУИ, в то время как «первичной формой является, с необходимостью, КРАГОУИЛЪ, поскольку эта форма не только наименее банальна, но и представляет собой гапакс» [24]. Верный своему принципу анализировать слово с конца, А. Вайан усматривает в КРАГОУИЛЪ славянский суффикс *-ьлъ, который обнаруживается, в частности, в таких названиях птиц, как *огьлъ 'орел', *pětьlъ 'петух' и т. п. При этом специально подчеркивается, что у формы типа КРАГОУИЛЪ нет точного аналога в тюркском в отличие от КРАГОУИ.

instlav

Дополнительное обоснование своей этимологии Вайан видит в том, что слав. *-ьлъ не только встречается в исконной лексике, но и усваивается вместе с заимствованиями типа слав. *osьlъ 'осел' < гот. asilus то же. Отсюда уже один шаг до утверждения, которым автор заключает свой этюд: слав. *-ьлъ — не индоевропейское наследие, но германское заимствование.

Признавая за изложенной концепцией стройность и последовательность, вообще присущие научному стилю А. Вайана, мы все же не можем согласиться с его выводами. Мысли о наличии в КРАГОУИЛЪ суффикса *-ьлъ [25] препятствует прежде всего нерегулярность передач в других славянских языках, вынуждающая исследователя предполагать не слишком правдоподобное развитие группы *-jьl- в *-lj-. Таким образом, фонетическая и морфонологическая корректность здесь как бы приносится в жертву словообразованию. Эти соображения, однако, лишь указывают на возможность иных путей к решению. Собственно же другое решение обеспечивается бесспорным, как нам кажется, существованием в тюркском форм с -l-, объясняющих соответствующие славянские образования. О наличии таких форм говорит в первую очередь венг. karvoly, karuly 'сокол, ястреб', восходящее к тюркскому источнику с -l-.[26] Более того, зафиксированы такие образования и в самом тюркском, ср. хотя бы чагат. kyrγaul, kyrγavul 'фазан'; именно они, вполне объясняя славянские формы с -l-, позволяют снять вопрос об отражении в данном слове славянского суффикса *-ьлъ и, на наш взгляд, опровергают один из доводов Вайана в пользу заимствованного характера *-ьлъ. Таким образом, славянские языки и, в частности, старославянский текст «Жития Константина», отражают два близких, но словообразовательно различных заимствования из тюркского [27].

Интерес к заимствованным элементам в области славянского словообразования вообще характерен для этимологического творчества Вайана. В этом смысле показателен его этюд, посвященный лексемам с суффиксом -*yni [28]. Резко критикуя концепцию Зубатого [29], видевшего в *-yni контаминацию тематического *-y и суффикса женского рода *-nī прежде всего на том основании, что славянский не знал форманта *-nī как такового. А. Вайан предполагает, что *-yni заимствовалось из германского, где сосуществуют суффиксы мужского рода *-ōn- и женского рода *-injā-, *-unjā-. Правда, как признает сам Вайан, ни герм. *-ōn-, ни *-injā-, *-unjā- по фонетическим причинам не могли развиться в слав. *-yni. Поэтому приходится предполагать, что в процессе

inslav

заимствования эти суффиксы были контаминированы в *-ōnjā-, далее развившееся в слав. *-yni. Таким образом, слав. *kъnęgyni княгиня не является, по мнению Вайана, собственно славянским производным от *kъnęzь, но продолжает один из континуантов гипотетического герм. *kuningōnja- (при реальном д.-в.-н. kuningin) [30].

В этом случае, как и в предыдущем, поиски словообразовательной регулярности в славянском привели А. Вайана, как нам кажется, к построению этимологической концепции, в основание которой заложено значительно больше гипотетических положений, чем их можно найти в отвергаемой Вайаном этимологии Зубатого [31]. Как ни трактовать второй компонент слав. *-yni, этот суффикс бесспорно связан с основами на *-у (< и.-е. *-ū) [32].

В целом к тому же разряду этимологий, в которых безоговорочно принят своеобразно понимаемый примат словообразования, относится и этюд А. Вайана, посвященный слав. *desiti (ст.-слав. ДЕСИТИ 'найти, встретить' и другие южнославянские формы со сходными или идентичными значениями) [33]. В основе предлагаемой Вайаном этимологии лежит принимаемое большинством ученых допущение генетической связи *desiti и *desnъ (jь) 'правый' [34]. Таким образом, суть здесь не в решении кардинальной проблемы отождествления корней, а в «деталях», значением которых, однако, невозможно пренебречь. Для Вайана важнейшим моментом оказывается существование деривационной модели ТѢСНѪ ~ ПОТѢШТИТИ, позволяющей объяснить *desiti как глагол, производный от *desnъ и имевший исходное значение 'attraper de la droite, de la bonne main', т. е. семантически близкий к словосочетанию ДЕСНЫЖ ХВАТИТИ. Основные критерии достоверности этимологии тут — включение рассматриваемой лексемы в словообразовательную модель и семантическая реконструкция [35].

Однако и в данном случае, на наш взгляд, соотношение словообразовательных *pro* и собственно этимологических *contra* складывается не в пользу изложенного решения. Против него говорит в первую очередь наличие в славянском аблаутного варианта *dositi (укр. *судоситися* 'встретиться' и т. п.), который все-таки, вопреки Вайану, нельзя объяснить как результат особого развития *desiti под влиянием приставочных глаголов (в частности, семантически близких, типа рус. *достигнуть*) с *do-. Далее, не менее важно наличие у *desiti прямых соответствий в других индоевропейских языках (греч. δέχομαι 'принимать' и под.[36]). Наконец, не может вполне удовлетворить и рационалистическое по-

inslav

нимание семантического развития, которое использует в данном случае Вайан (см. прим. 35).

На основании всего сказанного выше может создаться впечатление, что мы стремимся показать лишь негативные стороны словообразовательной этимологии и дискредитировать ее как метод, характерный для современного этапа развития науки. Это, однако, совершенно не так. Прежде всего не следует забывать, что мы рассматриваем здесь работы того десятилетия, в которое новый этап истории славянской этимологии только зарождался, находился в стадии становления. Естественно, что, как это всегда бывает, переход к новым исследовательским приемам сопровождался некоторыми издержками. Вместе с тем, изучая частные неудачи этимологов, можно, по-видимому, несколько глубже проникнуть в суть совершившихся перемен, чем если ограничиться перечнем безусловных успехов. К этому следует прибавить, что новый склад этимологического мышления дал значительное количество точных и достоверных результатов, особенно если словообразовательный аспект этимологии гармонировал, а не вступал в противоречие с другими ее сторонами (фонетикой, морфонологией, семантической реконструкцией).

Примером такого удачного решения может служить анализ слав. *bystrъ [37]. Не оспаривая известного сопоставления *bystrъ с др.-исл. bysia 'вытекать с большой силой, вырываться' [38], А. Вайан усматривает внутриславянское соответствие *bystrъ в основе *bъх-, отраженной в ст.-слав. БЪХЪМЪ, БЪШИИЖ 'совсем', с.-хорв. *бȁхнути* 'нагрянуть, неожиданно явиться' и под. Соотношение огласовок *bystrъ и *bъх- А. Вайан объясняет следующим образом: первоначально имелась глагольная пара типа *tъknǫti — *tykati, от которой в историческую эпоху сохранился только первый член противопоставления, обнаруживаемый в *bъх-. От незасвидетельствованной основы с огласовкой *y было образовано прилагательное на *-ro- [39]. Некоторую трудность представляет в данном случае развитие группы *-sr- > *-str-, поскольку *s, находясь после *y(< и.-е. *ū), должно было измениться в *x; однако противоречащих предположению Вайана данных нет, и вполне допустимо думать, что вставка *-t- в данном случае предшествовала преобразованию *s в *x [40].

Изложенная этимологическая версия привлекает своей семантической точностью, поскольку южнославянские продолжения *bъх- в целом имеют значения, вписывающиеся в ту же семантическую сферу, что и значения *bystrъ [41].

inslav

Оригинальное объяснение получает и тот факт, что в отличие от *bystrъ, распространенного повсеместно, продолжения *bъx- ограничиваются лишь южнославянским ареалом. Вайан пишет: «Этот корень явным образом был экспрессивным, а экспрессивные слова обновляются и являются неустойчивыми. . . Прилагательное bystrŭ отдалилось от своего источника, войдя (в конкретном и переносном значении) в логическую часть словаря . . . и таким образом утвердилось в славянских языках» [42].

Другим (на наш взгляд, если не абсолютно убедительным, то весьма правдоподобным) этимологическим решением, основанным на включении морфологически темного слова в эксплицирующий его словообразовательный ряд, является объяснение русск. *врать*, которое Вайан решительно отделяет от и.-е. *ǵer- 'говорить' [43]. Семантической базой для Вайана является тонкое наблюдение, согласно которому *врать*, в сущности, не синонимично *лгать*. В этом отношении характерно, как толкует этот глагол словарь Даля: *врать* 'лгать, обманывать словами, облыжничать, говорить неправду, вопреки истине; говорить вздор, небылицу, пустяки; пустословить, пустобаять, молоть языком, суесловить; хвастать, сказывать небывальщину за правду' [44]. С другой стороны, соотношение основ инфинитива (*врать*) и презенса (*врет*) позволяет включить этот глагол в ту же группу, куда входят также *жрать* — *жрет* и под. Вайан далее задается вопросом, сохранился ли исходный глагол с огласовкой *e, который можно реконструировать как *verti, и действительно обнаруживает его в русск. *завереть* 'заплести, зачинить (лапоть, кошелку)' [45]. Что в основе русск. *врать* действительно лежит *verti 'плести', подтверждается достаточно широким распространением мотивации этого типа: 'плести' → 'лгать', ср. хотя бы русск. *Он приплетает много, врет* [46].

Место, отведенное в настоящей работе этимологическим разысканиям А. Вайана, вполне соответствует той ведущей роли, которую сыграл этот ученый в развитии славянской этимологии во Франции (и за ее пределами). Эта роль, как мы видели, в меньшей степени зависела от тех или иных конкретных результатов и в большей — от методических приемов Вайана и единого духа его этимологий, который мы пытались в какой-то степени передать. Примечательно, что некоторые этимологии Вайана, которые в конечном счете не были приняты наукой, сыграли известную роль, послужив как бы исходной точкой для последующего анализа. Отталкиваясь от решений Вайана, вступая в спор с французским

inslav

ученым, другие этимологи нередко приходили к ценным результатам [47].

Задавая тон славянской этимологии во Франции 50-х годов, работы Вайана, конечно, не исчерпывали всей этимологической деятельности. Одновременно с Вайаном работали и другие исследователи, быть может, избравшие несколько более традиционный путь, но и обнаруживающие черты сходства, что позволяет в данном случае говорить о формировании особой школы. О деятельности этих этимологов мы, по необходимости, расскажем короче.

Большое значение для французской этимологии имел цикл лексикологических исследований А. Мазона. Некоторые из работ этого ученого находятся на пограничье этимологии и лексикологии, точнее, истории слова. Ярким образцом такого рода исследования является этюд Мазона, посвященный русск. *очень* [48]. Детальное изучение употребления *очень* и *очунь* в русских текстах XVII—XVIII вв. и в грамматиках и переводных словарях XVIII в. приводит Мазона к выводу о длительном параллельном существовании этих форм (с последующим их диалектным размежеванием) и их взаимодействии в духе народной этимологии. При этом не удается определить первичность того или иного варианта, и следовательно, этимологии *очень*, *очунь* из формы типа *očьnь (ср. прилагательное *očьnъ (jь) и наречия, подобные польск. w oczy 'zupełnie') и из *očunь, родственного русск. *очнуться*, *очунеть* 'очувствоваться телесно, очнуться, опомниться от обморока, забытья, бреда; выздороветь, оклематься после тяжкой хвори' [49] признаются равновозможными.

Представляется, однако, что выбор более вероятной этимологии может быть осуществлен, даже если оставаться в рамках того материала, которым оперировал А. Мазон. Нельзя согласиться с французским ученым в интерпретации одного из наиболее старых отрывков, содержащих *очунь*, из «Учения и хитрости ратного строения пехотных людей» (1647 г.): . . .*поверь мне, что я не очюнь пишу, но сам то очима своими видел*, что Мазон понимает следующим образом: «crois bien que je n'écris pas trop, que je n'exagère pas» [50]. Между тем контекст не только исключает возможность такого прочтения, но и противопоставляет *очунь* и *очима*, тем самым подрывая этимологию *очень*, *очунь* < *očьnь. В этой связи также заслуживает внимания фиксация у *очень* значения 'дрянно' [51], несовместимого с реконструкцией древнего *očьnь, но вполне естественного на фоне значений *очунеть*. Словообразовательные детали отношений между

inslav

очень, *очунь* и *очунеть* требуют более подробного комментария, и на них мы здесь останавливаться не будем [52].

Интересные исследования на стыке исторической лексикологии польского языка и этимологии проводились также А. Граннёном [53] и Э. Деко [54]. Группу слов со значением 'хвалить, льстить' в славянском анализировал М. Вей [55].

В послевоенные годы разворачивается научная деятельность крупного французского болгариста Р. Бернара. Его этимологические исследования в области болгарского словаря ориентированы, преимущественно, на два лексических пласта: заимствования и диалектные речения [56].

Несомненным достоинством работ Р. Бернара, посвященных заимствованной лексике, является внимание к особенностям «фонетики заимствований», что позволяет в ряде случаев с достаточной надежностью определить не только слово-источник, но и время его проникновения в южнославянскую языковую область. Примером может служить этимология болг. *карп* 'морозник, Helleborus cyclophyllus' [57], которое Бернар связывает с греч. σκάρφη то же, н.-греч. σκάρφη то же. В данном случае факт заимствования из греческого неоспорим. Вместе с тем особенности фонетической передачи греч. σκάρφη требуют особого комментария, который и дает Бернар, указывая ряд примеров трактовки начального sk- (и в болгарском, и в греческом) как k- в условиях функционирования слова в народной среде. С другой стороны, передача греч. -φ- как -*п*- указывает на возможность относительно ранней датировки заимствования [58]. Этимологическое истолкование слова нередко дает повод и для любопытного исторического комментария, как это имеет место в случае с объясненным Бернаром болг. *гювендия* 'женщина легкого поведения' (иранское заимствование через турецкое посредство) [59], или в случае с болг. *изпуганил съм се* 'пренебрег религиозной традицией', где в реликтовом виде сохранено утраченное болгарским значение основы *поган-* [60].

Ряд работ Р. Бернара посвящен этимологии исконной лексики. Здесь хотелось бы остановиться на одном его этюде. Анализируя болг. *кимѐн*, жен. р. *кимна* 'печальный, удрученный' [61], Р. Бернар, на наш взгляд, совершенно правильно связал это слово с с.-хорв. *кȉван* 'сердитый, злой, обозленный' и указал как источник слав. *kyvьnъ (jь) от глагольной основы *kyv- [62]. Фонетическая нерегулярность в болгарском слове кажущаяся: Бернар объясняет ее возникновение диалектным развитием формы женского рода **кивна* > *кимна*, ср. такое же явление в диал. *рамна* 'ровная' < *равна* то же и под. Под влиянием форм женского рода был перестроен

inslav

и мужской род (*кимен*, *рамен*), а также возник глагол *кимам* 'качать головой'.

Большой интерес представляет в данном случае семантический аспект проблемы. Объединяя болг. *кимен* и с.-хорв. *кȉван*, Р. Бернар объясняет развитие значения вслед за Бернекером, считавшим, что с.-хорв. *кȉван* первоначально означало 'качающий головой в знак недовольства или досады' [63]. По существу против этого трудно что-нибудь возразить, поскольку слав. *kyvati действительно могло значить 'к а ч а т ь' (головой), ср., например, польск. kiwać. Однако некоторые сомнения возникают в связи с тем, что, как кажется, интенсивность эмоционального состояния, выражаемая болг. *кимен* (см. прим. 61) и с.-хорв. *кȉван* в общем значительнее той, которая предполагается в реконструкции Бернекера для *kyvati. В связи с этим нельзя не вспомнить о том, что *kyvati наряду со значением 'качать' имеет и значение 'кивать' (головой), причем соответствующий жест именно в болгарской языковой области имеет не положительный, как у других славян, а отрицательный смысл [64]. Не исключено, что именно эта локально-балканская семантика *kyvati и послужила основой для развития тех значений, которые известны у болг. *кимен*.

В заключение наших заметок, посвященных одному довольно узкому отрезку в истории славянской этимологии во Франции, хотелось бы снова вернуться к положениям более общего характера. Прежде всего необходимо еще раз подчеркнуть, что особое внимание к деятельности А. Вайана в связи с этим периодом — не результат субъективно-произвольного выбора. Как правильно отмечает О. Н. Трубачев, применительно к избранному нами этапу «этимологические исследования нельзя отделять от творческой деятельности того или другого ученого-языковеда, нельзя правильно понять в отрыве от остальной научной продукции данного ученого». Это «характерно в первую очередь для научной этимологии . . . когда мы имеем больше оснований говорить не о собственной логике развития этимологических исследований как таковых вообще, а о логике творческой эволюции того или иного ученого, обращающегося более или менее часто также к этимологии» [65]. Однако изучение творческих интересов Вайана в целом — все-таки иная задача (скорее в жанре «исторического портрета»), а место этого ученого в славянской этимологии послевоенного периода — объективный и поучительный факт, в известной степени характеризующий статус этимологической науки среди других филологических дисциплин. Творчество Вайана в 40—50-е годы,

inslav

несмотря ни на что, отражает возникновение новых тенденций в науке, так или иначе группирующихся вокруг новаторского понятия «словообразовательной этимологии» [66]. Частные неудачи Вайана отражают поиски и становление новых критериев ценности и надежности этимологических решений [67], что особенно четко видно на фоне частных удач его коллег и современников, не пытавшихся решить (или по крайней мере поставить) проблемы методики (ср. вполне корректные этимологические толкования во второй части настоящей статьи).

Время с конца второй мировой войны и приблизительно до IV Международного съезда славистов в Москве было началом нового этапа в истории славянской этимологии. Те явления, которые мы наблюдали на материале работ французских этимологов, могут быть прослежены значительно шире. Если попытаться сформулировать это в предельно общей форме, можно, вероятно, сказать, что в этот период в славянском языкознании преодолевается этимологический атомизм, связанный с младограмматической традицией. Конкретные формы ухода от устаревшей методики исследования окончательно определились уже в 60-е годы, когда стало ясно, сколь разными способами можно искать новые приемы исследования. В связи с этим для этимологии стали значимыми не только словообразовательный анализ, но и филологический анализ на уровне текста, реконструкция текста, допущение множественных этимологических толкований в качестве внутренне непротиворечивой совокупности, групповой этимологический анализ лексики, использование нерегулярных фонетических соответствий. Преимущественное внимание к одному или нескольким из этих аспектов привели к формированию новых направлений и школ в этимологии, в частности французской, но эта проблема требует отдельного рассмотрения.

[1] Некоторое запаздывание в развитии этимологии по отношению к сравнительной грамматике, особенно на первых этапах, видимо, вообще имеет универсальный характер; ср. хотя бы аналогичную ситуацию в индоевропейском языкознании первой половины XIX в.

[2] Безусловно значительным и в свое время недостаточно оцененным был, например, вклад в славянскую этимологию таких исследователей, как С. П. Микуцкий.

[3] См. Этимологический словарь славянских языков. Проспект. Пробные статьи. М., 1963, с. 3—11 (далее — Проспект).

[4] *Miklosich F.* Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

inslav

[5] Проспект, с. 4.

[6] В отечественной славистике одним из наиболее значительных представителей этого течения был Г. А. Ильинский. О его неопубликованном этимологическом словаре см.: *Трубачев О. Н.* Этимологический словарь славянских языков Г. А. Ильинского. — Вопросы языкознания, 1957, № 6, с. 91 сл.

[7] *Berneker E.* Slavisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1908—1913.

[8] *Meillet A.* Etudes sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905; *Мейе А.* Общеславянский язык. М., 1951 (русский перевод осуществлен по 2-му изданию 1934 г.).

[9] Вплоть до понимания реконструкции как своего рода фикции, противопоставленной единственной реальности — межъязыковым соответствиям, ср. *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М., 1938, с. 64.

[10] Этот аспект проблемы неоднократно рассматривался С. Б. Бернштейном; см., например: *Бернштейн С. Б.* Основные задачи, методы и принципы «Сравнительной грамматики славянских языков». — В кн.: Вопросы славянского языкознания. М., 1954, вып. 1, с. 12 сл.; *Он же.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М., 1961, с. 43 сл.

[11] О праславянских диалектизмах неоднократно писал О. Н. Трубачев, см., в частности; *Трубачев О. Н.* О праславянских лексических диалектизмах сербо-лужицких языков. — В кн.: Сербо-лужицкий лингвистический сборник. М., 1963, с. 154—172.

[12] Проспект, с. 6.

[13] Здесь и ниже речь идет преимущественно о трудах А. Вайана, вклад которого во французскую славистику исключительно велик. Если ограничиваться только рассматриваемым периодом, то, помимо этимологических работ Вайана, следует назвать также два первых тома сравнительной грамматики славянских языков и пособие по старославянскому языку: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950, t. 1; 1958, t. 2; *Idem.* Manuel du vieux slave. Paris, 1948, t. 1—2. Эти исследования, естественно, опираются и на этимологические результаты Вайана.

[14] *Vaillant A.* Notes étymologiques. — В кн.: Славянская филология. М., 1958, с. 68—75.

[15] *Vaillant A.* Problèmes étymologiques. — Revue des études slaves, 1957, t. 34, p. 136—143.

[16] *Vaillant A.* Problèmes. . ., p. 136.

[17] Приводим здесь соответствующий отрывок: «Вот слово, которое возникает в некий момент истории языка, со своим последующим развитием, но с неизвестным прошлым. В себе оно несет и свое происхождение, но таит его — оно замкнуто в себе подобно яйцу. С какого конца подступится к нему этимолог? «Гулливер» Свифта, а позже — «Микромегас» Вольтера учат нас, что существуют две школы — тупоконечников и остроконечников. Иными словами, у слова два конца — его инициаль, корень, и финаль. Спорить тут не о чем, и хорош тот конец, который приносит исследователю результат» (*Vaillant A.* Problèmes. . ., p. 136).

[18] IV Съезд славистов показал, что эти мысли созвучны представлениям, все шире распространявшимся и в других странах, см., в частности: *Sławski F.* Uwagi o badaniach etymologicznych nad słownictwem słowiańskim. — Z Polskich Studiów Slawistycznych. Warszawa, 1958, t. 1, s. 99—107.

[19] *Vaillant A.* Notes. . ., p. 68.

inslav

[20] После перерыва, вызванного войной и нацистской оккупацией Франции, этот журнал, орган парижского Института славяноведения, был возобновлен в 1946 г. (т. 22).

[21] *Vaillant A.* Slavon *kraguilŭ* «épervier». — Revue des études slaves (далее — RES), 1947, t. 23, p. 155—157.

[22] Это заимствование отражено также во всех западнославянских языках (что частично учтено Вайаном); ср. еще русск. — цслав. КРАГУИ, укр. диал. *крагулець* и особенно блр. *караголь* (с интересным развитием полногласия).

[23] Указание на тюркский источник см., например, *Berneker E.* Op. cit., S. 570.

[24] *Vaillant A.* Slavon *kraguilŭ*. . ., p. 155. Такое истолкование статуса этой формы не имеет обязательного характера, однако нельзя не согласиться с тем, что вариант КРАГОУИЛЪ в любом случае требует особого объяснения.

[25] Ту же трактовку см.: *Sławski F.* Słownik etymologiczny jezyka polskiego. Kraków, t. 3, zesz. 1 (11), s. 118.

[26] О венгерском слове см.: A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára. Budapest, 1970, II. kötet, p. 395.

[27] В несколько ином аспекте об этом слове см. также: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1950, t. 1, p. 16—17.

[28] *Vaillant A.* Le suffixe — *ynji*. — RES, 1948, t. 24, p. 181—184.

[29] *Zubatý J.* Studie a články. Praha, 1949, t. 2, s. 335—345; ср. еще; *Meillet A.* Études sur l'étymologie et le vocabulaire du vieux slave. Paris, 1902—1905, p. 270.

[30] Несколько иначе см.: *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. Paris, 1958, t. 2, p. 101.

[31] Хотя за пределами *-yni суффикс *-nĭ в славянском, действительно, не встречается, косвенным подтверждением реальности реконструкции Зубатого служит то немаловажное обстоятельство, что дальнейшая судьба *-yni в славянских языках в целом совпадает с тем, как славянский трактовал древние основы на *-ĭ; подробно см.: *Бернштейн С. Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974, с. 303 сл.

[32] *Meillet A.* Op. cit., p. 270.

[33] *Vaillant A.* Notes. . ., p. 73—74.

[34] Обзор литературы см.: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1977, вып. 4, с. 219.

[35] Совсем иной вопрос — можно ли безоговорочно принять предлагаемую Вайаном цепь семантических трансформаций. Приводимые им параллели вроде ст.-слав. ВЪРЖЧИТИ и ПОРЖЧИТИ все-таки довольно далеко отстоят по своему значению от *desiti.

[36] Далее см.: *Chantraine P.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. Histoire des mots. Paris, 1968, t. 1, p. 269.

[37] *Vaillant A.* Notes. . ., p. 74—75.

[38] *Berneker E.* Op. cit., S. 113.

[39] Ср. аналогичным образом *xytrъ (jь) 'ловкий, хитрый' как производное от *xytati 'спешить, хватать' и т. п.

[40] Несколько иначе см.: *Vaillant A.* Notes. . ., p. 74.

[41] *Vaillant A.* Notes. . ., p. 74.

[42] Ibid.

[43] *Vaillant A.* Russe *vrat'* «mentir». — RES, 1954, t. 31, p. 100—101.

[44] *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: М., 1880, т. 1, с. 259 (далее — *Даль*).

[45] *Даль*, т. 1, с. 559.

[46] *Даль*, т. 3, с. 125.

Inslav

[47] Не имея возможности остановиться на этом вопросе подробнее, укажем здесь в качестве примера работу Вайана о ст.-слав. ПЕЧАТЬ (*Vaillant A.*) Problèmes. . ., p. 138—141) в свете более поздних исследований, см.: *Львов А. С.* Старославянское ПЕЧАТЬ—ПЕЧАТЬЛѢТИ. — В кн.: Этимологические исследования по русскому языку. М., 1962, вып. 2, 93—103.

[48] *Mazon A.* Russe *очень* «très, trop» < «manifestement», et «fortement». — RES, 1947, t. 23, p. 146—150.

[49] *Даль*, т. 2, с. 777.

[50] *Mazon A.* Op. cit., p. 148.

[51] *Даль*, т. 2, с. 776.

[52] Подробно см.: *Львов А. С.* Из лексикологических разысканий. — Доклады и сообщения Института языкознания АН СССР, 1956, т. 10, с. 68 сл. С некоторыми дополнениями и уточнениями словообразовательного порядка см.: *Он же.* Из лексикологических наблюдений. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 194—195.

[53] *Grappin H.* Polonais *raczej.* — RES, 1947, t. 23, p. 157—160; *Idem.* Un collectif polonais oublié: *zwierze.* — RES, 1953, t. 30, p. 100—102.

[54] *Decaux E.* Le nominatif duel des pronoms personnels polonais. — RES, 1953, t. 30, p. 95—97.

[55] *Vey M.* Une famille des mots signifiant «flatter», «vanter» en slave. — RES, 1956, t. 33, p. 98—104.

[56] В 50-е годы Бернар работает и в области болгарской морфологии и морфонологии, см., в частности: *Bernard R.* L'alternance *е/я* de l'ancien *ѣ* en bulgare moderne. — RES, 1957, t. 34, p. 15—31.

[57] *Bernard R.* Bulgare *карп* «ellébore», *стратур* «amarante». — RES, 1947, t. 23, p. 160—162.

[58] См.: Български етимологичен речник. — София, 1979, т. 2, с. 252.

[59] *Bernard R.* Bulgare *гювендия* (*гевендия*) «femme légère». — RES, 1953, t. 30, p. 94—95.

[60] *Bernard R.* Quelques mots du dialecte de Bălgari. — RES, 1959, t. 36, p. 65—66.

[61] Известны также значения 'разгневанный, гневный, сердитый'.

[62] *Bernard R.* Op. cit., p. 66.

[63] *Berneker E.* Op. cit., S. 680.

[64] По этому вопросу специально см.: *Якобсон Р. О.* Да и нет в мимике. — В кн.: Язык и человек. Сб. статей памяти П. С. Кузнецова. М., 1970, с. 285—287.

[65] *Трубачев О. Н.* Этимологические исследования. — В кн.: Теоретические проблемы советского языкознания. М., 1968, с. 91—92.

[66] Ср. следующую оценку Вайана: «В качестве примера можно вспомнить об этимологическом методе французского слависта А. Вайяна [так у О. Н. Трубачева. — *В. О.*], который, казалось бы, эволюционировал от своих традиционных этимологий 20-х годов к очень индивидуальным и произвольным толкованиям последних лет. Однако почти одновременно с этими последними А. Вайян выдвигает прогрессивное понятие словообразовательной этимологии» (*Трубачев О. Н.* Указ. соч., с. 92).

[67] О принципах этимологических исследований, утвердившихся в 60-е годы. см.: *Szemerényi O.* Principles of etymological research in the Indo-European languages. — II. Fachtagung für indogermanische und allgemeine Sprachwissenschaft. Innsbruck, 1962, p. 175—212.

inslav

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Л. П. Лаптева

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ГЕРМАНИИ В XIX — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В. (до 1945 г.) В ОСВЕЩЕНИИ ИСТОРИКОВ ГДР

За время существования ГДР немецкие ученые-слависты достигли значительных успехов. Об этом свидетельствует, в частности, и систематически публикующаяся библиография их трудов. Первый выпуск такой библиографии вышел в 1968 г., в нем зафиксировано 4976 названий работ, опубликованных в ГДР за 1946—1967 гг.[1] Второй выпуск увидел свет в 1974 г., в нем 3366 названий работ, вышедших с 1968 по 1972 г.[2] Третий выпуск (1979) охватывает 3667 названий за 1973—1977 гг.[3] и четвертый (1983) — 3231 название за 1978—1981 гг.[4]

В ГДР издаются четыре славистических журнала: «Zeitschrift für Slawistik» (орган АН ГДР, Берлин), «Lětopis» (орган Института Серболужицкого народоведения, Баутцен), с 1986 г. в 4 сериях: язык и литература, история, этнография, культура (каждая серия — по выпуску в год); «Rozhlad» (на серболужицком языке)[5] и ежегодник по истории социалистических стран Европы[6], в котором большая часть статей посвящена новой и современной истории славянских стран, но нередко публикуются работы и по более ранним периодам. Кроме того, каждый университет издает свои труды, в которых печатаются и славистические работы[7]. Иногда той или иной проблеме посвящаются отдельные выпуски журналов. Так, в 1981 г. вышел специальный номер «Цайтшрифт фюр славистик», посвященный А. Лескину и его ученикам[8]. Кроме того, славистические работы публикуются и в других журналах — по языкознанию, литературе, истории. Практикуются и единовременные сборники в память или в честь какого-либо ученого-слависта. Выходит также много монографий по славянскому языкознанию, литературе, истории, культуре, немецко-славянским связям. Большое внимание уделяется в ГДР составлению

inslav

справочников и указателей к славистическим журналам, в том числе и журналам прежних лет. Так, еще в 1962 г. вышел указатель к «Archiv für slavische Philologie» (1876—1929) [9]. Позднее были опубликованы указатели к «Zeitschrift für slavische Philologie» [10], к «Slavische Rundschau» [11], а также к журналам «Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven», «Germanoslavica» и «Kyrios» [12].

Славистическая работа в ГДР осуществляется Академией наук и университетами. Крупным центром славистики является Институт серболужицкого народоведения в Баутцене, созданный для исследования лужицких сербов — их языка, культуры, этнографии, истории, связей и т. д.[13] Кроме того, в Центральном институте языкознания, Центральном институте литературоведения и Центральном институте истории АН ГДР имеются отделы или группы по изучению языка, литературы и истории славянских народов. В университетах ГДР — в Берлине, Галле, Иене, Ростоке и Грейфсвальде — имеются секции языкознания и литературоведения, где изучаются и преподаются славянские языки и литературы. В составе Лейпцигского университета, кроме того, есть Институт сорабистики, который готовит кадры учителей для серболужицких школ и работников культуры.

История славян в университетах ГДР как специальная дисциплина не преподается. Читаются только курсы лекций по истории СССР. Ученые университетов вообще редко занимаются исследованием проблем славянской истории. В Центральном институте истории АН ГДР есть группы, занимающиеся историей СССР, и некоторое количество сотрудников, изучающих отдельные проблемы истории славянских народов. В целом этой проблематикой (кроме истории русского народа и лужицких сербов) занимаются мало.

Историю славяноведения в Германии исследуют полтора—два десятка авторов. В их числе Вильгельм Цайль, Лиана Цайль, Гайнц Порт полностью отдают свои силы изучению истории славяноведения, другие обращаются к ней спорадически. Хотя обобщающий труд по истории славяноведения в Германии пока отсутствует, современные исследователи ГДР публикуют обзоры развития немецкой славистики от ее возникновения до 1945 г. как в целом, так и по отдельным этапам и проблемам. Х. Порт опубликовал, например, в третьем томе серии «Исследования по истории мировой славистики» (1978) очерк «История славистики в Германии в первой половине XIX века» [14], а в следующем томе той же серии охарактеризовал развитие славистических изучений в Берлинском университете с 70-х годов XIX в. до первой

inslav

мировой войны [15]. Имеются и другие обзоры [16]. В. Цайль исследует историю славяноведения в основном от второй половины XIX в. до 1945 г. Но ему — в соавторстве с Г. Портом — принадлежит и освещение этапов развития славистики в Германии от истоков до 1945 г., опубликованное в СССР [17]. Из многочисленных работ В. Цайля, касающихся общих проблем славистики в Германии, можно указать еще статьи «Позиции и достижения славистики в Германии в 1871—1917 гг.» [18], «Особенности и позиции славистики в Германии до 1945 г.» [19], «Немецкая славистика периода Веймарской республики в переписке М. Фасмера и М. Мурко» [20], «Славистические исследования в Лейпциге 1870—1917 гг. и их место в международной славистике» [21]. Большое внимание ученые ГДР уделяют истории научных обществ и организаций, творчеству отдельных славистов.

В целом труды исследователей ГДР можно классифицировать по нескольким признакам. Из славянских народов наибольшее внимание уделяется лужицким сербам. Затем идут поляки, далее — русские, южные славяне и чехи. Осуществляется также исследование истории балтийских славян.

Если рассматривать изучение истории славяноведения по дисциплинам, то на первом месте у славистов ГДР стоит языкознание, далее — в значительно меньшей мере — славянские литературы, затем — культура, этнография и лишь на последнем месте — история славянских народов. Современные историки ГДР признают, что славяноведение есть комплексная дисциплина, изучающая все аспекты жизни славянских народов. Но традиции немецкой славистики XIX—начала XX в. еще сильны, что проявляется, например, в недостаточном, на наш взгляд, внимании к истории славян, а в сфере истории славяноведения — в отсутствии работ о том, как история славян изучалась в Германии в прошлом. С другой стороны, охарактеризованное выше распределение внимания к отдельным дисциплинам отражает картину развития немецкой славистики, которая до 1945 г. понималась в основном филологически, т. е. как наука, изучающая прежде всего славянские языки и в какой-то мере литературу и этнографию.

Продолжая классификацию трудов современных немецких славистов, следует отметить, что в изучении славистических институций первое место отводится лейпцигской славистической кафедре, затем — берлинской славистике, далее — кафедре во Вроцлаве (Бреслау) и в меньшей мере — кафедрам в Мюнхене и Кенигсберге. Из общественных организаций главным вниманием пользуется Матица Сербская в Бу-

inslav

дишине (Баутцене), Домовина (там же), герлицкое Верхнелужицкое общество наук, лейпцигское общество Яблоновского.

Изучение творчества отдельных славистов выглядит так: больше всего трудов написано о деятельности А. Лескина; второе место по количеству и объему исследований занимает Макс Фасмер. Далее следуют В. Ягич, А. Мука, М. Мурко, А. Брюкнер. Несколько работ написано о деятельности В. Неринга, Э. Бернекера, В. Цибульского. Достаточно подробно исследованы жизнь и труды немецких ученых XVIII—начала XIX в. — Г. Э. Лейбница, К. Г. фон Антона, И. Г. Гердера, серболужицких будителей. Есть специальные работы об отношении к славянам И. В. Гёте. Некоторым славистам XVIII—начала XIX в. посвящены, кроме отдельных статей, целые юбилейные сборники [22]. При исследовании немецко-славянских научных и культурных связей первое место современными учеными ГДР отводится немецко-русским отношениям, затем — немецко-польским, далее — немецко-чешским и немецко-югославянским. В целом вопросы связей разрабатываются весьма интенсивно.

Переходя к изложению основных моментов в развитии немецкой славистики XIX—первой половины XX в., считаем необходимым подчеркнуть, что задача настоящего обзора ограничивается информацией о том, как представляют себе положение вещей ученые ГДР; критический анализ этих взглядов в нашу задачу не входит, он заслуживает отдельной специальной работы.

Как и в других странах, славяноведение в Германии до 1945 г. прошло в своем развитии ряд этапов [23]. Его подготовительный период, характеризующийся пробуждением интереса к славянским языкам, накоплением знаний о славянах, созданием основ для славистических исследований в дальнейшем, начинается в XVI в. и завершается приблизительно к середине XVIII в. Важнейшие причины развития интереса к славянам на подготовительном этапе были религиозные (Реформация разрешала употреблять национальные языки в богослужении и побуждала к переводу религиозных текстов на славянские языки) и политические (в частности, усиление России). Славяноведение в Германии как особая область науки начинается со второй половины XVIII в., с эпохи Просвещения, которой было свойственно внимание к историко-философскому и сравнительному изучению языков, а также к культурным достижениям народов. Большое значение для развития славистики имели сочинения И. Г. Гердера, который подчеркивал важную роль славянских наро-

inslav

дов в прошлом и предрекал им славное будущее. В духе Гердера действовала целая плеяда ученых эпохи Просвещения. В начале XIX в. под влиянием идей романтизма, для которого, в частности, было характерно увлечение народным творчеством, а также под воздействием трудов по сравнительному языкознанию Фр. Боппа, А. Ф. Потта, братьев Гримм, В. Гумбольдта и Ф. Шлегеля складывается в Германии славянская филология. Этому способствовал и подъем национально-освободительного движения западных и южных славян в первой половине XIX в. Этот период развития славистики в Германии характеризовался в целом национальной терпимостью, немецко-славянским научным сотрудничеством. Многие представители немецкой славистики стояли по отношению к славянским народам на прогрессивных для того времени буржуазно-гуманистических позициях. После революции 1848—1849 гг. в немецкой славистике появились новые тенденции. Утверждение капиталистического строя и укрепление позиций буржуазии породили немецкий буржуазный национализм, повели к отказу от гуманизма эпохи Просвещения, к распространению отрицательного отношения к славянским народам и их культурным достижениям. Круг ученых, заявлявших о своей симпатии к славянским народам, заметно сузился.

Период от революции 1848 г. до образования Германской империи характеризовался возникновением двух университетских славистических кафедр, учреждение которых диктовалось политическими причинами.

Следующий этап развития немецкой славистики охватывает время приблизительно от 70-х годов XIX в. до 1918 г. Это — эпоха господства прусско-германского милитаризма, характеризующаяся антидемократизмом и агрессивностью государства. В области идеологии царил шовинизм господствовавших классов с откровенной антиславянской направленностью, что, к сожалению, оказывало влияние и на широкие слои немецкого населения. Славистические исследования все в большей мере подчинялись политике империалистического государства. Однако славистику не только терпели, но даже и поддерживали по соображениям международного престижа.

Последний этап в развитии немецкой славистики исследуемого периода можно датировать 1918—1945 г. В это время шовинизм и реваншизм в Германии достигли апогея. Официальная пропаганда разжигала среди немецкого населения вражду к славянам. В то же время господствующие классы пытались включить славистику в систему германского им-

inslav

периалистического остфоршунга, использовать ее результаты и достижения в политических целях. В такой обстановке многие немецкие слависты поставили свою работу на службу господствующего класса и выполняли свои исследования в антиславянском духе. Впрочем, некоторые немецкие ученые в период Веймарской республики и даже в годы фашизма стремились к объективному исследованию жизни славян. Но антифашистски настроенные ученые были брошены в концлагери, а те слависты, которые перешли на сторону фашизма, формулировали цели немецкого славяноведения в духе нацистской расовой теории.

На протяжении всего периода существования немецкая славистика имела свои особенности, развиваясь в совершенно иной обстановке, чем славистика в славянских странах. У южных и западных славян, которые были угнетены и боролись за создание собственных государств, славистика выполняла общественно-культурные функции, была направлена против национального угнетения и составляла неотъемлемую часть национального самосознания и освободительной борьбы. (Это относится и к сорабистике, как компоненту немецкой славистики.) В Германии же славистикой занимался сравнительно небольшой круг буржуазных ученых, деятельность которых ограничивали господствующие общественно-политические условия.

Группе интересующихся славистикой лиц противостояли равнодушие широких слоев немецкого населения ко всему славянскому, национализм и шовинизм господствующих классов и их попутчиков — идеология, от которой страдали славянские национальные меньшинства Германии и другие славянские народы. Такое направление развития немецкой культуры и науки, доминировавшее в эпоху империализма, обладало подавляющим влиянием на массы, дискриминировало или игнорировало культуру и языки славянских народов. Поэтому славистика оказывалась зажатой в узкие рамки и лишь в самой ограниченной мере способствовала популяризации знаний о славянских языках, о культуре и истории славян. Таким образом, антагонизм между симпатиями к славянам и славянофобством составлял главную специфическую черту развития славистики в Германии. С этим была связана и двойственная общественно-политическая и политико-идеологическая функция немецкой славистики. С одной стороны, слависты разъясняли и популяризировали славянские языки и культуру, стремясь тем самым смягчить нетерпимость к ним немцев, а, с другой стороны, результаты славистических исследований исполь-

inslav

зовались для оправдания экономической и политической экспансии господствующих классов. Такая обстановка определяла и особую роль полонистики и сорабистики, теснейшим образом связанных с интересами живших в Германии сербов и поляков. По тому, как относились отдельные ученые к сорабистике и полонистике, можно судить об их действительных или мнимых симпатиях к славянам. В то же время реакционные слависты использовали в первую очередь именно эти разделы славистики для проведения в жизнь политики господствующих классов в отношении национальных меньшинств Германии.

К числу особенностей развития немецкой славистики относятся и причины, определявшие различную степень внимания к языкознанию, культуре и истории славянских народов. В славистике славянских стран наряду с научными достижениями находили отражение национальное, языковое и культурно-историческое сознание. На его основе осуществлялось дальнейшее развитие славистических исследований, обучение славистическим дисциплинам и организационное оформление славистики. В Германии же решающее значение имели иные факторы. Побуждениями для важных достижений и открытий часто были прагматические и тактические мотивы. Определенную роль играло географическое соседство со славянскими народами, проживание всех лужицких сербов и части поляков на территории Германии. Эти обстоятельства определялись экономическими, деловыми, политическими, военными и религиозными задачами государства и, видимо, объясняют то чрезвычайное внимание, которое уделялось усвоению славянских языков, приобретению практических навыков владения ими.

Многие немецкие слависты видели в этом возможность для раскрытия и положительной оценки славянской культуры в целях борьбы с социальными и политическими предрассудками, ликвидации серьезных пробелов в существовавшей системе образования. Однако реакционные круги способствовали славистическому языковому образованию немцев по чисто практическим или откровенно шовинистическим соображениям.

Еще одна специфическая черта славистики в Германии состояла в том, что она развивалась в большой мере благодаря сотрудничеству между немецкими и славянскими учеными. С одной стороны, жившие в Германии лужицкие сербы и поляки обращали особое внимание на распространение и исследование родных языков, на популяризацию достижений своей культуры. Тем самым они обогащали

inslav

славистику Германии и побуждали немецких славистов к новым работам. Деятельность сербов и поляков — одна из движущих сил славистики в Германии. С другой стороны, в Германии в течение многих лет и даже десятилетий работали славянские ученые, постоянно жившие в этой стране. Это — Ягич, Цыбульский, Брюкнер, Неринг, Мурко. В некоторых областях немецкая славистика была представлена преимущественно славянскими учеными. Именно от них она получала большую поддержку.

Наряду с прогрессивной славистикой, представители которой ставили ее достижения на службу культуре и социально-политическому обновлению, и со славистикой, видевшей свои задачи в прагматическом свете и прибегавшей к тактическому лавированию, в Германии наблюдается и более или менее аполитичное стремление славистов к расширению научных знаний, к занятиям славистикой ради славистики [24].

Что касается организационных форм славистики в Германии, то они были представлены университетскими кафедрами, научными обществами и кружками; лишь в конце исследуемого периода славистика получила признание в Берлинской Академии наук, выразившееся в учреждении Славянской комиссии.

Первые кафедры славистики были учреждены в университетах Берлина и Бреслау в 1841 г. К их созданию привели политические причины. В этот период на развитие славистики в Германии большое влияние оказывал «польский вопрос». В связи с обострением польско-немецких отношений прусский король Фридрих Вильгельм IV взял курс на либерализацию политики по отношению к Польше, результатом чего было и учреждение кафедр славистики в названных университетах. Кафедру во Вроцлаве с 1842 по 1849 г. занимал Ф. Л. Челаковский. Приват-доцентом славянских языков и литератур в Берлине стал Войцех Цыбульский, который преподавал здесь до 1859 г., а с 1860 по 1867 г. занимал кафедру во Вроцлаве (с 1849 по 1860 г. она была вакантной). Наибольших успехов славистика во Вроцлаве достигла в период с 1868 по 1907 г., когда кафедру занимал Владислав Неринг — крупный исследователь польского языка и литературы. Он изучал также языки и литературы других славянских народов, их этнографию и древности в сравнительном плане [25].

В Берлинском университете кафедру славистики с 1874 по 1880 г. занимал В. Ягич. Он прибыл в Берлин уже как признанный ученый, создавший собственную концепцию

inslav

славянской филологии под влиянием трудов Августа Бека, Франца Боппа и Якоба Гримма. Ягич читал в университете лекции по славистике. Успешно занимался он и научной работой. Ее результатом было издание Зографского кодекса, опубликованного в 1879 г. при финансовой поддержке прусского правительства. Особое значение не только для славистики в Германии, но и в международном масштабе имело основание Ягичем в 1875 г. журнала «Архив славянской филологии» [26], выходившего в Берлине на немецком языке вплоть до 1929 г. В словаре «Славяноведение в дореволюционной России» говорится, что Ягич «единолично» вел «Архив» в продолжение 40 лет, «до начала войны 1914—1918 гг.» [27]. Это не соответствует истине. Вплоть до 1907 г. «Архив» издавался Ягичем совместно с А. Лескином и В. Нерингом [28], да и впоследствии, вплоть до 1920 г. Ягич всегда имел в качестве соредакторов крупных европейских славистов, в том числе и русских — Ф. Ф. Фортунатова, А. И. Соболевского, А. Н. Веселовского [29]. После смерти Ягича в 1923 г. издание журнала продолжил Э. Бернекер. Именно сотрудничество европейских ученых и сделало «Архив» со времени его возникновения до 1917—1918 гг. ведущим органом международной славистики, пользовавшимся большим авторитетом не только в Германии, но и за ее рубежами.

Задачей «Архива» было способствовать конкретному исследованию всех вопросов, касающихся славянской филологии, под которой Ягич понимал знания по всем областям интеллектуальной жизни славянских народов, как она отражалась в литературе, в народном творчестве, религии, нравах и обычаях. В журнале рядом со статьями славистической и славяно-балтийской тематики печатались материалы о древних славянских письменных памятниках, о новой литературе и фольклоре славянских народов, а также по славистической и культурно-исторической тематике общего характера. Большое значение Ягич придавал также публикации рецензий и славистических библиографий. В целом журнал выступал против невежества в отношении славян и их дискриминации, популяризируя результаты исследований славянских ученых, способствовал научным контактам и сотрудничеству между славянами и неславянами.

Берлинская кафедра славянской филологии в большой мере именно благодаря Ягичу превратилась в славистический центр Германии. После отъезда Ягича в Петербург его преемником по берлинской кафедре стал Александр Брюкнер, занимавший ее с 1881 по 1924 г. Это был польский патриот, постоянно выражавший привязанность к своему на-

inslav

роду, его культуре и науке. Сильно развитое национальное самосознание Брюкнера не мешало ему, однако, понимать значение контактов между славянами и немцами и оставаться в Берлине, несмотря на целый ряд приглашений от университетов славянских стран. Славистическое творчество Брюкнера огромно. Из-под его пера вышло более 1500 научных публикаций. Он занимался древностями, культурой, литературой, языками, был универсальным специалистом. Своими солидными исследованиями по истории польского языка и польской литературы он помог полонистике в Германии приобрести международный авторитет. Брюкнер относится к самым выдающимся специалистам в этой области. Ему принадлежат обзорные труды и по русской литературе. Заслуги Брюкнера в языкознании, литературоведении и истории культуры нашли более широкое признание за рубежом, чем в Германии. Он был избран членом академий наук Белграда, Кракова, Петербурга, Праги и Софии, но не был членом Берлинской академии [30].

В 1925 г. берлинскую кафедру славянской филологии занял Макс Фасмер (1886—1962), крупный славист первой половины и середины нашего века. Он родился в Петербурге, и с 1912 по 1917 г. был преподавателем в Петербургском университете. В 1917—1919 гг. он занимал кафедру в Саратовском университете, в 1919—1921 — Дерпте (Тарту). Ученик Бодуэна де Куртенэ и А. А. Шахматова, М. Фасмер по политическим убеждениям был буржуазно-консервативным ученым, не свободным от националистических и германизаторских тенденций. С одной стороны, он подчинил свою деятельность «дойчтумфоршунгу», а, с другой — тесно сотрудничал со славянскими коллегами, стремился стать посредником между славянской и немецкой культурой и наукой. На базе ранее существовавшего славянского семинара Фасмер организовал в Берлине Славянский институт, который вскоре стал одним из важнейших центров славистики в Германии. Фасмер издавал «Публикации Славянского института при Берлинском университете Фридриха Вильгельма» (с 1926 по 1941 г. вышло 33 тома) [31]. В 1924 г. Фасмер стал издавать «Журнал славянской филологии», который к 1929 г. вытеснил «Архив» и стал ведущим специальным славистическим органом [32]. В 1958 г. Фасмер завершил свой фундаментальный «Этимологический словарь русского языка», который издан в переводе на русский язык в СССР (4 тт., 1964—1973).

Крупнейшим центром немецкой славистики XIX—XX вв. был Лейпциг. Здесь традиция изучения славянских языков

inslav

восходит к началу XVIII в. Еще в 1716 г. в Лейпциге была учреждена «Вендская проповедническая комиссия», сыгравшая значительную роль в развитии науки и культуры лужицких сербов. В 1774 г. в Лейпциге возникло ученое общество Яблоновского, имевшее целью поощрение исследований по польской истории, науке и культуре [33]. «Кафедра сравнительного славянского языкознания» создана в Лейпциге в 1870 г. Первым ее профессором, занимавшим кафедру почти полвека (вплоть до своей смерти в 1916 г.) [34], был Август Лескин (род. в 1840 г.), ученик А. Шлейхера, получивший хорошую подготовку по индоевропеистике и разделявший взгляды младограмматической школы. По инициативе Лескина и с помощью его сотрудников в Лейпциге был учрежден лингвистический институт с тремя отделениями: санскрита, сравнительного языкознания и славистики. Лескин создал также библиотеку славистического отделения и всеми средствами стремился обеспечить высокий уровень занятий славистикой. Он не только читал лекции и проводил семинары по целым комплексам вопросов славистики, но и публиковал результаты своих исследований, поддерживал в Лейпцигском университете сорабистику, воспитал ряд учеников, которые впоследствии стали крупными учеными [35]. Среди них был и будущий крупный славист, лужицкий серб А. Мука.

Преемник Лескина по лейпцигской кафедре словенец Матия Мурко (1861—1952) учился у Миклошича и Ягича [36]. Он работал в Лейпциге в 1917—1920 гг. и, будучи славистом широкого профиля, выступал за то, чтобы славистика не ограничивалась лингвистическими исследованиями, а занималась бы в равной мере живыми языками, историей литературы, этнографией. Мурко был автором целого ряда получивших международное признание трудов по различным областям славистики. Но в Лейпциге ученому работать было тяжело. Реакционные шовинистические немецкие круги расценили завоевание славянскими странами самостоятельности в 1918 г. как «предательство немецкого дела»; Мурко как славянин подвергался травле и вынужден был переехать в Прагу. Его место занял уже упоминавшийся Макс Фасмер. Впрочем и этому ученому работать здесь было трудно. Положение славистики в Веймарской республике было незавидным. Последствия первой мировой войны, финансовые трудности и общая изоляция немецких славистов затрудняли учебную и исследовательскую работу в области славистики.

Еще труднее, чем Мурко и Фасмеру, продолжать работу в Лейпциге стало Рейнгольду Траутманну (1883—1951), занявшему кафедру после Фасмера. Политика требовала

inslav

подчинения исследовательской деятельности и учебной работы славянофобским целям. Р. Трутманн был крупным ученым, он получил известность благодаря своему «Балто-славянскому словарю». Главную задачу славистики этот ученый видел в изучении и пропаганде славянской культуры и науки в Германии. Но в период фашистской диктатуры его творчество было крайне ограниченным. В 1939 г. рукопись книги Траутманна «Вендские названия населенных пунктов Восточной Голштинии, Любека, Лауэнбурга и Мекленбурга» была внесена в фашистский индекс, запрещенных книг, причем рукопись лишь с трудом удалось отстоять от уничтожения.

Кафедра славистики Лейпцигского университета со времени своего возникновения до конца 30-х годов XX в., несмотря на общественно-политические барьеры, была значительным центром славистики в Германии. Ее ученые исследовали существенные проблемы славянской филологии, готовили кадры славистов, проявляли симпатии к славянам. Необходимо, впрочем, иметь в виду, что главной научной задачей кафедры на протяжении почти всего периода ее существования было исследование вопросов славянской лингвистики в рамках индоевропеистики.

Кроме Бреслау, Берлина и Лейпцига, кафедры славянской филологии были в университетах Мюнхена (с 1911 г.) и Кенигсберга (с 1914 г.). Возглавляемые крупными учеными-лингвистами, они также внесли больший или меньший вклад в развитие славистики в Германии. Что же касается Берлинской Академии наук, то славистика до 30-х годов XX в. не была в ней представлена ни одним членом. Первым действительным ее членом в области славистики был избран в 1931 г. М. Фасмер. Он организовал в академии Славянскую комиссию для «основательного изучения всех славянских диалектов, существовавших и существующих в границах Германии». До 1945 г. Фасмер и оставался единственным славистом в стенах названной академии. Сам он — кроме лингвистических проблем — разрабатывал также вопросы исторической этнографии Восточной и Юго-Восточной Европы, немецко-славянских культурных отношений. Политические взгляды Фасмера позволяли ему уживаться с фашистским режимом. В то же время он неоднократно демонстрировал личное мужество, когда приходилось выступать в защиту славянских исследований и ученых.

О деятельности Фасмера и Славянской комиссии в области сорабистики будет сказано ниже — эта деятельность была весьма активной. Но, кроме сорабистики, в число

instav

предприятий Славянской комиссии были включены и другие: «Кашубский словарь» (им занимался живший в Сопоте немецкий ученый Фридрих Лоренц) и «Русский географический словарь», составлявшийся самим Фасмером. Однако политика немецко-фашистского режима в отношении славян быстро менялась и полностью осуществить задуманные труды Фасмеру и его сотрудникам не удалось. В 1937 г. умер Лоренц. Работу над кашубским словарем стал было продолжать славист Вернер Фаст, но был призван в армию и в 1941 г. убит. В рядах вермахта оказались и другие ученые. С началом второй мировой войны работа комиссии свернулась. Только Фасмер продолжал еще публиковать свои сочинения по узкой филологической проблематике. К 1941 г. из созданного им коллектива, предназначавшегося для разработки намеченных комиссией проблем, выбыли все сотрудники, и деятельность ее прекратилась окончательно.

Из всех аспектов истории славистики в Германии современные исследователи ГДР наибольшее внимание уделяют развитию сорабистики. Это объясняется ее местом в системе немецкого славяноведения. Сорабистика являлась средством борьбы против национального угнетения и дискриминации серболужицкого этноса. Главную роль в разработке сорабистики всегда играли сербы, но занимались ею и немцы, у серболужицких сорабистов научные стремления объединялись с национально-политическими. Немецких же прогрессивных ученых интересовал в основном процесс научного познания, а реакционные стремились оправдать действия господствующих классов по отношению к лужицким сербам, преувеличивали значение немецкого влияния на их язык и культуру, а насильственную ассимиляцию квалифицировали как общественный прогресс.

Начало сорабистических изучений в Германии датируется XVI в. Оно связано с реформацией и в течение длительного времени — с переводом религиозной литературы на серболужицкий язык. В XVII—XVIII вв. углубляются основы сорабистических изысканий в Германии и предпринимаются усилия к преодолению недооценки культурной жизни лужицких сербов, к защите их против бесправия и презрительного отношения к ним со стороны немцев. Просвещение и романтизм приносят первые плоды в изучении серболужицкого языка и письменности, культуры, этнографии и истории. К середине XIX в. создается база, на которой развивается современная сорабистика. В центре ее стоят этнография и языкознание, и для их развития суще-

inslav

ственную роль сыграла деятельность Яна Петра Иордана, преподававшего сербский язык в Лейпциге в 1843—1848 гг. В 1847 г. в Баутцене (Будишине) создается Матица Сербская с целью развития народного образования, науки, литературы. Секции Матицы становятся важнейшими центрами сорабистики. Научная и культурная деятельность Матицы поддерживалась сербскими гимназическими и студенческими объединениями в Баутцене, Лейпциге, Бреслау и Праге. Сербская Матица издает «Часопис», приобретший важное значение для сорабистики. Во второй половине XIX в. появляются фундаментальные труды по сербскому языку, разрабатывается теоретическая основа единой верхнелужицкой письменности, в практику которой А. Смолер, М. Горник, К. Б. Пфуль и др. внедряют единую орфографию. М. Горник создает основы для исследования истории сербского языка. В 1884 г. публикуется первая «История сербского народа», разработанная В. Богуславским и М. Горником. Международное признание сорабистика в Германии получает главным образом благодаря работам А. Муки, весьма ценным и в истории науки и в истории сербского народа. Мука изучил положение сербов, их культурное наследие, а также верхнелужицкий и нижнелужицкий языки. Ему принадлежит «Статистика сербов» с социологическими и этнографическими комментариями. К самым значительным достижениям Муки, которые и ныне считаются фундаментальными трудами по сорабистике, относятся «Историческое и сравнительное учение о звуках и формах нижнесербского языка» и «Словарь нижнесербского языка и его диалектов» [37].

Таким образом, главная роль в разработке сорабистики в Германии принадлежит лужицким сербам [38]. Но и слависты-немцы внесли в сорабистику большой вклад. Исследователями ГДР создана значительная литература о развитии сорабистики лейпцигской кафедрой, которая и была создана специально для занятий этой отраслью славистики. Сорабистика занимала большое место в научном и педагогическом творчестве А. Лескина [39], особенно в первый период его деятельности. Лескин же подготовил многих сербских учеников, виднейшим из которых и был А. Мука.

По поводу отношения Лескина к сербскому народу и его национальному движению в современной литературе ГДР имеются разные точки зрения. Так, профессор Лейпцигского университета Г. Шустер-Шевц доказывает, что Лескин во всех своих выступлениях по сербскому вопросу в большой мере придерживался господствующей идеологии,

inslav

что особенно явно выразилось в его вступительной лекции, читанной в 1871 г. В позиции Лескина, по мнению Г. Шустер-Шевца, отразилось типичное для многих буржуазных ученых отделение так называемой «чистой науки» от определяющих ее политико-экономических и социальных факторов [40]. По-иному оценивает отношение Лескина к сербам В. Цайль: «Лескина, — пишет он, — следует характеризовать как одного из виднейших проводников сорабистических знаний и искреннего друга лужицких сербов, их языков и литератур. В течение почти полувека он обеспечивал сорабистике — как составной части индоевропеистики — всевозможную поддержку». Этим, по мнению В. Цайля, Лескин вносил вклад в развитие сорабистики как элемента оборонительной борьбы сербского народа против германизации и угнетения» [41].

Также и преемники Лескина на лейпцигской кафедре — М. Фасмер, К. Г. Майер и др. — внесли большой вклад в развитие сорабистики. К. Г. Майер читал лекции по исторической грамматике лужицко-сербских языков, вел семинары и занятия по материалу старых серболужицких текстов и народных песен, осуществлял практическое преподавание серболужицкого языка. Он был также автором ряда ценных научных сочинений, сыгравших определенную роль в развитии сорабистики [42]. М. Фасмер, занимавший лейпцигскую кафедру с 1920 по 1925 г., продолжая сложившиеся здесь традиции, поддерживал сорабистику, хотя сам специальных лекций по этому предмету не читал и семинаров не вел. Перейдя в Берлинский университет, он в рамках основанного им Славянского института развернул целую программу сорабистических исследований. На рубеже 20—30-х годов Фасмер сумел организовать публикацию важнейших работ по сорабистике, написанных его учениками. Это были «Вендская библиография» Якуба Вяцславка, «Праздники и народные обычаи лужицких сербов» Эдмунда Шнеевайса, «Немецкие лексические заимствования в верхнесербском» Г. Х. Бильфельдта. Эти и другие работы явились существенным обогащением исследовательской литературы и создали солидную основу для дальнейших изысканий. Фасмер организовал обмен изданиями между Славянским институтом и Матицей Сербской, делал доклады на заседаниях Матицы. Современники (например, Ота Вицяз) указывали на выдающееся значение деятельности Фасмера для сорабистики и сербов [43]. Как уже упоминалось, большое число исследовательских работ по сорабистике Фасмер стремился осуществить в рамках Славянской комиссии Бер-

inslav

линской Академии наук. Первыми задачами комиссии было создание «Сербского атласа», «Словаря живого верхнесербского языка» и «Словаря языка старопечатных сербских книг». Поскольку научное исследование серболужицкого языка наталкивалось на противодействие шовинистических кругов Германии, Фасмер подошел к проблеме и с политической стороны. В Чехословакии и Польше в то время усердно занимались сорабистикой. Эти занятия сопровождались поездками чешских и польских ученых в Лужицы, что вызывало подозрения у немецких властей и националистически настроенных немецких ученых. Для обоснования срочной необходимости усиленных сорабистических исследований в Германии Фасмер в своей докладной записке философско-историческому разряду Берлинской академии от 4 июля 1932 г. указывал на потенциальную научную конкуренцию чешских и польских ученых и на опасность их «антинемецкой деятельности». «Изучение Лужицы, — говорится в записке, — может быть организовано в немецких университетах настолько легко, что непонятно, почему это до сих пор не сделано. В настоящее время положение таково, что есть все основания интересоваться соответствующими темами в большей мере, чем раньше. Польская и чешская наука проявляют большую активность в этой области. После войны ученые из Кракова и Праги неоднократно объезжали Лужицу, и в ряде случаев эти научные путешествия носили явно выраженный политический оттенок. Уже по этой причине важно, чтобы подобного рода изучения проводились и с немецкой стороны. Если исследование вендов у нас получит хорошую организацию, то поляки и чехи утратят охоту этим заниматься» [44].

Современные исследователи творчества Фасмера полагают, что в обстановке славянофобства господствующих классов, а также равнодушия или даже враждебности широких кругов немецкого населения к серболужицким проблемам, М. Фасмер прибегал к вышеприведенным формулировкам по тактическим соображениям, что в действительности он близко к сердцу принимал интересы славян, относился с симпатией к лужичанам [45].

В самое последнее время ученые ГДР привели веские доказательства в пользу того, что Фасмер проявлял недюжинную гибкость и самоотверженность, защищая славянских ученых от преследований нацистских властей. О репрессиях, которым подверглись крупные польские ученые в Кракове (ноябрь 1939 г.), Фасмер узнал лишь в январе 1940 г. от жен этих ученых. Характерно, что родственники

inslav

репрессированных обратились за поддержкой именно к нему, и что он, невзирая на возможные последствия, подал 10 января 1940 г. докладную записку в Министерство иностранных дел с просьбой облегчить участь арестованных и организовал еще ряд акций с той же целью [46]. Разумеется, для этого требовалось немалое мужество.

Такова в самых общих чертах история развития славистики в Германии от ее истоков до 1945 г. В заключение можно констатировать, что в немецком славяноведении указанного периода преимущественное внимание уделялось языкознанию. При этом долгое время славянская лингвистика фигурировала прежде всего как часть индоевропеистики. В развитие славянского языкознания немецкая славистика внесла огромный вклад международного масштаба.

В области славяноведения в Германии на протяжении всей его истории существовали по крайней мере два основных направления: прогрессивное, представители которого относились к славянам с симпатией, признавали пользу познания славян для развития общей культуры и образования, стремились к установлению немецко-славянского сотрудничества, и реакционное, славянофобское, силившееся использовать результаты славистических исследований для обоснования «теории превосходства» немецкой культуры над славянской ради политических выгод и целей германского империализма, оправдания угнетения и насильственной ассимиляции славянского населения Германии, захвата территорий и подчинения соседних славянских народов. Особенно ярко реакционное направление проявлялось после первой мировой войны, вплоть до 1945 г.

Что же касается степени исследованности истории славяноведения в Германии современными учеными ГДР, то можно сказать, что в целом уже создана общая картина этой истории на основе марксистской методологии, хотя синтетический труд еще не издан. Правда, не все вопросы разработаны одинаково подробно и глубоко. В изучении проблемы есть еще пробелы. Например, отсутствует обзор немецкой историографии славянской истории. Впрочем и сама эта историография не очень богата. Можно ожидать, что в ближайшие годы учеными ГДР будет создан труд, обобщающий уже разработанные и включающий также новые аспекты истории славистики в Германии. Именно к этому стремится современная немецкая славистическая наука.

inslav

[1] *Pohrt H.* Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1946—1967: Dem VI. Internationalen Slawistenkongress gewidmet. Berlin, 1968.

[2] *Idem.* Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1968—1972 nebst Nachträgen (1946—1967): Dem VII. Internationalen Slawistenkongress gewidmet. Berlin, 1974.

[3] *Gutschmidt K., Pohrt H., Schultheis J.* Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1973 bis 1977: Dem VIII. Internationalen Slawistenkongress gewidmet. Berlin, 1979.

[4] *Idem.* Bibliographie slawistischer Publikationen aus der Deutschen Demokratischen Republik 1978—1981: Dem IX. Internationalen Slawistenkongress gewidmet. Berlin, 1983.

[5] Rozhlad. Časopis Domowiny za serbsku kulturu, Budyšin/ Bautzen, 1951.

[6] Jahrbuch für Geschichte der Sozialistischen Länder Europas (JSL), Berlin, VEB Deutscher Verlag der Wissenschaften.

[7] В качестве примера можно указать на: Wissenschaftliche Zeitschrift (WZ) der Humboldt—Universität (HU) zu Berlin, Gesellschafts- und Sprachwissens chaftliche Reihe (GSR); WZ der Ernst-Moritz-Arndt-Universität Greifswald, GSR, etc.

[8] Zeitschrift für Slawistik (ZfSl), 1981, Bd. XXVI, H. 2.

[9] *Günther K.* Archiv für Slavische Philologie: Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, 1962.

[10] *Idem.* Sprachliche Abteilung der Zeitschrift für Slavische Philologie. Bd. 1—30: Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, 1963.

[11] *Idem.* Slavische Rundschau. Bd. 1—12: Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, 1964.

[12] *Idem.* Jahrbücher für Kultur und Geschichte der Slaven. — Germanoslavica. — Kyrios: Gesamtinhaltsverzeichnisse. Berlin, 1964.

[13] См.: *Богаева Н. А.* Развитие сорабистики в ГДР. — В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980, с. 105—109.

[14] *Pohrt H.* Beiträge zur Geschichte der slawistischen Studien in Deutschland von der Spätaufklärung bis zur Mitte des 19. Jh. — In: Študie z dejín svetovej slavistiky do polovice 19. storočia. Bratislava, 1978, s. 457—486.

[15] *Idem.* Geschichte der Slawistik an der Universität Berlin 1870—1918. — В кн.: История на славистиката от края на XIX а начало на XX в. София, 1981, с. 216—224.

[16] См., например: *Pohrt H.* Die deutsche Slawistik im 19. Jh.: Gedanken zu einer Darstellung ihrer Geschichte. — WZ der HU zu Berlin, 1968, GSR, Jg. XVII, H. 2, S. 217—221.

[17] *Цайль В., Порт Г.* Этапы славистики в Германии до 1945 г. — В кн.: Методологические проблемы истории славистики. М., 1978, с. 146—173.

[18] *Zeil W.* Positionen und Leistungen der Slawistik in Deutschland 1871—1917. — JSL, 1980, Bd. 24, H. 1, S. 117—153.

[19] *Idem.* Besonderheiten und Positionen der Slawistik in Deutschland bis 1945. — Lětopis A, 1980, Jg. 27, H. 2, S. 195—206.

[20] *Idem.* Die deutsche Slawistik zur Zeit der Weimarer Republik im Spiegel der Korrespondenz zwischen M. Vasmer und M. Murko. — ZfSl, 1977, Bd. 22, H. 2, S. 232—243.

[21] *Idem.* Slawistische Forschung und Lehre in Leipzig 1870—1917 und ihr Platz in der internationalen Slawistik. — В кн.: История на

inslav

славистиката от края на XIX и началото на XX век. София, 1981, с. 225—250.

[22] См., например: Johann Gottfried Herder: Zur Herder-Rezeption in Ost- und Südosteuropa. Berlin, 1978.

[23] Периодизация немецкой славистики предлагается в ряде работ ученых ГДР, например: *Pohrt H.* Die deutsche Slawistik im 19. Jahrhundert: Gedanken zu . . ., S. 217—219; *Цайль В.*, *Порт Г.* Этапы развития славистики в Германии. . ., с. 146—173.

[24] Об особенностях славистики в Германии см.: *Zeil W.* Besonderheiten und Positionen . . .

[25] Об основании и работе кафедр славистики во Вроцлаве и Берлине см.: *Rösel* H. Dokumente zur Geschichte der Slawistik in Deutschland. Berlin, 1957, T. 1; *Bielfeldt H. H.* Die Geschichte des Lehrstuhls für Slawistik an der Berliner Universität. — In: Beiträge zur Geschichte der Slawistik. Berlin, 1964, S. 267—280; *Pohrt H.* W. Cybulski, ein polnischer Slawist und Patriot des 19. Jh.: Zu seinem Wirken in Berlin 1841—1860. — Ibid., S. 113—136; *Idem.* Zum wissenschaftlichen Wirken des polnischen Slawisten Władysław Nehring: Anlässlich des 70. Todestages des Gelehrten 1979. — ZfSl, 1979, Bd. XXIV, H. 6, S. 903—912.

[26] Об основании журнала см.: *Pohrt H.* Die Anfänge der Zeitschrift «Archiv für slavische Philologie», 1875—1880. — In: Sympozium o dějinách slawistiky 15.—17.9.1967. Praha, 1970, s. 61—68; *Idem.* V. Jagić und die Slawistik in Berlin. — ZfSl, 1976, Bd. XXI, S. 378—391; *Grau C.* V. Jagić und R. Köhler: Zur Frühgeschichte des Archivs für Slawische Philologie. — WZ der HU zu Berlin, 1968, GSR, Jg. XVII, H. 2, S. 229—231.

[27] *Арбузова И. В.*, *Айзеншток И. Я.* Ягич, Ватрослав. — В кн.: Славяноведение в дореволюционной России. Биобиблиографический словарь. М., 1979, с. 378.

[28] *Zeil W.* Positionen und Leistungen . . ., S. 128; *Pohrt H.* August Leskien und Władisław Nehring in ihren Beziehungen zu Vatroslav Jagić: Ein Beitrag zur Geschichte der Zeitschrift «Archiv für slavische Philologie». — ZfSl, 1978, Bd. XXIII, H. 2, S. 213—220.

[29] *Günther K.* Archiv für slavische Philologie: Gesamtinhaltsverzeichnis. Berlin, 1962, S. IX.

[30] *Zeil W.* Positionen und Leistungen. . ., S. 129—132; Pohrt H. Zasługi Aleksandra Brücknera dla popularizacji literatury polskiej w Niemczech. — Przegląd humanistyczny, 1974, sk. 18, N 5, s. 95—102; *Idem.* Beiträge zum Wirken des Slawisten A. Brückner in Berlin 1881—1939. — ZfSl, 1970, Bd. 15, H. 1, S. 90—102; *Zeil L.* Aleksander Brückner und die Berliner Akademie der Wissenschaften. — ZfSl, 1980, Bd. XXV, H. 2, S. 176—182.

[31] См. об этом: *Zeil L.* Die deutsche Slawistik zur Zeit der Weimarer Republik . . . — ZfSl, 1977, Bd. XXII, H. 2, S. 232—243.

[32] *Zeil L.*, *Zeil W.* Die «Zeitschrift für Slavische Philologie» 1924 bis 1944. — ZfSl, 1979, Bd. XXIV, H. 5, S. 719—742.

[33] Об этом обществе см.: *Merian E.* Die Bedeutung der Jablonowskischen Gesellschaft in Leipzig für die slawistische Forschung im ehemaligen Deutschland. — ZfSl, 1976, Bd. XXI, S. 694—700; *Pohrt H.* Leskien und die Jablonowskische Gesellschaft zu Leipzig. — ZfSl, 1981, Bd. XXVI, H. 2, S. 254—260.

[34] *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für slawische Philologie (1870—1945). — Lětopis A, 1977, Jg. 24, H. 2, S. 202—225.

inslav

[35] *Idem.* Slawistische Forschung und Lehre in Leipzig (1870—1917 und ihr Platz in der internationalen Slawistik. — В кн.: История на славистиката. София, 1981.

[36] *Fischer R.* Slawische Wissenschaft in Deutschland: Matthias Murkos Leipziger Berufung. Leipzig, 1959, Bd. 2.

[37] *Schuster-Sewc H.* Arnošt Muka als Sorabist und Slawist. — Lětopis A, 1975, Jg. 22, H. 2, S. 130 etc.

[38] *Zeil W.* Zur Entwicklung der Sorabistik in Deutschland zwischen 1848/49 und 1945. — ZfSl, 1978, Bd. 23, H. 1, S. 132—143.

[39] *Richter A.* Zur Förderung der Sorabistik durch den Slawisten und Indoeuropäisten August Leskin. — Lětopis A, 1969, Jg. 16, H. 1, S. 91—112; *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl für Slawische Philologie (1870—1945). — Lětopis A, 1977, Jg. 24, H. 2, S. 202—225.

[40] *Schuster-Sewc H.* August Leskien und die Sorabistik. — ZfSl, 1981, Bd. XXVI, H. 2, S. 215.

[41] *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik am Leipziger Lehrstuhl . . ., S. 207.

[42] Ibid., S. 213—215. Творчество Майера-слависта еще недостаточно изучено, специальной работы об этом в ГДР нет.

[43] См. об этом: *Zeil L.*, *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik in Berlin 1925—1945 und ihre Bedeutung für die Sorben. — Lětopis A, 1978, Jg. 25, H. 1, S. 22—42.

[44] *Zeil L.* Gründung und Tätigkeit der «Slavischen Komission» an der Berliner Akademie der Wissenschaften (1932—1945). — ZfSl, 1978, Bd. XXIII, H. 1, S. 123.

[45] *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik. . ., S. 218, 220; *Zeil L.* Gründung und Tätigkeit. . ., S. 123; *Zeil L.*, *Zeil W.* Die Pflege der Sorabistik in Berlin. . ., S. 22—42.

[46] *Zeil L.* Slawisten gegen faschistische Willkür. — ZfSl, 1982, Bd. 27, H. 5, S. 718—722. Аналогичные данные в кратком изложении имеются в кн.: *Супрун А. Е.*, *Калюта А. М.* Введение в славянскую филологию. Минск, 1981, с. 360.

Е. Л. Валева

ФРАНЦУЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

Среди учреждений Франции, много внимания уделяющих проблемам славянского мира, важную роль играет Национальный институт восточных языков и цивилизаций [1*] — высшая школа, которая наряду с университетами и Институтом славянских исследований готовит кадры французских

[1*] Смысл употребляемого в наименовании этого учреждения слова «цивилизация» (civilisation) может быть передан по-русски и как «цивилизация» и как «культура». Акцент на первом смысловом значении объясняется включением в сферу интересов Института не только чисто культурной проблематики, но также географии, экономики и истории.

inslav

славистов. Задачей данной статьи является ознакомление советского читателя с целями, структурой, преподавательским составом Института, а также с программами преподавания славистических дисциплин.

Интерес к славистическим исследованиям во Франции всегда в большой степени определялся политическими мотивами. Так, стремление правительства Луи Филиппа использовать в своих целях симпатии французской общественности к Польше способствовало созданию в 1840 г. в парижском Коллеж де Франс кафедры славянских языков и литератур во главе с Адамом Мицкевичем. Однако после франко-прусской войны 1870—1871 гг. политические обстоятельства резко изменились. Потерпевшая поражение Франция стала добиваться союза с Россией против Германии, что в свою очередь обусловило рост интереса к русскому языку, к истории и культуре России.

В 1872 г. молодой ученый Луи Леже, в будущем крупнейший французский славист, по поручению министерства просвещения едет в Россию, где встречается с И. И. Срезневским, С. М. Соловьевым, Ф. И. Буслаевым и другими видными русскими учеными, собирает материалы для своих будущих исследований по русскому языку и литературе. Вернувшись в Париж, Леже пишет докладную записку директору Школы восточных языков [2*] (как тогда назывался Национальный институт восточных языков и цивилизаций) о необходимости создания там кафедры русского языка. В октябре 1873 г. директор Школы обратился к министру просвещения с просьбой поддержать предложение Леже [1]. В результате этого официального ходатайства в ноябре 1874 г. в Школе восточных языков было введено изучение русского языка. Первой во Франции кафедрой русского языка заведовал Л. Леже (с 1876 по 1885 г.). Первоначальное число студентов было невелико — около 20 человек [2]. Леже читал им курсы: «Восточные славянские диалекты, в частности сербский язык» (1873—1874 гг.) и «Изложение элементов древнеславянского языка в их связях с русским языком» (1875—1880 гг.). В 1885 г. Леже возглавил кафедру славянских языков и литератур в Коллеж де Франс, а его преемником в Школе восточных языков стал Огюст Дозон, видный спе-

---

[2*] Это учебное заведение, одно из старейших во Франции, было основано в 1669 г. и готовило переводчиков с восточных языков. Декретом Конвента от 30 марта 1795 г. на его основе была создана Школа живых восточных языков — специализированное высшее учебное заведение.

mslav

циалист в области южнославянских языков, первый преподаватель болгарского языка во Франции. После смерти Дозона кафедрой с 1891 по 1937 г. бессменно руководил крупнейший французский русист Поль Буайе.

Франко-русский союз 1893 г. дал сильный импульс изучению русского языка во Франции; число специалистов русистов значительно выросло. Заметно активизировалась работа кафедры русского языка в Школе восточных языков. Большая заслуга в этом принадлежит П. Буайе — блестящему лектору (особенно интересны были его лекции по истории русской культуры), автору первого учебника русского языка во Франции, появившегося в 1905 г., и целого ряда серьезных научных трудов, организатору в Школе библиотеки русской литературы. По словам известного французского слависта Андрэ Мазона, «в школе Поля Буайе, начиная с 1891 г., сформировалось большинство французских русистов; его лекции вызвали наибольшее число докторских диссертаций, посвященных России» [3].

Первая мировая война и Октябрьская революция не прервали развития славистики во Франции, но несколько изменили его направление. Фактический разрыв культурных отношений с Советской Россией сразу ослабил самую развитую отрасль славяноведения — русистику. В то же время возрождение государственной независимости славян Центральной и Юго-Восточной Европы обусловило повышение внимания к их языкам, истории и культуре.

Этой новой политической конъюнктурой было вызвано создание в 1920—1921 гг. в Школе восточных языков кафедр польского, чешского и сербохорватского языков (наряду с возникновением Института славянских исследований в Париже и появлением славистических центров в провинции — в университетах Страсбурга, Лиона, Дижона). В 1933 г. к ним прибавилась кафедра болгарского языка.

Однако в целом нельзя сказать, что межвоенный период оказался благоприятным для развития славистики во Франции. Трудности во взаимоотношениях Франции и СССР, имевшие место до 30-х годов, отсутствие в этот период советско-французских научных контактов препятствовали росту рядов русистов. Число французских славистов в межвоенный период было крайне незначительным, исследования, как бы ни был порой высок их уровень, велись разрозненно, индивидуально. Центры, объединявшие славистов, были подобны, по выражению президента Института славянских исследований Роже Порталя, «башням из слоновой кости» [4].

inslav

Лишь после второй мировой войны начинается новый период в развитии французской славистики, который можно считать поистине периодом подъема. Огромный рост интереса к СССР вызвал необходимость изучения русского языка, истории и культуры Советского Союза в широком масштабе. С 1947 г. вводится изучение русского языка в лицеях. Для преподавателей русского языка были установлены довольно трудные конкурсные экзамены — агрегация (1947 г.) и экзамен на аттестат «педагогической способности» (1955 г.), которые обеспечивали более высокий уровень преподавания. Впервые русский язык фигурировал в программах лицеев наряду с западноевропейскими языками. Преподавание русского языка в средних учебных заведениях облегчало дальнейшую подготовку специалистов-русистов на университетском уровне, а главное — способствовало популяризации знаний о Советском Союзе, о его прошлом и настоящем. В конечном итоге все это создавало благоприятную атмосферу для развития французской славистики в целом.

Развитие культурных и научных контактов между Францией и СССР в послевоенный период, открывшаяся для французских ученых возможность работать в советских архивах привели к заметному увеличению числа славистов-историков, к быстрому росту исторического сектора в славистике. Это нашло свое выражение не только в появлении большого числа работ по исторической проблематике, но и в создании в ряде научных учреждений исторических секторов, отделений или центров.

В Школе восточных языков первая кафедра географии, истории и культуры Восточной Европы возникла в 1946 г. под руководством видного французского слависта А. Фишеля. С 1968 г. кафедру возглавляла профессор Д. Экот. В 1959 г. появляется вторая кафедра под таким же названием, возглавленная исследователем истории СССР Р. Филиппо [5].

В 1968—1971 гг. структура Школы восточных языков претерпела ряд изменений. В 1968 г. она была преобразована в Университетский центр по изучению живых восточных языков, но просуществовала в этом качестве всего три года (это преобразование явно связано с изменениями в системе университетского образования, последовавшими за мощной волной студенческого движения в 1968 г.). С 1971 г. это научное и учебное заведение называется Национальным институтом восточных языков и цивилизаций. В программе обучения заметно вырос удельный вес историко-юридических и географических дисциплин. Прежнее деление на языковые

Inslav

кафедры (плюс две кафедры истории и цивилизации) уступило место новой структуре.

Ныне Институт состоит из восьми учебно-исследовательских отделений, причем некоторые из них делятся на секции. Институт возглавляет президент, имеющий заместителя. В настоящее время президентом является профессор Анри де ля Бастид, специалист по культуре Магриба, вице-президентом — профессор русского языка Франсуа де Лабриоль. Президент Института стоит во главе Ученого Совета, решающего все вопросы, касающиеся научно-исследовательской работы. Институт организационно связан с университетом Париж III, так называемой Новой Сорбонной. Его представители входят в административный и ученый советы университета. Работой Института руководит Совет, в который входят 22 преподавателя, 16 студентов, 6 представителей администрации, технического и обслуживающего персонала, 4 внештатных сотрудника. Преподаватели — члены Совета избираются один раз в три года подавляющим большинством голосов в два тура. Студенты — члены Совета избираются каждый год в один тур. Каждое отделение Института имеет в качестве руководящего органа свой совет во главе с директором. Эти советы разрабатывают программы обучения, предлагают темы научных исследований, организуют лекции и семинары, проводят экзамены, подбирают преподавательский состав [6].

Свои задачи Национальный институт восточных языков и цивилизаций определяет следующим образом: 1) преподавание языков народов стран Восточной Европы, Азии, Африки, Океании, а также коренного населения Америки с целью подготовки студентов для работы в этих странах или работы, связанной с ними; 2) преподавание истории, географии, ознакомление с политической, социальной и экономической жизнью указанных стран; 3) развитие научных исследований в области языков, культуры и общественной жизни этих стран; 4) публикация работ по указанной проблематике с целью информации научной общественности и широких масс населения; 5) содействие развитию контактов между университетами Франции и указанных стран. Кроме того, в Институте существует специальный Центр подготовки к профессиям, связанным с внешней торговлей Франции со странами Восточной Европы, Азии и Африки [7].

В «Справочнике студента» на 1981—1982 гг., изданном Институтом, приводятся подробные сведения о программах обучения студентов на каждом отделении. Обучение в Институте, как и в университетах, состоит из трех циклов: первый

inslav

цикл (первый и второй годы обучения) является подготовительным; в конце второго цикла (третий и четвертый годы обучения) студенты сдают экзамен на академическую степень лиценциата, дающую право преподавать в коллеже или лицее; в течение третьего цикла (который продолжается один или два года) студенты изучают избранную специальность в научном учреждении или на предприятии (в данном случае — в самом Институте восточных языков и цивилизаций, так как он является одновременно и научным центром). Третий цикл завершается экзаменом по специальности и защитой дипломной работы.

Из восьми отделений Института славистикой занимаются два: Центральной и Восточной Европы (директор — профессор чешского языка И. Милле) и Союза Советских Социалистических Республик (директор — вице-президент Института Ф. де Лабриоль).

Отделение Центральной и Восточной Европы объединяет следующие секции: польскую, чешскую, болгарскую, украинскую, языков Югославии.

Польский язык впервые стал преподаваться в Школе восточных языков в годы первой мировой войны. В 1916—1920 гг. курс польского языка читал эмигрант З. Залески. Открывшуюся в 1920 г. кафедру польского языка возглавил А. Грапэн, бессменно руководивший ее работой в течение 30 лет. А. Грапэн известен как автор многочисленных трудов по польской лингвистике. Написанная им грамматика польского языка выдержала несколько изданий и не потеряла своей ценности и сегодня. С 1951 по 1957 г. кафедрой руководил Ж. Делобель, а в 1957 г. ее возглавил профессор Э. Деко[8]. В настоящее время в работе польской секции принимают участие 10 преподавателей и ассистентов. Студенты изучают в течение двух первых циклов около 30 дисциплин. Назовем для примера некоторые из них: грамматика польского языка (фонетика и морфология), структура современного польского языка, история польского языка, сравнительная грамматика польского и французского языка, методы перевода с французского языка на польский, методы перевода польских текстов на французский язык, география Польши, история и цивилизация Польши до 1795 г., история и цивилизация Польши в новейшее время, социалистическая Польша, польская литература до 1863 г., современная польская литература [9].

Начало изучения в Школе восточных языков чешского языка и истории чехов и словаков связано с именем известного политического деятеля Чехословакии Э. Бенеша.

inslav

Находясь в годы первой мировой войны в эмиграции во Франции, Бенеш читал в Школе курсы по истории чешского языка, истории чехов и словаков в XIX в. и об эпохе чешского национального Возрождения. В 1918—1919 гг. другой чешский эмигрант, В. Трчка, прочитал цикл лекций на тему «Политическое и социальное развитие чехословаков в XIX и XX вв.» [10] В 1921 г. была открыта кафедра чешского языка, которую возглавил Ф. Доминуа. В 1939—1940 гг. кафедрой руководил один из крупнейших славистов Франции А. Мазон, а с 1945 по 1965 г. — видный специалист в области словацкой лингвистики М. Вей. С 1965 г. по настоящее время кафедру возглавляет профессор чешского языка И. Милле. В чешской секции 7 преподавателей и ассистентов, которые ведут занятия по 21 дисциплине. Примечательно, что студентам преподается только чешский язык: грамматика и орфография чешского языка, историческая грамматика, морфосинтаксис глагола, морфосинтаксис имени существительного и т. д. Дисциплины же по цивилизации предусматривают изучение и Чехии, и Словакии: география Чехословакии, история чешских и словацких земель с древнейших времен до XVIII в., история чешских и словацких земель с XVIII в. до наших дней, панорама чешской и словацкой литературы и др.[11]

Сербохорватский язык в Школе восточных языков начал преподавать Л. Леже, который в 1873—1875 гг. читал курс «Восточные славянские диалекты, в частности сербский язык». В 1885—1890 гг. болгарист О. Дозон преподавал в Школе «Курс болгарского языка в сравнении с русским и сербохорватским». В 1916—1920 гг. в Школе читались «свободные курсы» сербохорватского языка югославскими эмигрантами М. Ибровацем и А. Арнотовичем [12]. Открывшаяся в 1920 г. кафедра сербохорватского языка была вверена А. Вайану, в будущем одному из крупнейших французских славистов-лингвистов, автору многих трудов по истории сербохорватского языка и по старославянскому языку, в том числе интереснейшего двухтомного «Учебника старославянского языка». В 1951 г. А. Вайяна сменил профессор А. Буассэн, также крупный специалист в области сербохорватского языка. В настоящее время в секции языков народов Югославии изучаются три официальных языка СФРЮ: сербохорватский, македонский и словенский. Студенты секции разбиваются на языковые группы, в которых изучают соответствующие язык и литературу; курсы по истории и культуре Югославии являются общими для всех. Каждому студенту предоставляется возможность факульта-

inslav

тивно изучать второй и даже все три языка. Курс сербохорватского языка наиболее полный; кроме того, знание его можно усовершенствовать в действующем при секции Центре по переводу с сербохорватского языка. В Центре могут работать студенты второго цикла, а также все желающие, которые обладают хорошим знанием сербохорватского и французского языков и имеет серьезную филологическую подготовку.

Деятельность Центра развивается в четырех основных направлениях: 1) перевод литературных произведений по контрактам с французскими и югославскими издательствами; 2) составление библиографии переводов с сербохорватского на французский язык; 3) регулярное сотрудничество с двуязычными югославскими журналами, специализирующимися в области литературного перевода; 4) участие в коллоквиумах по указанной тематике, проводимых в Югославии [13]. Студенты группы македонского языка слушают курсы по истории языка, курс сравнительного анализа македонского и сербохорватского языков, курс по истории македонской литературы. Студенты группы словенского языка изучают грамматику, а также современную словенскую литературу. В программу по истории и культуре Югославии включены такие дисциплины, как: история Балкан под оттоманским игом; история Балкан (эпоха национального Возрождения и образование национальных государств); история литератур народов Югославии; византийское искусство на Балканах; география Югославии [14]. Преподавательский состав секции насчитывает 10 человек.

Преподавание болгарского языка в Школе восточных языков также ввел Л. Леже, читавший в 1880—1881 гг. лекции по основам грамматики современного болгарского языка. В 1885—1890 гг. курсы современного и староболгарского языка читал О. Дозон [15]. В 1920 г. в Школу в качестве преподавателя был направлен профессор Софийского университета Й. Иванов, проработавший там до 1930 г. Й. Иванов не ограничивался преподаванием современного болгарского языка, но включил в программу курсы по истории языка и литературы Болгарии. Специально для студентов Школы он написал учебник болгарского языка. Й. Иванов во многом способствовал открытию в Школе в 1933 г. кафедры болгарского языка [16]. Первым профессором и руководителем новой кафедры был его ученик Л. Болье, автор первой болгарской грамматики на французском языке. С 1947 г. кафедру возглавил Р. Бернар, долгие годы плодотворно работавший как преподаватель и ученый в области

inslav

болгарского языкознания и литературоведения. Он известен также как переводчик произведений выдающихся представителей классической и современной болгарской литературы: И. Вазова, Э. Пелина, Й. Йовкова, Э. Станева и др. Р. Бернар — первый профессор, начавший читать лекции по болгаристике в Сорбонне. С 1961 г. он является иностранным членом Болгарской академии наук. За большие заслуги в развитии староболгаристики и славистики Р. Бернар в 1979 г. был удостоен звания лауреата международной награды «Братья Кирилл и Мефодий».

После того как в 1979 г. Р. Бернар отошел от активной преподавательской деятельности, руководство работой болгарской секции принял на себя его молодой коллега профессор Ж. Фейе. Научные интересы последнего направлены на исследование проблем староболгарского и современного болгарского языка, а также литературы эпохи национального Возрождения. Кроме Ж. Фейе в секции работают еще два преподавателя. Студенты — болгаристы изучают около 20 дисциплин: славянскую синхронную и диахронную лингвистику, синхронную грамматику, историческую грамматику, современную болгарскую литературу, болгарскую поэзию начала XX в., византийское искусство на Балканах и в Европе, географию Болгарии, историю Болгарии с 1878 г. до наших дней, историю Балкан под оттоманским игом, историю Балкан эпохи национального Возрождения и образования национальных государств и др.[17]

Украинская секция существует также в рамках отделения Центральной и Восточной Европы, а не Советского Союза, как можно было бы ожидать. Кафедра украинского языка появилась в Институте сравнительно недавно — в 1967 г., хотя курс украинского языка читался и до ее создания [18]. В настоящее время в украинской секции четыре преподавателя. Они читают лекции по грамматике украинского языка, славянской синхронной лингвистике, истории, литературе и географии Украины [19].

Отделение Союза Советских Социалистических Республик — одно из самых больших в Институте. Оно существует с 1968 г. и состоит из нескольких секций: русского языка, цивилизации СССР, языков и цивилизаций Закавказья (Армения и Грузия) и др.

Преподавание русского языка в Школе восточных языков имеет давние традиции. Как отмечалось выше, первая кафедра русского языка, которой здесь руководил Л. Леже, была создана в 1876 г. В 1954 г. открылась вторая кафедра русского языка. В 50—60-е годы на ней работали видные

inslav

русисты Н. Вайсбайн, Ж. Жоанэ, Ж. Вейренк, Р. Триомф. В 1965 г. к уже существующим кафедрам прибавилась третья, которую возглавил Л. Робель. Наконец, в 1970 г. появилась еще одна кафедра русского языка во главе с Ф. де Лабриолем [20]. В настоящее время все преподаватели-русисты работают в двух секциях: русского языка (40 человек, из них 5 профессоров) и цивилизации СССР (9 человек, из них 2 профессора). Не менее внушительным выглядит и число студентов-русистов. Если в 1905 г. студентов русского отделения насчитывалось лишь 14, в 1959 г. — 500, то в 1974 г. их было уже 1400 (из общего числа студентов-славистов, составлявшего 1700 человек) [21].

Для изучения русского языка студенты делятся на пять групп. Дисциплины по цивилизации СССР являются общими для всех языковых групп. Студенты первого цикла изучают 20 дисциплин: 14 языковых и 6 по цивилизации. Среди них такие, как: грамматика и стилистика современного русского языка; язык прессы; основы письменного и устного перевода; введение в русскую литературу, история России с древнейших времен до смерти Петра Великого, история России с 1700 г. до отмены крепостного права; история Российской империи с 1855 г. до отречения Николая II; история СССР с 1917 г. до наших дней; география СССР; развитие экономики России с 1860 г. до наших дней; организация советской экономики и ее особенности на современном этапе; экономическая политика советского руководства.

Студенты второго цикла обучаются по более расширенной программе. Они изучают около 50 дисциплин: историческую грамматику; сравнительную стилистику; эволюцию лингвистической системы русского языка в XX в.; историю русского искусства; русскую поэзию; историю идей в России в XIX и в начале XX в.; творчество Достоевского; литературу начала XX в.; литературу 20-х годов XX в.; сатиру и юмор (М. Зощенко); современную русскую литературу; русский театр XX в.; советское кино; жизнь в СССР на современном этапе (по материалам прессы); отношения СССР с народно-демократическими государствами Восточной Европы (по материалам прессы); отношения СССР с капиталистическими странами (по материалам прессы); историю марксизма; методологию и историографию и др. Приведенные названия дисциплин свидетельствуют о весьма углубленном изучении в Институте русского языка, литературы, истории, культуры и экономики Советского Союза. Не случайно многие исследователи французской славистики считают, что русистика во Франции наиболее развита именно там [22].

inslav

В Институте ведется не только педагогическая, но и научная работа. Она сосредоточена главным образом в существующих при некоторых отделениях научно-исследовательских центрах. При отделении Центральной и Восточной Европы работает Центр балканских исследований, руководимый французским болгаристом, профессором Ж. Фейе. В Центре ведут научную работу преподаватели, соискатели, студенты, интересы которых сосредоточены на балканской проблематике. В настоящее время в Центре создано три исследовательских коллектива, разрабатывающих следующие темы: 1) морфо-синтаксические проблемы балканских языков; 2) лексические заимствования в балканских языках; 3) юмор в литературе балканских народов. Центр организует циклы лекций, которые читают видные ученые Франции и других стран [23].

Центр по исследованию России и Советского Союза при отделении Союза Советских Социалистических Республик существует всего 5 лет. В 1978 г. им был организован коллоквиум на тему «СССР и национальная проблема в мире (1920—1939)». Центр издает журнал «Слово» (в первом номере освещались различные аспекты работы отделения СССР, второй номер был целиком посвящен И. А. Крылову) [24]. Центр возглавляет профессор Д. Экот.

В 1979 г. к Институту был прикреплен Центр по изучению народов и культур Центральной и Юго-Восточной Европы, созданный в 1970 г. в университете Париж VII. Под руководством профессора Ж. Кастеллана в Центре ведется серьезная научно-исследовательская работа. Там готовятся диссертации на соискание ученой степени «доктора по специальности» или «доктора третьего цикла» (что примерно соответствует диплому о высшем образовании в СССР) и «государственного доктора» (эквивалентно степени кандидата наук в СССР). Центр является местом встреч, конференций и симпозиумов французских и иностранных специалистов по проблемам цивилизаций Центральной и Юго-Восточной Европы. Он поддерживает связь с академиями наук, научными ассоциациями, институтами и исследовательскими центрами стран региона, публикует сборники, монографии и т. д. [25]

Гордостью Института является его библиотека. Начало ее комплектования относится к периоду создания Школы восточных языков, т. е. к 1669 г. Благодаря пожертвованиям, регулярным покупкам и книгообмену она со временем превратилась в одну из богатейших коллекций славистической и востоковедческой литературы. В настоящее время она

inslav

насчитывает 496 700 томов. В фондах древней литературы (XVI—XVIII вв.) хранится около 20 тыс. томов, многие из которых являются уникальными. Среди собраний современной литературы выделяется русский фонд (125 тыс. томов), являющийся одним из крупнейших собраний славянской литературы во Франции. Кроме того, библиотека имеет 7370 периодических изданий (85 000 томов), из которых 1910 выходят в настоящее время [26]. Для посетителей открыто четыре зала: профессорский, студенческий, документационный и зал арабской библиографии.

Таким образом, в Институте восточных языков и цивилизаций ведется подготовка студентов и научная работа по следующим направлениям: лингвистика, литературоведение, история, экономика, география, право, история искусства славянских стран. Несмотря на возросший за последнее десятилетие удельный вес исторических, экономических и искусствоведческих дисциплин в программе обучения, основное внимание по-прежнему отводится филологии.

Анализируя программы преподавания славистических дисциплин в Институте, нельзя не отметить наличия в некоторых из них советологической тематики.

Среди преподавателей Института немало лиц, эмигрировавших из социалистических стран. Это обстоятельство, несомненно, накладывает определенный отпечаток на характер их лекций и семинаров. Кстати, положение, при котором преподавание языков и культур социалистических стран вверяется лицам славянского происхождения, полностью порвавшим со своей страной, не удовлетворяет и самих французских славистов. Многие из них понимают, что эмигранты не могут дать студентам представления о современном состоянии изучаемой страны, а передают им свои впечатления 10—30-летней давности, к тому же часто необъективные [27].

Отмеченные выше советологические тенденции пока не получили в Институте широкого развития. Основное внимание его сотрудников привлекает чисто славистическая проблематика.

В настоящее время в Институте работает значительное число квалифицированных французских славистов, многие из которых являются его воспитанниками. Вклад Института в подготовку специалистов по странам Центральной и Юго-Восточной Европы, прежде всего русистов, научные достижения его сотрудников позволяют сделать вывод о том, что Национальный институт восточных языков является сегодня крупнейшим научно-педагогическим центром славистики во Франции.

inslav

[1] *Робель Л.* Из истории французской славистики. — В кн.: Славянские культуры в эпоху формирования и развития славянских наций XVIII—XIX вв. М., 1978, с. 343.
[2] Guide du slaviste. Paris, 1971, N 11, p. 101.
[3] *Mazon A.* Les études slaves. — In: La Science française. Paris, 1933, t. 2, p. 453.
[4] Guide du slaviste, N 11, p. 103.
[5] Ibid, p. 301.
[6] Institut national des langues et civilisations orientales / далее — INALCO/. Livret de l'étudiant. 1981—1982. Paris, 1981, p. 6—8.
[7] INALCO, p. 4.
[8] Guide du slaviste, N 11, p. 342.
[9] INALCO, p. 153—156.
[10] Guide du slaviste, N 11, p. 331—332.
[11] INALCO, p. 159—160.
[12] Guide du slaviste, N 11, p. 351.
[13] INALCO, p. 165.
[14] INALCO, p. 166—168.
[15] Guide du slaviste, N 11, p. 361.
[16] *Колев Н.* Създаденото живее и расте. — АБВ, София, 1981, 9—15. VI.
[17] INALCO, p. 141—142.
[18] Guide du slaviste, № 11, p. 329.
[19] INALCO, p. 162.
[20] Guide du slaviste, N 11, p. 313.
[21] *Робель Л.* Указ. соч., с. 343.
[22] *Jakubowski W.* Rusycystika we Francji. — In: Sprawozdania z posiedzeń Komisji naukowych (PAN), Warszawa—Kraków, 1973, t. 16, N 1, p. 105; *Granjard H.* Studium slovanských jazyků a kultury ve Francii. — Slovanský přehled, 1960, N 1, s. 28.
[23] INALCO, p. 260.
[24] Ibid., p. 263.
[25] Ibid., p. 263—264.
[26] Ibid., p. 15.
[27] *Triomphe R.* Le problème des échanges entre les slavisants français et les pays slaves. — In: Beogradski međunarodni slavistički sastanak (15—21.IX 1955). Beograd, 1957, p. 400.

Э. Нидерхаузер

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ И БАЛКАНИСТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ВЕНГРИИ

Складывание системы исследований по славяноведению и балканистике в Венгрии было обусловлено историческим развитием Венгрии как многонационального государства. Это значит, что первоначально в поле зрения ученых оказались народы, жившие в этой стране, и только гораздо позже, в послевоенный период стали рассматриваться другие народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Интересно заметить,

inslav

что, с одной стороны, исторически сложившийся подход во многом сохранился вплоть до наших дней, причем и большая часть исследований, как увидим в дальнейшем, уходит корнями в эту проблематику. Однако, с другой стороны, именно в последние два десятилетия в отдельных науках славистического и балканистического комплексов ощущается все более широкий интерес именно к проблематике всей Центральной и Юго-Восточной Европы. Это изменение произошло в рамках отдельных дисциплин, однако следует отметить все более возрастающее внимание к интердисциплинарному подходу.

Трудность таких исследований заключается прежде всего в том, что не только в отдельных дисциплинах, но и в рамках одной дисциплины существует большая разница взглядов относительно трактовки самого понятия Восточной Европы. Разные точки зрения на этот предмет выявились на заседании Венгерской Академии наук в мае 1978 г., когда были заслушаны шесть докладов относительно понятия Восточной Европы в разных дисциплинах [1]. Так, историки и этнографы включают обычно в это понятие также европейскую часть СССР. Литературоведы более склонны заниматься в общем плане только Центральной и Юго-Восточной Европой, искусствоведы даже более узким ареалом. В языковедении доминирует традиционная трактовка славистики и румынистики. Восточная Европа скорее является просто географическим понятием.

В области гуманитарных наук в Венгрии мы находимся в настоящее время на переходном этапе исследований. Об этом свидетельствует недавно опубликованная статья по историографии балканистики, которая охватывает прежде всего язык и историю литературы, поскольку собственно историческая проблематика до сих пор исследована недостаточно [2].

Таким образом можно отметить, что славянские и балканские исследования в Венгрии идут отчасти по традиционным путям, что не исключает попыток более широкого охвата материала. Об этом свидетельствуют исследования в области исторической науки.

В последние годы интересные и ценные результаты достигнуты в первую очередь в области экономической истории. В серии статей академика Ж. П. Паха исследован очень запутанный вопрос о направлениях левантинской торговли в XV и XVI вв. На основе тщательного изучения первоисточников автор установил, что восточные товары продолжали поступать в Венгрию через Черное море и дунайские княжества [3].

instav

Большое внимание историков-экономистов было обращено на XIX и XX вв., в частности на особенности зарождения и развития капитализма в периферийных областях Европы. В трудах академиков И. Т. Беренда и Д. Ранки [4] освещены основные направления и специфические черты генезиса капитализма в отдельных государствах ареала. В число таких исследований входит и работа Т. Чато [5]. П. Гунст изучал капиталистическое развитие сельского хозяйства и его особенности в Западной и Восточной Европе, выделяя Центральную Европу как более близкую к западному пути развития, и относя к Восточной Европе только Россию и Балканы [6]. Находящаяся в печати книга И. Т. Беренда, посвященная проблемам влияния мирового экономического кризиса, приходившегося на межвоенный период, перерастает рамки только экономической истории и дает пример интердисциплинарного подхода, включая вопросы развития общественной мысли, литературы и искусств [7].

В области политической истории следует назвать книгу Я. Барты, посвященную проблематике просвещенного абсолютизма в монархии Габсбургов и Пруссии Фридриха II [8], а также книгу Э. Нидерхаузера [9], в которой на основе междисциплинарного подхода сделана попытка выявить общие и специфические черты эпохи образования буржуазных наций в Восточной Европе.

Интерес к политической истории возрастает при обращении к периоду XX в. Проблематика этих исследований выросла из разработки отдельных вопросов внешней политики Венгрии между двумя мировыми войнами и в период второй мировой войны. Здесь следует назвать книгу Л. Керекеша [10], который подробно осветил внешнюю политику Австрии непосредственно после первой мировой войны, а также труды Беренда и Ранки, в которых проанализировано воздействие социально-экономических вопросов в сфере политики. М. Адам, изучавшая последние годы существования Малой Антанты [11], в настоящее время обратилась к истории возникновения и развития этого союза в целом [12]. М. Ормош занималась историей внешней политики Франции в первые годы после первой мировой войны и изучила характер этой политики в отношении стран Центральной и Восточной Европы, в том числе — Советской России и недолго существовавшей Венгерской советской республики [13]. Ценность исследований обоих авторов состоит в использовании материалов недавно открытого для использования архива внешней политики Франции.

inslav

Другим важным вопросом политической истории межвоенного периода, касающимся ряда стран Центральной и Юго-Восточной Европы, является проблема фашизма. М. Ормош и М. Инца [14] показали специфические черты и формы фашистских движений и диктаторских режимов в различных малых государствах Центральной и Юго-Восточной Европы. Книга вызвала оживленную дискуссию [15]; на основе материалов дискуссии была опубликована монография Д. Секей о позиции Коммунистического Интернационала в 20-е годы в отношении фашизма [16].

Что касается более ранних этапов истории, то эпоха Просвещения являлась той областью, где междисциплинарный подход оказался весьма действенным. Здесь следует назвать ряд международных симпозиумов, организуемых Венгерской Академией наук в Матрафюреде начиная с 1972 г. В этих симпозиумах принимали участие специалисты по истории и литературоведению как из социалистических стран Европы, так и из западных государств, прежде всего из Франции и Австрии. Венгерские литературоведы и историки, конечно, принимали деятельное участие в этих встречах, посвященных различным проблемам эпохи Просвещения ее философии, литературы, крестьянскому вопросу, просвещенному абсолютизму. К сожалению, опубликование материалов идет медленно: до сих пор появились материалы только первых четырех симпозиумов [17]. Однако проблемы эпохи Просвещения в Восточной Европе в целом находятся в центре внимания исследователей и вне этих симпозиумов, примером чего может служить статья Э. Бойтара, в которой сделана попытка изложения проблематики с упором на историю общественной мысли и литературы [18].

Следует упомянуть исследования, касающиеся монархии Габсбургов, которая, как известно, включала ряд народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Из имеющейся литературы назовем избранные статьи П. Ханака [19], касающиеся главным образом периода австро-венгерского дуализма; книгу И. Диосеги[20] о некоторых вопросах внешней политики Австро-Венгрии и о ее династических основах; исследования Э. Палоташа [21], которые касаются экономических устремлений Австро-Венгрии на Балканах; книгу К. Ньири [22], в которой излагается ряд интересных вопросов идейно-культурного развития монархии в конце XIX—начале XX в. Назовем еще книгу академика Л. Матраи [23], подытоживающую его предшествующие исследования.

Из исследований в области литературоведения следует в первую очередь упомянуть несколько литературоведческих

inslav

публикаций [24], которые посвящены историческим и литературным связям венгерского народа с их восточноевропейскими соседями, а также сборник статей в честь 70-летия литературоведа Л. Добоши [25]. Была опубликована также книга Л. Добоши [26], содержащая статьи, посвященные прежде всего вопросам чешской и словацкой литературы и их связям с венгерской литературой.

Остановимся особо на международной конференции, проходившей в Венгрии в сентябре 1977 г. Идея созыва этой конференции принадлежала ныне покойному академику Э. Арато, известному исследователю истории Восточной Европы и национальных отношений в Венгрии. Конференция была посвящена 200-летию перемещения Университетской типографии в город Буда и ее деятельности до 1848 г. В этот период Университетская типография издала большое количество книг на языках различных народов Восточной Европы, пользующихся как латиницей, так и кириллицей. Многие произведения, сыгравшие немалую роль в развитии культуры этих народов, были опубликованы именно этой типографией [27].

В области этнографии можно назвать сборник статей (на немецком языке) Б. Гунды [28], посвященных различным вопросам материальной культуры Карпатско-дунайского региона, земледелия, пастушества и т. п. В области фольклористики крупным достижением стала монография Л. Вардяжа [29], в которой подробно исследованы связи венгерского фольклора с соседними народами Восточной Европы.

Как было сказано в начале статьи, в Венгрии славянские и балканские исследования выросли из изучения прошлого различных народов, проживавших на территории исторической Венгрии. Эта область научных исследований продолжает привлекать внимание многих ученых. Соответствующие главы входят в отдельные тома капитальной десятитомной истории Венгрии. Кроме того, следует назвать книгу Э. Ковача, в которой дан обобщающий анализ истории национального вопроса в Венгрии, освещены взгляды на этот вопрос венгерских политиков и деятелей культуры [30]. В одной из последних работ Э. Арато дано сравнительное исследование генезиса национальной идеологии у отдельных народов Венгерского королевства в XVIII в.[31]

Отношение венгерского народа с другими народами исторической Венгрии в период революции 1848—1849 гг. рассмотрено в работах Д. Шпира. В изданной им обобщающей монографии подчеркиваются общие социальные и политиче-

inslav

ские цели национальных движений и отмечаются попытки их примирения в целях борьбы против общего врага [32]. Вопросу о национальном составе военного руководства национально-освободительной войны 1948—1949 гг. посвящена монография Г. Бона [33].

В эпоху австро-венгерского дуализма вопрос о национальностях продолжал оставаться решающим фактором развития Венгрии. Представителю защиты интересов национальностей, депутату парламента Лайошу Мочари посвящен сборник статей [34], содержащий и некоторые современные публицистические выступления Мочари. Ф. Глац занимался важным вопросом ассимиляции в эпоху дуализма [35]. Некоторые исследования были посвящены отдельным народам исторической Венгрии, в том числе и грекам, которые в качестве торгового элемента еще в первой половине XIX в. сыграли значительную роль в экономическом развитии Венгрии [36].

Принципиально иное положение национальных меньшинств в социалистической Венгрии получило разработку в книге Л. Кеваго [37], который также опубликовал работу о реализации принципов ленинской национальной политики в социалистических странах [38]. Положением и проблемами национальных меньшинств Венгрии занимаются и этнографы. Вышел ряд сборников на соответствующих языках, посвященных отдельным национальностям [39].

Э. Арато в последние годы жизни занимался наряду с вопросами идеологии национально-культурных движений в Венгрии также проблемой славянской мысли и намеревался написать крупный труд по развитию славянского движения [40]. В настоящее время исследовательская работа ведется в основном в страноведческом плане.

Так, Д. Свак написал ряд историографических статей, посвященных личностям Ивана Грозного и Ивана Пересветова, в которых проследил изменение их оценки как в русской буржуазной, так и в советской исторической науке [41]. Была написана монография об А. И. Герцене, личность которого представляет большой интерес для венгерской аудитории вследствие его связей с крупным венгерским политическим деятелем и революционером Л. Кошутом [42]. Л. Меньхарт написал книгу по истории политической мысли России конца XIX—начала XX в., в которой сравнивается революционное движение в России и в Венгрии в начале XX в.[43]

Историческому значению Великой Октябрьской социалистической революции, ее влиянию на революционное движение в Венгрии и революционным русско-венгерским свя-

inslav

зям был посвящен ряд монографий и статей. Однако эта тема продолжает привлекать внимание венгерских историков, причем не только в плане непосредственных контактов с Венгрией, но и во всемирном масштабе. Об этом свидетельствовали материалы научной сессии, посвященной 60-летию Великого Октября [44]. Книга И. Дольманьоша содержит яркую картину революционного процесса в России [45]. Вышла также монография о развитии советско-венгерских дипломатических отношений накануне Великой Отечественной войны [46].

Старую традицию имеют также исследования по связям Венгрии и Польши. В последние десятилетия эти исследования все более развивались в сторону сравнительного изучения исторического развития двух стран, в истории которых можно наблюдать некоторые интересные параллели [47]. В новейшее время в центре внимания стал вопрос о польских беженцах в Венгрии после гитлеровского нашествия в сентябре 1939 г. И. Лагзи опубликовал большое число статей и книгу, посвященные главным образом тем полякам, которые попали в Венгрию в период второй мировой войны и остались там [48].

Были опубликованы статьи по чешской истории и чехословацко-венгерским связям в новейшее время [49]. Вышел первый том серии «Общая судьба — общий путь» [50], в котором основное место занимают статьи о словаках в Венгрии и освещаются некоторые вопросы общего исторического развития венгров и словаков. По югославской тематике можно назвать статью по военным аспектам оккупации Боснии и Герцеговины в 1878 г.[51], а также книгу о целях венгерских господствующих классов относительно оккупированной во время первой мировой войны Сербии [52].

Подлинно интердисциплинарный характер носят два сборника статей по болгарско-венгерским связям [53]. Первый из них, написанный совместно венгерскими и болгарскими исследователями, появился и на болгарском языке. Он посвящен вопросам истории, языковедения, истории литературы и этнографии.

Большую традицию имеют в Венгрии исследования по славянским языкам. Они посвящены как вопросам древнеславянского языка, так и отдельным современным славянским языкам [54]. Особенно следует отметить книгу И. Х. Тота о Кирилле и Мефодии, изданную также на болгарском языке [55]. Лингвистические исследования ведутся и по линии традиционной проблематики славянского языковедения, и по сравнительному изучению славянских и венгер-

inslav

ского языков при помощи контрастивного метода [56]. Применяются и количественные методы изучения славянских языков [57]. Крупным достижением венгерского славяноведения является монография академика Л. Хадровича, специалиста по южнославянским языкам [58].

Много работ посвящено истории литературы славянских народов. Э. Бойтар опубликовал книгу о методологических аспектах литературоведения отдельных славянских стран [59]. Ряд книг и статей посвящен истории русской литературы и ее влиянию на венгерскую литературу [60]. О большом интересе к русской литературе свидетельствует, между прочим, тот факт, что был опубликован специальный номер филологического журнала по проблемам русского символизма [61]. Живой интерес проявляется и в отношении польской [62], чешской [63], словацкой [64] и болгарской литератур [65]. В связи с разработкой проблематики южнославянских литератур следует назвать монографии И. Фрида о влиянии сербской и хорватской литературы на формирование венгерской романтической лирики и литературы в первой половине XIX в. [66], а также сборник, посвященный Михаилу Витковичу, сыгравшему довольно значительную роль как в сербской, так и в венгерской литературе той эпохи. Его литературный салон в Пеште посещался поэтами и писателями обоих народов [67].

В этнографии можно также найти исследования по славянским народам [68], однако акцент делается на уже упомянутых работах по этнографии и фольклору бывшей исторической Венгрии.

Если о славяноведении, особенно в узком филологическом его значении, можно сказать, что оно развивалось в последние годы успешно главным образом в рамках традиционной тематики, то иначе обстоит дело с балканистикой. Хотя в Венгрии нет специалистов по истории, литературе и этнографии албанского народа, была опубликована небезынтересная книга о современной Албании [69]. Мало опубликовано и исследований по румынистике. В статье Д. Кришто поставлен также вопрос о «волохах» в ранних средневековых источниках [70]. Можно также назвать работу Ф. Бакоша о румынских элементах венгерской лексики [71]. Работа историков и других специалистов в последние годы сосредоточилась на подготовке истории Трансильвании, основываясь на итогах публикаций, которые принесли значительные результаты главным образом в 60-е годы.

Из балканской проблематики более всего разрабатывались вопросы истории и культуры турок и Османской им-

instav

перии. Лингвистические исследования были при этом посвящены в основном тюркским языкам, меньше всего — языку османли [72]. Значительный интерес историков вызывает период османского господства в Венгрии в XVI—XVII вв.[73] Продолжалась публикация ценных турецких документов, проливающих свет на социально-экономическое положение в Венгрии [74], а также на развитие прикладного искусства [75]. Можно отметить и другие произведения из истории архитектуры, касающиеся древней Руси [76] и Болгарии [77].

Чтобы более полно представить картину славяноведения и балканистики в современной Венгрии, следует остановиться вкратце на некоторых научно-организационных аспектах.

Координирующим органом является Комиссия по славяноведению Венгерской Академии наук (ВАН). Она занимается главным образом филологией, языковедением и историей литературы славянских народов. Центральным печатным органом является журнал «Studia Slavica Akademiae Scientiarum Hungaricae», в котором публикуются статьи и рецензии на славянских и западных языках. Это ежеквартальное издание наряду с материалами по языковедению и литературе публикует довольно много работ исторического и этнографического содержания. Институт языковедения ВАН занимается только венгерским языковедением, подобно этому и Институт литературоведения сосредоточивается на изучении венгерской литературы. Поэтому славяноведческие исследования ведутся главным образом на кафедрах общего славяноведения, а также русского языка и литературы трех университетов: в Будапеште, Дебрецене и Сегеде. Последние имеют и свои ежегодники: «Slavica» (Дебрецен) и «Dissertationes slavicae» (Сегед). Материалы и сообщения по славяноведению — «Publicationes Instituti Philologiae Russicae in Universitate de Attila József nominatae», в которых публикуются, как и в «Studia Slavica», статьи на иностранных языках, дают больше всего материалов по славяноведению. Конечно, работы по истории литературы публикуются и в других периодических изданиях на венгерском языке, главным образом в журнале «Helikon Világirodalmi Figyelő», а также в «Studia Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae».

Работа по славяноведению ведется также на кафедрах русского языка и литературы педагогических институтов, результаты этой работы публикуются в соответствующих трудах институтов, охватывающих все общественные науки.

inslav

Следует еще добавить, что была создана венгерская национальная комиссия МАИРСКа. Организована также Ассоциация полонистов Венгрии, в которую входят специалисты по языковедению, истории литературы, истории и этнографии, занимающиеся разными аспектами истории и культуры польского народа. Институт литературоведения ВАН тесно сотрудничает с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР в области изучения истории культуры эпохи национального Возрождения.

Балканистическими исследованиями руководит венгерская национальная комиссия — МАИЮВЕ. Венгерские ученые регулярно принимают участие в конгрессах Ассоциации. О широте балканистических и славяноведческих исследований свидетельствует и тот факт, что в мае 1981 г. в Софии на Первом международном конгрессе по болгаристике по разным темам истории, литературы, языкознания выступило 18 венгерских докладчиков.

Исследования по вопросам румынской литературы и языка ведутся на кафедре румынского языка и литературы в Будапештском университете. Там же, на кафедре турецкого языка идет работа по турецкой филологии, а также по истории османского господства в Венгрии.

Печатным органом этих исследований является ежеквартальник на иностранных языках «Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae», а также специализированный сборник «Studia Hungaro-Turcica», которые являются главными органами исследований по истории периода османского господства в Венгрии. В последнее время выходит ежегодник кафедры греческого языка и литературы Будапештского университета «Omonoia», где публикуются и статьи по истории и литературе Греции нового и новейшего времени на иностранных языках.

В целях публикации исследований по отдельным национальностям создана серия «Тетради по национальностям», где издаются труды на венгерском языке в объеме приблизительно 5 печатных листов. Исследованиями по этнографии Венгрии руководит Секция по национальностям Венгерского этнографического общества. В более широком плане этнография различных народов Восточной Европы разрабатывается в Исследовательской группе этнографии ВАН и на кафедре этнографии Дебреценского университета им. Лайоша Кошута.

Что касается истории, следует назвать ежегодник «A nemzetközi munkásmozgalom történetéből» (Из истории международного рабочего движения), издаваемый Институтом

inslav

истории при ЦК ВСРП. В нем среди прочих материалов помещаются краткие статьи и сообщения по отдельным вопросам истории рабочего движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Историей Восточной Европы в целом, а также отдельных ее стран занимается кафедра истории Восточной Европы Будапештского университета, а также кафедра Высшей политической школы ВСРП.

Еще в первой половине 70-х годов академиком Э. Арато была создана при кафедре истории Восточной Европы исследовательская группа по изучению Восточной Европы и национальностей, в которую входили сотрудники, преподаватели разных кафедр Будапештского университета им. Лоранта Этвеша. После смерти Э. Арато она была передана кафедре общего славяноведения, которая руководила также исследовательской группой по литературам Восточной Европы и группой по библиографии национальностей Венгрии, сумевшей собрать богатые сведения по истории национальностей Венгрии.

Начиная с 1981 г. все эти группы объединены в академическую исследовательскую группу Центральной и Восточной Европы при кафедре экономической истории Политэкономического университета им. Карла Маркса в Будапеште под руководством академика И. Т. Беренда. В кругу научных интересов этого коллектива находятся вопросы социально-экономической и культурной истории Центральной и Восточной Европы в XVIII—XX вв., т. е. в эпоху формирования, утверждения и развития в этом ареале капитализма.

Следует особо сказать о работе двухсторонних комиссий историков Народной Республики Венгрии и других социалистических стран. Такие комиссии работают уже в течение одного — двух десятилетий в сотрудничестве с историками Советского Союза, Польши, Чехословакии, Румынии, Болгарии. Недавно образована венгерско-турецкая историческая комиссия. Комиссия организует периодически научные конференции поочередно в одной из стран-участниц. В работе этих комиссий практикуется междисциплинарный подход с участием специалистов разных отраслей гуманитарных наук. Весьма успешно в этом отношении развивается сотрудничество венгерских историков с их коллегами соседних стран Советского Союза, Польши и Чехословакии.

Для обеспечения междисциплинарности исследования этой проблематики в общественном масштабе в 1978 г. была создана академическая Комплексная комиссия по изучению Восточной Европы и национальностей. Немногочисленная по составу комиссия включает в свои ряды специалистов по

inslav

истории, языковедению, истории литературы и этнографии народов Восточной Европы. На комиссию возложена задача организации и издания ежегодного сборника по изучению Восточной Европы.

Возможно, изложенная информация покажется советскому читателю скромной, а отчасти и непривычной. Бросается в глаза и сохраняющаяся непланомерность, случайность многих исследований, отсутствие единого руководящего центра. Только в последние годы славяноведение и балканистика начинают свою самостоятельную жизнь. Подавляющее большинство венгерских ученых продолжает заниматься отечественной проблематикой. Это можно объяснить и тем, что в Венгрии в отличие от Советского Союза не было столь прочной традиции изучения всемирной истории и мировой литературы. Почти не существовало у нас, вплоть до распада исторической Венгрии, и сотрудничества между руководителями «национальных» дисциплин даже в отношении венгров, не говоря уже о других народах, живших в пределах Венгерского королевства. Охарактеризованные формы и направления исследования в этих областях складывались исторически, на протяжении многих десятилетий и воспринимались в качестве составной части «национальных» дисциплин, т. е. венгерской истории, литературы, этнографии и т. п.

Все это вместе взятое объясняет специфические черты современного состояния славяноведения и балканистики в Венгрии.

[1] *Niederhauser E.* Kelet-Európa a magyar történettudományban. — A Magyar Tudományos Akadémia Filozófiai és Történettudományok Osztályának Közleményei, 1979, t. 28, N 1—3, 1—6. old.; *Sziklay L.* A magyar irodalomtudomány és Kelet—Európa. — Ibid., 7—13. old.; *Garas K.* Kelet-Közép-Európa és a magyarországi müvészet a 17—18. században. — Ibid., 15—20. old.; *Hadrovics L.* A magyar nyelvtudomány délkelet—európai eredményei és feladatai. — Ibid., 21—26. old.; *Gunda B.* A magyar néprajz és a kelet-európai kutatások. — Ibid., 27—38. old.; *Bona I.* Régészetünk és Kelet-Európa. — Ibid., 39—48. old.

[2] *Fried I.* A magyar balkanisztikai kutatások, hagyományok és problémák. — Helikon, 1975, t. 21, N 2, 169—178. old.; *Niederhauser E.* Eastern Europe in Recent Hungarian Historiography. — In: Etudes Historiques Hongroises 1975, Budapest, 1975, t. 1, p. 117—140.

[3] *Pach Zs. P.* Egy évszázados történészvitáról: áthaladt-e a levantei kereskedelem útja a középkori Magyarországon? — Századok, 1972, t. 106, N 4—5, 849—891 old.; *Idem.* A Levante-kereskedelem erdélyi útvonala I. Lajos és Zsigmond korában. — Századok, 1975, t. 109, N 1, 3—32. old.; *Idem.* A Levante-kereskedelem erdélyi útvonala a XV—XVI. század fordulójan. — Századok, 1978, t. 112, N 6, 1005—1038 old.; *Idem.* The Transylvanian route of Levantine trade at the turn of the 15th

inslav

and 16th centuries. — In: Etudes Historiques Hongroises 1980. Budapest, 1980, t. I, p. 133—166.

[4] *Berend T. I., Ránki Gy.* Közép-Kelet-Európa gazdasági fejlődése a 19—20. században. Budapest, 1976, 723 old.; *Idem.* Economic development in East-Central Europe in the 19th and 20th centuries. New York, London, 1974, 402 p.; *Idem.* East Central Europe in the 19th and 20th centuries. Budapest, 1977, 163 p.; *Idem.* Gazdasági elmaradottság. Kiutak és kudarcok a XIX. századi Európában: Az európai periféria az ipari forradalom korában. Budapest, 1979, 508 p.

[5] *Csató T.* The development of internal trade in East Central and South Eastern Europe (A few outstanding features of the capitalist era from the middle of the XIXth century to the middle of the XXth.). — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1977, t. 23, N 3/4, p. 397—440.

[6] *Gunst P.* Kelet-Európa gazdasági-társadalmi fejlődésének néhány kérdése — Valóság, 1974, t. 17, N 3, 16—31 old.; *Idem.* The comparative impact of industrialization on Western and Eastern European agriculturo in the XIXth and early XXth century. — Agrártörténeti Szemle, 1976, t. 18, Suppl., p. 45—62; *Гунст П.* Влияние индустриализации на сельское хозяйство Западной и Восточной Европы в XIX—XX вв. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1980, t. 26, N 1/2, p. 77—103.

[7] *Berend T. I.* A Nagy Válság és Közép-Kelet-Europa. — Valóság, 1979, t. 22, N 11, 1—10 old.

[8] *Barta J.* A kelet-európai felvilágosult abszolutizmus agrotechnikai nézeteiről. — Agrártörténeti Szemle, 1976, t. 18, N 3—4, 273—298 old.

[9] *Niederhauser E.* A nemzeti megújulási mozgalmak Kelet-Európaban. Budapest, 1977, 385 old.

[10] *Kerekes L.* Von St. Germain bis Genf: Österreich und seine Nachbarn 1918—1922. Budapest etc., 1979, 415 p.

[11] *Adam M.* Confédération Danubienne ou Petite Entente. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1979, t. 25, N 1/2, p. 61—113.

[12] *Adám M.* A Kisantant 1920—1938. Budapest, 1981, 265 old.

[13] *Ormos M.* Az ukrajnai francia intervencióról és hatásairól Közép-Európában 1918 október — 1919 április. — Történelmi Szemle, 1979, t. 20, N 3—4, 401—439 old.

[14] *Ormos M., Incze M.* Európai fasizmusok 1919—1939. Budapest, 1976, 309 old.

[15] *Nemes D.* A fasizmus kérdéséhez. Budapest, 1976, 146 old.

[16] *Székely G.* A Komintern és a fasizmus 1921—1929. Budapest, 1980, 271 old.

[17] Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. Actes du colloque de Mátrafüred. 1. 3—5 novembre 1970. Budapest, 1971, 125 p.; Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. 2. Mátrafüred, 2—5 octobre 1972. Budapest, 1975, 190 p.; Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. 3. Mátrafüred, 28 septembre — 2 octobre 1975. Budapest, 1977, 365 p.; Les lumières en Hongrie, en Europe Centrale et en Europe Orientale. 4. Mátrafüred, 20—25 octobre 1978. Journée d'Etudes Voltaire-Rousseau. Budapest, 1981, 118 p. (Société Hongroise d'Etude du XVIIIe siècle).

[18] *Bojtár E.* Die Aufklärung in Osteuropa. — Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, 1978, t. 20, N 3/4, p. 251—291.

[19] *Hanák P.* Magyarország a Monarchiában. Tanulmányok. Budapest, 1975, 467 old.

inslav

[20] *Diószegi I.* Nemzet, dinasztia, külpolitika. Budapest, 1979, 164 old.
[21] *Palotás E.* Ziele und geschichtliche Realität — Wirtschaftsbestrebungen Österreich—Ungarns auf dem Balkan zur Zeit des Berliner Kongresses im Jahre 1878. — In: Etudes Historiques Hongroises 1980. Budapest, 1980, t. 1, p. 651—685.
[22] *Nyíri K.* A Monarchia szellemi életéről. Filozófiatörténeti tanulmányok. Budapest, 1980, 247 old.
[23] *Matrai L.* Alapját vesztett felépítmény. Budapest, 1976, 126 old.
[24] *Kemény G. G.* Kapcsolatok vonzásában. Bratislava. Budapest. 1977, 194 old.; *Sándor L.* Hazánk — Kelet-Európa. Irodalmi tanulmányok, cikkek, dokumentumok. Bratislava; Budapest, 1977, 407 old.; *Sziklay L.* Visszhangok. Tanulmányok, elemzések, értékelések. Bratislava, Budapest, 1977, 401 old.
[25] Tanulmányok a kelet-európai irodalmak és nyelvek köréből. Dobossy László 70. születésnapjára. Budapest, 1980, 376 old.
[26] *Dobossy L.* Két haza között. Budapest, 1981, 427 old.
[27] *Köpeczi B.* A budai Egyetemi Nyomda szerepe a közép — és kelet-európai népek közművelődésében a XVIII. század végén és a XIX század elején. — Helikon, 1977, t. 23, N 4, 403—408. old.; *Király P.* A kelet-európai irodalmi nyelvek és helyesírások kérdései az Egyetemi Nyomda kiadványainak tükrében. — Ibid., 409—417 old.; *Sziklay L.* Eszmei, irodalmi és müvészi áramlatok a budai Egyetemi Nyomda kiadványaiban (1777—1848). — Ibid., 418—424 old.; *Kőfer I.* Az Egyetemi Nyomda négyszáz éve. Budapest, 1977, 247 old.
[28] *Gunda B.* Ethnographia Carpatho-Balcanica. Budapest, 1979, 426 p.
[29] *Vargyas L.* A magyar népballada és Európa. Budapest, 1976, T. 1—2, 269, 823 old.
[30] *Kovács E.* Szemben a történelemmel. A nemzetiségi kérdés a régi Magyarországon. Budapest, 1977, 554 old.
[31] *Arató E.* A feudális nemzetiségtől a polgári nemzetig. A magyarországi nem magyar népek nemzeti ideológiájának elözményei. Budapest, 1975, 174 old.
[32] *Spira Gy.* A nemzetiségi kérdés a negyvennyolcas forradalom Magyarországon. Budapest, 1980, 240 old.
[33] *Bona G.* Az 1848—49-es szabadságharc katonai vezetésének nemzetiségi összetételéről. — Valóság, 1978, t. 21, N 7, 80—93 old.
[34] Mocsáry Lajos emlékkönyv 1826—1916. Budapest, 1979, 540 old.
[35] *Glatz F.* Bürgerliche Entwicklung, Assimilation und Nationalismus in Ungarn im XIX. Jahrhundert. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1975, t. 21, N 1/2, p. 153—169; *Mayer M.* Kárpátukrán (ruszin) politikai és társadalmi törekvések 1860—1910. Budapest, 1977, 255 old.; *Póth I.* Über die Bedeutung von Pest und Ofen in der kulturellen Vergangenheit der Serben. — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1979, t. 25, N 1—4, p. 317—325.
[36] *Homonoia.* Yearbook of the Chair of Greek Philology of the University. III. Budapest, 1981, 237 p.; *Füves Ö.* A görög kereskedő bevándorlása Pestre 1718—1774 között. — Antik Tanulmányok, 1975, t. 22, N 1, 118—125 old.; *Dobrossy I.*, *Veres L.* A miskolci görög kereskedőtársulat gazdasági tevékenysége a 19. század elején. — A Miskolci Herman Ottó Muzeum Közleményei, 1976, t. 15, 29—41 old.
[37] *Kővágó L.* Nemzetiségek a mai Magyarországon. Budapest, 1981, 189 old.
[38] *Kővágó L.* Kisebbség, nemzettiség. Budapest, 1978. 171 old.; *Arató E.* Tanulmányok a szlovákiai magyarok történetéből 1918—1975. Budapest, 1977, 443 old.

inslav

[39] Beiträge zur Volkskunde der Ungarndeutschen. Budapest, 1975—1979, T. 1—2. Narodopis Slovákov v Mad'arsku (Štúdie). Budapest, 1975—1981, T. 1—3, 284 s.; Din tradițiile populare ale Românilor din Ungaria. Budapest, 1975—1980, T. 1—2; Etnografija južnich slavena u Madarskoj. Budapest, 1975—1979, T. 1—3; Nyiregyházi szlovák «tirpák» nyelvjárási és néprajzi emlékek. — Nyiregyháza, 1977, 171 old.; *Kósa L.* Thirty years of etnographic research among the national minority groups living in Hungary (1945—1974). — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1975, t. 24, N 3/4, p. 231—246.

[40] *Arató E.* The Slavic thought: its varieties with the Slavonic peoples in the first half of the XIXth century. — Acta Historica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1976, t. 22, N 1/2, p. 73—98; *Idem.* Magyarszláv kulturális kapcsolatok a XIX század első felében. — Magyar Tudomany, 1975, t. 20, N 8—9, 471—487 old.

[41] *Szvák Gy.* Rettegett Iván az ujabb szovjet kutatások tükrében. — Történelmi Szemle, 1979, N 3/4, 592—604 old.; *Свак Д.* К вопросу об оценке деятельности Ивана Пересветова. — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1978, t. 24, N 1/2, p. 55—58.

[42] *Kovács E.* Herzen. Budapest, 1978, 337 old.

[43] *Menyhárt L.* Az agrárkérdés az 1905—1907-es orosz forradalom idején. — Agrartörténeti Szemle, 1975, t. 17, N 3/4, 399—424 old.; *Idem.* Érdekek és eszmék az orosz forradalmakban és Magyarországon 1918—1919-ben. — Alföld, 1979, t. 30, N 3, 61—68 old.

[44] A Nagy Októberi Szocialista Forradalom 60. évfordulója. Tudományos ülésszak. Budapest, 1977. oktober 26—27. Budapest, 1977, 284 old.

[45] *Dolmányos I.* Ragyogó Október: a nagy oroszországi szocialista forradalom története. Budapest, 1979, 685 old.

[46] *Péter J.* A magyar-szovjet diplomáciai kapcsolatok történetéből 1939—1941. Budapest, 1979, 143 old.

[47] La Pologne et la Hongrie aux XVIe—XVIIIe siècles. Textes du collogue polono-hongrois de Budapest. Budapest, 1981. 148 p.

[48] *Lagzi I.* Uchodźcy polscy na Węgrzech w latach drugiej wojny światowej. Warszawa, 1980, 336 s.

[49] *Gonda I.* A monarchiabeli cseh nemzeti mozgalom szerepe az első világháború éveiben. — Századok, 1976, t. 110, N 4, 607—640 old.; Ez volt a Sarló. Tanulmányok, emlékezések, dokumentumok. Budapest; Bratislava, 1978, 431 old.; *Pozsonyi T.* Magyar honvédek a csehországi ellenállásban 1945 tavaszán. Budapest, 1977, 268 old.; *Balogh S.* Az 1946 február 27-i magyar-csehszlovák lakosságcsere egyezmény. — Történelmi Szemle, 1979, t. 22, N 1, 59—87 old.

[50] Spoločný osud — spoločná cesta. Účast' príslušnikov slovenskej národnosti v robotníckych a rol'nických hnutiach XIX. a XX. storočí na území Mad'arska. Budapest, 1980, 186 s.

[51] *Bencze L.* Reguláris és irreguláris erők közötti harc. Bosznia és Hercegovina 1878. — Hadtörténelmi Közlemények, 1980, t. 27, N 1, 73—101 old.

[52] *Szabó D.* A magyar álláspontok helye a Szerbiával szemben hadicélok rendszerében (1915—1918). Budapest, 1976, 181 old.

[53] Tanulmányok a bolgár-magyar kapcsolatok köréből. Budapest, 1981, 551 old.; Bolgár tanulmányok. köt. 2. Debrecen, 1975, 70 old.

[54] *Király P.* A magyarok említése a 811. évi események óbolgár leírásban. Budapest, 1977, 58 old.; *Tóth I. H.* К изучению одноеровых

inslav

памятников XI в. — Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1978, t. 24, N 3/4, p. 229—258.

[55] *Tóth I. H.* Konstantin — Cirill és Metód élete és müködése. Budapest, 1981, 217 old.

[56] *Papp F.* Az orosz helyesírás megoldatlan kérdései. — Magyar Nyelvőr, 1976, t. 100, N 1, 32—36 old.; *Jánoska S.* Az összetett mondat szintaxisának főbb kérdései orosz-magyar egybevetésben. — Debrecen, 1979, 295 old.; Очерки по семасиологии русского языка. Budapest, 1975, 188 с.; *Sasvári L.* A Tokaj térségében élt görögök (és rácok) nyelvi emlékei. Budapest, 1976, 71 old.

[57] *Dezső L.* Статистическое изучение лексики и грамматики. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1976, t. 26, N 1/2, p. 27—53.

[58] *Hadrovics L.* Schriftum und Sprache der burgenländischen Kroaten im 18. und 19. Jahrhundert. Budapest, 1974, 564 S.

[59] *Bojtár E.* A szláv strukturalizmus az irodalomtudományban. Budapest, 1978, 144 old.

[60] *Bakcsi Gy.* Forradalmak, háborúk, irodalom. Orosz és szovjet-orosz irodalom 1890-től napjainkig. Budapest, 1976, 578 old.; *Gereben Á.* Csehov világa. Budapest, 1980, 319 old.

[61] Az orosz szimbolizmus. — Helikon, 1980, t. 26, N 3—4, 209—328 old.

[62] *Kovács I., Kiss Gy. Cs.* A lengyel irodalom Magyarországon 1945 után. — Alföld, 1979, t. 30, N 9, 29—38 old.

[63] *Heé V.* Líraiság és epikum. Műfaji problémák Karel Čapek prózájában. Budapest, 1976, 145 old.

[64] *Käfer I.* A szlovák irodalom jelenléte és műhelyei Magyarországon. — Kritika, 1979, N 7, 8—10 old.

[65] *Juhász P.* Болгарская литература в Венгрии 1945—1975 гг. — Acta Litteraria Academiae Scientiarum Hungaricae, 1974, t. 16, N 3—4, p. 295—329.

[66] *Fried I.* A délszláv népköltészet recepciója a magyar irodalomban Kazinczytól Jókaiig. Budapest, 1979, 355 old.

[67] Vitkovics Mihály magyar és szerb irásai. Budapest; Novi Sad, 1978, 330 old.

[68] *Kovács Z.* Das Erkennen der Hexen in der westeuropäischen und der russischen Tradition. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1977, t. 26, N 3/4, p. 241—284; *Boross M.* Bulgarien und bulgarisches System in Gartenbau Ungarns. — Acta Ethnographica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1980, t. 29, N 1/2, p. 121—148.

[69] *Réti Gy.* Mit kell tudni Albániáról? Budapest, 1981, 148 old.

[70] *Kristó Gy.* Rómaiak és vlachok Nyesztornál és Anonyimusnál. — Századok, 1978, t. 112, N 4, 623—661 old.

[71] *Bakos F.* Les éléments roumains du lexique hongrois et quelques problèmes de l'emprunt linguistique. — Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae, 1977, t. 27, N 1/2, p. 111—159.

[72] *Rásonyi L.* Hidak a Dunán. A régi török népek a Dunánál. Budapest, 1981, 187 old.

[73] *Szakályi F.* Magyar adóztatás a török hódoltságban. Budapest, 1981, 485 old.; *Káldy-Nagy Gy.* Rural and urban life in the age of Sultan Suleiman. — Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1978, t. 32, N 3, p. 285—319.

[74] *Káldy-Nagy Gy.* A budai szandzsák 1559. évi összeirása. Budapest, 1977, 296 old.

inslav

[75] *Gerő Gy.* Török építészeti emléko Magyarországon. Budapest, 1976, 46 old. Az oszmán-török építészet Magyarországon. Dzsámik, türbék, fürdők. Budapest, 1980, 174 old.
[76] *Gerő L.* Régi orosz építészet. Budapest, 1977, 140, 143 p.
[77] *Zágor M.* Bulgária építészete. Budapest, 1979, 120 p.

Э. Эгеберг

О РАБОТЕ НОРВЕЖСКИХ СЛАВИСТОВ

Хотя контакты норвежцев со славянским миром, в особенности с Россией, восходят к средним векам, изучение культуры (языка, литературы, истории и т. д.) славянских народов в Норвегии берет свое начало лишь с середины прошлого столетия. Первым норвежским славистом может быть назван Людвиг Кристенсен До, в 1851 г. выпустивший исследование «Об отношении литовского (т. е. балтийского. — *Э. Э.*) племени к славянскому» [1], в котором главным образом привлекается лингвистический материал. Работа эта, разумеется, отражает состояние науки о языке своего времени, и ее результаты (которые, по-видимому, не учитывались в трудах других ученых) явно устарели. Но в некоторых случаях у До взгляд яснее, чем у его более знаменитых современников. Он скептически относится к представлению о едином праязыке индоевропейцев и указывает на невозможность реконструкции индоевропейской глагольной системы параллельно с именной. Он понимает, что язык есть структура, нераздельно связанная с обществом и беспрестанно развивающаяся вместе с ним. Однако До, будучи очень многосторонним человеком — историком, этнографом, публицистом, политическим деятелем, — не продолжил свою работу в области славянских и балтийских языков.

Несколько лет спустя начал свою работу в этой же области другой норвежец — Ганс Блом, с 1849 г. ректор гимназии г. Тромсё на севере Норвегии. В доме своего тестя, видного представителя городского купечества, он встречал русских и заинтересовался их языком и культурой. Он первым в Норвегии ввел русский язык в учебную программу высшего учебного заведения и всячески пытался возбудить интерес к России у своих соотечественников. Он написал несколько статей о русской истории, главным образом на основе научных трудов русских ученых, выпустил книгу о русской церкви, в которой между прочим особое внимание уделяется старообрядцам, и составил первую обстоятельную

inslav.

норвежскую грамматику русского языка («Русская грамматика для практических потребностей». 1876 г.) [2].

Ни До, ни Блому не удалось создать в Норвегии славистической традиции. Основоположником норвежской славистики следует считать Олафа Брока, первого (с 1900 г.) профессора славянской филологии в университете Христиании (Осло). Разумеется, его связь с университетской наукой содействовала созданию в Норвегии жизнеспособной славистической традиции, но к тому же Брок был незаурядным ученым. Прежде всего он был диалектологом и фонетистом, располагавшим чрезвычайно тонким слухом. После опубликования в 1890—1900-х годах ряда монографий о сербских и русских говорах, он выпустил свой капитальный труд «Очерк физиологии славянской речи» (1910 г., в составе «Энциклопедии славянской филологии», издаваемой В. Ягичем). Немецкий перевод этой книги вышел в следующем году [3].

Но деятельность Олафа Брока не ограничивалась диалектологией и фонетикой. Ему, единственному профессору-славяноведу в Норвегии, приходилось ориентировать своих соотечественников во многих областях жизни славянских народов. Заслуживают внимание и его переводы сочинений знаменитых русских писателей («Анны Карениной» Л. Н. Толстого, «Братьев Карамазовых» Ф. М. Достоевского).

Представители второго поколения норвежских славистов, ученики Брока, выступают в 1920—1930-х годах. В 1937 г. Брок ушел в отставку, а новым профессором стал Христиан Ш. Станг. Если Брок прежде всего интересовался живой речью, то Станг посвятил свои труды языку древних времен. Славянское языкознание для Станга — отрасль индоевропеистики, и его работы важны и для этой дисциплины вообще.

Хр. Станг начал свою научную деятельность с разборов балтийских и западнорусских памятников [4]. Потом, в 1942 г., выходит в свет его первый обобщающий труд «Славянский и балтийский глагол» [5]. Через 15 лет он издал следующую монографию такого же рода «Славянская акцентуация», может быть, самую известную из его работ в области славистики [6]. В этой книге Станг решает ряд проблем славянского ударения и интонации; вместе с трудами Е. Куриловича монография Станга ознаменовала значительный сдвиг в изучении этого сложнейшего предмета.

Главным научным трудом Хр. Станга все же является его большая «Сравнительная грамматика балтийских языков», в которой мы между прочим находим и итоговый взгляд

instav

автора на проблему соотношения балтийских и славянских языков [7].

Первым (с 1946 г.) профессором русской литературы стал другой ученик Брока, Эрик Краг. Его докторская диссертация «Борьба с Западом в русской философской мысли» (1932) познакомила норвежскую публику со славянофильством, а также с философской и общественной мыслью в России прошлого столетия вообще [8].

Философское содержание произведений художественной литературы находится в центре внимания автора в двух обширных монографиях Крага о первом периоде творчества Л. Н. Толстого до «Войны и мира» включительно (1937) и о Ф. М. Достоевском (1962) [9]. Книга о Достоевском стала в Норвегии особенно популярной, а несколько лет тому назад была издана также в английском переводе [10].

Третий ученый того же поколения — Арне Галлис, первым в Норвегии стал постоянно заниматься проблемами славянского синтаксиса. В этой области он опубликовал ряд работ, в том числе и три монографии [11]. А. Галлис вообще во многом содействовал развитию изучения славянских, в особенности южнославянских, языков в Норвегии.

После второй мировой войны проявляются третье и четвертое поколения норвежских славистов. В это же время также заметно увеличивается преподавательский состав университета Осло, при котором в 1954 г. организуется Славяно-балтийский институт. В 1965 г. учреждается третья профессура, которую до 1975 г. занимал Арне Галлис. Теперь при этом институте три профессорских и шесть лекторских должностей. В 1970-е гг. начинается также изучение и преподавание русского языка и литературы в новых университетах Норвегии — в Бергене (основан в 1948 г.) и в Тромсё (основан в 1972 г.). При Русском институте Бергенского университета пока четыре должности — две профессорских и две лекторских, а в Тромсё — по одной должности профессора и лектора.

Число норвежских студентов, изучающих русский и другие славянские языки, по сравнению с другими скандинавскими странами, всегда оставалось небольшим. До войны такие студенты появлялись редко, но потом, особенно с начала 60-х годов, их число постепенно возрастает.

Каковы достижения норвежской славистики за 100 лет? И чем занимаются в настоящее время слависты в Норвегии?

Профессура Брока и Станга в 1971 г. перешла к Сири Свердруп Люнден, с 1960 г. работавшей лектором русского языка при Славяно-балтийском институте. Эта перемена

inslav

привела к усилению изучения современного русского языка и к уменьшению удельного веса исторической грамматики в учебной программе студентов. С. С. Люнден написала свою докторскую диссертацию о единственной старой славянской рукописи, хранящейся в Норвегии, и ее интерес к лексикографическим проблемам проявляется и в ее более поздних работах [12]. Среди них следует обратить внимание читателя на исследование 1978 г. о своеобразном языке Russenorsk (т. е. «русско-норвежском»), которым пользовались поморские шкиперы—купцы и норвежские рыбаки во время летней меновой торговли на севере Норвегии [13]. Материалы на этом языке записал в свое время уже Олаф Брок, но в последнее время возобновился интерес к нему, и его теперь рассматривают в свете современных лингвистических теорий.

Изучение праславянской фонологии и морфологии на индоевропейской почве продолжает больше других лектор Славяно-балтийского института Терье Матиассен. В своей докторской диссертации он разбирает одну из сложных проблем индоевропейского аблаута, а именно возникновение и развитие продленной ступени аблаута в славянских языках [14].

В последующих статьях Матиассен освещает разные стороны праславянского языкового состояния, а в недавно опубликованном исследовании он дает обзор дискуссии о Киевских листках [15].

Другой исследователь, работающий в области сравнительной фонологии славянских языков, — стипендиат университета г. Тромсё, Яп-Ивар Бьернфлатен. В центре его интереса находится 2-я палатализация и ее судьбы в разных славянских языках. Бьернфлатен также автор недавно вышедшей монографии о своеобразном учении о языке Н. Я. Марра [16].

После ухода в отставку и смерти Хр. Станга (последовавшей в 1977 г.) его традиции в изучении балтийских языков продолжает тот же лектор Терье Матиассен. К тому же еще один норвежский ученый стал работать в этой области, а именно: сотрудник Славяно-балтийского института Хельгэ Ринхольм, обучавшийся в США и там же защитивший свою докторскую диссертацию [17].

Однако в последнее время в центре внимания норвежских славистов-языковедов стоят не историческая фонология и морфология, а синтаксис, рассматриваемый в свете современной структурной лингвистики. В области русского языка выделяется, кроме Галлиса, прежде всего профессор Бергенского университета Пер Рестан, в 1972 г. опубликовавший

inslav

свое чрезвычайно обстоятельное исследование (докторскую диссертацию) «Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос» [18].

Проблемами синтаксиса занимаются и исследователи южнославянских языков Свейн Меннесланд (с 1976 г. профессор университета г. Осло) и лектор того же университета Хетиль Ро Хауге. Меннесланд в своих работах освещает разные стороны строя славянских языков, в том числе и вопросы, связанные с порядком слов в сербохорватском языке, тогда как Хауге пытается решить аналогичные проблемы в болгарском языке. Явления, охватывающие целую группу языков, характерны именно для Балканского полуострова, и этими явлениями интересуются и ученые Норвегии.

Так, С. Меннесланд в обширном исследовании проводит сравнительный анализ некоторых явлений падежной системы сербохорватского и македонского языков с учетом материала и других, в том числе и неславянских, языков на Балканах [19].

Другой ученый, занимающийся проблемами языковых контактов в этой части Европы — д-р Альф Граннес, с 1971 г. лектор Бергенского университета. В ряде работ, в том числе в двух монографиях, он разбирает место тюркских элементов в болгарском языке [20].

Не только на далеком юге, но и на крайнем севере Европы славянские языки находятся в контакте с другими языками. О языке Russenorsk уже шла речь, но следует добавить, что и в новом университете на севере Норвегии появился интерес к этому своеобразному явлению именно этой части страны. Родственница Олафа Брока, лектор университета г. Тромсё Ингвильд Брок в 1981 г. вместе со скандинавистом Эрнст-Хоконом Яром опубликовала исследование этого языка, рассматриваемого в свете общих теорий гибридных языков [21]. При этом авторы пытаются доказать, что Russenorsk является не просто более или менее случайной смесью разнородных элементов, но является настоящим языком, хотя и имеющим бедную структуру. В своей книге И. Брок и Э.-Х. Яр также собрали весь известный материал на изучаемом ими языке.

Однако не только языковая сторона «поморской торговли» теперь привлекает к себе интерес норвежских исследователей. Несколько лет назад в музее г. Ставангер обнаружились документы, в свое время принадлежавшие поморскому моряку, утонувшему у берега южной Норвегии. Эти бумаги, бросающие свет на мореплавание и рыболов-

inslav

ство русских в норвежских водах, теперь издает (с подробным комментарием) А. Граннес вместе с историком А. Лиллехаммером, в свое время обнаружившим эти документы.

Исследование этих документов XVIII в. включает и лингвистический анализ, проведенный тем же А. Граннесом, давно уже посвятившим себя изучению русского языка этого столетия. В своей докторской диссертации (1974 г.) он на материале 40 русских комедий и комических опер трактует проблемы просторечных элементов в русском литературном языке того времени [22].

Разумеется, перед норвежскими славистами-языковедами стоят и другие задачи. Поскольку мы сильно нуждаемся в подходящих и соответствующих современным требованиям учебниках и словарях всех славянских языков, над лексикографическими проблемами работает ряд ученых. С. С. Люнден и Т. Матиассен совместно с советским скандинавистом В. П. Берковым уже закончили составление большого русско-норвежского словаря, который будет издан в скором будущем. Другой лектор того же Славяно-балтийского института, уроженец Исландии Хельги Харальдссон занимается исландско-русской лексикографией. К тому же он вместе с Т. Матиассеном недавно завершил работу над учебником русского синтаксиса, предназначенным для студентов, говорящих на норвежском языке.

Норвежские слависты-литературоведы занимаются прежде всего русской литературой. Однако уже проф. Краг рядом с обстоятельными монографиями о русских писателях писал и статьи о литературе других славянских (в особенности западнославянских) народов. В недавнее время д-р Милада Блекастад, чешка по происхождению, закончила свою двухтомную историю чешской культуры, а уже в 1969 г. вышла в свет ее докторская диссертация, представляющая собой очень подробное исследование жизни и творчества чешского просветителя Яна Коменского [23].

Однако, как уже сказано, норвежские исследователи славянских литератур работают главным образом в области русской литературы, в особенности литературы XIX—XX вв. Древнерусской словесностью занимается лишь один норвежский ученый, доцент университета Осло Юстейн Бертнес, написавший докторскую диссертацию о средневековых житиях святых (до протопопа Аввакума включительно) [24]. В своей работе он применяет методы современного структурного литературоведения, пытаясь раскрыть художественное своеобразие этих древних памятников. Но Ю. Бертнес не ограничивается узким текстуальным ана-

instiv

лизом; в своей книге он также хочет создать обобщающую картину культуры Древней Руси, подчеркивая при этом связь с византийской традицией и оспаривая гипотезу о «восточнославянском проторенессансе», выдвинутую акад. Д. С. Лихачевым.

О литературе России XIX в. написал ряд работ профессор (с 1971 г.) университета г. Осло Гейр Хетсо. В 60-е годы он занимался прежде всего русской лирикой, не стоявшей в центре внимания его учителя Эрика Крага. Итогом этих исследований явилась его обстоятельная монография (докторская диссертация) о жизни и творчестве Е. А. Баратынского, в которой приводится немало до того неизвестных материалов [25]. В 70-е годы Хетсо изучал творчество тех же писателей, о которых в свое время писал и Э. Краг, т. е. прежде всего Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского, сосредоточившись в 80-е годы на изучении биографии последнего.

Кроме того, Хетсо опубликовал многочисленные статьи на другие темы. В особенности следует обратить внимание на применение им в литературоведении количественных методов и ЭВМ. С помощью компьютера он старается решить сложные стилистические проблемы, в том числе атрибутировать авторство некоторых произведений. Количественными методами Хетсо пользуется и в своих работах о лексике русского романтизма.

С 1970 г. профессором русской литературы здесь стал Сигурд Фастинг. До того он много лет работал библиотекарем университетской библиотеки г. Бергена, в то же время подготовив основание при этом университете Русского института, первым профессором которого он и стал.

С. Фастинг рано заинтересовался творчеством Ф. М. Достоевского. Уже в 1956 г. он опубликовал свою небольшую по объему, но основательную книгу о Достоевском и нигилизме [26]. В связи с изучением творчества Достоевского у С. Фастинга возник интерес к В. Г. Белинскому, которому он посвятил свою докторскую диссертацию [27]. Третье важное направление его научных интересов — творчество русских символистов (А. Белого и др.).

В последние годы своей жизни Фастинг был одним из заместителей председателя Международной ассоциации достоевсковедов, первым норвежским членом которой он являлся. В этом качестве он многим способствовал росту интереса к творчеству Достоевского в Норвегии. До своей трагической смерти (он погиб в 1982 г. в автомобильной катастрофе) С. Фастинг успел завершить второе, дополненное издание своей книги о Достоевском. Однако ему не удалось

inslav

дописать второй том исследования о Белинском, доведенного до начала 1840-х годов. Но уже существующий первый том этой работы, в котором рассматривается становление эстетической системы русского критика, является ценным вкладом в изучение русской философской мысли прошлого века, в особенности ее связей с немецкой философией.

Новый профессор русской литературы (после Фастинга) пока не назначен. Обязанности Фастинга как профессора временно исполняет лектор Стейнар Гиль, занимающийся прежде всего русской символистской и послесимволистской лирикой. В настоящее время он работает над исследованием связей творчества Анны Ахматовой с лирикой И. Анненского.

Третий профессор русской литературы с 1975 г. работает в университете г. Тромсё. Главный труд Эрика Эгеберга — его докторская диссертация о лирике А. Фета, в которой исследуются, в частности, формальные стороны (метрика, строфика, а также словарный состав) его стихотворений. В настоящее время Э. Эгеберг занимается исследованием творчества Достоевского 1850—1860-х годов.

В университете г. Тромсё работает также Ингвильд Брок, интересующаяся не только лингвистическими, но и литературоведческими проблемами. Она в особенности занимается изучением жизни и творчества русских писательниц, темой, привлекающей к себе внимание и других ученых. Среди них следует упомянуть Марит Бьеркенг Вильсен — автора ряда статей как об отдельных писательницах, так и о более общих вопросах писательского труда женщин.

О русской литературе последних десятилетий пишут многие, в том числе Мартин Наг (г. Осло), который также известен как автор работ о Маяковском и других советских писателях; лектор Ивар-Магнус Равнум и старший библиотекарь университетской библиотеки Ян Брудаль. Брудаль также написал ряд статей о русских и советских писателях, в частности о В. Гаршине и И. Бабеле.

Изучением исторических связей между Норвегией и славянским миром занимается несколько норвежских ученых. Немало в этой области сделали многосторонний исследователь Мартин Наг, Г. Хетсо, а также А. Граннес, в прошлом году выпустивший сборник биографических материалов о Петре Бредале, вице-адмирале Петра Великого [28]. Польско-норвежскими связями занимается лектор университета г. Осло Оле-Микаэль Сельберг, а чешско-норвежскими — Милада Блекастад. Особую роль в связях Норвегии с Чехословакией играет писатель Бьернстьерне Бьернсон, публично протестовавший против угнетения словаков в Венгрии до первой ми-

inslav

ровой войны. О Бьернсоне и словаках уже до войны написал книгу Трюгве Тонстад. Павел Френкель, профессор театроведения в университете г. Осло опубликовал монографию «Бьернсон и чешская литература»[29].

Историком, посвятившим долгие годы изучению многообразных русско-норвежских связей, был Коре Сельнес, чья книга «Норвегия — Россия. 1000 лет соседства» является единственным обобщающим трудом в этой области. В последнее время появились и другие исследователи русской истории, а именно Хокон Станг, занимающийся проблемами возникновения Руси, и Енс-Петтер Нильсен, работающий над вопросами истории и историографии первых десятилетий нашего века.

Поскольку число людей, владеющих русскими или другим славянским языком, в Норвегии невелико, у славистов отнимают много времени переводческая деятельность, составление учебных материалов и т. п. Хотелось бы надеяться, что наш обзор покажет, что и научная деятельность норвежских славистов многостороння и полна жизни.

[1] *Daa L. K.* Om den litauiske Folkestammes Forhold til den slavoniske. — Nyt Magazin for Naturvidenskaberne, 1851, N 6, s. 292—424.

[2] *Blom H.* Russisk Sproglære til praktisk Behov. Kristiania, 1876. 306 s.

[3] *Broch O.* Slavische Phonetik. Heidelberg, 1911. X+347 S. (Sammlung slavischer Lehr- und Handbücher 1, 2); 2. Aufl. 1977.

[4] *Stang Chr. S.* Die Sprache des litauischen Katechismus von Mažvydas. Oslo, 1929. 192 S. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., 1929, N 3); *Idem.* Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935. 166 S. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist. — Filos. Kl., 1935, N 2); *Idem.* Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939. 148 S. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist.—Filos. kl., 1938, N 9); *Stang Chr. S.*, *Gerullis G.* Das Fischerlitauisch in Preussen. Kaunas, 1932. XVI+105 S.

[5] *Stang Chr. S.* Das slavische und baltische Verbum. Oslo, 1942. — 208 S. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist. — Filos. Kl., 1942, N 1).

[6] *Stang Chr. S.* Slavonic Accentuation. Oslo, 1957. 192 p. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., 1957, N 3).

[7] *Stang Ch. S.* Vergleichende Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1966. IX+485 S; *Idem.* Ergänzungsband. Register, Addenda und Corrigenda zur Vergleichenden Grammatik der baltischen Sprachen. Oslo, 1975. 52 S.

[8] *Krag E.* Kampen mot Vesten i russisk åndsliv. Oslo, 1932. 252 s.

[9] *Krag E.* Leo Tolstoi. Ungdomsverker. «Krig og fred». Oslo, 1937. 413 s.; *Idem.* Dostojevskij. Oslo, 1962. 380 s.

[10] *Krag E.* Dostoevsky. The Literary Artist/Translated by S. Larr. Oslo; New York, 1976. 317 p.

[11] *Gallis A.* Etudes sur la comparaison slave. La syntaxe de la comparaison d'inégalité en vieux-slave ecclésiastique et dans les autres dia-

inslav

lectes slaves méridionaux du moyen âge. Oslo, 1946. 173 p. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., 1946, N 3); *Idem.* The Syntax of Relative Clauses in Serbo—Croatian, Viewed on a Historical Basis. Oslo, 1956. 156 p. (Det Norske Videnskaps—Akademi i Oslo, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., 1956, N 3); *Idem.* Beiträge zur Syntax der Richtungsverba in den slavischen Sprachen, besonders im Serbokroatischen. Oslo, 1973. 300 S. (Det Norske Videnskaps—Akademi, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., Ny Serie, N 12).

[12] *Lunden S. S.* The Trondheim Russian—German MS Vocabulary. A Contribution to 17th-Century Russian Lexicography. Oslo, 1972, VI+347 p.

[13] *Lunden S. S.* Russenorsk Revisited. Oslo, 1978. 11+29 p. (Universitetet i Oslo, Slavisk—baltisk institutt, Meddelelser, N 15).

[14] *Mathiassen T.* Studien zum slavischen und indoeuropäischen Langvokalismus. Oslo, 1974. XXVI+267 S.

[15] Mathiassen T. «Kievbladene» i nytt lys? Oslo, 1981. 23 s. (Universitetet i Oslo, Slavisk—baltisk institutt, Meddelelser, N 26).

[16] *Bjørnflaten J. I.* Marr og språkvitenskapen i Sovjetunionen. Bidrag til den sovjetiske språkvitenskaps historie. Oslo, 1982. 185 s. (Tromsøstudier i språkvitenskap, t. V).

[17] *Rinholm H.* Toward the Semantic Distinctive Features of Lithuanian Prepositions and Preverbs. An Invariant Component Analysis. Ann Arbor, 1981. 745+VI p.

[18] *Restan P.* Синтаксис вопросительного предложения. Общий вопрос. Oslo, 1972. 880 с.

[19] *Mønnesland S.* Pronominal kopiering i makedonsk. En undersøkelse av kasussyntaks i makedons, sammenlignet med serbokroatisk. Oslo, 1976. 419 s.

[20] *Grannes A.* Etude sur les turcismes en bulgare. Oslo, 1970. 87 p. (Det Norske Videnskaps—Akademi, Skrifter, II, Hist. — filos. Kl., Ny Serie, N 8); *Idem.* Loan Compounds in Bulgarian Reflecting the Turkish Indefinite Izafet-Construction. Oslo, 1980, 56 p. (Det Norske Videnskaps—Akademi, Skrifter, II, Hist.—Filos. Kl., Ny Serie, N 15).

[21] *Broch I., Jahr E. H.* Russenorsk — et pidginspråk i Norge. Oslo. 1981. 164 s. (Tromsø—studier i språkvitenskap, t. III).

[22] *Grannes A.* Просторечные и диалектные элементы в языке русской комедии XVIII века. Фонетические и морфологические элементы просторечного и диалектного характера в языке русской комедии и комической оперы второй половины XVIII в. Bergen, 1974. 282 с.

[23] *Blekastad M.* Millom aust og vest. Oslo, 1958. 210 s;. Eadem. Millom bork og ved. Frå tsjekkisk åndsliv i nyare tid. Oslo, 1978; *Eadem.* Comenius. Versuch eines Umrisses von Leben, Werk und Schicksal des Jan Amos Komenský. Oslo; Praha, 1969. 892 S.

[24] *Børtnes J.* Det gammelrussiske helgenvita. Dikterisk egenart og historisk betydning. Oslo, 1976. 470 s.

[25] *Kjetsaa G.* Евгений Баратынский. Жизнь и творчество. Oslo, 1973. XIV+739 с.

[26] *Fasting S.* Dostojevskij og nihilismen. Bergen, 1956. 46 s. (Selskapet til vitenskapenes fremme, Småskrifter, N 9).

[27] *Fasting S. V.* G. Belinskij. Die Entwicklung seiner Literaturtheorie. Bergen, 1972. 470 S.

[28] *Grannes A.* Peter Bredal. Russisk admiral fra Trondheim. Materialer til en biografi. Bergen, 1982. 54 s. (Universitetet i Bergen, Russisk institutt, Skrifter, N 3).

[29] *Tonstad T.* Bjørnstjerne Bjørnson og slovakene. Oslo, 1938. 239 s.; *Fraenkl P.* Bjørnson og tsjekkisk litteratur. Oslo, 1953. 126 s.

inslav

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

А. С. Мыльников

О РАЗРАБОТКЕ НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМ КУЛЬТУРЫ ЧЕШСКОГО БАРОККО В ЧЕХОСЛОВАКИИ

Сложная и во многом противоречивая культура барокко в Чешских землях XVII и большей части XVIII в. давно привлекает к себе внимание исследователей. В буржуазной Чехословакии изучение этой проблематики в 20—30-х годах XX в. было монополизировано реакционной школой Й. Пекаржа и представителями клерикальных кругов (З. Калиста), которые выдвинули концепцию «католического барокко». В духе этой концепции незадолго до фашистской оккупации Чехословакии в Праге была открыта тенденциозная выставка. И хотя подобный подход уже тогда вызывал резкие возражения со стороны прогрессивных ученых (З. Неедлы, Л. Штол, Ф. Шальда), реакционная концепция «католического барокко» оказалась живучей.

В послевоенной Чехословакии благодаря усилиям чехословацких исследователей, прежде всего литературоведов и искусствоведов, культура чешского барокко начала получать все более верное и исторически обоснованное освещение. Заметным явлением стал выход в свет в 1969 г. капитальной монографии-каталога Я. Ноймана «Чешское барокко», переиздававшейся затем на чешском и немецком языках. В книге содержится критический пересмотр буржуазно-клерикальных концепций и охарактеризованы общие особенности и локальные черты культуры барокко в Чешских землях, в том числе проявление ее в архитектуре, скульптуре и живописи [1].

Нужно заметить, что стремление чешских ученых к пересмотру прежних представлений о культуре барокко совпало с усилением интереса к сходной проблематике в Советском Союзе, Венгрии, Польше и ряде других стран [2]. Это способствовало расширению ареала сравнительно-исторических исследований, привлечению широкого круга фактического и сопоставительного материала. Так, в новом издании «Обзора истории Чехословакии» дана историко-культурная ха-

inslav

рактеристика культуры барокко и показаны ее социальная обусловленность и роль в духовной жизни Чешских земель накануне эпохи национального Возрождения. В частности, рассмотрен такой важный аспект, как адаптация местной формы культуры барокко в чешской городской и крестьянской среде [3]. Историко-культурный в основе своей междисциплинарный подход к названной теме открывает новые возможности для дальнейшего исследования культуры чешского барокко как специфического этнокультурного феномена. С этой точки зрения заслуживает внимания монография чехословацкого искусствоведа Павла Прайса «В борьбе с двуглавым драконом. Франтишек Антонин Шпорк и культура барокко в Чехии» [4].

То, что в основу своей книги П. Прайс положил критический анализ биографии Ф. А. Шпорка, нельзя считать случайным, поскольку граф Шпорк (1662—1738) относится к числу наиболее известных и оригинальных представителей духовной жизни Чешских земель первой трети XVIII в. Шпорк получил превосходное по тем временам образование. Он учился в Чехии, где находились обширные поместья его отца, путешествовал в 1680-х годах по ряду европейских стран, продолжительное время жил в Париже. Среди лиц, которых он знал и с которыми поддерживал контакты, находились знаменитый австрийский полководец Евгений Савойский, композиторы И. С. Бах и А. Вивальди. . . Владения Шпорка, в особенности Кукс, были превращены им в своеобразные музеи на природе, украшенные скульптурами замечательного мастера чешского барокко М. Брауна. Но Шпорк не только поддерживал деятелей искусства. Он стремился создать и закрепить в представлениях своих современников собственный образ как борца за правду и справедливость. И, нужно отдать ему должное, это Шпорку в значительной мере удалось. Издавна вокруг его имени возникали и умножались легенды, личность Шпорка приобретала черты таинственности и даже идеальности.

Прайс, давно уже занимающийся проблемами культуры барокко, поставил перед собой задачу отделить Шпорка исторического от Шпорка легендарного; выявить подлинный вклад имперского графа, немца по происхождению, в чешскую культуру. Главную цель своего труда автор видел в том, чтобы, по его словам, «представить Шпорка в его реальных пропорциях» (с. 10).

Рассматриваемая книга основана на солидной историографической и источниковой базе. П. Прайс практически почти исчерпывающе использовал работы своих предшест-

inslav

венников, среди которых особое место занимала капитальная монография Х. Бенедикта о Шпорке, изданная в Вене в 1923 г. Вместе с тем книга Прайса носит отчетливо выраженный полемический характер и в первую очередь направлена против реакционных истолкователей культуры чешского барокко З. Калисты и Й. Пекаржа.

Исходному замыслу автора отвечает композиция книги, которая построена по хронологическому и тематическому принципу. Прослеживая биографию Шпорка, П. Прайс стремится показать его жизнь и деятельность на фоне истории чешской культуры той эпохи, когда реакционная политика контрреформации еще оставалась в силе, но уже постепенно зрели зачатки новых идейных представлений, связанных с подспудными сдвигами в социально-экономических структурах чешского общества.

В первой главе, посвященной родословной Шпорка и его юным годам, автор останавливается на европейском путешествии Шпорка, на круге его знакомств в общеевропейской, австрийской и чешской среде, а также на установлении контактов с протестантскими деятелями (с. 27, 40—43). Затем П. Прайс непосредственно переходит к рассмотрению той борьбы, которую вел Шпорк как со светской властью, охраняя свои имущественные интересы и свой общественный статус, так и с иезуитами. Это и были те две головы дракона — светская и духовная — с которыми вел борьбу Шпорк.

Однако подробно, шаг за шагом прослеживая все перипетии этой сложной и, конечно же, неравной борьбы, П. Прайс далек от идеализации своего героя. Наоборот, он неоднократно показывает, как Шпорк, одержимый ненавистью к своим недругам, ведет себя недостойно, прибегая к интригам и строя ловушки, в которые нередко попадал сам (с. 65). Да и всегда ли головы дракона выступали по отдельности? Наоборот, в период контрреформации и светская и церковная власти действовали сообща, ибо борьба против католической исключительности в Чешских землях оборачивалась борьбой против политического господства Габсбургов. Характерно, в частности, что распространение некатолической литературы приравнивалось к уголовным деяниям, за которые, согласно патенту Карла VI от 3 марта 1721 г., следовала смертная казнь (с. 93). В этой связи П. Прайс специально останавливается на важнейших чертах политики контрреформации в эти десятилетия, сочетая эту характеристику с показом общего психологического климата, существовавшего в Чешских землях на рубеже XVII—XVIII вв. Весьма существенно, в частности, его замечание о том, что на

inslav

исходе XVII столетия в чешской среде оживают эсхатологические настроения, ожидания конца света и страшного суда (с. 76). Эти настроения по-разному выражались в различных социальных кругах, но католическая церковь умело использовала подобные настроения в своих интересах. И на фоне этого главы, в которых рассказывается об издательской деятельности Шпорка, приобретают особый смысл — они свидетельствуют о том, что борьба против монополии католической церкви была для Шпорка борьбой не против религии вообще, но в защиту христианской надконфессиональности. Поэтому, полагает П. Прайс, неверно оценивать Шпорка как предтечу просветителей. «Представления о прогрессе, являвшиеся своего рода идолом просветителей, были ему чужды. Наоборот, он придерживался в этом отношении ретроградных настроений» (с. 283). Соглашаясь с этими наблюдениями по существу, мы, однако, полагаем, что в исторической перспективе борьба Шпорка с засильем католицизма и своеволием иезуитов была все же обращена не в прошлое, а в будущее. Несомненно, что нараставшие противоречия между феодальным государством, дворянством и орденом иезуитов, о чем пишет автор (с. 220—221), до поры оставались спором в пределах одного социального лагеря. Речь в сущности шла о выборе путей упрочения феодального господства и об отказе от скомпрометировавших себя лобовых приемов иезуитов. Но в сочетании с деятельностью таких людей, как Шпорк, конфликт между двумя головами дракона вел к ослаблению феодально-клерикальной идеологии и в этом смысле создавал более благоприятные условия для последующей деятельности просветителей. Думается, что диалектика развития культуры и личности в Чешских землях на пограничьи «эпохи тьмы» и зарождавшегося движения Просвещения заслуживала бы большего внимания.

С этой точки зрения привлекает внимание книга двух чешских исследователей — Яна Кучеры и Иржи Рака «Богуслав Бальбин и его место в чешской культуре»[5]. Описание жизни и деятельности. Б. Бальбина, одного из виднейших представителей чешского культурно-патриотического сознания XVII в., авторы стремятся ввести в контекст социально-экокомической и общественно-политической ситуации Чешских земель той эпохи. В книге прослежены основные вехи биографии Б. Бальбина, его связи с многими выдающимися современниками — Я. А. Коменским, П. Странским, К. Шкретой и другими деятелями как католической, так и протестантской ориентации, работавшими и в пределах Чешских земель, и в изгнании. Подробно рассмотрено соз-

inslav

дание Б. Бальбиным трудов по истории и культуре чешского народа, причем само понятие «историография» авторы трактуют не в современном его понимании, а в том, какое существовало в тот период. Отдельная глава посвящена Томашу Пешине из Чехорода, ближайшему соратнику Б. Бальбина (с. 144—170). Значительную часть книги занимает перепечатка избранных текстов Б. Бальбина, Т. Пешины и их корреспонденции. Это позволит читателям лучше представить себе духовный климат одного из наиболее сложных и трудных этапов чешской истории.

Впрочем ряд положений, сформулированных авторами, нуждается в корректировке и исправлении. Нельзя, например, согласиться с тезисом, что «барокко было началом новой эпохи, равно как началом новой эпохи является наше столетие» (ст. 43). Не говоря уже о неправомерности подобных искусственных параллелей, картина в действительности была более сложной. Началом новой истории в Европе была, как известно, эпоха Ренессанса, которую Ф. Энгельс охарактеризовал как «величайший прогрессивный переворот из всех пережитых до того времени человечеством» [6]. Заметим, что с ренессансно-гуманистическими идеями связаны ростки нового мироощущения, спорадически заявлявшие о себе и в общественно-культурной жизни Чешских земель добелогорского периода. Что же касается барокко, то для правильного понимания его места в истории культуры необходимо принимать во внимание диалектически противоречивое соотношение в нем идейного содержания и функциональной роли. Важнейшей чертой барокко был религиозный спиритуализм — независимо от того, реализовывался ли он в рамках католической, протестантской или православной традиции. Но при этом функция барокко менялась в зависимости от характера предшествовавшего ему этапа. Как отмечали Д. С. Лихачев и другие советские исследователи, в России и у южных славян барокко выполняло миссию отрыва от средневековой культуры и в силу этого получало во многом иное звучание, отчасти приобретавшее ренессансные черты [7]. Но и там, где барокко шло на смену Ренессансу, его поэтика не может оцениваться однозначно — примером служит творчество Рембрандта, Кальдерона, Персела и многих других крупнейших представителей европейской культуры XVII и первых десятилетий XVIII в. Эти черты трагической противоречивости мы находим и у Бальбина.

Барокко в чешской культуре нельзя безоговорочно сопрягать с деятельностью иезуитов и других монашеских орденов. Тем более нельзя делать вывод о какой-то позитивной роли

inslav

ордена иезуитов (с. 181). Наоборот, по сравнению с остальными монашескими орденами иезуиты сыграли наиболее зловещую роль в судьбах чешского народа. Этого не меняет тот факт, что отдельные члены этого ордена (в их числе и Б. Бальбин) внесли индивидуальный вклад в сохранение чешской этнокультурной традиции, хотя в силу исторических условий она оказалась сильно деформирована контрреформационными представлениями. И в мировоззрении Б. Бальбина шла постоянная борьба между чувством чешского патриотизма и стремлением оставаться в рамках правоверного католицизма. Невозможность примирения, согласования того и другого и составили, пожалуй, главную трагедию Б. Бальбина как человека и ученого.

Барокко и в социальном и в идейно-культурном отношениях было полисемантично. Это отразило трагические события эпохи, когда протекал мучительный и кровавый процесс становления новой общественно-экономической формации — капитализма. В Чешских землях это дополнялось контрреформационным курсом побелогорских десятилетий. В силу отмеченных обстоятельств в рамках барокко шла острая идейная борьба, палагавшая отпечаток и на историю культуры. Поэтому любая абсолютизация тех или иных особенностей поэтики барокко, их изолированное рассмотрение недопустимы. Наоборот, увидеть реальное содержание эпохи и составляет главную задачу исследователя. Авторы книги о Б. Бальбине пытались это сделать, но в ряде случаев не всегда удачно. Тем не менее появление монографии Я. Кучеры и И. Рака заслуживает внимания, а отмечавшиеся недостатки могут быть устранены при ее переиздании.

[1] *Neumann J.* Český barok. Praha, 1974.

[2] Подробнее см.: *Мильников А. С.* Эпоха Просвещения в Чешских землях. Идеология, национальное самосознание, культура. М., 1977, с. 151—171.

[3] Přehled dějin Československá. Praha: Academia, 1982, t. 1/2, s. 253—265.

[4] *Preiss P.* Boje s dvouhlavou saní: F. A. Spork a barokní kultura v Čechach. Praha, 1981.

[5] *Kučera J.*, *Rak J.* Bohuslav Balbín a jeho místo v české kultuře Phara, 1983.

[6] *Маркс К.*, *Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 20, с. 346.

[7] *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 212; см. также: *Морозов А. А.* Новые аспекты изучения славянского барокко. — Русская литература, 1973, № 3, с. 7—23; Славянское барокко. Историко-культурные проблемы эпохи. М., 1979; Барокко в славянских культурах. М., 1982.

inslav

С. М. Стецкевич

ИСТОРИОГРАФИЯ ГДР О НАРОДНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ РЕВОЛЮЦИЯХ И ПЕРЕХОДНОМ ПЕРИОДЕ ОТ КАПИТАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Разработка проблем, связанных с осмыслением исторического феномена народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы весьма интенсивно ведется как советскими исследователями, так и учеными этих стран. В марксистской историографии антифашистской освободительной борьбы народов ареала, революционных политических и социально-экономических преобразований, осуществленных народной властью, роли коммунистических и рабочих партий в революционном процессе и других вопросов раскрывается, наполняясь конкретным историческим содержанием, известная мысль В. И. Ленина о своеобразии перехода различных наций к социализму.

Несмотря на то, что исследования этих проблем ведутся на протяжении более трех десятилетий, в советской и зарубежной марксистской историографии до сих пор не выработано единой концепции революций и хронологических рамок переходного периода. Первоначально высказанная точка зрения об этих революциях как буржуазно-демократических давно оставлена. Общепризнанным и убедительно доказанным в советской литературе является положение, что революционный процесс 1940-х годов в целом и в каждой из стран Центральной и Юго-Восточной Европы в отдельности представляет собой продолжение Великой Октябрьской социалистической революции, составляет часть мирового революционного процесса, его важное и своеобразное звено.

Вместе с тем советские исследователи высказывают различные точки зрения относительно революций 40-х гг. — одни считают их революциями общедемократического типа, постепенно перерастающими в социалистические революции, другие рассматривают их как специфическую форму социалистической революции, наконец, третьи предлагают объединить демократический и социалистический этапы революционного процесса общим названием народно-демократической революции[1].

Нет единой точки зрения и относительно хронологических рамок переходного периода от капитализма к социализму.

inslav

Исследователи, занимающиеся главным образом историей Великого Октября и социалистического строительства в СССР, считают, что по временным рамкам и по своей функциональной характеристике переходный период есть исторически необходимый отрезок времени, который начинается с установления диктатуры пролетариата и завершается созданием основ социализма в материальной и духовной сферах. Такая же позиция и у историков стран Центральной и Юго-Восточной Европы, которые полагают, что переходный период в этих странах начинается с установления диктатуры пролетариата. Но в последние годы ряд исследователей связывают начало перехода к социализму со временем, когда в ходе постепенного и поэтапного становления диктатуры пролетариата, еще до полной и окончательной ее победы, рабочий класс, будучи гегемоном в революционно-демократической диктатуре, стал разрушать устои капитализма и закладывать основы для перехода к социализму [2]. Эта краткая характеристика основных позиций советской историографии необходима для понимания того, как в ГДР велась разработка проблематики народно-демократических революций и переходного периода.

В начале 1960-х годов — именно тогда появились на эту тему первые работы немецких историков — исследования проблем становления и развития мировой системы социализма, движения Сопротивления в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и др. основывались не столько на изучении новых источников, сколько на публикациях документов, изданных в Советском Союзе и других социалистических странах, и соответствующей литературе [3]. Но уже в это время стала разрабатываться и утверждаться та концепция народно-демократических революций, которая получила в дальнейшем признание в исторической науке ГДР.

Начало разработки этой концепции было положено статьей Г. Фукса, Э. Кальбе и Е. Зеебер, подготовленной к XII международному конгрессу историков в Вене в 1965 г.[4] Авторы статьи выступили против высказывавшейся некоторыми исследователями ГДР точки зрения на народно-демократические революции как революции буржуазно-демократического типа. Они справедливо указывали, что в ходе народно-демократических революций были не только завершены преобразования буржуазно-демократического характера, но и созданы предпосылки для дальнейшей борьбы за установление социалистического строя.

Анализируя роль рабочего класса в ходе революционного процесса и в органах народной власти, Г. Фукс,

inslav

Э. Кальбе и Е. Зеебер поставили вопрос о том, что народно-демократические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы необходимо рассматривать в двух аспектах: во-первых, как часть мировой социалистической революции, начало которой было положено Великой Октябрьской социалистической революцией, и, во-вторых — как составную часть переходного периода от капитализма к социализму. При этом они подчеркивали, что народно-демократические революции являются не простым повторением Великого Октября, а возникли в специфических условиях второй мировой войны и движения Сопротивления в порабощенных фашизмом странах.

Авторы статьи совершенно справедливо указывали, что при анализе революционного процесса необходимо учитывать различия в расстановке классовых и политических сил в странах, лишенных фашизмом национальной независимости, и в странах — сателлитах гитлеровской Германии. В Албании и Югославии прозападные круги буржуазии, считавшие коммунизм врагом номер один, а фашизм — врагом номер два, а на практике сотрудничавшие с фашизмом (что находило свое отражение в действиях четников Михайловича в Югославии и «Балли комбетар» в Албании) в конечном итоге изолировали себя от народных масс. В этих странах складывавшиеся Национальные фронты с самого начала объединяли в основном представителей трудящихся масс. В странах же сателлитах, где прозападная часть буржуазии долгое время выступала в роли «легальной оппозиции» фашистским режимам, она в последнюю минуту примкнула к Национальным фронтам. Ее контрреволюционный характер выявился позднее.

Определяя характер власти, возникшей в результате революции, Г. Фукс, Э. Кальбе и Е. Зеебер приходят к выводу, что в Албании, Болгарии и Югославии была установлена диктатура пролетариата, в то время как в Польше, Румынии, Чехословакии и Венгрии — революционно-демократическая диктатура рабочего класса и крестьянства.

Высказанные немецкими историками положения принципиально не отличались от представлений, уже принятых марксистской историографией. Новым было то, что Г. Фукс, Э. Кальбе и Е. Зеебер, анализируя революционные социально-экономические и политические преобразования, осуществленные в странах народной демократии под руководством рабочего класса и его партий в 1944—1945 — 1947—1948 гг., делали вывод, что процесс перехода от капитализма к социализму в тех странах, где диктатура пролетариата была

inslav

установлена не сразу, тем не менее начался уже на ранней стадии революции, когда вопрос о власти еще не был решен окончательно. Проведенные на демократическом этапе революции преобразования подготовили переход к социалистическому этапу и были продолжены после установления диктатуры пролетариата. Завершением переходного периода немецкие историки предлагали считать начало 1960-х годов.

В заключении статьи были сформулированы пять положений, которые легли в основу определения понятия «народно-демократическая революция»: 1) революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы выросли из антифашистского движения Сопротивления; 2) антифашистские и социалистические задачи осуществлялись в ходе единого революционного процесса, которым начался переход от капитализма к социализму; 3) предпосылки для перехода к социализму были созданы уже с образованием народно-демократической власти; 4) расстановка классовых сил и гибкая, базирующаяся на основе Национального фронта политика марксистско-ленинских партий дала возможность осуществить переход от капитализма к социализму в мирной форме; 5) народно-демократические революции явились частью всемирного перехода от капитализма к социализму.

Более детально вопрос о месте народно-демократических революций в процессе перехода от капитализма к социализму был разработан Э. Кальбе, который высказал мнение, что в народно-демократических революциях концентрируются и преломляются как в призме различные элементы общего процесса мировой социалистической революции во взаимодействии его отдельных социальных и политических компонентов, подтверждается неразрывная связь борьбы против империализма с борьбой за демократию и социализм [5]. Ввиду слияния борьбы за демократию с борьбой за социализм нельзя провести точных границ между отдельными фазами революции — на первом этапе доминировали антифашистские, демократические задачи, на втором — социалистические, но при этом одновременно завершались антифашистские, общедемократические преобразования. В процессе революции выкристаллизовались элементы социализма, а переход от революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства осуществлялся путем дальнейшего увеличения социалистических элементов во всех сферах общественной жизни.

Таким образом, уточняя и развивая отдельные положения, высказанные в совместной работе с Г. Фуксом и Е. Зеебер, Э. Кальбе делал акцент на проблеме единства в решении народно-демократической революции общедемократических

inslav

и социалистических задач, т. е. осуществлении в ходе этой революции задач переходного периода от капитализма к социализму.

Говоря о критериях периодизации переходного периода, Э. Кальбе подчеркивал необходимость учета диалектического единства двух взаимосвязанных линий исторического развития:

1) установления и расширения социализма как общественного строя, превращение его в мировую систему; 2) сужение мировой капиталистической системы за счет отпадения от нее ряда государств.

Теоретические обобщения историографией ГДР проблем народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы сопровождались исследованием конкретных аспектов движения Сопротивления в этих странах и осуществления в них народной властью революционных преобразований. Первая в ГДР монография об антифашистском движении Сопротивления и народно-демократических революциях в странах Юго-Восточной Европы была опубликована Э. Кальбе [6].

Большое место в этой монографии занимает анализ условий формирования и развития Национальных фронтов. Автор выделяет две функции Национальных фронтов: 1) они были организациями массового антифашистского движения, развивавшегося под руководством партий рабочего класса; 2) их образование создавало объективные предпосылки для обострения кризиса фашистских режимов и широкого развертывания антифашистского Сопротивления.

Как подчеркивает Э. Кальбе, формирование национально-освободительных фронтов, в которых руководящую роль играли рабочий класс и его марксистско-ленинские партии, явилось основной предпосылкой для последовательного перерастания антифашистской освободительной борьбы в народно-демократические революции. При этом, по мнению Э. Кальбе, возникал интересный парадокс — в таких странах, как Болгария, Югославия, Албания в форме народной демократии весьма рано обнаруживается социалистическое содержание, в то время как в относительно более развитых Венгрии и Румынии революционный переход к социализму осуществился через промежуточный демократический этап. Но при этом везде — и там, где диктатура пролетариата была создана непосредственно после победы революции, и там, где она утвердилась позднее — необходимо было прежде всего осуществить определенные преобразования антиимпериалистического, общедемократического характера.

inslav

Выдвинутые Э. Кальбе положения должны быть приняты во внимание при обсуждении спорного вопроса — насколько закономерным является выделение двух этапов революционного процесса во всех странах (заметим попутно, что вряд ли можно согласиться с включением Румынии в число относительно развитых стран). Из закономерности сочетания борьбы за демократию с борьбой за социализм не вытекает автоматически закономерность существования двух этапов. Наоборот, как пишет Э. Кальбе, эта закономерная связь в определенных условиях осуществляется последовательными фазами, т. е. необходимая промежуточная ступень при переходе от капитализма к социализму может быть и *до* и *после* установления политической власти рабочего класса.

Важная проблема о формировании политической армии, необходимой для осуществления социалистических преобразований, привлекла внимание Г. Фукса [7]. Поддерживая выводы советских и польских историков, анализировавших содержание понятия «политическая армия социалистической революции», Г. Фукс высказал мнение, что этот термин дает возможность объяснить характер, этапы и периодизацию народно-демократических революций и сравнить их с революциями в России — Февральской и Октябрьской.

Осуществленная в народно-демократических революциях политика создания Национальных фронтов дала возможность коммунистическим и рабочим партиям добиться образования под гегемонией пролетариата широких социальных фронтов, объединивших не только трудящиеся массы, но и нефашистскую часть средней буржуазии. Такой фронт был невозможен во время революций в России.

Формирование политической армии социалистической революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы Г. Фукс объясняет сочетанием ряда благоприятных внутренних и внешних факторов: освободительная миссия Красной Армии, позиции, завоеванные рабочим классом после установления народной власти, и др. После решения главного до тех пор противоречия — между фашизмом и угнетенными народными массами — коммунистические и рабочие партии могли сравнительно быстро приступить к решению противоречия между трудом и капиталом, причем действовать преимущественно мирным путем, при сохранении достаточно широкого социального союза. В ходе этой борьбы и шло формирование политической армии социалистической революции. Оно шло под лозунгами защиты уже достигнутых демократических завоеваний и имело

inslav

различные формы в зависимости от соотношения классовых и политических сил (Левый блок в Венгрии, проведение референдума в Польше).

Сравнивая политику коммунистических и рабочих партий по отношению к крестьянству, Г. Фукс показывает, что в ходе народно-демократических революций не было необходимости выдвигать лозунг нейтрализации среднего крестьянства, который в России был обусловлен особыми условиями революции, обострением классовой борьбы в 1918 г. В отличие от России в ходе народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы удалось и при вступлении в социалистический этап революции обеспечить союз со средним крестьянством, у которого были некоторые колебания, но не столь значительные, чтобы нарушить сложившийся союз с рабочим классом. В той борьбе за власть между рабочим классом и буржуазией, которая развернулась в некоторых странах народной демократии в 1947—1949 гг., среднее крестьянство везде в целом оказалось на стороне рабочего класса.

Прослеживая роль рабочего класса в органах народно-демократической власти и в национализированном секторе экономики, Г. Фукс показывает, что в Болгарии, Албании и Югославии формирование политической армии социалистической революции произошло уже в 1945—1946 гг., в то время как в остальных странах на это потребовалось несколько лет.

Разработка немецкой историографией проблематики народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы велась в тесной связи с исследованием революционного процесса на территории Восточной Германии, который имел свою специфику. Антифашистско-демократические преобразования здесь начались в 1945 г. и завершились в октябре 1949 г. образованием Германской Демократической Республики, после чего революция вступила во второй этап — этап строительства основ социализма и победы социалистических производственных отношений (1949—1961 гг.) [8].

Таким образом, позиция историков ГДР в вопросе о характере народно-демократических революций в ГДР и в других странах Центральной и Юго-Восточной Европы идентична: революционный процесс прошел здесь два этапа — демократический и социалистический, который завершился к началу 60-х годов победой социалистических производственных отношений, осуществлением основных задач переходного периода от капитализма к социализму.

inslav

Одной из характерных черт изучения историографией ГДР проблематики народно-демократических революций является сопоставление их с революциями 1917 г. в России [9]. Подчеркивая, что народно-демократические революции в странах Центральной и Юго-Восточной Европы не являются простым синтезом того, что происходило в России от Февраля до Октября 1917 г., немецкие историки указывают на общие черты народно-демократических революций и Великой Октябрьской социалистической революции. Главное, по их мнению, состоит в том, что и социалистическая революция в России и народно-демократические революции начинают переходный период от капитализма к социализму, что и дает основание относить народно-демократические революции к социалистическому революционному циклу, хотя не во всех странах эти революции с самого начала решали социалистические задачи. Народно-демократические революции являются продолжением в новых исторических условиях того, что было начато Великой Октябрьской социалистической революцией, их победа явилась составной частью процесса образования мировой системы социализма.

Мы охарактеризовали лишь некоторые работы немецких историков, посвященные проблематике народно-демократических революций, выделив наиболее важные из них, в первую очередь труды ученых Лейпцигского университета им. К. Маркса, который в настоящее время является важнейшим в ГДР центром по изучению социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Своеобразным итогом их исследований явился труд «История социалистического содружества» [10], подготовленный авторским коллективом под руководством заведующего кафедрой истории СССР и социалистических стран Европы проф. Э. Кальбе. Широко используя сравнительно-исторический метод исследования, авторы рассматривают историю социалистического содружества от победы Великой Октябрьской социалистической революции до наших дней. В книге раскрывается осуществление ленинского плана социалистического строительства в СССР и в странах народной демократии, прослеживаются как общие закономерности, так и национальные особенности социалистических революций и социалистического строительства. Предложенная авторами периодизация развития мировой системы социализма, ее первых этапов совпадает с периодизацией революционного процесса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: в 1945—1949 гг. социализм окончательно выходит за рамки

inslav

одной страны, в это время постепенно формируется лагерь мира, демократии и социализма; на втором этапе — 1949—1961 гг. — идет планомерное строительство социализма, в большинстве стран достигается победа социалистических производственных отношений.

Наш краткий обзор основных работ историков ГДР показывает, что разработка проблем народно-демократических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и переходного периода от капитализма к социализму приобрела достаточно широкий размах и является заметным вкладом в коллективное исследование исторической наукой социалистического содружества истории становления и развития мировой системы социализма.

[1] *Кривогуз И. М., Стецкевич С. М.* О характере и содержании революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Обзор советской историографии.— Рабочий класс и современный мир, 1978, № 5, с. 170—178.

[2] *Носкова А. Н., Мурашко Г. П.* К вопросу о переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. — Сов. славяновед., 1982, № 6, с. 3—18.

[3] *Spiru B.* Zur Frage der Periodisierung der Geschichte des sozialistischen Weltsystems. — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas, 1963, Bd. 7, S. 11—34; *Schütler H.* Die Herausbildung und Entwicklung des sozialistischen Weltsystems. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1961, H. 6, S. 1323—1348.

[4] *Fuchs G., Kalbe E., Seeber E.* Die Volksdemokratische Revolution in den Ländern Ost- und Südeuropas. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1965, Sonderband: Zum XII. Internationalen Historikerkongress in Wien, S. 174—207.

[5] *Kalbe E.* Der Platz der volksdemokratischen Revolution beim Übergang vom Kapitalismus zum Sozialismus. — In: Studien zur marxistisch-leninistischen Revolutionstheorie. Leipzig, 1967, S. 65—94; См. также: *Кальбе Э.* Об интернациональной сущности антифашистского освободительного движения народов и о функции народно-демократической революции. — В кн.: Под знаменем пролетарского, социалистического интернационализма. Киев, 1974, с. 105—119.

[6] *Kalbe E.* Antifaschistischer Widerstand und volksdemokratische Revolution in Südeuropa. Das Hinüberwachsen des Widerstandskampfes gegen Faschismus in die Volksrevolution (1941—1945): Ein revolutionsgeschichtlicher Vergleich. Berlin, 1974.

[7] *Fuchs G.* Zur Formierung der politischen Armee für die sozialistische Umwälzung in den volksdemokratischen Ländern Europas. — In: Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und der revolutionäre Weltprozess. Berlin, 1978, Bd. 2, S. 338—355.

[8] История Социалистической единой партии Германии. М., 1980.

[9] *Kalbe E.* Zu Forschungsstand, Problemen und Kriterien des Revolutionsvergleichs von Oktoberrevolution und volksdemokratischer Revolution. — In: Die Grosse Sozialistische Oktoberrevolution und der revolutionäre Weltprozess. Berlin, 1978, Bd. 2, S. 288—337; *Anders M., Fuchs G.* Die Errichtung der politischen Macht der Arbeiterklasse in der Grossen Oktoberrevolution und den volksdemokratischen Revolutionen

inslav

Europas. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1978, H. 12, S. 1059—1073.

[10] Geschichte der sozialistischen Gemeinschaft: Herausbildung und Entwicklung des realen Sozialismus von 1917 bis zur Gegenwart. Berlin, 1981.

Т. И. Студеникина

ПОЛЬСКО-НЕМЕЦКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ СВЯЗИ 40-х ГОДОВ XIX в.

(К историографии темы)

История польско-немецких отношений в первой половине XIX в. интересовала историков разных стран, разных убеждений, разных эпох. И в наши дни, имея уже довольно богатую историографию, она не потеряла своей актуальности. Возникновение и развитие на польских и немецких землях социалистических государств — ПНР и ГДР, установление между ними связей на принципиально новой основе усиливает интерес современных исследователей к истории взаимоотношений двух народов. Важным и сложным периодом в этой истории были 40-е годы прошлого века, которые во многом определили тенденции развития польско-немецких отношений во второй половине XIX и в начале XX столетий [1].

Польско-немецким отношениям 1840-х годов посвящено немало работ, опубликованных в различных странах. Количественно преобладают — и это естественно — сочинения немецких и польских авторов. В настоящей статье речь пойдет о немецкоязычных публикациях, вышедших в Германии в период с 60-х годов XIX в. и до второй мировой войны, а затем в ГДР и ФРГ. История изучения данной темы в польской историографии, вклад которой в ее разработку весьма значителен, представляется предметом самостоятельного значения, требующего отдельного рассмотрения.

Традиция изучения темы с позиций исторического материализма восходит к трудам К. Маркса и Ф. Энгельса, в которых содержится глубокий анализ польско-немецких взаимных отношений на протяжении XIX в. и в частности в революционный период 40-х годов. Как известно, К. Маркс и Ф. Энгельс много писали о польском вопросе, освещая его с демократических и интернациональных позиций. Они в отличие от современных им буржуазных историков и публицистов никогда не считали интересы польской и не-

inslav

мецкой наций фатально непримиримыми. Враждебность двух народов — следствие агрессивных устремлений немецкого юнкерства и бюргерства в отношении польских земель. В то время как в кругах немецкой буржуазии усиливались националистические настроения, К. Маркс и Ф. Энгельс провозгласили принцип интернациональной солидарности трудящихся. Решение польского вопроса они связывали с борьбой за демократическую революцию в Европе, в частности в Пруссии, считая уничтожение национального угнетения Польши одним из условий социального освобождения немецких трудящихся. Союз польского и немецкого народов, подчеркивал Ф. Энгельс, возможен и необходим; для него есть объективная основа — совместная борьба против феодального абсолютизма [2].

Такая концепция истории польско-немецких отношений в XIX в. утвердилась в советской историографии. Правда, вопрос этот не был предметом специального исследования советских историков, но в связи с другими проблемами польской, немецкой и общеевропейской истории он ставился в ряде статей, монографий, в отдельных главах обобщающих трудов. Так, отношению К. Маркса и Ф. Энгельса к национально-освободительной борьбе поляков, их личным контактам с представителями польской эмиграции в 40—60-е годы посвящена монография В. А. Дьякова, а также статья А. Ф. Смирнова [3]. У. А. Шустер в статье «Познанское восстание 1848 года», выделяя проблемы собственно польского национально-освободительного движения, затрагивает один из аспектов интересующей нас темы — прослеживает политику прусских властей в Познанском княжестве во время восстания 1848 г.[4]

Позиция немецкой общественности в отношении судьбы западнопольских земель весной и летом 1848 г. была одной из сюжетных линий небольшой, но достаточно емкой работы Е. И. Рубинштейн «Национальный вопрос во Франкфуртском парламенте в мае—сентябре 1848 г.» [5]. А. Л. Нарочницкий в статье «Международные отношения в Европе от февральской революции до лета 1848 года» определяет место польского вопроса во внешнеполитической деятельности крупнейших европейских государств, показывая тем самым возможный поворот в постановке проблемы — изучение польско-немецких отношений как элемента всей внешнеполитической системы на континенте [6].

Прямое отношение к теме имеет завершенная к 1957 г. кандидатская диссертация С. В. Славина «Польское восстание 1848 года в Познани и общественное мнение Германии» [7].

inslav

Автор, основываясь на анализе материалов (иногда, к сожалению, фрагментарных) периодической печати за 1848 г., рассматривает взгляды немецкой общественности по польскому вопросу, выясняя причины эволюции либералов и значительной части демократов от выступлений за восстановление польского государства до требований аннексии северо-западных районов Познанского княжества.

Опыт советских исследователей в разработке марксистской концепции проблемы польско-немецких отношений, несомненно, оказался полезным для историков Германской Демократической Республики, приступивших к интенсивному изучению данной темы в начале 60-х годов. К этому времени в ГДР завершилось формирование новой, базирующейся на марксистско-ленинской методологии исторической школы. Необходимым условием и начальным этапом в критическом освоении и переработке наследия буржуазной историографии было тщательное изучение исторических произведений К. Маркса и Ф. Энгельса. В случаях же, когда речь шла о вопросах, бывших для основоположников исторического материализма не только предметом теоретического изучения, но и непосредственным образом связанных с практикой их политической деятельности, это приобретало совершенно исключительное значение. Именно поэтому в историографии ГДР образовалась большая и вполне самостоятельная тема — К. Маркс, Ф. Энгельс и Польша. В ряде специальных исследований детально рассматривалась позиция Маркса и Энгельса в польском вопросе в 40-е годы (накануне и во время буржуазно-демократической революции), анализировались их оценки освободительной борьбы поляков, которая имела определенное влияние на развитие демократического движения в Германии [8].

По авторитетному мнению В. Шмидта, вопрос о выработке основоположниками марксизма нового взгляда на польское национально-освободительное движение (что происходило в период 1844—1848 гг.) в теоретическом аспекте уже довольно хорошо изучен [9]. Меньше знаем мы о фактической стороне дела — о личных связях К. Маркса и Ф. Энгельса с польскими демократами-эмигрантами в 40-е годы, об их влиянии на представителей левого крыла польского освободительного движения в период революции 1848—1849 гг. В этой связи особый интерес представляет документальный материал, приводимый в работах самого В. Шмидта[10].

Руководствуясь принципами исторического материализма, историки ГДР значительно продвинулись в изучении и других аспектов проблемы польско-немецких отношений.

inslav

К. Оберманн, Х. Хензеке исследовали политику прусского правительства на западнопольских землях, особое внимание обращая на ее социальные основы и классовую сущность [11]. В работах Р. Вебера и Г. Хильдебрандта подробно рассматривалась позиция немецких буржуазных демократов и либералов в польском вопросе в 1848—1849 гг.[12]. Эти историки пришли к выводу, что недемократическое, нереволюционное его решение было следствием слабости и политической незрелости немецкой (прусской) буржуазии, пришедшей к власти в результате мартовской революции. Переход немецких либералов, а затем части демократов на националистические позиции в вопросе о судьбе Познанского княжества был связан с общим отступлением революции, развитием ее по нисходящей линии.

Вместе с тем внимательное изучение немецкой буржуазной прессы и публицистики 40-х годов прошлого века позволило Х. Хензеке, З. Шмидту, а несколько лет спустя и Р. Веберу заключить, что сильные полонофильские настроения немецкой буржуазии (особенно ее демократического крыла) в какой-то момент создали предпосылки для сближения и установления контактов с польским демократическим лагерем. Это подтверждается, в частности, обоюдным стремлением и поляков, и немцев — участников революционного движения «Весны народов» согласовать свои политические и национальные концепции [13].

По мере освоения темы исследовательская задача осложняется, укрупняется. В последние годы историки ГДР стремятся к более широкой ее интерпретации, рассматривая вопросы взаимовлияния и взаимопроникновения идеологий общественно-политических движений Германии и Польши 40-х годов XIX в. на фоне характерного для той поры процесса политической и идеологической интеграции, роста национального самосознания народов. В этом смысле показательны исследования Г. Шмидта, В. Шмидта, Х. Мюллера [14]. Не забывают при этом о такой существенной стороне дела, как выявление и ввод в научный оборот новых источников, причем не только неизвестных ранее архивных материалов, но и тех, что были собраны и опубликованы уже вскоре после событий 1848—1849 гг. их современниками или участниками. Так, в сборнике документов, подготовленном Г. Хильдебрандтом, помещены, кроме прочего, речи по польскому вопросу членов Франкфуртского парламента, представляющие без сомнения большой интерес [15]. И хотя они уже были в свое время опубликованы в стенографических отчетах о дебатах в парламенте [16], их переиздание

inslav

с учетом сегодняшних требований исторической науки будет способствовать более активному их использованию современными исследователями.

В буржуазной историографии первые попытки описать историю польско-немецких отношений 1840-х годов были сделаны во второй половине XIX в. Работы, появившиеся в то время, имеют свои особенности. Несколько десятков лет отделяло от событий их авторов — они могли быть и очевидцами, и участниками их. Иногда трудно определить, пишет ли это историк на основании известных ему документов, или же вспоминает очевидец, и не беспристрастный. Это характерно для труда Генриха Вуттке [1*] «Книга городов Познанской провинции», которая является своего рода энциклопедией исторических, этнографических, экономических сведений о городах Познанского княжества [17]. Одна из частей книги посвящена подробному описанию событий в княжестве весной 1848 г. — во время польского национального восстания. Автор особое внимание уделяет взаимоотношению между разными национальными группами городского населения княжества — поляками, немцами, евреями. Г. Вуттке сообщает, в частности, интересные сведения о зарождении национального движения немецких бюргеров Познани, о пробуждении их к политической деятельности. Они представляются тем более ценными, если принять во внимание, что эта тема до сих пор изучена мало и именно из-за крайней скудости источниковой базы.

В целом Г. Вуттке выразил обычные для немецких буржуазных историков прошлого века взгляды на польско-немецкие отношения. В их работах настойчиво подчеркивался непреодолимый характер польско-немецкой вражды, невозможность какого-либо примирения между двумя народами. При этом совершенно однозначно оценивалось содержание польско-немецких отношений в 40-е годы XIX в., которые якобы не внесли ничего нового, позитивного в многовековое славяно-германское соперничество в Центральной Европе. Именно так писали на рубеже веков К. Майер, Г. Шмидт, Л. Бернгардт, В. Фельдман [18]. Эти исследователи, как правило, основывали свои исторические сочинения на богатом фактическом материале и пользовались большим

[1*] Г. Вуттке (1818—1876) — известный в то время в Германии историк и публицист, профессор Лейпцигского университета. Он был активным участником революции 1848 г., считался лидером либеральной оппозиции в Саксонии. Во Франкфуртском парламенте представлял группу умеренно левых.

instav

количеством источников [2*]. Но в общей оценке польско-немецких отношений они придерживались одного, ставшего традиционным для буржуазной историографии принципа: враждебность, национальный антагонизм поляков и немцев непреодолимы. При этом даже фактически вполне достоверные примеры сближения польских и немецких демократов в 40-е годы XIX в. и, более того, их попытки революционного сотрудничества в 1848—1849 гг. рассматривались либо как совершенно безуспешные, либо как исключительные. Возможно, отчасти этим объяснялось стремление сузить тему, сведя ее по сути к описанию действий прусской администрации в Познанском княжестве и ответной реакции польского населения. Причем вопросы эти рассматривались в отрыве от конкретных событий в княжестве, независимо от взаимных отношений познанских поляков и немцев.

Обострение польско-немецкого антагонизма в период первой мировой войны, восстановление польского государства и его независимое развитие сделали польский вопрос одной из самых популярных тем в европейской историографии и, конечно же, усилили интерес к нему в Германии. В это время стали изучать международный аспект проблемы, т. е. роль польского вопроса как фактора европейской политики 40-х годов XIX в. В работах В. Халлгартена, Ф. Валентина познанское восстание 1848 г. представлено не как событие местного, провинциального значения, а как часть единого общеевропейского революционного процесса [19]. Такое расширение темы было, конечно, важным и даже необходимым шагом, но не всегда приводило к решению уже поставленных раньше, но все еще не выясненных вопросов. Так, политика прусского правительства в Познани рассматривалась теперь в тесной связи с международной обстановкой в Европе. Однако при этом на второй план отодвигались общественные (не государственные, а именно общественные) связи поляков и немцев, история взаимоотношений польской и немецкой национальных «партий» в самом княжестве, их контакты с международным революционно-демократическим и либеральным движением.

Немецкоязычная буржуазная историография рассматриваемой здесь темы после второй мировой войны представлена главным образом работами историков ФРГ и Западного Берлина. Они много (особенно последние два десятилетия) занимаются проблемами польско-немецких связей XIX в. В значительной части работ можно заметить проявления

[2*] Значительная часть их погибла в годы второй мировой войны.

inslav

национапалистических и даже реваншистских настроений. Например, историк из Кельна Х. Яблоновский пытался оценить политику Пруссии на западнопольских землях «не с моральной, а с политико-исторической точки зрения» [20]. Однако пришел он фактически к оправданию антипольского недемократического курса «мартовских министерств», который был, по его мнению, лишь «исторической необходимостью». Х. Яблоновский утверждал, будто прусское господство в Познанском княжестве в конечном счете способствовало экономическому и социальному прогрессу этой области, а значит, было исторически оправданным [21]. С таким объективистским подходом к оценке исторических событий нельзя согласиться.

Подобную же ложную концепцию развивает Г. Волльштейн. В его работе «Великая Германия» в церкви св. Павла. Национальные цели в буржуазной революции 1848—1849 гг.» [22] рассматривается процесс становления и развития в период революции 1848—1849 гг. национальных концепций немецкой буржуазии. Автор выделяет несколько конкретных проблем, в ходе обсуждения которых во Франкфуртском национальном собрании постепенно определялись основы буржуазной национальной политики. Среди них и так называемый «познанский вопрос». В этой связи одна из глав книги Г. Волльштейна посвящена довольно подробному анализу развития польско-немецких отношений в революции 1848 г. Однако делаемые при этом заключения не всегда соответствуют требованиям научной объективности и достоверности.

В ином ключе написана книга М. Брошата «Двести лет немецкой политики в Польше» [23]. В ней представлена политика прусского, а позже германского государства на польских землях с 1772 г. до начала 70-х годов нашего века [3*]. Польско-немецкие отношения в период революции 1848—1849 гг. особенно привлекли внимание автора, поскольку, по его мнению, в это время возникла возможность одновременного образования немецкого и польского национальных государств, а единственным путем к этому была польско-немецкая война против царской России.

3* Заметим, что западногерманские историки часто рассматривают развитие польско-немецких отношений не в отдельные периоды, а на протяжении нескольких веков. Это позволяет представить общую картину взаимоотношений двух народов со времени раннего феодализма и до наших дней. Но, конечно, при этом неизбежен и некоторый схематизм в изложении, что характерно для многих работ такого рода.

inslav

В целом для западногерманской буржуазной историографии польско-немецких отношений характерно сосуществование разных, часто противоположных суждений. В соответствии с этим и к оценке результатов исследований историков ФРГ и Западного Берлина по интересующей нас проблеме нельзя подходить с меркой по принципу «черное—белое». Среди работ, авторы которых демонстрируют субъективное стремление к серьезному, научно достоверному анализу прошлого польско-немецких отношений, но при этом, увы, оказываются не в силах преодолеть ошибочность методологических установок, принятых в буржуазной исторической науке, следует назвать исследование Ю. Гумперта [24], одну из последних публикаций В. Плата [25], а также книгу Б. Рилля [26].

Несомненно, проблема польско-немецких отношений в 40-е годы XIX в. и сегодня сохраняет свою актуальность для историков. Плодотворность ее дальнейшей разработки, очевидно, связана с расширением тематики исследований, что невозможно без более широкого понимания самого содержания этих отношений. Вопросы государственно-политического характера, бывшие до последнего времени по сути главным предметом изучения в этой области, весьма важны, но вовсе не исчерпывают богатого содержания проблемы. Они составляют лишь часть ее, выявляют одну нить из довольно запутанного клубка польско-немецких отношений в указанный период. Ведь связь между народами — это не только их межгосударственные отношения (кстати, в таком узком смысле постановка проблемы применительно к Польше XIX в. вообще некорректна). Это гораздо более широкое понятие, и означает оно совокупность всевозможных контактов на различных уровнях, в различных областях. Поэтому закономерно, что внимание специалистов, занимающихся этой темой, в последние годы все больше привлекает «негосударственный», общественный ее аспект. Об этом, в частности, свидетельствуют некоторые упоминавшиеся выше работы историков ГДР.

Однако сохранился еще целый комплекс нетронутых вопросов, без выяснения которых представление о взаимоотношениях поляков и немцев в такой сложный для всей Европы период, как 40-е годы прошлого века, останется неполным и даже неверным. Часть их касается истории общественно-политических и национальных движений на территории Познанского княжества. Это вопросы взаимосвязи польского и немецкого национальных движений, сопоставления

inslav

их национальных программ, задач, социального облика.

Другой круг вопросов из истории польско-немецких отношений 40-х годов XIX в. можно коротко определить так: польская политическая эмиграция и немецкие демократы. Здесь мы уже выходим за границы собственно Познанского княжества (т. е. той части бывшей Речи Посполитой, которая при разделах попала под власть Пруссии и где проводимая прусской администрацией политика германизации не могла не оказывать соответствующего влияния на непосредственные контакты поляков и немцев) и поднимаем вопросы не только польской и немецкой, но и общеевропейской истории. Кажется, к интересным результатам может привести сравнительное изучение программ польской демократической эмиграции и немецких демократов, соотношение национальных и социальных требований в них, возможные заимствования из программ других эмиграционных групп (французской, русской, итальянской). И, конечно, очень важно проследить на этом фоне зарождение и развитие идеи международного революционного сотрудничества в 40-е годы прошлого века.

На важность и назревшую необходимость сравнительного изучения идеологий польского национально-освободительного и немецкого антифеодального движений было указано на 23-й конференции двусторонней комиссии историков ГДР и ПНР в 1976 г.[27] Надо отметить, что в историографии ГДР есть уже опыты сопоставительного анализа прогрессивных (антифеодальных и национальных) движений народов Центральной и Восточной Европы в период революции 1848—1849 гг. Так, Э. Вольфграмм, сравнивая национально-освободительные движения польского и венгерского народов, показал сходство социально-экономического положения в Польше и Венгрии в ту пору, выявил некоторые общие черты в расстановке классовых сил и в характере общественно-политической борьбы[28]. При этом автор сделал несколько попутных замечаний, касающихся немецкого оппозиционного движения, как бы намечая возможные линии сопоставления и здесь.

В этом же направлении ведет исследования и Г. Цессин[29]. Однако все это лишь первые шаги — постановка проблемы и определение перспективных путей ее изучения. Очевидно, компаративные работы такого рода должны основываться на результатах более широких сравнительно-типологических исследований процессов генезиса капитализма и формирования наций и национального самосознания у народов Цент-

inslav

ральной и Восточной Европы, в том числе у поляков и немцев.

Тщательная разработка указанных вопросов обогатит наши знания истории польско-немецких отношений. Вместе с тем она даст новый материал к изучению комплексной проблемы «Закономерности развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы в эпоху перехода от феодализма к капитализму».

[1] *Волков В. К.* Основные этапы развития славяно-германских отношений в XIX—XX вв. в свете германской империалистической политики «Дранг нах Остен». — В кн.: Исследования по славяно-германским отношениям. М., 1971, с. 6—11.

[2] *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд., т. 5, с. 267.

[3] *Дьяков В. А.* Маркс, Энгельс и польское освободительное движение. М., 1968; *Смирнов А. Ф.* Карл Маркс о польском вопросе. — Сов. славяновед., 1968, № 2, с. 3—12.

[4] *Шустер У. А.* Познанское восстание 1848 года. — ВИ, 1948, № 3, с. 28—54.

[5] *Рубинштейн Е. И.* Национальный вопрос во Франкфуртском парламенте в мае—сентябре 1848 г. — Изв. АН СССР. Серия истории и философии, т. 5, № 1, с. 36—51.

[6] *Нарочницкий А. Л.* Международные отношения в Европе от февральской революции до лета 1848 года. — В кн.: К 100-летию революции 1848 года. М., 1948, с. 61—112.

[7] *Славин С. Н.* Польское восстание 1848 г. в Познани и общественное мнение Германии. — Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та им. А. И. Герцена. 1958, т. 164, ч. 3.

[8] *Schmidt W.* Der Kampf der «Neuen Rheinischen Zeitung» um ein festes Kampfbündnis zwischen der polnischen und deutschen Demokratie. — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas, 1961, Bd. 5, S. 111—178; *Idem.* Die internationale Stellung der deutschen Revolution von 1848/1849 in den Sicht von Marx und Engels. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1965, Sonderheft, S. 96—122; *Idem.* Die polnische Frage in deutschen Vormärz-Periodika. — Beiträge zur Geschichte der Arbeiterbewegung, 1982 (24), H. 2, S. 185—198; *Idem.* Die polnische Frage in der «Deutsche Brusseller Zeitung». — Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der Volksdemokratischen Länder Europas, 1964, Bd. 8, S. 213ff.

[9] *Schmidt W.* Die polnische Frage in deutschen Vormärz-Periodika, S. 186.

[10] Ibidem.

[11] *Obermann K.* Deutschland 1815—1849. Berlin, 1961; *Henseke H.* Die Politik der bürgerlichen preussischen Regierungen gegenüber dem polnischen Freiheitskampf im Grossherzogtum Posen im Jahre 1848. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Pädagogischen Hochschule Potsdam. Gesellsch. — Sprachw. Reihe, Januar 1961, Bd. 6, H. 1; *Idem.* Die Polenfrage im Spiegel der zeitgenössischen bürgerlichen deutschen Presse und in den politischen Klubs während der Revolution 1848—1849. — Ibid.; *Idem.* Die Haltung der deutschen Bourgeoisie zur polnischen Frage in den Nationalversammlungen zu Frankfurt / Main und Berlin (1848/1849). — Ibid., November 1963, Bd. 6, H. 2.

[12] *Weber R.* Die Revolution in Sachsen 1848/1849. Berlin, 1970; Idem. Das Verhältnis der kleinbürgerlichen Demokratie in Sachsen zur

inslav

polnischen Frage 1848. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1968, H. 7, S. 855—875; *Hildebrandt G.* Die Stellung der äussersten Linken in der Frankfurter Nationalversammlung zur Polenfrage im Sommer 1848. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1973, Bd. 17/1, S. 87—106.

[13] *Henseke H.* Op. cit.; *Schmidt S.* Robert Blum und die vormärzliche deutsche Polenfreundschaft in Mitteldeutschland. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1962, H. 8, S. 1891—1902; *Weber R.* Op. cit.

[14] *Schmidt G.* Sachsen und die polnischen Emigranten 1831—1864. — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1978, Bd. 22/2; *Schmidt W.* Op. cit.; *Müller H.* Die Annexion der Republik Krakau und die deutsche Öffentlichkeit (1846/1847) — Jahrbuch für Geschichte der sozialistischen Länder Europas, 1983, Bd. 26/2, S. 147—158.

[15] Opposition in Paulskirche. Reden, Briefe und Berichte kleinbürgerlichdemokratischer Parlamentarier 1848/1849. Hg. von G. Hildebrandt. Berlin, 1981.

[16] Stenographischer Bericht über die Verhandlungen der deutschen constituierenden Nationalversammlung zu Frankfurt am Main. Frankfurt, 1848/49.

[17] *Wuttke H.* Städtebuch des Landes Posen. Leipzig, 1864.

[18] *Meyer C.* Die Deutschen der Provinz Posen gegenüber dem polnischen Aufstand im Jahre 1848. München, 1904; *Schmidt H.* Die polnische Revolution des Jahres 1848 im Grossherzogthum Posen. Weimar, 1912; *Bernhardt L.* Die Polenfrage. Das polnische Gemeinwesen im preussischen Staat. Leipzig, 1907; *Feldman W.* Geschichte der politischen Ideen in Polen seit dessen Teilungen. München—Berlin, 1917.

[19] *Hallgarten W.* Studien über die deutsche Polenfreundschaft in der Periode der Märzrevolution. München—Berlin, 1928; *Valentin V.* Geschichte der Deutschen Revolution von 1848—1849. Bd. 1, 2. Berlin, 1930—1931.

[20] *Jablonowski H.* Russland, Polen und Deutschland. Köln—Wien, 1972.

[21] Надо сказать, что попытки обосновать этот тезис предпринимались западногерманскими историками и раньше (Ср., например: *Maas W.* Polen und seine Nachbarn 1815—1966. Braunschweig, 1967; *Gause F.* Deutsch-slawische Schicksalsgemeinschaft. Würzburg, 1967. Эта книга, издававшаяся в ФРГ уже трижды, вся пропитана духом реваншизма и антипольского национализма. Ф. Гаузе, помимо прочего, извращает известные высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса о противоречивой роли шляхты в освободительной борьбе польского народа, выдвигает ложное предположение о якобы преобладании во всем польском национально-освободительном движении реакционных черт).

[22] *Wollstein G.* Das «Grossdeutschland» der Paulskirche. Nationale Ziele in der bürgerliche Revolution 1848/1849. Düsseldorf, 1977.

[23] *Broszat M.* Zweihundert Jahre deutsche Polenpolitik. Frankfurt / Main, 1972.

[24] *Gumpert J.* Polen — Deutschland. Bestandsaufnahme einer tausendjährigen Nachbarschaft. München, 1966.

[25] *Plat W.* Deutsche und Polen. Geschichte der deutsch-polnischen Beziehungen. Köln, 1980.

[26] *Rill B.* Deutsche und Polen. Die schwierige Nachbarschaft. Puchheim, 1981.

[27] Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und sozialistischer Länder Europas, 1978, Bd. 22/2, S. 30.

inslav

[28] *Wolfgramm E.* Zur Rolle der revolutionen Bewegungen der Völker Mittel- und Südosteuropas in der bürgerlich-demokratischen Revolution 1848/1849. — In: 125 Jahre Kommunistisches Manifest und bürgerlich-demokratische Revolution 1848—1849. Referate und Diskussionsbeiträge. Berlin, 1975, S. 169—177.

[29] *Zessin H.* Deutsch-polnisch-tschechische revolutionäre Kooperation im Früjahr 1848 in Sachsen. Ihre Initiatoren und Hauptakteure sowie erste Ergebnisse am Vorabend der Maierhebung. — Zeitschrift für Geschichtswissenschaft, 1976, Bd. 14, S. 57—83.

Е. А. Хелимский

ТРУДЫ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА И РАЗВИТИЕ НОСТРАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ЗА РУБЕЖОМ

Хотя исследования, посвященные вопросам древнейшего родства между выделяемыми в генеалогической классификации языковыми семьями, имеют давнюю историю, они долго оставались вне сферы использования сравнительно-исторического метода — главного инструмента лингвистической компаративистики, оперируя лишь списками разрозненных, более или менее удачных сближений. Эта ограниченность была впервые преодолена в трудах Владислава Марковича Иллич-Свитыча (1934—1966) — блестящего компаративиста, сумевшего установить системы регулярных соответствий между праязыками шести языковых семей Старого Света — семито-хамитской, картвельской, индоевропейской, уральской, дравидийской, алтайской — и реконструировать фонетику, основы морфологии и значительную часть лексики их общего предка — ностратического праязыка. Этот выдающийся результат, означавший решительный прогресс в большой области гуманитарного знания, составляет предмет законной гордости не только Института славяноведения и балканистики АН СССР, чей гриф стоит на основной работе В. М. Иллич-Свитыча, изданной посмертно [1*], но и всей отечественной науки [2*].

[1*] *Иллич-Свитыч В. М.* Опыт сравнения ностратических языков. Т. I. Введение. Сравнительный словарь (b—K). М., 1971. (далее — ОС I); т. II. Сравнительный словарь (l—ʒ). Указатели. М., 1976 (далее — ОС II); т. III, вып. 1. Сравнительный словарь (p—q) (по картотекам автора). М., 1984. Некоторое представление о не вошедших в эти два тома результатах дает работа: *Иллич-Свитыч В. М.* Материалы к сравнительному словарю ностратических языков. — В кн.: Этимология 1965. М., 1967, с. 321—373 (далее — МС).

[2*] Подробнее см., в частности: *Дыбо В. А.* Ностратическая гипотеза:

inslav

Данный обзор и библиография к нему охватывают непосредственно связанные с ностратической проблематикой работы зарубежных лингвистов за период с 1965 г., т. е. с того временного рубежа, когда исследования В. М. Иллич-Свитыча стали находить вначале эпизодический, а затем все более широкий отклик в среде компаративистов; существенно отметить, кроме того, что примерно до этого же рубежа доведен обзор «Из истории исследования связей между ностратическими языковыми семьями» (ОС I, с. 38—45). В охвате этих работ мы стремились достичь достаточной полноты, хотя какие-то пропуски — особенно в отношении публикаций самых последних лет и статей в малоизвестных и труднодоступных изданиях — оказались, видимо, неизбежны.

В отдельных случаях упомянуты и публикации начала 60-х годов, если они образуют единые циклы с появившимися позднее работами тех же авторов. Выборочно и вкратце затронуты некоторые работы, непосредственно не посвященные проблемам дальних генетических связей, хотя и использующие данные ностратики.

Из обзора и библиографии исключено большинство работ, посвященных проблеме дополнительных членов ностратической макросемьи (сравнение ностратических языков с юкагирским, эскалеутскими, японским, эламским и другими языками) — эта проблема отчасти нашла освещение в другом обзоре [3*].

Будучи убежденным, что ностратика Иллич-Свитыча — не одна из возможных гипотез из области дальнего языкового родства, а единственно мыслимое в рамках аксиоматики сравнительно-исторического языкознания объяснение наблюдаемых фактов (пусть и не лишенное неизбежных на данной стадии ошибок и неточностей), автор обзора считает нужным отойти от реферативной беспристрастности и попытаться не только охарактеризовать возражения, выдвигавшиеся в адрес ностратической теории, но и противопоста-

---

Итоги и проблемы. — Изв. АН СССР. Серия литературы и языка, 1978, т. 37, № 5, с. 400—413.

3* *Хелимский Е. А.* Проблема границ ностратической макросемьи языков. — В кн.: Лингвистическая реконструкция и древнейшая история Востока. Тезисы и доклады конференции. Ч. 5. Проблемы изучения ностратической макросемьи языков. М., 1984, с. 41—48.

inslav

вить им свою аргументацию [4*]. С этим связано и определенное «смещение акцентов» в обзоре. Во-первых, сведен к минимуму анализ конкретного материала, составляющего основное содержание привлекаемых к рассмотрению работ. Такое ограничение понятно: альтернативой могло бы быть лишь превращение обзора в объемистый том ностратических Addenda et corrigenda (хочется надеяться, впрочем, что настанет черед и для подготовки подобного тома и что этот обзор окажется в чем-то полезным для его составителей). Во-вторых, мы — рискуя исказить реальное «соотношение сил» — нередко останавливаемся более подробно не на работах, где принимаются и продуктивно используются положения «Опыта сравнения», а на работах, где эти положения подвергнуты критике или где в анализе дальних генетических связей допущены, на наш взгляд, принципиальные ошибки.

1. ОЦЕНКА ТРУДОВ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА В ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Громадное большинство откликов на ностратические исследования Иллич-Свитыча — и в виде непосредственных рецензий на «Опыт сравнения» (П. Гард [71] [5*], А. Лампрехт и М. Чейка [29, 99, 102, 103], В. В. Пизани [118], Н. Поппе [121, 124], В. Скаличка [143], Р. Эккерт [64]), и на страницах множества других работ — преисполнены интереса к достигнутым результатам и глубокого уважения к титаническому труду, который был в них вложен. Нет, вероятно, нужды подробно пересказывать эти отклики, которые и сами по себе опираются на пересказ трудов Иллич-Свитыча — достаточно будет ограничиться в основном цитированием некоторых присутствующих в них оценок.

Патриарх индоевропейско-уральского, урало-алтайского и урало-юкагирского сравнения Б. Коллиндер (Швеция) еще в 1965 г. увидел в тезисах доклада Иллич-Свитыча о генезисе и.-е. гуттуральных «решающий успех в области индоевропейско-урало-алтайского языкового сравнения» [33, S. 172], а о выходе в свет «Опыта сравнения» отозвался с непривычной для лингвистических сочинений образностью:

4* Разумеется, речь идет о субъективных оценках и суждениях, хотя глубокой признательности заслуживают коллеги по Ностратическому семинару им. В. М. Иллич-Свитыча (Москва), принявшие заинтересованное участие в обсуждении этой статьи.

5* Здесь и ниже указаны номера соответствующих работ по библиографии, приводимой в конце статьи.

inslav

«Над степью подул свежий ветер» [34, S. 372]. Б. Чоп (Югославия), который, работая в значительной мере независимо от Иллич-Свитыча, достиг во многом сходных и чрезвычайно важных результатов в одной из частных областей ностратики — индоуральском сравнении (см. 4), пишет об Иллич-Свитыче как о «гениальном советском исследователе» [41, S. 5]. По мнению крупнейшего алтаиста Н. Поппе (США), труд В. М. Иллич-Свитыча — «самая обширная и без сомнения самая основательная и самая убедительная работа по ностратической проблематике» [124, S. 366]. «Достигнутые результаты, убедительный очерк сравнительно-исторической фонетики ностратических языков и этимологический словарь. . . являются научными фактами, которыми не может пренебречь никто, занимающийся сравнением языков за пределами одной семьи», — пишет Р. Эккерт (ГДР) [64, S. 398]. Весьма сдержанный в своих суждениях финский ученый А. Й. Йоки оценивает этот труд как «успешное начало», уже принесшее интересные результаты, и отмечает желательность коллективной работы по данной тематике [90]. Старейший итальянский языковед В. Пизани, несмотря на свое специфическое отношение к проблеме праязыка (см. 3), отмечает богатство, системность и высокий уровень обработки материала у Иллич-Свитыча [118]. По мнению Е. Банчеровского (Польша), «исследования Иллич-Свитыча должны быть безоговорочно оценены как значительный шаг на пути к установлению большей близости ностратических языков» [19. p. 104]; использование несколько необычного в данном контексте выражения «бо́льшая близость» связано с особенностями исследовательского подхода этого лингвиста (см. 2). Датский индоевропеист Й. Расмуссен связывает свою высокую оценку первых публикаций Иллич-Свитыча с надеждой на то, что доиндоевропейский наконец станет доступным нормальной сравнительной реконструкции, которая придет на смену спекулятивным глоттогоническим построениям [130, p. 17].

Особенно заинтересованный отклик встретили исследования В. М. Иллич-Свитыча в Чехословакии. Широко известный языковед В. Скаличка, работавший, в частности, в области индоуральского сравнения [142], в своей рецензии подчеркнул, что Иллич-Свитычу впервые удалось обеспечить большой объем материала и продемонстрировать системность фонетических соответствий на уровне этимологии цельнооформленных основ, а не их произвольно выделенных сегментов — так называемых «первичных» корней. Он оценил «Опыт сравнения» как значительный шаг к доказательству

inslav

существования ностратической большой семьи языков [143]. По мнению семитохамитолога К. Петрачека, «ностратическая гипотеза в своем новейшем облике бесспорно плодотворна, а ее культурно-исторические следствия значительны» [115, S. 61]. Наибольший вклад в популяризацию ностратики внесли А. Лампрехт и М. Чейка; среди других их работ следует отметить чрезвычайно убедительную презентацию важнейших лексических (с распределением лексики по семантическим группам) и морфологических сходств между ностратическими языками [101]. Они отметили, что труд Иллич-Свитыча полностью удовлетворяет сформулированные ранее А. Лампрехтом и А. Эрхартом [66] критериям адекватности дистантного сравнения, главными из которых являются: сравнение на уровне праязыковых реконструкций для каждой семьи, фонетическая точность, семантическая точность [103]. Благодаря этим авторам ностратика стала известна и широкому читателю в ЧССР [98, 100]. Информативный обзор ностратических исследований опубликовал В. Блажек [23].

Во многих рецензиях подчеркиваются заслуги В. А. Дыбо и других членов редакционной группы, подготовившей «Опыт сравнения ностратических языков» к печати после трагической смерти его автора.

Среди значительной части компаративистов нашли поддержку теоретические принципы, положенные Иллич-Свитычем в основу своего труда. «Для сравнительного языкознания не только возможно в порядке применения и дальнейшего развития своих методов выйти за пределы одной языковой семьи, но и просто необходимо отважиться на такой выход», — считает Р. Эккерт [64, S. 397]. П. Аалто подчеркивает особенно важную роль морфологических сопоставлений для обоснования ностратического родства — позиции этой теории с каждым новым сопоставлением (а в сфере морфологии после Иллич-Свитыча сделано довольно много) все укрепляются [5, S. 280]. Интересно замечание Н. Поппе о соответствии между ожидаемым числом параллелей между ностратическими языками (по его мнению, существенно меньшим, чем, например, между языками более молодой и.-е. семьи) и объемом реально представленного у Иллич-Свитыча материала. В той же работе 1971 г. Поппе, предвидя характер возможных возражений против ностратики, предлагает потенциальным критикам конструктивный путь к ее опровержению: «Мы могли бы предложить тем, кто полагает, что сходства в сравниваемых у Иллич-Свитыча словах имеют случайный характер, убедиться в том, есть ли и в других,

inslav

не исследованных автором языках слова, которые фонетически и семантически сходны с исследованными автором словами. Если окажется, что такие слова есть, и причем в количестве, достаточном, чтобы дать нам право на заключения, то выдвинутая автором теория будет опровергнута. Если же выяснится, что ни сино-тибетские, ни палеоазиатские языки не имеют слов, фонетически и семантически сходных с постр. bara 'большой, хороший', bari 'брать' и т. д. (Поппе цитирует наиболее надежные, по его мнению, многосторонние сопоставления. — *Е. Х.*), то это сделает ссылки на случайные сходства заведомо несостоятельными» [124, S. 368—369]. Легко догадаться, что до сих пор никто из критиков ностратики не сумел (или не рискнул) осуществить эту верификационную процедуру: в отличие от концепции Иллич-Свитыча, опирающейся на конкретный материал, построения его критиков обычно исходят из априорных предубеждений.

Речь об этих построениях еще будет идти ниже (см. 3, отчасти также 4). Здесь, пожалуй, следует упомянуть о некоторых возражениях и замечаниях, высказанных теми специалистами, которые в целом приняли ностратику в изложении Иллич-Свитыча и дали ей самую высокую оценку как инструменту для проникновения в глубокую предысторию языков ностратического круга. Так, Б. Коллиндер видит существенную помеху в недостаточной разработанности «хамитской» части семито-хамитской реконструкции [34, S. 370]: здесь Иллич-Свитычу пришлось фактически перешагнуть через ступеньку, попытавшись достигнуть в ностратической реконструкции большей системности, чем существовала в реконструкции праязыка одной из дочерних семей. Н. Поппе отмечает случаи, когда Иллич-Свитыч рассматривает как алтайские те слова, которые представлены только в одной ветви алтайских языков (тюрк., монг., тунг.-маньчж.), что ослабляет достоверность этимологий [121, p. 223; 122, p. 158]. Многие рецензенты писали об известной условности ностратического инвентаря фонем и о целесообразности его рассмотрения как системы «переводных символов», которая еще подлежит уточнению и реинтерпретации — см., например, у А. Лампрехта и М. Чейки [101, s. 17], со ссылкой на элиминацию постр. *λ у А. Б. Долгопольского (Этимология, 1970). В. Скаличка считает проблематичным постулируемое у Иллич-Свитыча развитие ностр. анлаутных аффрикат и в и.-е. сочетания типа sk- [143, S. 24]; Н. Поппе [121, p. 223] разделяет сомнения Г. Дёрфера [62, s. 81] в адекватности реконструкции триады алтайских лабиальных смычных (ср. ОС I, с. XIII—XIV). Возможно, некоторые из этих сомне-

inslav

ний позволила бы разрешить сравнительная грамматика с фонологическим, морфонологическим и морфологическим разделами, над которой работал Иллич-Свитыч, но которая так и осталась ненаписанной (ср. ОС I, с. 2) — ее отсутствие вызвало сожаление и даже разочарование многих рецензентов второго тома «Опыта сравнения».

Многими специалистами в качестве важного достоинства работ Иллич-Свитыча отмечается то, что он оперировал сравнениями на уровне праязыковых реконструкций для шести сравниваемых семей. Однако, думается, что нельзя отказать в правоте и звучащему диссонансом замечанию Д. Шинора: «Сопутствующая слабость языкового сравнения в столь широких масштабах — то, что оно по необходимости оперирует исключительно реконструированными формами. Сравнительный метод естественно требует, чтобы сопоставленные формы отражали наиболее раннюю ступень развития, но выведенные формы все же не более чем гипотетичны, и если мы сравниваем две, три или более из них, то основанный на многоярусных гипотезах результат в действительности может оказаться очень лабильным» [139, 137. old.].

Столь заинтересованный (что подтверждают и процитированные замечания, во многом справедливые) и позитивный, нередко даже восторженный отклик ряда ведущих специалистов обусловил широкую известность ностратической теории во всем мире — этому не помешал ни весьма ограниченный тираж «Опыта сравнения» (всего 1800—1900 экз.), ни чувствительный для многих зарубежных коллег «языковой барьер».

О популярности самого термина «ностратика», «ностратический» в современной лингвистике [6*] свидетельствует, в частности, появление международной серии публикаций «Bibliotheca Nostratica», выходящей с 1977 г. под общей редакцией Д. Дечи в издательствах Otto Harrassowitz (Висбаден) и Eurolingua (Берлин—Блумингтон—Лондон—Париж—Торонто). Среди первых книг этой серии — «Eurasia Nostratica», объемистый и богатый по содержанию Festschrift в честь К. Х. Менгеса, где помещен и ряд статей по проблемам дальнего языкового родства; двухтомное исследование Д. Дечи по проблемам происхождения языка [60]; «Сравнительный синтаксис урало-алтайских (туранских) языков» В. Прёле [125]; согласно предварительной информации,

---

[6*] Этот термин, предложенный еще в начале века Х. Педерсеном, был до появления работ Иллич-Свитыча мало кому известен.

inslav

готовится к печати еще один тематический сборник — «Global Linguistic Connections» («Глобальные языковые связи») под редакцией Р. Аустерлица и Д. Дечи.

2. РАЗВИТИЕ КОНКРЕТНЫХ ОБЩЕНОСТРАТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Выше шла речь лишь об общих высказываниях в связи с ностратическими разработками Иллич-Свитыча. Но зарубежными исследователями внесен определенный, в некоторых отношениях значительный, вклад и в продолжение этих разработок, изучение ностратического родства, а также в использование данных ностратики в сравнительных грамматиках отдельных дочерних семей. Конечно, общеностратическая тематика представлена лишь сравнительно небольшим числом имен и работ; значительно шире ведутся исследования по попарному сравнению, как правило, также представляющие ценность для ностратики (они рассмотрены в разделе 4 этого обзора).

Особо следует отметить деятельность тех ученых старшего поколения, которые разрабатывали ностратическую теорию еще до того, как она приобрела в трудах Иллич-Свитыча свой современный вид. Это в первую очередь Бьёрн Коллиндер и Карл Менгес (ср. оценку их исследований: ОС I, с. 44—45).

Последние работы Коллиндера, скончавшегося в 1983 г., в основном суммируют и отчасти дополняют результаты его более ранних исследований, систематизируют собранный им этимологический материал с учетом открытий Иллич-Свитыча. Изложив наиболее яркие свидетельства сходств между уральским и алтайским, юкагирским и индоевропейским, Коллиндер заключает, что аргументы в пользу их генетического родства настолько сильны, что есть только две возможности: признать это родство или отстраниться от проблемы, «Urverwandtschaft oder non liquet» [37, p. 73]. В нескольких статьях специальному рассмотрению подвергнута группа этимологий, указывающих на соответствие между и.-е. ларингалами и велярными согласными в уральском и тем самым важных для вопроса о природе и генезисе ларингалов, многократно обсуждавшегося в индоевропеистике [34; 35; 36] (см. также большую работу по этому вопросу Б. Чопа [51], чьи исследования Коллиндер оценивает как «зондирующие попытки, заслуживающие всяческого признания» [34, S. 370]). Нет сомнения, что именно авторитету Коллиндера как уралиста во многом обязан интерес, проявленный к по-

inslav

стратике в среде специалистов по уральским языкам уже в конце 60-х годов (см. [58; 152; 156]).

К. Менгес в 1968 г. в заключительном разделе книги «Тюркские языки и народы» указывал на родство алтайских языков с уральскими и дравидийскими (более близкое), а также индоевропейскими, японским, чукотско-камчатскими, эскалеутскими и семито-хамитскими (более далекое) [112], признавая тем самым существование постратической макросемьи в составе, сходном с указанным в работе А. Б. Долгопольского. Приверженность идее постратического родства подтверждают и все последующие публикации Менгеса с систематическими ссылками на Иллич-Свитыча и с широким использованием почерпнутых из «Опыта сравнения» этимологий, реконструкций и фонетических соответствий ([107; 108] — проблемы дравидийско-алтайского сопоставления, особенно в сфере морфологии, на широком постратическом фоне; [106] — обсуждение результатов Р. Миллера в области японо-алтайского сравнения, с многочисленными указаниями на нецелесообразность отрыва этого вопроса от общепостратической проблематики; [110] — применение данных постратики к решению проблем тунг.-маньчж. реконструкции). Исследования Менгеса содержат ряд интересных новых этимологий, например:

драв.: тамил. tappu 'ошибаться' ~ угор.: венг. téved ~ тунг.-маньчж.: эвенк. tepti- 'задержаться (в пути)' [107, p. 139];

фин.-уг. *-pa (дееприч.) ~ алт.: тунг.-маньчж. -p/-fi, тюрк. -(y)p ~ драв. -bi [107, p. 170].

В одной из самых недавних работ [109] имеются важные комментарии к постр. *lipʿa 'липкий', тюрк. jap- 'прилипать' (ОС II, с. 18—20) и *Qar/ä/ 'черный' (ОС I, с. 337—338). В последней этимологии наличие среди драв. соответствий тода kār 'медведь' (наряду с тамил. kā 'чернота', karu 'черный') позволяет включить в число возможных рефлексов фин. karhu 'медведь'; менее убедительно выглядят сравнения того же корня с рядом орнитонимов (тюрк. qaraquš 'орел' и qarγa 'ворон', лат. corvus и т. д.).

Трудно, однако, согласиться с общей установкой Менгеса, фактически отрицающего возможность случайных совпадений и стремящегося за любым сходством видеть результат генетического родства или заимствования. Отсюда такие этимологические странности его работ, как, например, сравнение урал. *ńomal 'заяц' с драв. *ńumal, а тунг.-маньчж. *mundu 'заяц' — с драв. *muńal, несмотря на то что драв. формы явно представляют собой варианты, связанные отношением

inslav

метатезы [107, p. 150]. По-видимому, не удалось ему избежать и опасности, особенно грозной при попарном сопоставлении в сфере морфологии: обилие формантов и языков при относительной скудости инвентаря фонем в суффиксальных слогах чрезмерно повышает вероятность ошибок в сближениях, тем более при отчасти ослабленных критериях семантического тождества. Поэтому из многочисленных морфологических этимологий Менгеса полного доверия заслуживают те, где фигурируют заведомо древнейшие форманты, подтверждаемые материалом большинства языков определенной семьи, или же многосторонние (ностратические) сопоставления.

В уже упоминавшихся работах А. Лампрехта и М. Чейки конкретные этимологические разработки встречаются лишь эпизодически; можно отметить, в частности, предположения о связи и.-е. предлога *ku (слав. *къ) с постр. лативной частицей *Kʌ (см. ОС I, с. 368—369 — без. и.-е. рефлекса, но с замечанием о древнем пост- и препозитивном употреблении) и о рефлексе постр. *-NA — суффикса мн. ч. имен одушевленного класса (ОС II, с. 94—96) в греч. me-n 'мы' [101].

Живость мысли и молодой энтузиазм автора хорошо чувствуются в серии небольших этимологических заметок А. Глухака из Загреба, опубликованных в 1977—1982 гг. в югославских, румынских, американских журналах [72—85]. В своих работах он привлекает материал не только шести языковых семей, родство которых продемонстрировал Иллич-Свитыч, но также северокавказских, хуррито-урартских, хаттского, шумерского, енисейских, нигеро-кордофанских, американдских и других языков, мотивируя это своей презумпцией, согласно которой «ностратический праязык. . . является праязыком скорее всего всех языковых семей Земли — языком Homo sapiens с начала его распространения по планете, следовательно от времени порядка 35—40 тыс. лет назад» [81, s. 54]. Особым вниманием Глухака пользуется этрусский язык, который он считает относящимся к восточно-ностратической ветви [78]. Вот некоторые из предложенных этимологий:

постр. *nʌqU 'ночь': и.-е. *nokw-ti ~ чукотск. nəkirit, ительм. nkənk ~ дагест.: агул. naq [81, s. 53];

постр. *Handa 'человек': и.-е. *Handh- (греч. ánthrōpos, хетт. antuḫšaš — но ср. хатт.!) ~ кушит. * ʿʌnd- 'люди, род, племя' ~ монг. anda 'приятель' ~ банту: суах. mtu 'человек' ~ хатт. antuh (без особых колебаний автор относит сюда же нивх. antx 'гость' и даже этрусск. anθi — имя собственное женское) [79];

inslav

адыгейск., кабардинск. markwă 'глиста': сложение из *mar 'земля' (< осетинск. mär) и *kwă (< постр. *kUła 'змея, червь') [72];

этрусск. Θuplθa — имя женского демонического существа нижнего мира: сложение из θup (< постр. *ţubʌ 'глубокий'); -l (генитив) и θa «женщина» [77].

К сожалению, слишком многие из этимологий Глухака сродни двум последним (комментарии к ним для специалистов, видимо, излишни). Несмотря на определенный интерес, который его штудии представляют для дальнейшей разработки ностратического сравнения, приходится признать, что в методологическом отношении они представляют собой большой шаг назад от уровня, достигнутого в исследованиях Иллич-Свитыча, и в гораздо большей мере сродни моногенетическим построениям А. Тромбетти, относящимся к началу века. Сколь вероятным бы не представлялось единое происхождение языков мира (см. об этом ниже), отождествление первоязыка Homo sapiens с относительно «молодым» (порядка 10—15 тыс. лет) ностратическим праязыком является недопустимой аберрацией. Нельзя, конечно, исключить, что ностратическая макросемья не исчерпывается шестью фигурирующими у Иллич-Свитыча дочерними семьями [7*]; более того, даже параллели с заведомо не входящими в эту макросемью языками (северокавказскими, сино-тибетскими, шумерским) могут действительно отражать общий праязыковой источник — но источник этот должен быть гораздо древнее ностратического праязыка. Привлекать такие параллели можно и даже, пожалуй, целесообразно, но только как «довесок» к реконструкциям, основанным на материале тех шести семей, родство которых доказано Иллич-Свитычем. Навешивать же ярлык «ностратических» на условно (без знания фонетических соответствий) воспроизведенные архетипы, полученные из произвольных дистантных сопоставлений — мягко говоря, опрометчиво и неизбежно ведет к серьезным ошибкам.

Дефектность метода весьма наглядно проявилась и в попытке Глухака этимологизировать этрусские числительные из ностратических слов нечислового значения [76], и в статье «Родственен ли сино-тибетский ностратическому?» [80]. В последней предложено 30 сопоставлений ностратических праформ (или праформ для отдельных семей) с сино-тибетскими и тибето-бирманскими реконструкциями Р. Шейффера и П. Бенедикта. Многие из них безусловно интересны (ностр. *kamu 'хватать' ~ сино-тиб. *kem; ностр. *łapa

---

7* См.: *Хелимский Е. А.* Проблема границ. . .

inslav

'плоский' ~ тиб.-бирм. *lap 'лист'; ностр. *mä 'не' ~ сино-тиб. *mə; и.-е. *wel- 'катать' ~ тиб.-бирм. *wal 'круглый' и др.). Но даже при самом большом желании эти сопоставления нельзя счесть доказательством родства; более того, если бы схождения исчерпывались приводимым списком, (а это, вероятно, не так), можно было бы с полным основанием списать их на счет случайного совпадения.

Значительно убедительнее выглядят новые ностратические этимологии в появившейся в 1982 г. небольшой статье чешского исследователя В. Блажека [22]. Автор следует за Иллич-Свитычем не только в форме подачи этимологий, но и в методе поиска новых приемлемых сближений: он выстраивает цепочки из уже предлагавшихся парных сопоставлений (учитывая главным образом работы последних 15 лет: урало-дравидийские сравнения Тайлера [148], семитско-индоевропейские Бруннера [28] и т. д.), дополняя их собственными находками. Блажек допускает принадлежность к ностратической семье чукотско-камчатских, юкагирского, хурритоурартских и дагестанских языков (хотя и не как опорных для реконструкции). Этимологические предположения Блажека имеют, как правило, адекватное фонетическое и семантическое обоснование и, если даже не могут быть безоговорочно включены в «золотой фонд» ностратики, заслуживают внимания; вот одна из наиболее удачных этимологий:

ностр. *šilʌ 'молчать': с.-х. *šl- 'быть спокойным' (евр. šlw/j) ~ и.-е. *seilH- (лат. silēre) ~ ф.-у.: фин. hiljaa 'тихо' ~ алт.: монг. sili 'спокойный' (ср. иное — пожалуй, менее надежное — сопоставление для с.-х. *šl- в ОС II, с. 106—107).

Как отмечал Иллич-Свитыч, «само существование ностратического языкознания оправдывается тем, что оно призвано не только использовать достижения индоевропеистики, уралистики, алтаистики и т. д., но и само должно во многом способствовать развитию этих разделов компаративистики, так же как, например, индоевропеистика способствует развитию германистики, славистики, иранистики» (ОС I, с. 2). Этот аспект особо подчеркивает в своей упоминавшейся выше статье В. А. Дыбо, говоря о том, что уже давно существовавшая гипотеза ностратического родства у Иллич-Свитыча впервые *начала работать*.

Признание этого обстоятельства присутствует и в трудах многих зарубежных лингвистов. Достаточно яркий тому пример — отказ крупнейшего алтаиста Н. Поппе, в свете привлеченных у Иллич-Свитыча ностратических данных, от высказанного им в «Сравнительной грамматике алтайских

inslav

языков» положения о вторичности анлаутного *l̥- в тунг.-маньчж., якобы спорадически развивавшегося из алт. *n- [8*], и принятие им реконструкции алт. *l- [121, S. 225]. К. Менгес ставит вопрос о возможности трактовки алт. *l_2 и *r_2 как церебральных *ḷ, *ṛ с учетом ностратических данных [106, S. 40]. Таблица соответствий дентальных в ностратических языках, опирающаяся на результаты Иллич-Свитыча, уже в 1972 г. включается в одно из авторитетных руководств по сравнительно-историческому языкознанию, принадлежащее перу Р. Анттилы [6, p. 320—321]. Значение данных «Опыта сравнения» для исторической семасиологии (на примере связи значения 'перед' с названиями передних или выступающих частей тела) демонстрирует Р. Эккерт [64].

Апелляция к ностратическим соответствиям заняла наряду с типологическими аргументами центральное место в дискуссии по поводу реинтерпретации системы смычных в праиндоевропейском. Й. Расмуссен [130, p. 15] и А. Лампрехт [96, 97; 99, s. 68] предполагают и.-е. триады смычных, практически тождественные ностратическим и впрямую им соответствующие, что, пожалуй, хорошо поддерживается хеттскими данными. Но типологические соображения, равно как и рефлексация в германском и армянском, заставляют, по-видимому, отдать предпочтение схеме Т. В. Гамкрелидзе и Вяч. Вс. Иванова, а также П. Хоппера, которая предполагает не столь тривиальное соотношение ностр. и и.-е. консонантизма [9*] (в то же время традиционная реконструкция, которой придерживался и Иллич-Свитыч, остается наиболее удобной для объяснения, в частности, греческих рефлексов). Важнейшие данные и предложения по их интерпретации отражены ниже (для триады дентальных смычных):

Ностратический	ṭ	t	d
И.-е. (традиционная реконструкция)	t	d	dh
Хеттский	t-, -tt-	t	t
Германский	þ	t	đ
Армянский	th	t	d

[8*] Ср.: *Poppe N.* Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960, S. 74.

[9*] *Gamkrelidze T., Ivanov V.* Sprachtypologie und die Rekonstruktion der gemeinindogermanischen Verschlüsse. — Phonetica, 1973, t. 27, p. 150—156; *Hopper P.* Glottalized and Murmured Occlusives in Indo-European. — Glossa, 1973, t. 7, p. 141—166. См. также анализ проблемы у А. Р. Бомхарда [25], который поддерживает эту схему как обеспечивающую подобие (и почти полное генетическое тождество) и.-е. и семитской систем консонантизма.

inslav

Греческий	t	d	th
И.-е. (по Расмуссену)	T	t	d
И.-е. (по Лампрехту)	t^c (напр.)	t	d
И.-е. (по Гамкрелидзе и Иванову)	t/t^h	ṭ	d/d^h
И.-е. (по Хопперу)	$t^{(h)}$	ṭ	d

Сильные сомнения вызывает плодотворность направления, отраженного в серии исследований Е. Банчеровского. Под флагом постратики он делает попытку генеральной ревизии уральской фонетической реконструкции с целью максимально приблизить ее к индоевропейской, обычно путем чисто механического переноса на уральскую почву предложенных в индоевропеистике реконструктивных решений. В работах по уральским «ларингалам» [14; 15; 18] Банчеровский, используя предположение Иллич-Свитыча о возникновении урал. долгих гласных при утрате ностр. *g, *q, *ǫ, *γ (МС, с. 322—323), относит к прауральскому времени такой облик корня, который можно допустить — причем не во всех случаях — лишь для более раннего, ностратического состояния (ср., впрочем, отчасти сходную реконструкцию урал. ларингала у Ю. Янхунена — JSFOu 1981, t. 77[9]), и даже говорит об исходности анлаутного ларингала во всех урал. корнях с вокалическим анлаутом. В работах об уральской «апофонии» [12; 17] мы находим идею первичного уральского моновокализма, šəwa uralicum primum и šəwa uralicum secundum, качественный и количественный аблаут и т. д. и т. п.; все это иллюстрируется нагромождением примеров, в котором на равных правах соседствуют и живые продуктивные чередования, и соположения созвучных, но этимологически различных слов одного языка (типа фин. elä- 'жить' и ole- 'быть', kïehu- 'варить' и kuohu 'пена'), и даже межъязыковые фонетические соответствия. Ср. также гипотезы Банчеровского о трех рядах урал. заднеязычных [16] и о триадах в составе глухого, звонкого и звонкого придыхательного смычных [13; 19]. Отсутствие у подобных построений сколь-нибудь прочной фактологической базы становится особенно очевидным, когда автор переходит от общих рассуждений к конкретному материалу. Так, в связи с гипотезой об исходном ларингальном аплауте он не только ссылается на протетические ŋ-, ń- в самодийском — якобы рефлексы ларингалов — но и привлекает набор абсолютно неприемлемых этимологий, типа ненецк. ŋano 'лодка' ~ фин. vene, ненецк. ŋuda 'рука' ~ фин. käsi и под. [19, p. 110—111].

inslav

Ни в одной из работ ему не удалось показать, что предлагаемые усложнения и реинтерпретации уральской реконструкции позволяют хоть в какой-то мере увеличить число объясняемых этой реконструкцией фактов в языках-потомках.

В такой ситуации можно лишь пожалеть, что ностратика в вольной трактовке Банчеровского оказывается теорией перелицовки всех и всяческих праязыков по индоевропеистическому образу и подобию — теорией, которая в подобном виде способна вызвать лишь недоверие любого серьезного исследователя.

Крайне странное «преломление» нашла ностратика в вышедшей в 1980 г. в Финляндии книге К. Коскинена «НИЛАЛ» [95]: этим названием (сокращение от Нил—Урал—Алтай) обозначен общий язык-предок семито-хамитской, индоевропейской, уральской и алтайской семей. Книга почти целиком занята перечнем более чем 500 лексических и морфологических сопоставлений между этими семьями. Среди них четко распознаются две категории: 1) сопоставления, явно заимствованные из работ М. Рясянена, Б. Коллиндера и особенно В. М. Иллич-Свитыча, но без каких-либо ссылок на предшественников (проведя с этимологиями Иллич-Свитыча «редакционную работу», состоявшую в вычеркивании картвельских и дравидийских соответствий, Коскинен даже не упоминает ни его имени, ни слова «ностратика»); 2) абсурдные сопоставления, явно принадлежащие самому автору (например, под № 4 сравниваются егип. kkw 'темнота', и.-е. *k̑ekw- 'испражняться' и урал. *kakta, *käktä 'два'). С учетом этого в книге невозможно усмотреть что-либо, кроме сочетания научной недобросовестности с полной некомпетентностью; нет уверенности, что ее вообще следует воспринимать серьезно (ср. [21]).

Внимание многих ученых было привлечено вопросами «ностратических древностей», тех исторических и антропологических реалий, которые стоят за родством ностратических языков. Вопрос об оценке возраста ностратического праязыка исследовался А. Лампрехтом и М. Чейкой. Следует заметить, что еще в 1963 г. ими была сделана попытка применить глоттохронологию к датировке «индоевропейско-алтайской» эпохи (с учетом совпадения таких элементов списка М. Свадеша, как личные, указательные и вопросительные местоимения), и получен вывод, что эту эпоху «можно отнести к IX—X тысячелетиям до нашей эры, т. е. к периоду, непосредственно последовавшему за последним ледниковым периодом» [30, S. 17]. В одной из последних

inslav

статей Лампрехта и Чейки [101], как и в работе австралийского слависта Р. Слонека [144], изучена представленность лексики ностратического происхождения в современных чешском и словацком языках. Всего сохранено свыше 110 корневых слов; весьма любопытно, что в их числе — 24±±1 слово из 100-словного списка Свадеша, что соответствует глоттохронологическому «прогнозу» сохранности лексики за примерно десятитысячелетний период. Согласно другому подсчету, в 100-словном списке общими для чешского языка с финским, монгольским, грузинским, арабским и тамильским языками являются 9, 8, 6, 5 и 5 слов соответственно, что может отражать дивергенцию порядка 8—10 тыс. лет [101, s. 17].

(Конечно, применение лексикостатистики и тем более глоттохронологии к ностратическим исследованиям требует большой осторожности, в частности, потому, что на больших временных глубинах расчеты по формуле Свадеша оказываются неадекватными без специальных поправочных коэффициентов — пока, увы, не рассчитанных. Это связано с неоднородностью лексикостатистических списков: сохранность некоторых слов — их примерно 10—15 — существенно выше, чем средняя для списков в целом. Примером неосторожного подхода является утверждение А. Эрхарта [65, s. 28—29], что за 10 000 лет в языке может сохраниться лишь менее 1 % основного словарного фонда, основанное на апелляции к давно устаревшей работе С. Гуджинской — Word, 1956, vol. 12, p. 35—45.

Достаточно указать, что этот расчет, относящийся к 200-словному списку, полностью противоречит расчету для списка из 100 слов, в котором сохранность за 10 000 лет должна составить... 23 % [101, s. 17]).

Любопытные соображения в связи с ностратикой (а также некоторыми другими теориями дальнего генетического родства языков) высказал Р. Уэскотт [155]. Общие принципы из сферы антропологии и общей биологии позволяют, по его мнению, коренным образом изменить принятую в лингвистике до сих пор постановку вопроса и принять моногенез языков за постулат — до тех пор, по крайней мере, пока сторонникам полигенеза не удастся доказать противное (ср. замечание Р. Аустерлица, верящего в моногенез «главным образом потому, что предполагать моногенез экономичнее, чем полигенез» [9, с. 120]). Естественным выводом из постулата моногенеза является положение о том, что «праязыки напоминали друг друга в большей степени, чем напоминают друг друга современные языки, и что чем древнее эти пра-

inslav

языки были, тем более сходны, вплоть до временной точки, в которой они полностью совпадали. Эту точку я отнес бы к эпохе верхнего палеолита (20—50 тыс. лет назад)» [155, p. 104].

Концепция Уэскотта строится на чисто дедуктивной основе, а сам ее автор, как видно из некоторых его оценок, довольно далек от компаративистики; однако почти в точности тождественную формулировку можно найти у практика межсемейного сравнения Б. Чопа [56, S. 285—286], а в советском языкознании шансы на *доказательство* (а не постулирование) моногенеза языков с использованием ностратики и других теорий дальнего языкового родства в качестве промежуточных ступеней высоко оценивает Вяч. Вс. Иванов.

3. КРИТИКА НОСТРАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В. М. ИЛЛИЧ-СВИТЫЧА

Среди выступлений против ностратики — не столь уж многочисленных, но (по общему свойству негативных отзывов) получивших довольно широкую известность — можно выделить два основных типа. В первом случае оппоненты пытаются вести критический огонь с позиций традиционного сравнительно-исторического языкознания, т. е. на основе той же аксиоматики и тех же методов, которые использовал и Иллич-Свитыч. Во втором случае налицо эксплицитный или имплицитный отказ от важнейших принципов компаративистики.

В этой статье, конечно, не ставится задача обосновать или реабилитировать от возможных обвинений сравнительный метод в историческом языкознании (или, что то же самое, так называемый «младограмматический» подход к истории языка); как известно, подобных обвинений — и до, и после Н. Я. Марра — выдвигалось немало. Поэтому целесообразно сосредоточить внимание на критических выступлениях первого типа — это главным образом работы «антиалтаистов» Дж. Клосона и Г. Дёрфера.

Появившаяся в 1973 г. развернутая рецензия английского тюрколога Дж. Клосона [32] открывается признанием, что «первым ощущением любого читателя книги не может не быть изумление объемом филигранной тяжелой работы, которую автор вместил в короткую, не более чем тридцатидвухлетнюю жизнь» (p. 46). Но принятие ностратического родства явно было бы несовместимо с позицией активного критика концепции алтайского родства, каким был Дж. Кло-

inslav

сон, и он стремится не дать этому ощущению поколебать свои априорно скептические воззрения, завершая рецензию сожалением о том, что усилия Иллич-Свитыча «были направлены на доказательство истинности чего-то такого, что не может быть истинным» (p. 55).

Критика Клосона состоит в оценке ностратики с точки зрения ее правдоподобия в трех аспектах: 1) география; 2) объем материала; 3) фонетика и семантика. По первому пункту он ограничивается ссылкой на полное несходство древнейших культур и антропологических типов в ареалах распространения языков дочерних семей, что-де говорит против постратики. Столь же «убедительным» было бы отрицание индоевропейского родства со ссылкой на различия между Индией и Европой доисторических эпох; да и единство английского языка оказывается, по той же логике, сомнительным с учетом разного археологического прошлого Британских островов и Северной Америки, Австралии и юга Африки.

Возражения в связи с «объемом материала» касаются в основном того, что реконструированная Иллич-Свитычем ностратическая лексика не полностью покрывает корпус базисных значений (за эталон которого Клосон принимает список Свадеша) и далеко выходит за его пределы. Так, рецензента смущает наличие терминов свойства (ОС I, с. 295—296, 302—304) при отсутствии обозначений мужа, жены, брата, сестры (кстати, это утверждение как минимум наполовину неверно — ср. уже в ОС I *küni 'женщина, жена' и *ḳaɓʌ 'мужчина, юноша' (→ 'муж')). Клосон явно не учитывает, что теория лексикостатистики заведомо не предполагает ни того, что вся базисная лексика должна быть сохранена языками-потомками, ни того, что вся прочая лексика должна утратиться; неубедительность его аргументации отметил Поппе [121, S. 222]. Более обоснованным выглядит замечание об избытке реконструируемых синонимов, но следует учесть, что за этими «синонимами» у Иллич-Свитыча (особенно в МС) фактически стоят обобщенные, приблизительные и поэтому нередко совпадающие реконструкции исходных значений.

Наиболее конкретны замечания по фонетическим и семантическим вопросам. В основном они связаны с уверенностью Клосона в глубокой архаичности «общетюркской» (Standard Turkish) фонетики в сравнении с булгарской, монгольской и тунгусо-маньчжурской. Все ностратические сравнения, где фигурируют алт. *pᶜ, *l′ или *ɨ, отвергаются, поскольку, по Клосону, первичными звуками в этих случаях были

inslav

*h, *š и *ž [10*]. Та же склонность к архаизации тюркских данных заставляет английского тюрколога настаивать на исходной моносиллабичности общетюрк. bōz 'серый' (монг. boro 'серый' якобы является заимствованием из языка булгарского типа, а наращение гласного объясняется тем, что «древние монголы любили слова подлиннее» — p. 54). Вместо принятой Иллич-Свитычем трактовки монг. dalai 'море' как исконного слова (ОС I, с. 216) Клосон настаивает на его возведении к тюрк. ṭaluj 'море', а последнего — к сложению из кит. ta 'большой' и lei 'р. Sang-kan' (очевидной слабостью этой альтернативной этимологии является объяснение алтайских слов из сложения китайских корней, которое самому китайскому языку в значении 'море' неизвестно). Лишь некоторые замечания касаются собственно ностратической части (например, сомнения в семантической надежности ностр. *ʔelA 'жить'), в целом же картина такова: ностратика явно не увязывается с одним из существующих подходов к истории алтайских языков — а именно, с тем, которого придерживался Клосон. Но не заставляет ли это обстоятельство (наряду, впрочем, со многими другими) отдать предпочтение иным подходам?

Самым заметным и, пожалуй, самым резким — в том числе и по формулировкам — выступлением против ностратики явилась вышедшая в 1973 г. книга Г. Дёрфера «Фонетический закон и случайность: соображения по поводу омникомпаратизма» [62]. Данный обзор был бы заведомо неполон без анализа этой работы, отмеченной в первую очередь незаурядными композиционными и стилистическими достоинствами.

Полемику с Иллич-Свитычем, которая занимает в книге центральное место и наибольшую по объему последнюю главу (S. 77—117), Дёрфер предваряет фронтальной атакой на ряд других построений и гипотез в сравнительно-историческом языкознании, которые он объединяет между собой и с ностратикой и считает проявлениями «глоттогонического подхода» и «омникомпаратизма» (т. е. «всесравнения»). Оставляя в стороне лишь отчасти справедливую критику «глоттогонических» теорий в индоевропеистике (к их числу автор относит и ларингальную теорию), рассмотрим более

[10*] Если в своем предположении о развитии h > p в алтайских языках Клосон почти одинок, то защищаемая им трактовка проблемы алтайских «сигматизма-лямбдацизма» и «зетацизма-ротацизма» была принята на вооружение и некоторыми другими оппонентами ностратики.

inslav

подробно те разделы, где Дёрфер стремится обосновать своё полное и абсолютное неприятие любых доказательств дальнего генетического родства.

Наступление на «омникомпаратизм» начинается с сильно запоздалой и в основном неоригинальной критики известных работ А. Тромбетти и Г. Мёллера, относящихся к началу века. Разбирая причины ненадежности многих этимологий из этих работ (и привлечение чрезмерно большого числа языков без опоры на регулярные фонетические соответствия у Тромбетти, и применение типологически неправдоподобной из-за своего большого объема сетки индоевропейско-семитских фонетических соответствий у Мёллера вели к резкому росту элемента случайности), Дёрфер фактически лишь повторяет аналогичные оценки Иллич-Свитыча (см. ОС I, с. 39—40, 43), но, во-первых, перевешивает в них квантор — «не все приемлемо» превращается у него во «все неприемлемо», во-вторых же, стремится выдать явные недостатки этих пионерских работ за универсальные свойства любых исследований по языковому сравнению, выходящих за пределы одной семьи.

В методологическом плане Дёрфер выдвигает против «омникомпаратизма» (и ностратической теории в частности и в особенности) целый ряд возражений. Их состоятельность мы попытаемся ниже оценить с помощью своеобразного эксперимента, подходя с теми же критическими мерками к наиболее развитой области сравнительного языкознания)— индоевропеистике, на которую сам Дёрфер часто ссылается как на эталон.

1) Много раз (S. 107, 113, 121 и др.) повторяются обвинения ностратики в «зацикленности» (Zirkelschlüssigkeit)— этим термином характеризуется использование предположений о вторичных преобразованиях в истории отдельных языков и семей, которые опираются не на имманентные показания, а на данные внешнего сравнения. Так Дёрфер оценивает, например, мнение Иллич-Свитыча о необходимости разграничения и.-е. *bher- 'ребенок' и *bher- 'нести' (ОС I, с. 195) или о вторичности -ʔ- в аккад. bʔr 'ловить' (ОС I, с. 176)— в этом случае налицо, впрочем, и свидетельства других семито-хамитских языков. Нет нужды говорить о многообразии и роли «зацикленных» объяснений в индоевропеистике. Только выход за пределы славянского материала позволяет, например, констатировать вторичность d- в слав. *devętь (лат. novem) или исходное значение 'копыто' у слав. *noga (лит. nagà); готов ли критик на этом основании оспаривать соответствующие и.-е. этимологии?

inslav

2) Препятствием к дистантному сравнению служат, по Дёрферу, «мертвые периоды», когда языки уже вели самостоятельное существование и проходили «неконтролируемое развитие» (S. 75). То же препятствие встречает и индоевропейское сравнение (вспомним хотя бы многотысячелетний «мертвый период» в истории балтийских языков). Но, кстати, сам сравнительно-исторический метод в языкознании, в отличие от историко-источниковедческих методов, возник как средство преодоления подобных препятствий.

3) Вводя понятия «динамической случайности» (сходство этимологически нетождественных форм) и «пустой возможности» (бездоказательное утверждение, которое не может быть опровергнуто и тем самым стоит вне науки), Дёрфер утверждает, что при дистантном сравнении исключить динамическую случайность невозможно — в частности, из-за «мертвых периодов», «а там, где динамическая случайность не может быть исключена, всякая возможность сравнения остается пустой» (S. 75). Весь опыт развития индоевропеистики показывает, что она не застрахована от принятия результатов случайного совпадения за свидетельства родства. Даже для самых общепризнанных этимологий существует какая-то, пусть даже ничтожно малая, вероятность случайного происхождения части наблюдаемых сходств, межъязыкового заимствования и т. п.[11*], не говоря уже о сотнях спорных этимологий, которые пока не удается ни надежно доказать, ни опровергнуть. Видимо, по логике Дёрфера, и в индоевропеистике «всякая возможность сравнения остается пустой», стоящей вне науки.

4) Дёрфер, часто декларирующий свою приверженность принципам младограмматизма, уже в самом начале своей книги ссылается на то, что младограмматики не занимались дальними генетическими связями и.-е. праязыка. По той же причине заслуживает осуждения, видимо, привлечение в индоевропеистике анатолийских и тохарских данных (чего, как известно, в трудах младограмматиков не было)[12*].

5) Признаком «глоттогоничности» — а, следовательно, ненаучности — компаративистических построений Дёрфер считает наличие несовместимых друг с другом гипотез и интерпретаций. Так, он обращает внимание на отсутствие тожде-

---

11* См., например: *Мейе А.* Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. М.—Л., 1938, с. 382—386.

12* Что касается содержательной оценки пренебрежения к опытам внешнего сравнения, господствовавшего в индоевропеистике с конца прошлого века, то трудно что-либо добавить к мнению Иллич-Свитыча (ОС I, с. 40—41).

inslav

ства между системами индоевропейско-семитских фонетических соответствий у Мёллера, у Бруннера и у Иллич-Свитыча, причем преподносит это как свидетельство неадекватности концепций *всех трех* авторов и гипотезы индоевропейско-семитского родства в целом (S. 56—57, 82—83). С этой точки зрения значительные расхождения между и.-е. этимологическими словарями различных эпох и разных авторов должны расцениваться как проявление несостоятельности и.-е. этимологии в целом, да и любая область реконструкции предстанет в образе ненаучной глоттогонии, если принять во внимание все (в том числе чисто дилетантские) альтернативы общепринятых реконструктивных решений.

6) Оппонент отчасти справедливо ставит в вину Иллич-Свитычу использование некоторого числа примеров с отклонениями от установленных им фонетических законов — такие примеры сопровождаются комментариями, где эти отклонения объясняются аналогическими преобразованиями, сосуществованием праязыковых вариантов, вторичными процессами типа метатез и т. д. (S. 90, 113) [13*]. — Критика с подобных позиций не может не оказаться «убийственной» для множества сравнений в индоевропеистике, где классическое «Die Lautgesetze kennen keine Ausnahme» младограмматиков [14*] постоянно дополняется не менее известным изречением Мейе — «Chaque mot a son histoire». (Следует, разумеется, добавить, что многие так называемые отклонения в сравнениях Иллич-Свитыча несомненно объясняются действием особых фонетических законов — например, позиционных распределений — точной формулировке которых препятствует недостаточный объем корпуса сравнений.)

7) Еще один упрек Дёрфера касается неучета эмпирических данных и связан главным образом с критикой предположения Иллич-Свитыча о развитии ностр. анлаутных аффрикат в и.-е. сочетания типа *sk-, *st-. Такое развитие, по Дёрферу, типологически неправдоподобно, ибо ведет к усложнению анлаута (S. 113). Немало уникальных по своему характеру, не подтверждаемых никакими эмпирическими

13* Впрочем, иногда замечания Дёрфера в этой связи лишь выдают невнимательное чтение книги Иллич-Свитыча. Так, он утверждает (S. 98), что сравнение с.-х. *blʔ 'глотать' с алт. *balǫu противоречит установленным Иллич-Свитычем правилам звукосоответствий (с.-х. ʔ ~ алт. Ø). Критик явно не обратил внимания на таблицу для ностр. сочетаний согласных (ОС I, с. 151—152), где фигурирует и соответствие с.-х. -S- ʔ ~ алт. -Sǫ- (S — сонант).

14* Которые в отличие от Дёрфера никогда не понимали этот принцип слишком буквально; см.: *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 82—92, 141, 191—193 и др.

inslav

данными фонетических законов имеется и в индоевропеистике (возьмем хотя бы такой пример, как *s > x после i, u, r, k в славянском). Что касается постулируемого Иллич-Свитычем развития, которое вызвало сомнения также у Скалички [143, S. 24], то во всяком случае эмпирия не дает оснований считать усложнение анлаута невозможным — ср. русск. диал. *строк* «срок», *страм* 'срам' и т. п., а также развитие *č > šg в сванском.

8) Дёрфер вполне резонно предостерегает от нелепостей, которые могут появиться при сравнении с использованием грубых семантических критериев, приводя в качестве примера такой нелепости — к счастью, ранее никому не приходившей в голову — сопоставление тюрк. tört 'четыре' с нем. Torte 'торт (в частности, торт с четырьмя цукатами)' (S. 72—73). Но, собственно говоря, что мешает тем, кто способен к выдвижению подобных нелепых сопоставлений, обратить свои усилия не на дальние генетические связи, а на индоевропеистику или на иную другую область науки? (Сколь-нибудь серьезных замечаний по семантике конкретных сопоставлений Иллич-Свитыча у Дёрфера при этом нет).

Проделанный эксперимент по критике индоевропеистики с применением антиностратических аргументов Дёрфера не означает, конечно, что в ностратике все установлено с той же степенью достоверности, что и в индоевропеистике — или что в индоевропеистике столько же нерешенных проблем, как в ностратике. Но, вопреки утверждениям Дёрфера, *различие между сравнительно-историческими исследованиями в пределах одной семьи и пресловутым «омникомпаратизмом»* (если последний основывается на методах компаративистики) *количественное, а не качественное, и связано оно с усложнением возникающих проблем — естественным следствием углубления реконструкции — но не с коренным изменением характера этих проблем.* Не случайно в своей рецензии на книгу Дёрфера Н. Поппе отметил, что «сравнительное языкознание не достигло своего полного совершенства (если полное совершенство вообще достижимо)» и что если у ностратики и сохраняется гипотетичность, то «не знак ли это того, что наши знания неадекватны, а не того, что ностратическая теория неверна?» [122, p. 159].

Явной некомпетентностью отличаются расчеты, посредством которых Дёрфер стремился показать, что чистая случайность способна породить не меньшее число лексических сходств, чем рассмотрено в ностратическом словаре Иллич-Свитыча. Вот пример вольного обращения со статистикой. Устанавливаемые звукосоответствия должны, отмечает Дёр-

inslav

фер, подкрепляться примерами, «но для такого звука, как *c* есть только три примера (на самом деле четыре, см. ОС I, с. 195—199 — *Е. Х.*). При трех примерах на шесть групп не оказывается даже одного примера для сравнения какой-либо одной группы с другой. Ясно, что никакого фонетического закона при этом не получается» (S. 92). (Следуя математике Дёрфера, нетрудно удостовериться, что если компания из шести человек совершила трехчасовое путешествие, то совместная поездка каждого с каждым длилась. . . всего по полчаса.) На том же уровне написан и целый раздел, озаглавленный «Математическое опровержение ностратической теории» (S. 107—113) — достаточно указать, что вероятности автор считает в целых числах (а не в долях единицы и не в процентах), явно путая их с математическими ожиданиями.

Лишь относительно малое место занимают в работе Дёрфера возражения конкретного характера против тех или иных этимологий Иллич-Свитыча. Бесспорно, некоторые из замечаний, особенно касающиеся близкого автору алтайского материала, справедливы или по крайней мере требуют пересмотра привлеченных данных. Однако и здесь полемический азарт порой, пожалуй, подводит Дёрфера. Как известно, ему принадлежит неоспоримая заслуга введения в оборот тюркологии важных данных из архаичного в ряде отношений халаджского языка в Иране. Но думается, что он переоценивает значимость этих данных, когда заявляет, что «утверждения Иллич-Свитыча из области тюркологии и алтаистики сегодня благодаря открытию халаджского по большей части устарели» (S. 77—78). Серьезные сомнения вызывает, в частности, попытка опровергнуть реконструкцию постр. *Herä ‘самец’ (ОС I, с. 247—248) путем апелляции к халадж. här ‘Mann’, которое, по Дёрферу, достоверно указывает на тюрк., алт. *p- (S. 77). Отсутствие следов h- в монгольском (ср.-монг. ere, монгор. rē) противоречит такой реконструкции или заставляет считать монг. слово очень поздним тюркским заимствованием (что малоправдоподобно). Утверждению же Дёрфера о том, что халадж. h- никогда не бывает вторичным, неэтимологическим (S. 16) противоречат сообщаемые самим Дёрфером в другой работе примеры такой вторичности: halta ‘шесть’ (*a-), het- ‘делать’ (*e-), hilgär ‘впереди’ (*i-), halačälpāb ‘дождь со снегом’ (из азерб. alačalpu); см.: *Doerfer G.* Materialien zu türk. *h-* (I). — UAJb (Neue Folge), 1982, Bd. 1, S. 102.

Едва ли не наиболее убедительные в ностратической теории сопоставления местоимений и грамматических формантов

inslav

Дёрфер вообще игнорирует, отмежевываясь идеей о звукосимволической природе дейктических элементов (хотя эта идея явно относится к области глоттогонии, с которой он так активно борется). Данная идея аргументируется ссылкой на наличие аналогий за пределами ностратической макросемьи: ср. монг. ene 'этот', tere 'тот' и нивх. ad' 'этот', tïd' 'тот' (S. 84); Дёрфер не учитывает, что отсутствие в «Опыте сравнения» нивхского материала не означает, что этот язык заведомо не родствен ностратическим. Говоря о необходимости считаться с наличием миграционных терминов, Дёрфер ссылается на такие параллели контактного происхождения, как и.-е. *uoino- ~ сем. *wyn 'вино', и.-е. *tauro- ~ сем. *twr 'бык' (S. 89). При этом у читателя книги может сложиться впечатление, что Иллич-Свитыч пользовался данным материалом как свидетельством ностратического родства, хотя в действительности ностратическим разработкам предшествовала (незнакомая Дёрферу?) статья Иллич-Свитыча «Древнейшие индоевропейско-семитские языковые контакты» (В кн.: Проблемы индоевропейского языкознания. М., 1964, с. 3—13), где рассмотрены и приводимые Дёрфером слова.

Основные изложенные выше моменты критики ностратической теории повторены еще в одной работе Дёрфера [61].

Если критика Дёрфера ставит целью «отлучение» ностратики от сравнительно-исторического языкознания (хотя в действительности оказывается во многом обращенной против последнего), то для многих других работ, в той или иной степени оспаривающих выводы Иллич-Свитыча, характерны одновременно с этим или отход от некоторых важнейших принципов компаративистики, или по крайней мере сомнения в их универсальной применимости.

Вполне естественным для старейшины итальянской «неолингвистики» представляется неприятие идеи ностратического праязыка в рецензии В. Пизани [118]. Не имея никаких конкретных замечаний к материалу и сравнениям Иллич-Свитыча, рецензент предполагает, что речь идет лишь о серии лексических, грамматических, структурных фактов, диффузно распространившихся в региональных идиомах, более или менее тесно связанных между собой (точно так же Пизани оценивает и данные сравнительной индоевропеистики). Гораздо сочувственнее отнесся он к таким — на наш взгляд, крайне слабым — работам по проблематике дальних языковых связей, как монографии А.-М. Уэссона [149] (где предполагается «контактное родство» между индоевропейскими и финно-угорским) и С. Левина [104] (где выдви-

inslav

нуть идея о семитизации еврейского языка, первоначально бывшего индоевропейским [15*]); каждая из этих книг признается «эффективным ударом по устаревшей генеалогистической трактовке отношений между большими языковыми семьями» [119]. Ср. также аналогичные мысли Пизани в связи с индоуральской проблемой [120].

Неолингвистический подход представлен и в работе Г. Гарбини «Семито-хамитский и индоевропейский» [70]. Автор утверждает, что традиционная реконструкция прасемитской морфологии (К. Брокельман и др.), на которую ориентировался и Иллич-Свитыч, неверна, ибо основана на данных неархаичных, «аморейизованных» семитских языков (арабский, еврейский), в то время как исходный морфологический тип был лишен апофонии и суффиксальной флексии, а потому несопоставим с индоевропейским типом. Наблюдаемые индоевропейско-семитские параллели Гарбини объясняет тем, что в рождающуюся индоевропейскую семью были «приняты» семиты-амореи. К. Петрачеку принадлежит не слишком удачная попытка синтезировать идеи Гарбини и ностратику ([117], см. также более конкретные по материалу работы [114; 115; 116]). Выдвигая встречное — и столь же произвольное — предположение о поглощении семитской языковой семьей некоего языка индоевропейского типа, Петрачек признает удобство ностратической гипотезы как инструмента для решения проблем языковой предыстории, но предпочитает «считать ностратическую систему скорее определенным набором правил перевода, нежели языковой реальностью» [117, S. 62]. Отметим в этой связи, что трактовка, отказывающая праязыковой реконструкции в реальности и видящая в ней лишь набор переводных правил, неоднократно выдвигалась не только в отношении ностратического, но и в отношении индоевропейского и даже славянского [16*] родства.

[15*] Уже с суперобложки книги Левина читатель узнает, что «данное исследование основывает всю теорию непосредственно на прямо наблюдаемых фактах в засвидетельствованных языках и устанавливает детальное сходство между ними без реконструкции каких-либо утраченных прототипов», тогда как все идеи сравнительно-исторического языкознания — плод фантазии немецких философов-романтиков, слишком наивно и буквально воспринявших библейское предание о вавилонском столпотворении. Неясно, стоило ли удостаивать эту книгу дискуссии на страницах журнала «General Linguistics» ([146]—[105]—[145]).

[16*] См.: *Хелимский Е. А.* Славянское сравнительно-историческое языкознание в США. — В кн.: Славяноведение и балканистика в зарубежных странах. М., 1983, с. 274—275.

inslav

Как отметил Иллич-Свитыч, «идея о недоказуемости родственных связей индоевропейского с другими языковыми семьями столь прочно укоренилась в индоевропеистике, что те ученые, которые обратились все же к данным внешнего сравнения, обычно стремились заменить традиционную компаративистскую концепцию гипотезой о «смешении» языков, или конвергентном развитии, и соответствующим образом формулировали свои выводы» (ОС I, с. 40—41). Подобная двойственность подхода — генеалогическое изучение языкового родства до определенного временного рубежа и использование трактовок неолингвистического толка далее — отчетливо просматривается и в ряде работ последнего времени.

Американский лингвист Р. Аустерлиц видит источник сходств между языками различных семей в креолизационных процессах и рекомпозициях генетических группировок, которые имели место в доисторические эпохи [7]. С ним нельзя не согласиться, когда он высказывает сожаление об употреблении слова «сравнение» (межъязыковое) в двух значениях: «сопоставление с установкой на удовлетворение набору уже существующих правил» и «соположение двух слов в надежде, что они в итоге удовлетворят правилам, которые пока не установлены» [8; 9]. К сожалению, Аустерлиц не попытался увидеть разницы между этими двумя способами сравнения, перейдя к анализу совокупности выдвигавшихся когда-либо теорий дальнего родства между языками Евразии. Смешение тщательно аргументированных теорий (индоуральской, урало-алтайской) и единичных, часто выполненных на дилетантском уровне наблюдений создало картину чрезвычайной пестроты и противоречивости теорий родства, что и обусловило печальный вывод Аустерлица: «Пришло, думается, время, когда лингвисты должны искать ответы на свои вопросы в областях, лежащих за пределами лингвистики» [8, p. 51]. Автор имеет в виду главным образом данные о характере демографических и миграционных процессов прошлого; но не ведет ли его предложение в полный тупик, если учесть, что до сих пор такого рода данные в отношении доисторических эпох удавалось получить как раз благодаря лингвистике?

Скептицизм крупного венгерского уралиста П. Хайду в отношении постратики проистекает из уверенности, что «реконструкция языковых явлений более чем восьми-десятитысячелетней давности методами современной компаративистики заведомо безнадежна и заранее обречена на неудачу» [88, 64. old.]. Хайду полагает, что «лексические и морфоло-

inslav

гические параллели уральского и других языков, которые можно назвать северноевразийскими, не могут быть объяснены ни древнейшим родством, ни заимствованиями, но что они являются наследием очень древней 'квазиродственной связи' (rokonságszerű kapcsolat), относящейся к доуральской, доиндоевропейской и т. д. эпохам. Под квазиродственной же связью мы понимаем не моногенез языков, а то, что в ходе многотысячелетней истории своего формирования эти языковые семьи занимали смежные географические ареалы, и благодаря территориальным связям еще в процессе своего зарождения развивались как члены единого языкового союза» (там же, см. также [87]). Более или менее близкие идеи развивают К. Бергсланд [20], а в нашей стране — Л. Палмайтис (Вопросы языкознания, 1978, № 1).

Статья Э. Коренчи о ностратической гипотезе, опубликованная в английском [94] и венгерском [93] вариантах, оставляет впечатление недостаточной четкости позиции автора. С одной стороны, фактически отвергается идея генетической интерпретации сходств между ностратическими языками, заменяясь понятием «ностратического ареала». С другой стороны, Коренчи достаточно подробно пересказала содержание первого тома труда Иллич-Свитыча, признав, что на фоне его теории приобретают неполный, переходный характер изыскания в сфере парных связей между языковыми семьями [94, 109. old.]. Представив подсчеты числа этимологически тождественных (по Иллич-Свитычу) корней в различным образом скомбинированных парах и тройках праязыков, она — в качестве требующей объяснения проблемы — отмечает низкие показатели сохранности ностратической лексики в картвельском и дравидийском. Однако следует заметить, что в рамках избранной Коренчи ареальной интерпретации такой проблемы вообще возникать не должно, поскольку интенсивность ареальных взаимодействий может варьироваться в широком диапазоне. Фактически же низкие показатели являются прямым и неизбежным следствием относительной молодости картвельского и дравидийского праязыков, на что справедливо указали выполнившие аналогичные подсчеты А. Лампрехт и М. Чейка [101, s. 15]; см. также [29; 103].

Дальше других исследователей отходит от принятых в компаративистике представлений об историческом развитии языков А. Эрхарт [65]. В отдельных своих высказываниях он сближается то с Дёрфером (ностратика «относится к категории тех умно сконструированных гипотез, которые нельзя ни с окончательной ясностью отклонить, ни признать

inslav

достоверными» — s. 29), то с Аустерлицем («за счет интеграции древних языков могли возникать новые языки, качественно отличные от смешивающихся компонентов» — s. 30), то с Хайду (Иллич-Свитыч «пытается доказать нечто, что просто недоказуемо, а именно гипотетическое родство языков, дифференциация которых началась в эпоху не менее 10 000 лет тому назад» — s. 28). Вполне эксплицитно звучит у Эрхарта и формулировка о «конечной границе применения сравнительно-исторического метода», который, по его мнению, не может выйти за пределы такого генетического единства, как jazykovy kmen (нем. Sprachstamm, общепринятого русского эквивалента не существует), примером которого служат алтайские и семито-хамитские языки (s. 29). Наибольшей оригинальностью (но, как кажется, сомнительной ценностью) отличается предлагаемая Эрхартом новая схема классификации языков, которая якобы синтетически совмещает в себе генетическую, ареальную и типологическую классификации: языки подразделяются по крупным ареалам, а внутри каждого из ареалов — на «архаические», «первичные» и «вторичные» языки, например:

	«архаические»	«первичные»	«вторичные»
Европа	яфетические	уральские	индоевр.
Северная и Центральная Азия	палеоазиатские	монгольские и тунгусские	тюркские

и т. д. (в комментариях к этой схеме Эрхарт весьма лаконичен — не потому ли, что она говорит сама за себя?). Вне специальной связи с этой довольно странной классификацией излагается объяснение сходств между ностратическими языками как проявлений «ностратического языкового цикла», образованного цепочкой связанных «аллогенетически» языковых семей (s. 30).

Несмотря на различие используемых терминов (языковая диффузия, контактное родство, креолизация, квазиродственная связь, ареальное сродство, языковой цикл, аллогенетическая связь и т. д.), за всеми изложенными мнениями стоит представление о том, что к далеким от нас эпохам неприменима опорная для компаративистики модель дивергенции первоначально единого праязыка — модель, классическим образцом которой служит развитие романских языков из латыни — и что языки могли формироваться по каким-то иным, неизвестным нам моделям.

Возможно, многие лингвисты, воодушевленные успехами сравнительно-исторического языкознания, готовы отверг-

inslav

нуть это представление как неконструктивно негативное. Но нельзя забывать и о том, что модель дивергенции праязыка индуктивна, и ее экстраполяция на все языки и эпохи в известной мере условна. Конечно, у этой условности достаточно прочный базис индукции. Принципиально однотипная — не по внешним обстоятельствам, а по внутриязыковому содержанию — дивергенция праязыков или непосредственно, или по надежным косвенным данным засвидетельствована у этноязыковых общностей, весьма различных и по географической среде обитания, и по стадии социально-экономического развития (ср. языки скандинавские, славянские, нидерландский и африкаанс, монгольские, прибалтийско-финские, банту, полинезийские, современные арабские диалекты и т. д.). Это позволяет скептически отнестись к попыткам ограничить сферу действия сравнительно-исторического метода географически (например, Северной Евразией) или исторически (например, эпохой неолита) [17*]. Следует в то же время иметь в виду, что компаративистика пока не располагает достаточно полными и надежными результатами по генетической классификации и праязыковой реконструкции для таких интересных и своеобразных регионов, как Америндия, некоторые части Африки и особенно Австралия и Новая Гвинея. Возможно, дело объясняется всего лишь недостатком материала и сосредоточенностью усилий лингвистов на безусловно более актуальной задаче фиксации и описания соответствующих языков. Однако имеются указания на то, что по крайней мере некоторые приемы компаративистики к этим языкам неприменимы или ограниченно применимы — например, значительные трудности вызывает лексико-этимологический подход к группировке австралийских языков, где особо высокая активность процесса лексических замен приводит к тому, что «любые идиомы, находящиеся в контакте сколько-нибудь продолжительное время, имеют 40—60% общей лексики в результате этого процесса (т. е. независимо от генетической принадлежности)» [18*].

17* См.: *Долгопольский А. Б.* О так называемых границах применения методов сравнительно-исторического языкознания. — В кн.: Генетические и ареальные связи языков Азии и Африки. Тезисы докладов. М., 1973, с. 108—112.

18* См.: *Порхомовский В. Я.* Проблемы генетической классификации языков Африки. — В кн.: Теоретические основы классификации языков мира. Проблемы родства. М., 1982, с. 223. В этой же статье приводится и уникальный пример возможного нарушения принципа однозначности генетического родства — язык маа (мбугу) в Северной Танзании. Тем не менее, автор не видит реальных альтернатив генетической модели.

inslav

Видимо, лишь тогда, когда сравнительно-историческое языкознание справится (как хочется надеяться) с такого рода проблемами, использованная Иллич-Свитычем экстраполяция модели праязыковой дивергенции на эпохи верхнего палеолита и мезолита получит вескую дополнительную мотивировку. Тем не менее уже сейчас бесспорны определенные достоинства этой экстраполяции в сравнении с идеями о контактной (квазиродственной, аллогенетической. . .) природе связей между ностратическими языковыми семьями.

1) В отличие от своих предшественников по изучению ностратической проблематики, Иллич-Свитыч смог предложить (а никто из его критиков не смог опровергнуть) цельную реконструкцию системы общего праязыка, из которой *полностью* выводимы системы *каждого* из дочерних праязыков. При контактном, цепочечном характере связей скорее можно было бы ожидать, что реконструкция окажется возможной в лучшем случае только для каждой пары контактировавших праязыков, причем реконструкции для разных пар будут несводимы друг к другу.

2) Если оставить в стороне взгляды неолингвистов — наиболее последовательные, но явно уже изжившие себя в науке — то остается непонятным, почему именно временная глубина праязыков отдельных семей (т. е. уровень реконструкции, достигнутый компаративистикой прошлого века) оказывается тем рубежом, после которого «включается» модель дивергенции праязыка, но до которого процессы языкового развития должны были идти некими иными путями. Налицо, по-видимому, стремление рассматривать праязык, язык-основу именно как прочную, едва ли не испокон веков незыблемую «основу» для позднейшего разрастания генеалогического древа языковой семьи — тогда как в действительности любой известный нам праязык был одним из множества современных ему языков, которые не стали праязыками лишь по экстралингвистическим обстоятельствам, обусловившим гибель или ассимиляцию их носителей.

3) Наконец, правдоподобие принятой Иллич-Свитычем модели дивергенции ностратического праязыка, органически входящей в его ностратическую теорию, может и должно оцениваться по ее способности «работать», т. е. объяснять первоначально не охваченные или вновь открытые факты. Представляется, что результаты исследований последних лет — как зарубежных, так и остающихся за рамками данного обзора отечественных — отчасти подтверждают, отчасти дополняют и развивают основные выводы Иллич-Сви-

inslav

тыча, а новый фактический материал (равно как и материал, которым оперируют стоящие на «антидивергентных» позициях критики ностратики) не потребовал пересмотра методологических основ теории.

В заключение этого раздела упомянем еще об одной — как кажется, недостаточно продуманной — попытке объяснить сходства между ностратическими языками без гипотезы родства.

В своей недавней статье Д. Дечи [59] декларирует, что индоевропейская прародина располагалась в районе Одры—Везера, а уральская — на крайнем востоке Европы, что территории этих прародин были невелики и что промежуточные области были заняты «яфетическими» (?!) языками (заметим, что ни одно из этих утверждений не является общепринятым или хотя бы широко распространенным в современной науке). Возможность контактного происхождения сходств Дечи поэтому отвергает, но и генетическое объяснение не удовлетворяет его: «Выявленные до сих пор сходства могут быть архетипически-универсальными (archetypisch-universell) и могут оцениваться как продукты конвергенции или случайного совпадения» [59, s. 16]. Но перевод проблемы в плоскость привлекающей внимание Дечи палеолингвистики (ср. [60]) не только непродуктивен, но и крайне неэффективен: моментально возникает — и не находит ответа — вопрос о том, почему «архетипически-универсальные» явления (если к ним, как, видимо, полагает автор, следует отнести название воды, и.-е. *ued- ~ урал. *wet, или окончание аккузатива, и.-е. *-m ~ урал. *-m) не представлены в праязыках большинства языковых семей Земли?

4. ИССЛЕДОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ПОПАРНОГО СРАВНЕНИЯ ЧЛЕНОВ НОСТРАТИЧЕСКОЙ МАКРОСЕМЬИ

Как уже говорилось, гораздо шире, чем общеностратические работы, представлены в зарубежной лингвистике исследования, ограниченные материалом каких-либо двух из шести языковых семей, входящих в ностратическую макросемью. Такое ограничение бесспорно ослабляет надежность конкретных сопоставлений и реконструкций, оставляет слишком широкий простор для случайности; Иллич-Свитыч привлекал попарные сравнения в своем ностратическом словаре лишь в порядке исключения. Тем не менее, нельзя не иметь в виду, что из сведения воедино разрозненных попарных сближений родилась значительная часть его ностратических этимологий. Любое интересное наблюдение, сде-

inslav

ланное при попарном сравнении, имеет хорошие шансы превратиться в обобщение, уточняющее наши представления о ностратическом праязыке — при условии, что дальнейший анализ материала остальных дочерних семей даст результаты, подкрепляющие первоначальное наблюдение или по меньшей мере не противоречащие ему.

Следует отметить, что под несомненным влиянием трудов Иллич-Свитыча попарное сравнение все чаще и эксплицитнее оценивается самими авторами соответствующих работ как исследование одного из фрагментов общей картины ностратического родства.

Наиболее развитой и привлекающей наибольшее внимание областью остается, как и раньше (ср. ОС I, с. 38, 41—42), *индоуральское* (индоевропейско-уральское) сравнение, оперирующее материалом двух наиболее тщательно изученных в сравнительно-историческом плане семей. С 1965 г. было опубликовано около 50 книг и статей по этой проблематике (выше уже рассматривались или упоминались работы Банчеровского [12—19], Дечи [59], Глухака [83], Коллиндера [34—36], Пизани [120], Уэссона [149]).

Самый весомый в количественном и качественном отношении вклад принадлежит югославскому индоевропеисту академику Бояну Чопу из Любляны, автору не менее 20 работ (включая три книги) по индоуральскому сравнению, реконструкции индоуральского праязыка и применению внешних данных в решении отдельных вопросов индоевропеистики [38—57]. Центральное место среди этих работ занимает серия «Indouralica», выходящая отдельными выпусками (в виде статей в различных журналах), из которых каждый посвящен обоснованию определенной группы фонетических соответствий между двумя праязыками и содержит несколько десятков индоуральских этимологий, иллюстрирующих эти соответствия.

Серия должна включать в общей сложности 18 выпусков, из которых до сих пор опубликовано 9 [42—50].

Судя по первым публикациям Чопа, появившимся в 1970 г. (хотя разработка индоуральской проблематики велась им с конца 40-х годов), он был еще незнаком или недостаточно знаком с результатами Иллич-Свитыча, что не помешало принципиальной близости позиций. Во многом следуя, как и Иллич-Свитыч, за Коллиндером, Чоп безоговорочно поддержал концепцию генетического родства индоевропейского и уральского праязыков и постулировал существование их общего предка — индоуральского праязыка, который в свою очередь объединяется с праалтайским и,

inslav

возможно, некоторыми другими языками [19*] в рамках евразийской (=постратической: в более поздних работах Чопа эти термины используются как синонимы) макросемьи [46, s. 152—153; 51, s. 5 ff.]. В отличие от Иллич-Свитыча, принявшего на себя грандиозный труд установления систематических соответствий между всеми членами этой макросемьи и реконструкции их общего праязыка, Чоп поставил задачу максимально расширить число одних только индоуральских сближений (с эпизодическим привлечением алтайского материала) и уже в первых своих работах указал, что им выявлено свыше 500 корневых и свыше 150 суффиксальных параллелей — вдесятеро больше, чем было известно в конце 40-х годов [20*], что создает достаточный базис для приложения методов классической компаративистики.

Этой общей ориентации Чоп не изменил и в дальнейшем, хотя знакомство с «Опытом сравнения постратических языков» нашло отражение не только в высокой оценке этого труда на страницах работ Чопа [21*], но и в использовании большого числа впервые предложенных Иллич-Свитычем этимологий, и в постоянной апелляции (изредка критической) к его результатам. В целом «Опыт сравнения» и работы Чопа можно, пожалуй, рассматривать как в известной мере независимые друг от друга достижения лингвистической мысли, сопоставляя как материал, так и выводы обоих авторов.

Абсолютное большинство в публикациях Чопа принадлежит найденным им самим сближениям — порой очень точным и красивым, порой сомнительным. Особенно интересны приводимые в подтверждение корневых и суффиксальных этимологий индоуральские соответствия на уровне целых

19* Не занимаясь специально вопросом о границах макросемьи, Чоп склонен относить к ней также, в частности, семито-хамитский и шумерский [56, S. 289]. Материал таких языковых групп, как картвельская и дравидийская, им не привлекается.

20* В работах Иллич-Свитыча представлено около 250 индоуральских «фрагментов» постратических этимологий.

21* Любопытно, впрочем, что одно из первых высказываний Чопа в связи с трудом Иллич-Свитыча было довольно сдержанным: «Столь широкая (по количеству охваченных сравнением языков. — *Е. Х.*) исследовательская деятельность представляется пока преждевременной» [47, p. 87]. Ср. более позднюю оценку Иллич-Свитыча как «гениального советского исследователя», чьи этимологические разыскания «дали более широкую основу для установления фонетических соответствий и даже для обнаружения исходного (индоуральского или даже праевразийского) фонетического состояния. Фактически Иллич-Свитыч вплотную подошел к правильным представлениям, и его праевразийская фонетическая система требует внесения лишь некоторых необходимых корректив» [41, S. 5] (см. также [44, p. 116]).

inslav

морфемных комплексов — редкие, но тем более важные, например, хетт. lamn-ija, греч. onoma-ínō ~ манс. nama-i̯- 'называть' [43, s. 175].

В своих работах югославский лингвист рассмотрел и проиллюстрировал следующие фонетические соответствия (перед знаком // указаны индоевропейские, после него — уральские рефлексы):

ларингалы // -k-, -γ- [51] (см. также [39]);

m//m; n//n, ń, ṇ; l//l, l′, ḷ; r//r (также r-//l-) [42];

i̯//j; u̯//w [43];

(s)p-//p-; (s)t-//t-; k̂-, (s)k-, (s)kʷ-//k- [44]. Для s-mobile автор считает вероятным (по крайней мере для значительной части случаев) происхождение из префикса *s- 'на' [44, p. 182—184];

bh-//p-; dh-//t-; ĝh-, gh-, gʷh-//k- [45];

-(ŋ)g-//-ŋ-; -(ŋ)ĝ-//-ŋ-; -(ŋ)gʷ-//-w-, редко -ŋ- [46]. Чоп предлагает реконструкцию индоур. *-ŋ-, *-ń-, *-ŋʷ-; примеры с и.-е. -ŋg- и под. (в отличие от -g- и под.) объяснены как рефлексы сильной ступени в старом, индоуральском чередовании ступеней;

-p-//-pp-; -t-//-tt-; -k-, -k̂-, -kʷ-//-kk- [47]. В отдельных случаях Чоп предполагает преобразование индоур. *-tt- > > *-nt- > и.-е. *-(n)dh-;

-s-//-ć-, -č-; -t- (редко -d-)//-ćć-, -čč-; -(n)dh-//-Nć-, -Nč-; -(n)t- (редко -(n)d-)//-Nćć-, -Nčč- [48]. Нужно подчеркнуть, что материал, привлеченный Чопом к обоснованию соответствий уральских геминированных аффрикат, весьма интересен (у Иллич-Свитыча этот тип соответствий не предусмотрен). Для индоуральского реконструируется система без аффрикат, но с тремя сериями дентальных смычных (простые, палатализованные и церебральные);

-r-//-δ-; -l-//-δ′- [49];

-(N)Dh-//-NT-; -(N)T-//-(N)TT- [50].

Судя по имеющимся в отдельных работах замечаниям (см., в частности, [41, s. 6—7, 17 ff.; 38]), Чоп принимает для индоуральского вокализм, близкий уральскому. В первом слоге уральским ä, e, i, ü, ę, i̯ соответствует и.-е. e (с аблаутными чередованиями), а урал. a, o, u имеют два вида соответствий: и.-е. a (обычно тогда, когда во втором слоге уральской праформы находятся a, ä) и и.-е. e в одной из ступеней аблаута (обычно при урал. e, ę второго слога). Помимо этого «a-умлаута», рефлексом a, ä второго слога

inslav

является, по Чопу, тематический гласный в и.-е. генитиве-аблативе ед. числа (*(H)onťťa 'передняя сторона' > урал. *ońćća, и.-е. *(H)ant(e/o)-.

Следует отметить, что использование индоуральских реконструкций появилось в работах Чопа под несомненным влиянием исследований Иллич-Свитыча, тогда как вначале он принципиально отказывался от воспроизведения фонетических архетипов и праформ отдельных морфем, мотивируя это недостаточностью сравнения всего только двух языков-потомков для такой реконструкции [46, s. 154].

Как нетрудно убедиться, по отдельным частным моментам между трактовками Иллич-Свитыча и Чопа имеются расхождения. Такие расхождения — а главное, корпус примеров, которыми оперирует в соответствующих случаях каждый из авторов — нуждаются в специальном анализе, хотя, быть может, для критиков типа Дёрфера они послужили бы основанием к констатации несостоятельности теории индоуральского родства в целом.

Рассмотрим одно такое расхождение. Чоп в [49] постулирует соответствия: и.-е. r ~ урал. δ, и.-е. l ~ урал. δ'. Второе из этих соответствий принимал и Иллич-Свитыч (ностр. *λ), иначе обстоит дело с первым из них: по Иллич-Свитычу, соответствием урал. δ (встречается только в инлауте) служит и.-е. dh (ностр. *-d-). Всего Чоп приводит 10 примеров с урал. δ, причем в двух случаях научная корректность (бесспорное достоинство работ югославского лингвиста) вынуждает его указать и этимологические альтернативы, гораздо более приемлемые с точки зрения семантики и подтверждающие позицию Иллич-Свитыча: ф.-у. *peδä — 'колоть' ~ и.-е. *bhedh- id. (хотя Чоп выбирает сравнение с *bher- 'сверлить', которое в других работах он связывает с урал. *pura-); ф.-у. *ńεδə — 'связать' ~ и.-е. *nedh- id. (хотя предпочтение автора отдано сравнению с *(s)ner- 'крутить'). Кроме того, Чоп цитирует еще два примера с противоречащим его тезису дентальным смычным в индоевропейском: урал. *ńęwδa- 'стремиться' ~ и.-е. *neudh- 'требовать, желать', урал. *wōδe 'год' ~ и.-е. *u̯et-. Уже этой группой примеров расхождение между трактовками Иллич-Свитыча и Чопа оказывается частично снятым (в пользу трактовки Иллич-Свитыча). Что касается еще восьми случаев с предполагаемым соответствием урал. δ ~ и.-е. r, то вряд ли заслуживают необходимого доверия сравнения урал. *peδрä 'лопатка, холка' с и.-е. *bhrēu-, *bhrū — 'бровь', ф.-у. *kuδə- 'плести' с и.-е. *ger- 'мотать' (ср. иную этимологию этого последнего [44, p. 164]), ф.-у. *kuδjə- 'оболочка'

inslav

(очень сомнительный корень, фактически только саам. guð'jo) с и.-е. *k̂krăpo-, *k̂krăd̂o- 'крыша', а также представленные с индоевропейской стороны лексическими изолятами сравнения ф.-у. *paδə- 'запруда' с лат. pariēs 'степка' и урал. *puδa 'мешочек' с греч. pḗra 'кожаный мешок'. Остаются ф.-у. *oδa- 'спать' ~ и.-е. *erə-, *rē- 'покоиться', ф.-у. *kewδe 'веревка' ~ и.-е. *k̂er- 'шнур, плести' (но ср. сопоставление с урал. *käre- 'мотать' в другой работе Чопа [44, p. 162]!) и ф.-у. *weδə 'домашнее животное (корова, лошадь, северный олень)' ~ и.-е. *u̯er-, *u̯ᵉ-ren- 'баран, овца' — сопоставления, также не лишенные проблематичности, но, возможно, по крайней мере отчасти подтверждающие тезис Чопа, если допустить, что соответствие урал. δ ~ и.-е. r отражает какой-то позиционный вариант постр. *-d-(или *-r-) или даже некую особую праязыковую фонему.

Можно также отметить, что, хотя в принципе Чоп не принимает открытого Иллич-Свитычем закона зависимости тембрового качества и.-е. гуттуральных (*K, *K̂, *Kʷ) от исходного вокализма, реально абсолютное большинство имеющихся у него примеров (см. особенно [44; 45]) подтверждают правильность этого закона; можно предположить, что остальные (противоречащие) примеры в дальнейшем окажутся либо отсеянными, либо позволят установить условия и позиции, при которых наблюдаются исключения из действия закона Иллич-Свитыча. В других случаях расхождения ограничены лишь уровнем интерпретации: так, если Иллич-Свитыч реконструировал триаду постр. *ṭ-, *t-, *d- (дающих и.-е. *t, *d, *dh соответственно и урал. *t во всех случаях), то Чоп предпочитает обойтись без глоттализованного смычного, предполагая при тех же рефлексах исходность *t-, *d- и звонкой дентальной аффрикаты *dδ- соответственно [44, p. 173, 180].

Небезынтересна, по в целом, как нам кажется, неудачна попытка Чопа совместить концепцию постратического родства с так называемой алародийской теорией своего соотечественника К. Оштира [52; 54]. Эта теория ставит задачу лексической реконструкции древнейшего языка средиземноморского региона — «алародийского» — путем более или менее произвольного синтеза данных о доиндоевропейском (главным образом дороманском) субстрате в языках Южной Европы и лексики кавказских, баскского, этрусского и некоторых других языков (якобы потомков алародийского). Из-за полной недоказанности (и, вероятно, ошибочности) алародийской теории соображения Чопа о вхождении аларо-

inslav

дийских компонентов в ностратические языки остаются сугубо гадательными.

В ряде работ ([40] и др.) Чоп выдвигает идею о праанатолийском как индоевропейском диалекте, который находился на северной периферии прародины индоевропейцев и благодаря этому после распада индоуральской общности сохранял ареальные связи с прауральским. Обоснованием этой идеи служит ряд изоглосс, охватывающих уральские и анатолийские (но не прочие индоевропейские) языки; в частности, речь идет о возможном сохранении хеттским языком исходных геминат. Данный вывод Чопа представляется нам, однако, рискованным. Думается, что наличие указанных Чопом изоглосс (в той мере, в какой они сохраняют свою силу и доказательность и в рамках общеностратического, а не только индоуральского сравнения) выглядит естественным и не требующим никаких дополнительных этноисторических экспликаций в рамках «индо-хеттской» концепции, т. е. подразделения индоевропейских языков на анатолийскую и «собственно индоевропейскую» ветви. (Вероятно, отказ многих современных специалистов от этой концепции не вполне оправдан — можно сослаться не только на ее соответствие лексикостатистическим данным, но и на то, что она способна в известной мере сгладить дилеммы, возникшие в последние годы в исследованиях по индоевропейской предыстории.) «Индо-хеттская» концепция хорошо объясняет, почему одна из ветвей, представленная малой по числу языков анатолийской группой, сохраняет едва ли не столько же индоуральских (ностратических) архаизмов, сколько их представлено в совокупности всех остальных групп. Можно думать, что позиция самодийских языков в рамках уральской семьи примерно аналогична позиции анатолийских языков в рамках семьи индоевропейской. К сожалению, самодийский материал привлечен Чопом к индоуральскому сравнению лишь в относительно малом объеме — главным образом как «довесок» к финно-угорским данным. Но если бы такое привлечение практиковалось более широко, то не пришел ли бы Чоп к выводу о прасамодийском как о периферийном уральском диалекте, сохранявшем ареальные контакты с индоевропейцами?

Пока трудно сказать, в какой мере справедлив тезис Чопа о наличии индоуральской подгруппы ностратической макросемьи. Обилие обнаруженных им соответствий (если даже часть из них и не выдерживает критической проверки) — серьезный аргумент в пользу этого тезиса. Особенно впечатляет материал монографии «Индоевропейское склонение

irislav

в свете индоуральской сравнительной грамматики» [41]: индоуральские этимологии 30 (!) числовых и падежных аффиксов, в сочетании с детально разработанной моделью преобразований в системе именного склонения в доиндоевропейский период, позволяют Чопу осуществить реконструкцию цельных именных парадигм для различных типов индоуральских основ, из которых одновременно выводимы парадигмы обоих праязыков-потомков. Как известно, Иллич-Свитыч выделял среди ностратических языков западную и восточную ветви, причем индоевропейские и уральские языки оказывались при таком делении в разных ветвях (см., например: МС, с. 324); такую группировку принимают и многие другие исследователи, в частности, К. Менгес [111]. Однако следует признать, что это деление опирается главным образом на критерии типологического сходства, которым в значительной мере определяется и параллелизм ряда историко-фонетических и историко-морфологических процессов (ср. сохранение ностратической структуры корня и исходного вокализма в агглютинативных восточно-ностратических языках; западно-ностратические языки развивались по пути введения ограничений на структуру корня и морфологизации вокализма). За типологическим подобием может, вообще говоря, не стоять никаких генеалогических реалий — в этом случае группировка ностратических языков может быть иная, в частности, такая, как предполагает Чоп. Окончательные выводы, вероятно, следует отложить до того времени, когда для всех пар ностратических языков появятся исследования, сопоставимые по глубине и качеству исполнения с индоуральскими исследованиями Чопа.

Этим подробно охарактеризованным выше исследованиям предшествовала по времени публикации близкая им по направленности статья В. Скалички [142] [22*]. Опираясь на ряд индоуральских сопоставлений, в значительной части новых (для 1969 г.), Скаличка попытался показать регулярность некоторых нетривиальных фонетических соответствий. Среди них наряду с правильными (но установленными еще ранее Иллич-Свитычем) фигурирует выглядящее довольно странным соответствие, гласящее, что и.-е. звонкие или звонкие придыхательные согласные выступают в тех корнях, где в уральском представлен гласный переднего ряда. Анализ материала вынуждает отклонить это соответствие как необоснованное, так как а) Скаличка допускает звонкость как превокального, так и поствокального соглас-

[22*] См. также комментарий к ней И. Шрёпфера [133].

inslav

ного (т. е. использует примеры и типа греч. gálōs 'золовка' ~ фин. käly, и типа лит. vedu 'вести' ~ фин. vetää 'тащить'; б) среди приведенных им примеров на отсутствие звонкости значительную часть составляют корни, где вообще не представлен смычный согласный (типа греч. méron 'ежевика' ~ фин. muura 'морошка'); в) число контрпримеров, из которых Скаличка упоминает только два, можно значительно увеличить (ср. ОС I, № 7, 15, 17, 19, 21, 23, 24, 63, 85, 87 и т. д.).

В своем фундаментальном исследовании «Уральцы и индоевропейцы» [91], сосредоточенном главным образом на анализе древнейших заимствований, А. Й. Йоки признает (или допускает со знаком вопроса) происхождение из общего языка-предка для 24 индоевропейских и уральских корней (5 местоименных, 10 глагольных, 9 именных). Другие корни, представляющие общее ностратическое наследие и известные по литературе (Коллиндер, Иллич-Свитыч, Скаличка), в этой монографии не рассмотрены, вероятно, потому, что автор, стремясь к максимальной надежности своих выводов, воздержался от привлечения менее достоверных (с его точки зрения) сближений.

Значительное место в индоуральском сравнении занимают вопросы морфологии. Принадлежащая Б. Розенкранцу идея сопоставления ḫi- и mi- спряжений хеттского языка с двумя венгерскими глагольными спряжениями, имеющими в 1 л. ед. ч. -k (суб. спр.) и -m (об. спр.) соответственно [131], получила дальнейшую разработку у этого же автора [132] и — в несколько иной интерпретации — у Э. Зебольда [134]. Зебольд предлагает реконструкцию двух рядов индоевропейского спряжения, восходящих к сочетаниям с субъектными (1Sg eĝ(h), 2Sg tu) и несубъектными (1Sg m(e), 2Sg t(e)) местоимениями; эта реконструкция поддерживается «аргументом уральских языков», причем венгерская система спряжения трактуется как уральский архаизм [23*]. Лишь в виде очень кратких тезисов опубликованы две работы ирландского лингвиста Х. Вагнера, посвященные индоуральскому сравнению в сфере морфологических формантов [153; 154]; интересна ориентация автора на поиск специфических, особенно

[23*] Архаичность венгерской системы подтверждается внутриуральскими данными. См.: *Хелимский Е. А.* Древнейшие венгерско-самодийские языковые параллели. М., 1982, с. 70—88. Проблема двух спряжений индоевропейского глагола наиболее подробно освещена в исследованиях Вяч. Вс. Иванова. См.: Славянский, балтийский и раннебалканский глагол: Индоевропейские истоки, М., 1981.

inslav

точных аналогий, хотя она и приводит к некоторым слишком решительным обобщениям и выделениям группировок довольно странного состава — например, хеттский, тохарский и армянский языки объединяются с пермскими на основании свойства глаголов в этих языках образовывать дериваты на *-sk̂-/*-śk-. Предполагая существование архаичной конструкции «патетикус — эргатив — безличный глагол», О. Хаас [86] (статья написана в 1936 г.) выдвигает ряд гипотез о судьбах этой конструкции и рефлексах ее показателей в индоевропейских и уральских языках, в частности, сравнивает др.-инд. пассив на -уа с элементами -i-, -j- в объектном спряжении угорских языков.

В некоторых известных нам работах позитивные заключения касательно индоуральского генетического родства основываются на спорных в методологическом отношении посылках. Так, Я. Балаж пытается переместить в индоуральском сравнении акцент с материальных совпадений на структурные факты [10; 11]. В книге Дж. Керпса [92] сопоставляются основы местоимений в различных языковых семьях мира, сгруппированные по опорным согласным (лабильные, дентальные и т. д.); расчет вероятностей приводит автора к выводу о связи трех евразийских семей, индоевропейской, уральской и алтайской, и об отсутствии подобной связи между ними и целым рядом других привлеченных языков, в частности семитских и дравидийских. Ш. Ондруш [113] пытается противопоставить подходу Иллич-Свитыча совершенно дилетантский «Метод семантико-лексических полей»; полностью пренебрегая данными и индоевропейской, и уральской этимологии, автор, например, возводит к общему архетипу per-/por — д.-в.-н. faran 'ехать', лат. portō 'несу' и pér 'через', венг. fér 'достигать, вмещаться', forog 'вертеться' и forr 'кипеть' и т. д. и т. п. На грубейшей математической ошибке основано вероятностное подтверждение индоуральского родства у Я. Клода [31]: вместо вероятности того, что число сходств существенно превысит математическое ожидание числа случайных совпадений, он подсчитал. . . вероятность того, что число этих сходств окажется равным произвольно выбранному им самим числу, которое к тому же гораздо меньше указанного математического ожидания.

По своему потенциальному значению для дальнейшего развития ностратики с индоуральскими исследованиями Б. Чопа соперничают работы Л. Бруннера и А. Р. Бомхарда, посвященные *индоевропейско-семитскому* сравнению. Подчеркнем, однако, что речь идет именно о потенциях,

inslav

определяемых богатством собранного в этих работах материала, который лишь после самого строгого критического отбора сможет занять место среди ностратических этимологий.

В книге Бруннера [28] содержится свыше 1100 индоевропейско-семитских лексических сопоставлений (из которых около 100 выделены автором как проблематичные, хотя в действительности число ненадежных этимологий гораздо больше). Они подразделены более чем на 60 групп — таково количество постулируемых автором фонетических соответствий между двумя праязыками (для отдельных фонем, классов фонем, сочетаний и для некоторых специфических особенностей рефлексации — например, колебаний по глухости/звонкости в семитском или инфиксации в индоевропейском). При сравнении этих осоответствий с фонетическими таблицами в труде Иллич-Свитыча нельзя не обнаружить весьма значительных расхождений (на что указывал, в частности, Г. Дёрфер [62, S. 56—57]). Мы не беремся утверждать, что все эти расхождения обусловлены ошибками Бруннера, «засоренностью» его книги неточными сближениями [24*]: вполне возможно, что семито-хамитская часть сравнительной фонетики Иллич-Свитыча еще потребует заметных корректив, особенно с точки зрения учета позиционных особенностей рефлексации (ср., например, замечание о неясной спорадической деглоттализации в семито-хамитском — ОС I, с. 147). Следует, кроме того, иметь в виду чрезвычайно сильную в семитских языках [25*] тенденцию к модификации корня (расширение двухконсонантного корня до трехконсонантного в разных вариантах, лексикализация преобразований позиционной природы и т. д.). Такое положение затрудняет этимологическое исследование и нередко создает совершенно излишнюю «свободу выбора» между исходно родственными или вторично контаминированными вариантами.

Это обстоятельство в значительной мере облегчило и задачу Бомхарда, поставленную в довольно необычном для

[24*] Показательно, что практически все те фонетические соответствия, на которые Бруннер приводит особенно много (свыше 30) примеров, наличествуют и у Иллич-Свитыча (среди них, между прочим, и такое «нетривиальное» соответствие, как сем. *ṣ ~ и.-е. *sk, *sk̑, *skw: здесь решение заведомо диктуется самим материалом, а не презумпциями исследователя).

[25*] И, пожалуй, еще более сильную на семито-хамитском уровне, как свидетельствуют этимологии из первых выпусков «Сравнительно-исторического словаря афразийских языков» под ред. И. М. Дьяконова.

inslav

компаративистики ракурсе: свои лексические сопоставления (отчасти оригинальные, но во многом повторяющие предшествующие работы) этот исследователь предваряет такой реинтерпретацией индоевропейской и семитской (семито-хамитской) систем консонантизма, при которой они приводятся почти в одно-однозначное соответствие (в частности, предлагается реконструкция шести и.-е. ларингалов), а постулируемые фонетические законы приобретают вид тождеств. Несмотря на значительное число интересных наблюдений и этимологий, в целом такой подход вряд ли можно признать продуктивным — хорошо известно, что полного совпадения фонетических систем и полной тривиальности звукосоответствий обычно не наблюдается даже в парах языков, которые генетически стоят друг к другу гораздо ближе, чем индоевропейский и семито-хамитский праязыки. Две большие статьи Бомхарда [24; 26] близки по содержанию и содержат почти одинаковый набор индоевропейско-семитских (с эпизодическим привлечением древнеегипетских и других афро-семито-хамитских данных) сопоставлений (около 200); см. также монографию [27].

Как Бомхард, так и Бруннер признают генетическое родство индоевропейского с семито-хамитским, констатируют ряд совпадений в сфере морфологии, а также допускают вхождение обоих праязыков в более широкую по составу макросемью (хотя непосредственно и не апеллируют к данным ностратики).

Другие исследования последних лет по индоевропейско-семито-хамитской проблематике представляют меньший интерес. Если монография С. Левина [104], несмотря на ее полную методологическую неадекватность и фантастичность основного тезиса об индоевропейском происхождении еврейского языка, все же содержит отдельные небезынтересные сопоставления и во всяком случае говорит о квалификации ее автора как филолога-гебраиста, то разрозненные этимологические изыскания М. Френкеля (суммированные в [69]) носят откровенно дилетантский характер. В основном в теоретической плоскости (возможность ареальной интерпретации связей) лежат упоминавшиеся выше работы Г. Гарбини [70] и К. Петрачека [114; 117].

Проблематика *индоевропейско-алтайского* сравнения (которое вряд ли может обойтись без более широкого ностратического контекста) представлена в зарубежной лингвистике только чрезвычайно слабой монографией А. Эккардта «Корейский и индоевропейский» [63]. Тезис автора о принадлежности корейского языка к индоевропейской семье

inslav

(!) опирается на 170 лексических сопоставлений; об их уровне говорит то, что, например, кор. irŭm 'имя' сопоставлено одновременно с лат. nomen 'имя' и verbum 'слово' [26*], причем первое из этих латинских слов сравнивается в другом месте с кор. nim 'господин'; в качестве параллелей к кор. kŏd, kŏs- 'вещь' приведены и франц. chose (лат. causa не упоминается), и нем. Sache и т. д. Такой же «убедительностью» обладают и морфологические сопоставления. В свете этого трудно согласиться с П. Аалто, который при оценке исследований по проблеме родственных связей корейского языка предполагает, «что даже корейско-индоевропейские сопоставления могут, наряду с урало-алтайской и дравидийской гипотезами, быть включенными в ностратическую гипотезу» [3, p. 27].

Сравнительно немного было сделано за рассматриваемый период в традиционной сфере *урало-алтайских* исследований. Видимо, некоторое ослабление интереса к проблеме урало-алтайского родства связано с осознанием того обстоятельства, что обширный корпус этимологий в работах М. Рясянена, Б. Коллиндера, К. Менгеса (см. ОС I, с. 42) весьма неоднороден по составу и что выделению исконно общего лексического фонда должно предшествовать углубленное изучение контактных связей, в особенности связей между алтайскими и восточноуральскими (самодийскими и угорскими) языками. Именно в этом направлении (анализ заимствований) ведутся в последние годы наиболее интенсивные исследования как за рубежом (А. Й. Йоки, Т. Марк, Н. Поппе, А. Рона-Таш, И. Футаки, П. Хайду, Д. Шипор, Ю. Янхунен), так и в СССР (Э. Р. Тенишев, В. А. Терентьев, Т. М. Филиппова, Е. А. Хелимский).

Ряд публикаций по проблеме урало-алтайского родства имеет обзорный или вторичный характер — это статьи М. Рясянена [129], П. Аалто [4] (очень убедительная сводка морфологических параллелей), Б. Коллиндера [37], Н. Поппе [123] (подчеркивается приоритет качества этимологий над их количеством при обосновании родства), Л. Хонти [89] (опыт критического анализа лексических сопоставлений и перечень примерно 90 наиболее надежных урало-алтайских этимологий, заслуживающих упоминания в «Уральском этимологическом словаре», который готовится в Венгрии).

[26*] Весьма своеобразное новое решение старого вопроса о nomen-verbum'el

inslav

Цельное представление о начатых еще в 40-х годах урало-алтайских исследованиях Д. Шинора позволяет получить сборник его статей в венгерском переводе [139]. Из новых его работ наиболее важны исследования по локативным суффиксам с дентальным согласным [138] (ср. ОС I, с. 11) и лексикологические наблюдения [140; 141]. Следует иметь в виду установку Шинора на неразграничение генетически родственных и контактных явлений в уральских и алтайских языках [137]. Он исходит из пентагональной схемы соотношения отдельных групп этих языков:

САМОДИЙСКИЕ ТУНГУССКИЕ
ФИННО-УГОРСКИЕ МОНГОЛЬСКИЕ
ТЮРКСКИЕ

и в комментариях к ней отмечает: «Севернотунгусские и уральские языки в действительности во многих отношениях ближе друг другу, чем тунгусские и монгольские. Монгольские и южнотунгусские языки обнаруживают такие морфологические сходства, которые не разделяют ни севернотунгусский, ни тюркский. Морфологическая система тюркских языков гораздо более близка финно-угорской, чем монгольской» [139, 136. old.]. В пользу этой схемы говорит, по Шинору, и возможность выделения изоглосс, по-разному членящих урало-алтайский мир (хотя в действительности, на наш взгляд, большинство приводимых Шинором примеров отражает лишь неравномерность распределения лексических и морфологических архаизмов, отчасти ностратического происхождения). Недостаточность такого подхода особенно очевидна при анализе попытки Шинора установить урало-алтайские фонетические соответствия, ориентируясь одновременно на корреспонденции как в довольно поздних заимствованиях (нган. satera~эвенк. čātire 'песец'), так и в лексике, относящейся к ностратическому слою (мар. äŋ~эвенк. amŋa 'рот') [140].

«Сравнительный синтаксис урало-алтайских (туранских) языков» В. Прёле [125] (факсимильное воспроизведение написанной в 40-х годах рукописи) содержит в основном лишь иллюстративный материал, демонстрирующий основополагающие различия между урало-алтайским и индоевропейским синтаксическим строем в сфере атрибутивных конструкций, обстоятельств, придаточных предложений и абсолютных конструкций, и не обладает самостоятельной значимостью по отношению к другой работе того же автора (*Pröhle W.* Grundriss einer vergleichenden Syntax der uralal-

inslav

taischen Sprachen mit besonderer Berücksichtigung der japanischen Sprache. Budapest, 1943), особенно в связи с наличием фундаментального исследования Д. Р. Фокош-Фукса по урало-алтайскому синтаксису.

Следует упомянуть о переиздании (1970 г.) вышедшей в 1931 г. в Пекине монографии С. М. Широкогорова «Этнологические и лингвистические аспекты урало-алтайской гипотезы» [136]. Автор в принципе негативно относится к «эволюционной» концепции в лингвистике, которая, по его мнению, уводит от реальных фактов к таким «фикциям», как праязык и праязыковая реконструкция. Основное содержание — и основную ценность — книги составляет, однако, не теоретическая сторона, а подробные критические комментарии к известной работе О. Соважо (*Sauvageot A.* Recherches sur la vocabulaire des langues ouralo-altaïques. Paris, 1930), главным образом с тунгусоведческих позиций.

Более интересен и перспективен в общеностратическом плане материал исследований по *урало-дравидийскому* сравнению.

В работе 1968 г. С. Тайлер [148] привел список из 153 лексических параллелей (на уровне праязыковых праформ), дополненный сводом фонетических соответствий и указанием отдельных соответствий из области морфологии. Анализ этимологий Тайлера позволяет обнаружить довольно хорошую корреляцию между привлеченным им материалом и материалом Иллич-Свитыча. Так, из 10 первых этимологий четыре ('armpit', 'autumn', 'be', 'be not') представлены в том же виде и в работах Иллич-Свитыча (с привлечением соответствий и из других ностратических языков), еще одна этимология ('abuse') может быть интерпретирована как дополнение или как альтернатива дравидийской части ностр. *manu 'думать, говорить'. В двух случаях ('adhere', 'anus') указанные Тайлером дравидийские формы имеют, по-видимому, ностратическое происхождение, что, однако, для предполагаемых им уральских соответствий (с отличающейся семантикой) не очевидно. Еще два случая иллюстрируют не учитывавшееся в разработках Иллич-Свитыча, но в принципе мыслимое соответствие между драв. анлаутным гласным и нулем звука в уральском (фин. likku- 'шевелить' ~там. ilaku 'трясти', ненецк. lŭky 'тупоконечная стрела'~ там. alaku 'наконечник стрелы').

Значительно более обширный корпус урало-дравидийских сближений содержит, по-видимому, оставшаяся нам недоступной диссертация Э. Пудас Марлоу [126]. В ее докладе на V Международном конгрессе финно-угроведов

inslav

[127] ставится задача рассмотреть только *специфические* урало-дравидийские параллели, не имеющие известных соответствий в других ностратических языках. Перечень таких параллелей включает 71 пример; еще в 23 случаях Пудас Марлоу фактически строит новые (отчасти вполне правдоподобные) ностратические этимологии, дополняя урало-дравидийские сравнения индоевропейским и другим материалом. Вопросу об урало-дравидийском родстве посвящены также работы П. Аалто [1; 2], Й. Эропена [67], И. Пушкаш [128] (переводя вопрос в антрополого-археологическую плоскость, автор предполагает «прото-урало-дравидийское» происхождение мезолитических культур между Прикаспием и Иртышом, Уралом и Копетдагом).

Алтайско-дравидийское сравнение представлено в первую очередь уже обсуждавшимся циклом работ К. Г. Менгеса о морфологических и лексических соответствиях [107; 108]. Ряд монгольско-дравидийских морфологических параллелей отметил Й. Вацек, обративший, в частности, внимание на драв. отглагольное имя на -(u)m в соответствии с монг. -m (ср. ОС II, с. 45—48) [151], см. также [150].

Лишь в отдельных статьях затронута проблематика *картвельско-дравидийского* (Г. Фенрих [68]) *и дравидийско-семитского* (К. О. Шамсуддин [135]) сравнения.

Завершая этот раздел и весь обзор, можно констатировать, что, несмотря на наличие ряда слабых и дилетантских работ, ностратические исследования и в целом исследования по проблемам дальнего языкового родства под влиянием трудов Иллич-Свитыча активизировались и дали немало интересных новых результатов. Дальнейшие успехи в развитии ностратического языкознания будут зависеть от того, удастся ли сохранить или даже превзойти тот высокий уровень, на который вывел изучение дальних генетических связей Иллич-Свитыч.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Aalto P.* The Alleged Affinity of Dravidian and Fenno-Ugrian. — In: PICSTS, p. 262—266.

2. *Aalto P.* Materialien zur vergleichenden Forschung der drawidischen Sprachen. — FUF, 1970, Bd. 38, S. 326—329.

3. *Aalto P.* Proposals Concerning the Affinities of Korean. — MSFOu, 1982, t. 181, p. 19—29.

4. *Aalto P.* Uralisch und Altaisch. — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 323—334.

5. *Aalto P.* Zum Problem des «Nostratischen». — FUF, 1977, Bd. 42, S. 277—280. — Рец. на [106].

inslav

6. *Anttila R.* An Introduction to Historical and Comparative Linguistics. New York — London, 1972.
7. *Austerlitz R.* Long-Range Comparison of Tamil and Dravidian with Other Language-Families in Eurasia. — In: PICSTS, p. 254—261.
8. *Austerlitz R.* On Comparing Language Families. — EFOu, 1978—1979 (1982), t. 15, p. 45—54.
9. *Austerlitz R.* On Comparing Uralic with Other Language Families. — В кн.: ФУНВ, с. 119—130.
10. *Balázs J.* Az indouráli nyelvrokonság elmélete tipológiai szempontból. — In: Általános Nyelvészeti Tanulmányok 12. Budapest, 1978, 5—27. old.
11. *Balázs J.* Zur Frage der indo-uralischen Verwandtschaft. — In: Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, 2. Pars I. Helsinki, 1968, p. 37—45.
12. *Bańczerowski J.* A Contribution to the Theory of Uralic Apophony. — In: Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, 4. Pars III. Budapest, 1981, p. 195—201.
13. *Bańczerowski J.* Bemerkungen zu den Theorien über das Klusilsystem im Proto-Uralischen und einige Modellvorschläge. — NyK, 1971, 73. köt., 49—64. old.
14. *Bańczerowski J.* Laryngaltheorie und lange Vokale im Finnougrischen. — In: CTIFU Tees., lk. 4.
15. *Bańczerowski J.* Die Suche nach den uralischen Laryngalen. — LPosn, 1971 (1972), t. 15, p. 81—96.
16. *Bańczerowski J.* Trzy szeregi tylnojęzykowych w proto-uralskim. — Poznańskie Towarzystwo Przyjaciół Nauk, Sprawozdania, 1966, N 1, s. 47—49.
17. *Bańczerowski J.* Über eine hypothetisches Modell der uralischen Apophonie. — LPosn, 1975, t. 18, p. 67—77.
18. *Bańczerowski J.* Versuch einer Anwendung der Laryngaltheorie auf das Uralische. — NyK, 1972, 74. köt., 168—182. old.
19. *Bańczerowski J.* Zum Problem des proto-uralischen Klusilsystems. — LPosn, 1971 (1972), t. 15, p. 97—112.
20. *Bergsland K.* Reflections on the Comparison of Eskimo and Uralic. — В кн.: ФУНВ, с. 131—138.
21. *Blažek V.* Finský příspěvek k nostratické hypotéze. — SaS, 1984, r. 45, s. 166—169. — Рец. на [95].
22. *Blažek V.* Some Nostratian Etymologies (First Part). — Linguistica, 1982, t. 22, p. 239—248.
23. *Blažek V.* Současný stav nostratické hypotézy (fonologie a gramatika). — SaS, 1983, r. 44, s. 235—247.
24. *Bomhard A. R.* Indo-European and Afroasiatic: New Evidence for the Connection. — In: Bono Homini Donum. Essays in Historical Linguistics, in Memory of J. Alexander Kerns. Amsterdam, 1981, pt. 1, p. 351—474.
25. *Bomhard A. R.* The Indo-European Phonological System: New Thoughts about its Reconstruction and Development. — Orbis, 1979, t. 28, p. 66—110.
26. *Bomhard A. R.* The I.-E.-Semitic Hypothesis Re-Examined. — Journal of Indo-European Studies, 1977, v. 5, N 1, p. 55—99.
27. *Bomhard A. R.* Toward Proto—Nostratic: A New Approach to the Comparison of Proto—Indo—European and Proto—Afroasiatic. Amsterdam; Philadelphia, 1984.
28. *Brunner L.* Die gemeinsamen Wurzeln des semitischen und des indogermanischen Wortschatzes. Versuch einer Etymologie. Bern; München, 1969.

inslav

29. *Čejka M.* Cesta k rekonstrukci nostratického slovníku a gramatiky. — SPFFBU, 1979, č. 27, s. 35—43.

30. *Čejka M., Lamprecht A.* K otázke vzniku a diferenciace slovanských jazyků. — SPFFBU, 1963, č. 11, s. 5—20.

31. *Claude A.* Problèmes d'une comparaison indo-ouralienne. — Cahiers de l'Institute de Linguistique, Université Catholique de Louvain, 1972, t. 1, N 2, p. 279—292.

32. *Clauson G.* Nostratic. — JRAS, 1973, N 1, p. 46—55. — Рец. на ОС I.

33. *Collinder B.* Hat das Uralische Verwandte? Uppsala, 1965.

34. *Collinder B.* Indo-Uralisch — oder gar Nostratisch? Vierzig Jahre auf rauhen Pfaden. — In: Antiquitates Indogermanicae: Gedenkschrift für Hermann Güntert. Innsbruck, 1974, S. 363—375.

35. *Collinder B.* Die indouralische Sprachvergleichung und die Laryngaltheorie. — Die Sprache, 1967, Bd. 13, S. 179—190.

36. *Collinder B.* Nachtrag zum Aufsatz 'Die indouralische Sprachvergleichung und die Laryngaltheorie'. — Die Sprache, 1970, Bd. 16, S. 174—175.

37. *Collinder B.* Pro hypothesi Uralo—Altaica. — MSFOu, 1977, t. 158, p. 67—73.

38. *Čop B.* Les changements paradigmatiques d'accentuation chez les thèmes nominaux en *-e/o-* indo-européens. — Linguistica, 1974, t. 14, p. 39—55.

39. *Čop B.* Deux exemples de la correspondance oural. -γ- - i.-eur. -γ- - hitt. *-ḫ*-simple. — In: Coll. Ind., p. 1—10.

40. *Čop B.* Indogermanisch—Anatolisch und Uralisch. — In: Hethitisch und Indogermanisch. Innsbruck, 1979, S. 9—24.

41. *Čop B.* Die indogermanische Deklination im Lichte der indouralischen vergleichenden Grammatik. Ljubljana, 1975 (-SAZU Dela 31).

42. *Čop B.* Indouralica I. Ljubljana, 1974 (-SAZU Dela 30/1).

43. *Čop B.* Indouralica II. — UAJb, 1972, Bd. 44, S. 162—178.

44. *Čop B.* Indouralica IV. — Linguistica, 1973, t. 13, p. 116—190.

45. *Čop B.* Indouralica V. — In: Coll. Ind., p. 145—196.

46. *Čop B.* Indouralica VII. — KZ, 1970, Bd. 84, S. 151—174.

47. *Čop B.* Indouralica VIII. — ALH, 1974, t. 24, p. 87—116.

48. *Čop B.* Indouralica XIV. — Orbis, 1970, t. 19, p. 282—323.

49. *Čop B.* Indouralica XV. — KZ, 1974, Bd. 88, S. 41—58.

50. *Čop B.* Indouralica XVI. — Orbis, 1973, t. 22, p. 5—42.

51. *Čop B.* Die indouralische Sprachverwandtschaft und die indogermanische Laryngaltheorie. — Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Razprave, 1970, VII/5, s. 183—246 (pag. sep. 1—64).

52. *Čop B.* Méditerranéen et indo-ouralien. — Linguistica, 1976, t. 16, p. 3—33.

53. *Čop B.* Nochmals ai. *púmāṅs-*. — Die Sprache, 1976, Bd. 22, S. 25—28.

54. *Čop B.* Oštirs sprachwissenschaftliche Ideenwelt. — Linguistica, 1973, t. 13, p. 13—96.

55. *Čop B.* Sur l'origine des thèmes pronominaux sigmatiques des langues indo-européennes. — Linguistica, 1971, t. 21, p. 73—103.

inslav

56. *Čop B.* [Рец. на кн.:] Uesson A.-M. On Linguistic Affinity: The Indo-Uralic Problem. Malmö, 1970. — UAJb, 1972, Bd. 44, S. 281—290.
57. *Čop B.* Zur Flexion des hethitischen Verbalsubstantivs auf -uar-. — Linguistica, 1978, t. 17, p. 9—21.
58. *Décsy Gy.* Finnougristik, Samojedistik und Paläolinguistik. — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 375—380.
59. *Décsy Gy.* Neue Aspekte zum Sprachverhältnis Uralisch—Indogermanisch. — UAJb, 1980, Bd. 52, S. 11—20.
60. *Décsy Gy.* Sprachherkunftsforschung. Bd. I: Einleitung und Phonogenese / Paläophonetik. Bd. II: Semogenese / Paläosemiotik. Wiesbaden, 1977—1981 (Bibliotheca Nostratica, t. 2 : 1, 2).
61. *Doerfer G.* Ist der Japanische mit den altaischen Sprachen verwandt? — Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft, 1974, Bd. 124, S. 103—142.
62. *Doerfer G.* Lautgesetz und Zufall: Betrachtungen zum Omnicomparatismus. Innsbruck, 1973.
63. *Eckardt A.* Koreanisch und Indogermanisch. Untersuchungen über die Zugehörigkeit des Koreanischen zur indogermanischen Sprachfamilie. Heidelberg, 1966.
64. *Eckert R.* [Рец. на кн.:] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, т. I. М., 1971. — Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung, 1973, Bd. 26, N. 3—4, S. 395—401.
65. *Erhart A.* Jak klasifikovat jazyky? — SPFFBU, 1979, č. 27, s. 21—33.
66. *Erhart A., Lamprecht A.* K otázce vztahu indoevropských jazyků k jiným jazykovým rodinám. — SaS, 1967, r. 28, s. 385—393.
67. *Eronen J.* Uralo-dravidalaisista yhteyksistä. — In: Suomen antropologi. Helsinki, 1977, s. 33—38.
68. *Fähnrich H.* Iberokaukasisch und Drawidisch. — Bedi Kartlisa. Revue de Kartvélologie, 1965, t. 19—20, p. 136—158.
69. *Fraenkel M.* Sprachkundliche Notizen. — Abr-Nahrain, 1971, v. 11, p. 116—118.
70. *Garbini G.* Camito-semitico e indoeuropeo. — Atti del Sodalzio Glottologico Milanese, 1979—1980 (1981), t. 21, p. 4—18.
71. *Garde P.* [Рец. на кн.:] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков. Т. 2. М., 1976. — Bulletin de la Société Linguistique de Paris, 1977, t. 72, N 2, p. 83—85.
72. *Gluhak A.* Adig. *k^wă. — ZbFL, 1980, g. 23, sv. 2, s. 189—190.
73. *Gluhak A.* Afrički jezici i nostratička makroporodica. — SuL, 1978, t. 17/18, s. 51—52.
74. *Gluhak A.* Etr. '*kurpu*'. — ŽA, 1982, g. 32, sv. 1, s. 35—37.
75. *Gluhak A.* Etruscan *malena* «mirror». — Linguistica, 1978, t. 27, p. 23—24.
76. *Gluhak A.* Etruscan Numerals. — Linguistica, 1978, t. 17, p. 25—32.
77. *Gluhak A.* Etruscan *ΘuplΘa*. — RRL, 1980, t. 25, N 6, p. 651—652.
78. *Gluhak A.* Etruscan Vocalism. — ŽA, 1979, g. 29, sv. 2, s. 213—222.
79. *Gluhak A.* Grč. *ánthropos*. — ŽA, 1979, g. 29, sv. 2, s. 223—225.
80. *Gluhak A.* Is Sino-Tibetan Related to Nostratian? — GL, 1978, vol. 18, p. 123—127.
81. *Gluhak A.* Nostratica. — SuL, 1977, t. 15/16, s. 49—56.

inslav

82. *Gluhak A.* Nostratica. 1. Etruscan Optative-Jussive. 2. Hittite *akk-* «to die». — RRL, 1980, t. 25, N 3, p. 261—263.
83. *Gluhak A.* O jednoj indoevropsko-uralskoj paraleli. — ZbFL, 1978 (1979), g. 21, sv. 1, s. 219.
84. *Gluhak A.* Sl. **inьjь.* — ZbFL, 1981, g. 24, sv. 1, s. 27—30.
85. *Gluhak A.* Slavenske etimologije. — Linguistica, 1978, t. 18, p. 47—50.
86. *Haas O.* Über Spuren einer Intransitivkonstruktion im indogermanischen und uralischen Sprachstamm. — EFOu, 1978/1979 (1982), t. 15, p. 153—165.
87. *Hajdú P.* Preuráli nyelvi kapcsolatok. — In: Magyar őstörténeti tanulmányok. Budapest, 1977, 157—165. old.
88. *Hajdú P., Domokos P.* Uráli nyelvrokonaink. Budapest, 1978.
89. *Хонти Л.* О связях уральских и алтайских языков. — Доклад на советско-венгерской конференции по урало-алтаистике (Новосибирск, 1982) (в печати).
90. *Joki A. J.* Affinität und Interferenz in den Sprachen des nordeurasischen Areals. — In: Congressus Internationalis Fenno-Ugristarum, 4. Pars I. Budapest, 1975, p. 71—86.
91. *Joki A. J.* Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973 (MSFOu 151).
92. *Kerns J.* The Eurasiatic Pronouns and the Indo-Uralic Question. Fairborn (Ohio), 1967.
93. *Korenchy É.* A nosztratikus nyelvcsalád hipotézise finnugor (uráli) szempontból. — In: Az etimológia elmélete és módszere. Budapest, 1976, 178—184. old.
94. *Korenchy É.* On the Nostratic Language Family Hypothesis. — NyK, 1975, 77. köt., 109—115. old.
95. *Koskinen K. E.* NILAL. Über die Urverwandtschaft des Hamito-Semitischen, Indogermanischen, Uralischen und Altaischen. Tampere, 1980.
96. *Lamprecht A.* Der indoeuropäische Konsonantismus im Lichte der nostratischen Theorie. — SPFFBU, 1976, č. 24, s. 17—26.
97. *Lamprecht A.* Indoevropské okluzívy a nostratická teorie (se zřením k situaci v germánských jazycích, latině a řečtině). — SaS, 1978, r. 39, s. 304—307.
98. *Lamprecht A., Čejka M.* Co je tzv. nostratická teorie? — Universitas, 1978, r. 11, N 5, s. 69—71.
99. *Lamprecht A., Čejka M.* Indoevropské jazyky a nostratická teorie V. M. Illiče-Svityče. — SaS, 1975, r. 36, s. 62—69.
100. *Lamprecht A., Čejka M.* Jazyk doby kamenné. — Věda a Život, 1974, s. 88—91.
101. *Lamprecht A., Čejka M.* Nostratická teorie a její materiálové zdůvodnění. — SPFFBU, 1981, č. 29, s. 7—20.
102. *Lamprecht A., Čejka M.* Pokrok v poznání přeindoevropské jazykové situace (Poznámky k illičově-Svityčově rekonstrukci nostratického slovníku). — SaS, 1977, r. 38, s. 344—347.
103. *Lamprecht A., Čejka M.* Zamyšlení nad příbuzností jazykových rodin a nad slovníkem nostratických jazyků Illiče-Svityče. — SPFFBU, 1974/1975, č. 22/23, s. 221—234.
104. *Levin S.* The Indo-European and Semitic Languages: An Exploration of Structural Similarities Related to Accent, Chiefly in Greek, Sanskrit, and Hebrew. Albany, 1971.
105. *Levin S.* The Indo-European and Semitic Languages: A Reply to Oswald Szemerényi. — GL, 1975, v. 15, p. 197—205.

inslav

106. *Menges K. H.* Altajische Studien II. Japanisch und Altajisch. Wiesbaden, 1975.
107. *Menges K. H.* Dravidian and Altaic. — Anthropos, 1977, t. 72, p. 129—179.
108. *Menges K. H.* The Drāvido-Altaic Relationship. — Journal of Tamil Studies, 1969, v. 1, p. 35—39.
109. *Menges K. H.* Etymologika. — CAJ, 1982, v. 26, p. 105—118.
110. *Menges K. H.* Problems of Tungus Linguistics. — Anthropos, 1978, t. 73, p. 367—400.
111. *Menges K. H.* Some Opinions. — В кн.: ФУНВ, с. 139—141.
112. *Menges K. H.* The Turkic Languages and Peoples. Wiesbaden, 1968.
113. *Ondruš Š.* Zur Frage der gemeinsamen Elemente in den indogermanischen und finnisch-ugrischen Bewegungszeitwörtern. — Kratylos, 1966 (1967), Bd. 11, S. 112—118.
114. *Petráček K.* Indoevropský a semitohamitský kořen a perspektivy jejich srovnávání. — SaS, 1981, r. 42, s. 216—218.
115. *Petráček K.* K problematice nostratické teorie (z hlediska fonologie semitohamitských jazyků). — SaS, 1976, r. 37, s. 60—61.
116. *Petráček K.* K teorii laryngál. — SaS, 1981, p. 42, s. 262—268.
117. *Petráček K.* Semitohamitské jazyky a nostratická hypotéza. — SaS, 1983, r. 44, s. 57—62.
118. *Pisani V.* [Рец. на кн.:] Иллич-Свитыч В. М. Опыт сравнения ностратических языков, т. 1. М., 1971. — Archivo Glottologico Italiano, 1972, t. 57, p. 69—72. — Перепечатано: *Pisani V.* Mantissa: Brescia, 1978, p. 80—84.
119. *Pisani V.* Parentela fra le grandi famiglie linguistiche. — Paideia, 1971, t. 26, p. 317—326. — Перепечатано: *Pisani V.* Mantissa. Brescia, 1978, p. 55—68. — Рец. на [136] и [229].
120. *Pisani V.* La questione indouralica e la parentela linguistica. — Paideia, 1967, t. 22, p. 121—125.
121. *Poppe N.* Comparative Dictionaty of the Nostratic Languages.— FUF, 1979, Bd. 43, S. 222—225. — Рец. на ОС II.
122. *Poppe N.* [Рец. на кн.:] Doerfer G. Lautgesetz und Zufall: Betrachtungen zum Omnicomparatismus. Innsbruck, 1973. — CAJ, 1975, v. 19, p. 158—159.
123. *Poppe N.* The Problem of Uralic and Altaic Affinity. — MSFOu, 1977, t. 158, p. 221—225.
124. *Poppe N.* Ein vergleichendes Wörterbuch der nostratischen Sprachen. — FUF, 1971, Bd. 39, S. 365—369. — Рец. на ОС I.
125. *Pröhle W.* Vergleichende Syntax der ural-altaischen (turanischen) Sprachen. Wiesbaden, 1978 (Bibliotheca Nostratica, t. 4).
126. *Pudas Marlow E.* More on the Uralo-Dravidian Relationship: A Comparison of Uralic and Dravidian Etymological Vocabularies (Doctoral Dissertation). University of Texas, Austin, 1974 (DAb, 1974, v. 35, N 433-A).
127. *Pudas Marlow E.* Uralic-Dravidian Hypothesis: What Evidence? — In: Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VII. Turku, 1981, p. 245—250.
128. *Puskás I.* Uralian and Dravidian: A Reconsideration. — EFOu, 1978—1979 (1982), t. 15, p. 273—290.
129. *Рясянен М.* Об урало-алтайском языковом родстве. — Вопросы языкознания, 1968, № 1, с. 43—49.
130. *Rasmussen J. E.* Haeretica Indogermanica. København, 1974.

inslav

131. *Rosenkranz B.* Hethitisches zur Frage der indogermanisch-finnisch-ugrischen Sprachverwandtschaft. — Archiv Orientální, 1950, r. 18, s. 439—443.

132. *Rosenkranz B.* Zur indo-uralischen Frage. — Istituto Orientali di Napoli. Annali. Sezione Linguistica, 1966, t. 7, p. 155—179.

133. *Schröpfer J.* Finnougrisch-indogermanische Wurzelvergleichungen. — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 373—374.

134. *Seebold E.* Versuch über die Herkunft der indogermanischen Personalendungssuffixe. — KZ, 1971, Bd. 85, S. 185—210.

135. *Shamsuddin K. O.* Origin of Dravidian and Semitic Languages.— In: Proceedings of the 1st All-India Conference of Dravidian Linguistics. Trivandrum, 1972, p. 347—353.

136. *Shirokogoroff S. M.* Ethnological and Linguistical Aspects of the Ural-Altaic Hypothesis. Osterhout, 1970.

137. *Sinor D.* The Present State of Uralic and Altaic Comparative Studies. — In: Proceedings of the International Symposium Commemorating the 30th Anniversary of Korean Liberation. Seoul, 1975, p. 117—146.

138. *Sinor D.* The **-t* ~ **-d* Local Suffix in Uralic and Altaic. — In: Hungaro-Turcica: Studies in Honour of Julius Németh. Budapest, 1976, p. 119—127.

139. *Sinor D.* Tanulmányok. Budapest, 1982.

140. *Sinor D.* Uralo-Tunguz Lexical Correspondences. — In: Researches in Altaic Languages. Budapest, 1975, p. 245—265.

141. *Sinor D.* «Urine» ~ «Star» ~ «Nail». — Journal de la Société Finno-Ougrienne, 1973, t. 72, p. 392—397.

142. *Skalička V.* Finnougrisch und Indogermanisch. — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 335—343.

143. *Skalička V.* Slovník nostratických jazyků. — Jazykovědné aktuality, 1974, r. 11, s. 22—24.

144. *Slonek R.* A Facet of Hoary Antiquity (A Survey of «Nostratique» Etymologies in Czech and Slovak). — In: Czech Colloquium. Melbourne, 1974 p. 18—27.

145. *Szemerényi O.* The Indo-European and the Semitic Languages: A Rejoinder to Saul Levin's Reply. — GL, 1975, vol. 15, p. 206—213.

146. *Szemerényi O.* [Рец. на кн.:] Levin S. The Indo-European and Semitic Languages. Albany, 1971. — GL, 1973, vol. 13, p. 101—109.

147. *Tovar A.* Zur Frage der Urheimat und zum Wort für «Name» als Kriterium für zwei Sprachwelten. — Indogermanische Forschungen, 1970 (1971), Bd. 75, S. 32—43.

148. *Tyler S. A.* Dravidian and Uralian: The Lexical Evidence. — Language, 1968, v. 44, p. 798—812.

149. *Uesson A.-M.* On Linguistic Affinity: The Indo-Uralic Problem. Malmö, 1970.

150. *Vacek J.* Drávidsko-altajské jazykové vztahy z nového pohledu. Nový Orient, 1977, r. 32, s. 148—151.

151. *Vacek J.* The Problem of the Genetic Relationship of the Mongolian and Dravidian Languages. — Archiv Orientální, 1978, r. 46, s. 141—151.

152. *Veenker W.* Verwandtschaft zwischen dem Finno-Ugrischen und entfernten Sprachgruppen? — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 360—371.

153. *Wagner H.* Indo-germanisch *-kʷe* «und, wenn» im Finnisch-Ugrischen? — In: Deuxiéme Congrés International des Finno-Ougristes. Résumés des exposés et des communications, Helsinki, 1965, p. 145.

inslav

154. *Wagner H.* Zu den idg.-ural. Beziehungen. — In: CTIFU Tees., lk. 33.
155. *Wescott R. W.* Protolinguistics: The Study of Protolanguages as an Aid to Glossogonic Research. — In: Origins and Evolution of Language and Speech. New York, 1976, p. 104—116.
156. *Wickman B.* Die Verwandtschaft des Finno-Ugrischen mit anderen Sprachen. — UAJb, 1969, Bd. 41, S. 310—316.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

ALH	— Acta Linguistica Academiae Scientiarum Hungaricae
CAJ	— Central Asiatic Journal
Coll. Ind.	— Collectanea Indoeuropaea 1. Ljubljana, 1978
CTIFU Tees.	— Congressus Tertius Internationalis Fenno-Ugristarum. Teesid, I. Tallinn, 1970
DAb	— Dissertation Abstracts International. A. The Humanities and Social Sciences
EFOu	— Etudes Finno-Ougriennes
FUF	— Finnisch-Ugrische Forschungen
ФУНВ	— Финно-угорские народы и Восток. Tartu, 1978 (Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, v. 455)
GL	— General Linguistics
JRAS	— Journal of the Royal Asiatic Society
KZ	— Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung
LPosn	— Lingua Posnaniensis
MSFOu	— Memoires de la Société Finno-Ougrienne
NyK	— Nyelvtudományi Közlemények
PICSTS	— Proceedings of the International Conference-Seminar of Tamil Studies, 2. Pt. 1. Madras, 1968
RRL	— Revue Roumaine de Linguistique
SaS	— Slovo a Slovesnost
SAZU Dela	— Slovenska Akademija znanosti in umetnosti. Razred za filološke in literarne vede. Dela
SPFFBU	— Sborník prací Filosofické fakulty Brněnské university. Řada jazykovědná
SuL	— Suvremena Lingvistika
UAJb	— Ural-Altaische Jahrbücher
ŽA	— Živa Antika
ZbFL	— Zbornik za Filologiju i Lingvistiku

Е. Н. Пащенко

ИЗУЧЕНИЕ СЕРБСКОГО БАРОККО В СФРЮ

Барокко в Югославии как одно из проявлений общеевропейской духовной жизни представляет немалый интерес с точки зрения уяснения специфики формирования нацио-

inslav

нальной культуры у южных славян. Сложные условия исторического развития, различные культурные влияния, сталкивающиеся с местной традицией, вследствие разделения Балкан между Австрией, Венецией и Турцией, а также некоторые другие причины обусловили стилистическое разнообразие, неоднородность развития здесь искусства в XVII—XVIII вв. На территории современной Югославии условно можно выделить несколько «барочных зон». Приадриатический район отмечен тесными связями с венецианским барокко, различные варианты которого в известной мере сказались на возникновении целых ансамблей многих приморских городов. Дубровник, в который проникало и римское барокко, оказывал влияние на литературу и искусство черногорского приморья.

Северная Хорватия и Словения, охваченные протестантским движением, с начала XVII в. подвергаются наступлению контрреформации, осуществляющемуся из альпийской Италии и Австрии. Кроме австро-немецких и северноитальянских влияний в создании произведений литературы и других видов искусства принимали участие местные мастера, внося сюда черты этнокультурной специфики.

Если югославяне католического вероисповедания воспринимали барокко в основном непосредственно из его западноевропейских центров, то к сербам эта культура приходила обходным путем, трансформированная через ее восприятие ведущими представителями православной восточнославянской культурной и теологической мысли. Этому способствовали как давние традиции культурного обмена между славянским востоком и югом, так и историко-политическая ситуация, в которой оказались сербы на рубеже XVII—XVIII вв. Этот период означал своеобразный «исход» сербов из многовековой изоляции, включение их в общеевропейский культурный процесс. «Исход» в прямом и переносном смысле осуществлялся в 1690 г., когда после поражения Габсбургов в войне с турками австрийские войска, дошедшие первоначально до Скопле, вынуждены были отступать. С ними отходила значительная часть сербского населения, которое за поддержку австрийских военных действий ожидала неминуемая жестокая расправа со стороны турок.

Оставив родные края, сербы заселили придунайские земли Южной Венгрии (с 1843 г. — Воеводина), что отвечало интересам Австрии, усматривавшей в храбром и воинственном народе «живую стену» на беспокойной турецкой границе. Для сербов же это был переход «из огня в полымя».

inslav

После многовекового сопротивления мусульманскому игу угроза денационализации в новом, не менее агрессивном виде, возникла со стороны католицизма с его воинствующими центрами в Риме и Вене, где давно уже присматривались к «расциянам схизиматикам» — «друзьям дьявола», как именовали иезуиты православных сербов, усиленно пытаясь обратить их в униатство.

В условиях сопротивления денационализаторской политике, проводимой австрийскими властями, сербское духовенство неоднократно обращалось за «духовной помощью» к «единоверной» России, откуда эта помощь приходила в виде книг, учителей, художников, методики образования и т. п. Исключительную роль в реализации этих связей сыграл Киев с его академией, где в аналогичных условиях длительной антикатолической борьбы накопился достаточный опыт сопротивления иезуитским изощрениям в навязывании униатства. Украинское литературное и художественное барокко в различных формах проникает к сербам, обосновавшимся на территории нынешней Воеводины, распространяясь оттуда в другие регионы, где находились сербские культурные центры, и участвуя таким образом в формировании сербского барокко.

Кроме восточнославянского направления, сербы соприкасались с барокко через юг, в основном Афон, где под влиянием итало-критской культуры происходило своеобразное обновление поздневизантийского искусства. Контакты с западом, хотя и немногочисленные — из-за опасения перед унией, проявлялись в XVIII в. путем участия некоторых западноевропейских, в основном австрийских архитекторов и художников, в выполнении работ для сербских заказчиков, или в использовании отдельными сербскими художниками моделей, заимствованных непосредственно из западных источников. Все эти влияния в конечном результате дали культуру, охарактеризованную современными исследователями как сербский вариант барокко.

Изучение этого феномена в СФРЮ представляет великолепный пример доминации искусствоведческой мысли, повлиявшей на дальнейшие инициативы, предпринятые со стороны литературоведов. В этой связи представляется целесообразным отметить некоторые работы по истории искусства, чего, впрочем, требует как сам предмет изучения, нуждающийся в тесном междисциплинарном сотрудничестве исследователей разных профилей, так и природа сербского барокко, некоторые ведущие представители которого

inslav

одинаково проявили себя в различных сферах культурной жизни.

Характерно, что уже первые шаги сербского барокковедения делались совместными усилиями представителей литературоведения и искусствоведения, в чем особо показательна монография «Сербское искусство в Воеводине» (1927), подготовленная известным писателем В. Петровичем совместно с историком искусств и тоже писателем М. Кашаниным. В этой работе, не теряющей и сегодня своего научного значения, В. Петрович одним из первых указал на новые явления в сербском искусстве, сближающие его с европейским барокко, маньеризмом и классицизмом [1]. Тем не менее, в довоенной Югославии эти наблюдения почти не получили дальнейших разработок (за исключением некоторых публикаций М. Кашанина) [2]. Основное внимание исследователей было устремлено на богатое наследие средневековой культуры.

Проблема изучения сербского барокко с научной серьезностью была поставлена в первые послевоенные десятилетия в ряде трудов М. Коларича [3], Д. Медаковича [4], П. Васича [5] и авторами ряда других монографий, появившихся в начале 70-х годов. Почти одновременная публикация таких книг, как «История сербской литературы эпохи барокко XVII—XVIII в.» (1970) М. Павича, «Эпоха барокко» (1971) П. Васича, «Пути сербского барокко» (1971) Д. Медаковича и других знаменовало своеобразный «барочный бум» в сербской науке. Исследования последующих лет свидетельствуют о незатухающем интересе к этому предмету, что наблюдается и в настоящее время.

Немалая заслуга в разработке методологии, организации системного изучения и в подготовке специалистов принадлежит известному историку искусств Деяну Медаковичу, публикации по барокко которого датируются первыми послевоенными годами. Пытаясь сформулировать понятие «сербское барокко», исследователь вынужден был обосновать правомерность употребления подобной синтагмы в культуре, «не имеющей ренессансной эпохи». Но это не является камнем преткновения для югославских ученых. Сербское барокко, констатирует Д. Медакович, существует, хотя оно и лишено того героического пафоса, визионарной силы и драматизма, какого достигло западноевропейское искусство. Оно заметно не только в иконографических новшествах западноевропейского происхождения, подчиненных задачам православия, но и в изменении отношения к поздневизан-

inslav

тийскому искусству, а также в ряде других тематических и стилистических проявлений [6].

Непосредственное преломление барочных заимствований в сербском искусстве разносторонне прослеживается в монографии Д. Медаковича «Пути сербского барокко» (1971). Автор подчеркивает необходимость учитывать сложность исторических и политических обстоятельств, в которых развивалось сербское искусство барочной эпохи. Оно во многом продолжало и развивало идеи, культивируемые еще в XVI в. под турецким игом. Это связано в первую очередь со стремлением сербской церковной верхушки тогда и позднее (в частности, в рамках Австрийской монархии) утвердить свой статус как прямого и единственного наследника средневековой династии Неманичей, рухнувшей в XV в. вследствие османской агрессии. Пытаясь всячески доказать и отстоять перед католической экспансией свое былое величие, сербская церковь как основной заказчик искусства и организатор культурно-просветительной деятельности, акцентировала внимание на исторической теме. В результате образы средневековых царей и святых, культивируемые в прошлом, переходили и в культуру XVIII в., но получали при этом новую — барочную — интерпретацию.

Процесс освобождения от устаревших византийских традиций в искусстве осуществлялся постепенно силами двух поколений художников. Первое (70-е годы XVII—середина XVIII в.) представляют неизвестные богомазы («зографы»), еще работавшие в старом стиле, но уже вынужденные от него отказываться под влиянием духа времени. С середины XVIII в. появляется новое поколение, в основном — выходцы из светской, а не духовной среды, которое все энергичнее включается в процесс обновления отечественного искусства, создавая барокко, ставшее наряду с католическим и протестантским одним из своеобразных проявлений той эпохи [7].

Непосредственным продолжением этих исканий явилась монография Д. Медаковича «По следам сербского барокко» (1976), в которой автор на основании новых материалов расширяет репертуарный состав сербского барочного искусства. Особое внимание уделяется деятельности основных центров национальной культуры — ряда монастырей, в которых работали художники, книгописцы, формировались библиотеки. Расширяется и география изучения сербской барочной культуры, в частности новыми сведениями и обобщениями пополняются знания о развитии искусства на территории Греции (Хилендар) и ряда сербских поселений

inslav

в хорватских землях. Следует подчеркнуть, что в поле зрения исследователя входят некоторые проявления культуры, относящиеся не только к области истории искусства, но и литературы [8].

Названные работы, основывающиеся в основном на статьях, опубликованных в различные годы и пополненные новыми данными [9], явились своеобразной подготовкой к созданию фундаментального исследования «Сербское искусство XVIII века» (1980), в котором Д. Медакович дает целостный и системный анализ сербского искусства в его различных проявлениях от периода «великого переселения» на придунайские земли до его включения в общеевропейский культурный процесс. Автор прослеживает генезис сербского барокко, его связь с искусством предшествующих столетий и последующие трансформации этого стиля в рококо, вплоть до эпохи классицизма [10].

Многие сербские исследователи как довоенного периода, так и современные, неоднократно указывали на необходимость углубленного анализа путей, какими осуществлялась связь сербского искусства с искусством восточнославянским, особенно — в Киеве [11]. Эта тема последовательно и разносторонне освещается в ряде публикаций Динко Давидова. Отдельные замечания и наблюдения ученых о значении Киево-Могилянской академии, Лаврской художественной мастерской в процессе бароккизации сербского искусства находят обоснованное, компетентное истолкование в исследовании Д. Давидова «Об украинско-сербских художественных связях XVIII века» [12]. Останавливаясь на некоторых особенностях украинского барокко, ученый обнаруживает их аналоги в сербском изобразительном искусстве. Новонайденные архивные материалы и проведенные сопоставительные стилистические исследования дали автору основание для утверждения о принадлежности ряда работ сербских иконописцев XVIII в. к киевской школе изобразительного искусства, с которой сербы знакомились путем непосредственного обучения в Лаврской художественной мастерской, а также через украинских художников, работавших в Сербии [13].

Деятельность последних получает интересные обобщения и смелые выводы в работе Д. Давидова «Украинское влияние на сербскую живопись середины XVIII века и художник Василий Романович», в которой прослеживаются некоторые трансформации украинской живописи в стенописи, иконографии, и других жанрах сербского изобразительного искусства. По заключению автора, известный киевский худож-

inslav

ник В. Романович, работающий в середине XVIII в. среди сербов на территории нынешней Воеводины и Хорватии, создал там свою школу, сыгравшую немалую роль в распространении барочной стилистики, освобождении сербского изобразительного искусства от устаревших византийских традиций. «Украинская ориентация, — констатирует автор, — существенно сказалась на формировании сербского искусства периода 40—80-х годов XVIII в. Благодаря этому были созданы аутентичные произведения непреходящего значения сербского православного барокко, привлекающие нас и сегодня своей искренностью и непосредственностью художественного языка» [14].

Параллельно этому, одобрявшемуся церковью искусству, в XVIII в. развивалось творчество анонимных «зографов», деятельность которых из-за несоответствия узаконенным канонам киевского барокко официально запрещалась сербским духовенством. Иконы этих «путешествующих» богомазов, хотя и исполнялись в византийском стиле, по настроению были далеки от религиозной мистики и аскетизма. Иконопись зографов, пользовавшаяся большой популярностью среди народа, представляет особый интерес как одно из проявлений демократического искусства, сочетающего в себе старые традиции, расцвеченные новыми стилистическими элементами и пронизанные фольклорным миросозерцанием. Судьбы этих неизвестных мастеров, идейно-эстетические особенности их позиции, репертуарный состав творчества проанализированы Д. Давидовым в книге «Иконы сербских зографов» (1977), снабженной каталогом и репродукциями из фондов Галлереи Матицы сербской (Нови Сад) [15].

Деятельность «зографов» в дальнейшем все более вытеснялась искусством западноевропейского происхождения, которое проникало к сербам через такой популярный жанр, как графика. Этот вид искусства дает богатый материал для изучения генезиса сербского барокко, его связей со средневековыми традициями, постепенно изменявшимися в барочную эпоху, что и прослеживает Д. Давидов в монографии «Сербская графика XVIII века» (1977). Ксилография, знакомая сербам еще с XV в., как показывает автор, в начале XVIII в. стала лишь отдаленным отголоском ранее богатой традиции. Новым этапом в ее развитии явилась гравюра на меди, которая, заимствуя многие образы и сюжеты из средневековой гравюры, интерпретировала их в духе барочной стилистики.

Д. Давидов рассматривает графику как одно из ярких

inslav

проявлений художественной культуры, одновременно указывая на идейно-политическое, социологическое значение этого вида искусства. Пользуясь большой популярностью в различных слоях общества, графика служила важным средством пробуждения национального самосознания, была своего рода политическим плакатом, воспитывала «барочную интеллигенцию».

Эволюция сербской графики прослеживается автором на материале творчества двух ведущих представителей этого жанра, работы которых, по наблюдению Д. Давидова, как бы отражают различные этапы становления графического искусства от связей с византийскими традициями, через ознакомление с графическими иллюстрациями к книгам, напечатанным в Москве, Киеве, Львове, до непосредственного включения в общеевропейский процесс развития искусства. Одним из примеров такой эволюции автор считает иллюстрации Христофора Жефаровича (умер в 1753 г. в Москве) к геральдическому сборнику «Стематография» (1741), созданному под влиянием хорватского искусства. В произведениях Захария Орфелина (1726—1785), которого Д. Давидов именует человеком «барочного миросозерцания», хотя и работающего уже во второй половине XVIII в., находит воплощение идея «барочного славизма», проявлявшаяся в им написанной и проиллюстрированной «Истории Петра Великого» (1772), как одном из ярких примеров прославления Петра I среди южных славян.

Репертуарный и персональный состав сербской графики расширяется автором в заключительной главе теоретического раздела, где рассматривается творчество мастеров, принадлежащих к другому культурному контексту (австрийскому, русскому, украинскому), по обращающихся по различным причинам к темам из сербской истории и вносящих тем самым свой вклад в развитие графики.

Немалую ценность представляет вторая часть книги, задуманная как свод сжатых дескриптивно-иконографических сведений основного репертуарного состава сербской графики (ксилография и гравюра на меди), развитие которой иллюстрируют более 400 репродукций, завершающих это солидное издание [16].

Если названные выше исследователи рассматривали сербское искусство в основном в его связях с восточнославянским, то Радмила Михаилович в ряде статей, опубликованных на страницах ежегодника «Зборник за ликовне уметности Матице Српске» (Нови Сад), ведущего издания, содержащего немало сведений из различных областей сербского искусства,

inslav

отталкивается в первую очередь от западноевропейского барокко, проецируя его на отечественную культуру. Обнаруживая в ряде памятников сербской живописи и иконографии различные проявления маньеризма, кончетто, исследовательница закономерно ставит вопрос о путях проникновения этих элементов к сербам. Это вынуждает ее ввести в поле зрения русское, а также украинское искусство, с которым сербская культура была генетически связана [17].

Р. Михаилович одной из первых указала на западноевропейские источники ряда композиций в стенописи сербских монастырей Бодяны, Крушедол и др., отмечая одновременно их прототипы в украинской монументальной живописи XVII—XVIII вв., авторы которой также передко обращались к немецкому, итальянскому, французскому и фламандскому искусству, переосмысляя его в духе православного барокко [18]. Изучая сербскую культуру типологически, в широком общеевропейском контексте, исследовательница привлекает разнообразный эмпирический и теоретический материал не только из области изобразительного искусства, но и литературы. Так, говоря о специфике пейзажа в сербском изобразительном искусстве, Р. Михаилович приводит цитаты из европейской пейзажной лирики XVI—XVII вв., указывает на соотношение изобразительных средств в эмблематической поэзии и живописи, находит аналогии в восприятии природы западноевропейскими поэтами, а также сербскими, русскими и украинскими художниками XVIII в.[19] Эти рефлексии западноевропейской культуры в православной среде представляют собой не запоздалую «провинциальную реплику», заключает автор, а вариативную закономерность общеевропейского культурного процесса [20].

Успехи искусствоведов послужили толчком для изучения в этом аспекте и сербской литературы. Следует заметить, что, как и в других странах, где барокко не проявило себя достаточно разносторонне, это понятие по отношению к сербской литературе прививалось в литературоведении с трудом. Возражения тех, кто не принимал этого термина, аргументировались, в частности, указаниями на сохранение прочной связи литературы XVII—XVIII вв. с византийской культурой и несоответствие ее классическим образцам западноевропейского барокко. Сторонники же барочного толкования основывались на явно выраженных новых тенденциях в литературе, что существенно отличало ее от византийской и сближало с западноевропейской культурой.

Большая заслуга в «реабилитации» сербской литературы XVII—XVIII вв., о которой бытовало мнение, что она имеет

inslav

лишь историко-культурное значение, принадлежит известному литературоведу и писателю Милораду Павичу. Уже в ходе исследования произведений Г. Стефановича-Венцловича ученый сумел показать творческую оригинальность, стилистическое разнообразие, «барочное миросозерцание» этого крупнейшего представителя сербской литературы XVIII в.[21]

Подготовленный М. Павичем сборник статей «От барокко к классицизму» (1966) представляет попытку показать новые явления в сербской литературе после средневековой эпохи [22]. Как подчеркивается во введении, этот период, освещаемый в разрозненных публикациях, синтетического исследования, за исключением работы И. Скерлича «Сербская литература XVIII века» [23], не получил. Характер интерпретации этой литературы в критической мысли довоенной Югославии отражает ряд вошедших в сборник статей, посвященных отдельным персоналиям барочной и последующей эпохи. Понятие «барокко» здесь не затрагивается, за исключением двух статей современных исследователей М. Павича и Б. Джонсона о творчестве Г. Стефановича-Венцловича и З. Орфелима.

Крупным научным событием в изучении славянского барокко явилось исследование М. Павича «История сербской литературы эпохи барокко. XVII—XVIII век» [24], в которой он впервые после упоминания Т. Остоичем в 1922 г. термина «барокко» по отношению к сербской литературе [25] дал ее всесторонний и целостный анализ, построенный на современных принципах барокковедения. Основываясь на обширном фактическом материале, архивных данных, историко-литературных исследованиях предшественников, автор дал новое переосмысление отечественной литературы, рассматривая ее как сербский вариант общеевропейского барокко. Во введении М. Павич делает акцент на специфике условий, в которых развивалась сербская литература, «не имевшая своего ренессанса» и в силу «географического фактора» принадлежавшая длительное время византийской культурной среде. Постепенно освобождаясь от устаревших традиций или трансформируя их в иное качество, сербская литература на рубеже XVII—XVIII столетий вступает в новый период, который автор без колебаний называет барочным. Ставя своей целью проследить виды и формы, основные закономерности становления новой «стилистической формации», М. Павич рассматривает сербскую литературу в широком общеевропейском контексте, опираясь на аналогичные явления в родственной по языку хорватской, а также русской и украинской литературах, которые в значительной мере повлияли на фор-

inslav

мирование сербского литературного барокко. При определении хронологических границ этого периода исследователь также опирается на литературоведческий опыт в других странах, ссылаясь, в частности, на работы французских исследователей, применявших термин барокко к литературе позднего XVII—начала XVIII в.[26] Как признает автор, солидным подспорьем в осуществлении замысла ему послужил опыт сербских искусствоведов.

Полтора века сербской литературы (с середины XVII до конца XVIII в.) М. Павич рассматривает прежде всего с установкой на современность, стремясь приблизить идейные и эстетические ценности этой малоизвестной эпохи к проблемам современности, увлечь и заинтересовать читателя, что автор называет конечной целью своей работы.

Говоря об исторических обстоятельствах, в которых формировалась литература, М. Павич подчеркивает ощущения тревоги, неуверенности, смятения и аналогичных настроений, которые должен был испытать сербский барочный писатель как свидетель и жертва религиозных и национальных гонений в условиях столкновения интересов европейских великих держав, а также мусульманского и христианского миров, православия и католицизма. Политическая ситуация на Балканах, таким образом, в значительной мере обуславливала, по мнению М. Павича, сходство миросозерцания сербского писателя той эпохи настроениям западноевропейской литературы периода барокко.

Как и другие литературы, сербская также знала билингвизм. Существовал язык сакральный, на котором развивалась официальная литература, и народный. Функцию первого поначалу выполнял культивируемый в средневековой литературе «сербославянский» язык, но с постепенным усилением восточнославянских влияний и переориентации на культуру России его вытеснил так называемый «русскославянский» книжный язык (конгломерат церковнославянской, русской и сербской лексики), бытовавший у сербов до реформы Вука Караджича, который ввел литературный язык на народной основе.

Заметное присутствие в сербской поэзии конца XVII—начала XVIII в. средневековых традиций автор определяет как «барочный медиевизм», и раскрывая это понятие на анализе творчества поэтов, произведения которых еще трудно назвать «чисто барочным», но которые сыграли немалую роль в подготовке последующей генерации поэтов барочного типа. Термин «барочный медиевизм» М. Павич вводит по аналогии синтагмы «барочная готика», как, например, А. Андъял

inslav

в его работах по венгерскому барокко и другим славянским культурам католического круга [27]. Поскольку сербская культура принадлежала в эпоху средневековья византийской сфере, термин «готика» по отношению к ней, естественно, неприемлем, хотя его с известными оговорками и употребляли сербские искусствоведы.

Связь со средневековой культурой, как показывает автор, была отнюдь не балластом для сербской литературы. Многие темы, присущие западноевропейской барочной поэзии, были знакомы сербским писателям еще по средневековой литературе, в которой также варьировалась тема неизбежной смерти, скоротечности бытия, осуждалась суетность, накопительство и т. п. Некоторые аналоги можно найти и в стилистических приемах барочной поэзии (аллитерация, криптонимы, тематический параллелизм, графические загадки, лабиринты и т. п.), что было знакомо и сербским авторам стиля «плетение словес». Сравнивая, однако, сербскую средневековую поэзию с поэтическим творчеством конца XVII—начала XVIII в., автор констатирует, что последнее в погоне за формой и рифмой как одной из норм поэтики барокко значительно потеряло в эмоциональном отношении, что охарактеризовано исследователями как «кризис поэзии или дезинтеграция сенсибильности». По заключению М. Павича сербские поэты «барочного медиевизма» до их переселения на земли южной Венгрии обладали поэтическим репертуаром, во многом сближающим их с некоторыми нормами европейского барокко, и потому были готовы к встрече с венгерским и немецким барокко. Последнему как проявлению католической культуры противилось украинское и «афонское» барокко, проникающее в условиях борьбы между католицизмом и православием к сербам, способствуя таким образом расширению границы их культуры. Защищая свою национальную независимость от посягательств униатов, сербы из православного барокко перенимают многие темы, мотивы, жанры, систему версификации (из украинских «виршей»), а также язык, на основе которого создается конгломеративный, далекий от народного «русскославянский» язык. Эти переориентации заставили в дальнейшем отказаться от многих достижений средневековой литературы, связь с которой постепенно прерывается.

В разделе «Сербская барочная драма» автор прослеживает генезис этого жанра от его фольклорных истоков, «уличного театра», различных проявлений западнохристианской «сакральной драмы», «ораториумов», диалогизированных проповедей и других отблесков дубровницкой культуры в творче-

inslav

ство черногорцев приадриатического региона, до возникновения первой сербской драмы «Трагикомедия», созданной в 1733 г. украинским поэтом М. Козачинским. Проанализированы и другие драматические тексты русского и национального происхождения.

Сербская «барочная проповедь», по определению М. Павича, имела две школы — отечественную, в которой культивировались нормы византийской гомилетики, и новую, созданную в барочную эпоху «по определенным правилам украинской литературы». Популярность последней у сербов объясняется сходством ситуации, в которой находилась Украина и Сербия. Сопротивляясь политическим и религиозным притеснениям Польши (то же самое происходило у сербов по отношению к Австрии), украинские писатели обращались к ораторской прозе на народном языке как одному из эффективных средств антикатолической борьбы. Произведения украинской литературы были хорошо известны сербам, которые широко переводили киевских авторов, или же создавали по их образцам собственные полемические тексты. В результате возникла сербская барочная гомилетика как один из наиболее распространенных жанров литературы того времени.

В состав барочной прозы автор включает также путевые записки, историографическую и мемуарную литературу, различные философские и полемические тексты, эпистолярное наследие и др.

Тема «поездки по святым местам» была хорошо известна средневековой литературе, не теряет она популярности и в последующую эпоху, но содержание описаний значительно изменяется, все более принимает очертания самостоятельного литературного жанра. Расширяется и география путешествий. Кроме основного в средневековой литературе маршрута «к гробу господнему», появляются другие направления, описываются различные «приключения», «мореплавания», увлекательные истории, рассчитанные на светскую, а не духовную публику. Немалую роль в секуляризации литературы сыграло вторжение через этот жанр фольклорной стихии, народного языка, что способствовало обмирщению содержания, разрушению прежнего аскетического герметизма.

Многочисленные произведения на историческую тему как одно из проявлений формирующейся историографии М. Павич рассматривает в свете так называемого «барочного славизма». С точки зрения барочной стилистики ученый детально анализирует сохранившуюся переписку того времени,

islav

ставшую основой популярной в последующие годы эпистолярной литературы.

Особой заслугой автора является и то, что в поле исследования он включает фольклорные аспекты барочной культуры, рассматривая их в заключительном разделе «Судьба устной литературы в эпоху барокко». По мнению исследователя, эта эпоха явилась «первым золотым веком устной поэзии». Основанием для подобной констатации послужили многочисленные широко приводимые автором, свидетельства о бытовании фольклора, оживление собирательской деятельности, первые шаги в изучении фольклора, факты проникновения народной культуры в письменную литературу югославян и др. М. Павич прослеживает различные виды и формы трансформации фольклора в барочной культуре, подчеркивает его важную стилеобразующую и образотворческую роль в формировании национального своеобразия сербского барокко, говорит и об обратном влиянии барочной культуры на устное творчество.

В своем новаторском исследовании М. Павич затронул целый ряд проблем, нуждающихся в дальнейшем углубленном изучении. Одна из них — возникновение драмы у сербов и шире — в славянских культурах эпохи барокко. Эта тема получает основательную разработку в исследовании Властимира Эрчича «Мануил (Михаил) Козачинский и его Трагедокомедия» [28]. Книга возникла как результат осуществляемого в Институте литературы и искусств (Белград) научно-исследовательского проекта по изучению истории сербской драмы. Ее автор, известный по ряду публикаций, в том числе монографией «Историческая драма у сербов с 1756 по 1860 г.» (1974), является одним из наиболее компетентных специалистов по драматургии XVIII в.[29]

Книга о М. Казачинском является первым в филологической науке всесторонним исследованием жизни и творчества крупнейшего представителя славянского барокко. М. Козачинский как один из лучших слушателей Киевской академии по рекомендации ее руководства, с которым сербское духовенство поддерживало тесные связи, прибыл в 1773 г. в административный и культурный центр сербов в г. Сремске Карловце. Здесь он в роли префекта школ, основанных по киевскому образцу, написал и поставил школьную драму «Трагедокомедия. . .». Основываясь на некоторых драматических фактах сербской средневековой истории, писатель провозглашал актуальные для того времени идеи необходимости развития просвещения и поддержки школ как важных очагов

inslav

духовной культуры, чему противились консервативные представители сербского духовенства.

Хотя работа посвящена жизни и творчеству одной личности, содержание и значение этого труда намного шире. Многолетние исследования в архивах Белграда, Москвы, Киева, Ленинграда, Минска, Варшавы, Рима и других городов позволили автору воссоздать колорит эпохи, дать широкую панораму историко-политических, культурных событий, на фоне которых осуществлялись культурно-просветительские паломничества, творческий обмен между представителями родственных народов, как одно из проявлений «барочного славизма».

Результаты скрупулезно проведенного исследования жизненного пути М. Козачинского представляют особый интерес как его наиболее полная биография. Вместе с тем это исследование убедительно свидетельствует, что при определении национальной принадлежности многих деятелей культуры XVII—XVIII вв. следует руководствоваться критериями иными, чем по отношению к писателям, например, XIX в. Эпоха барокко дала немало представителей универсальных по своей деятельности, оставивших заметный след в нескольких культурах, а потому принадлежавших духовному наследию не одного народа. М. Козачинский — яркий и далеко не единственный тому пример. Украинец по происхождению, как это показывал В. Эрчич на основании детальных архивных исследований, рожденный на землях, захваченных Польшей, он начинает образование в Москве, а продолжает и заканчивает его в Киеве; путешествует по Европе, затем отправляется в Сербию. По возвращении оттуда он был назначен проректором Киево-Могилянской академии; он посещает Петербург, а свою карьеру завершает в Белоруссии, где и похоронен.

В. Эрчич прослеживает различные периоды творчества М. Козачинского, очерчивающие давно сложившуюся «историческую трассу» украинско-сербско-русско-белорусских отношений. В аспекте изучения идейно-эстетических особенностей литературной культуры барокко немалый интерес представляет богатое творческое наследие писателя (драмы, поэтики, риторики, диалоги, панегирики, «приветствия», «диспуты», эпитафии и др.), детально проанализированные в монографии. Особое внимание В. Эрчич уделяет произведению, принесшему М. Козачинскому заслуженное признание далеко за пределами его родины — «Трагедокомедии» как первой сербской драме. Автор касается дискуссионного вопроса о дате написания и постановки, о первоначальном

inslav

названии текста. Он исследует поэтику, систему образов, затрагивает вопрос генезиса и жанрового своеобразия школьной драмы, семантики барочных символов и аллегорий; анализирует язык, стиль и систему версификации текста, говорит о связи произведения со своей эпохой, показывает значение этой драмы для дальнейшего развития сербской литературы и др.

Поскольку оригинальный текст драмы утерян, В. Эрчич осуществил большую работу по его восстановлению. Привлекая различные сохранившиеся списки произведения, в том числе и наиболее достоверный, принадлежавший преданному ученику М. Козачинского известному сербскому писателю и историку Й. Раичу, исследователь сумел в своей реконструкции максимально приблизиться к оригиналу, возвратив таким образом репертуару славянского театра XVIII в. еще одно интересное произведение. Одновременно автор сделал интересную попытку реконструкции театра и театрального реквизита в период постановки пьесы Козачинского в Карловцах.

Если на севере драма у сербов, как и вся культура, развивалась в тесных связях с восточнославянской средой, то на юге, в районе приадриатических городов Котор, Пераст, Будва и др., поддерживающих различные связи с Дубровником и Венецией, формировалась и процветала культура, своеобразно сочетавшая в себе различные влияния с национальными традициями черногорцев, что последовательно изучает историк искусства Т. Пейович [30]. Литературная культура барочной эпохи этого края отражена в двух антологических сборниках, подготовленных Милошем Милошевичем и Грацией Брайкович «Поэзия барокко» (1976) [31] и «Проза барокко» (1978) [32].

В комментариях авторы обращают внимание на различные проявления барокко в культуре Черногории. Не все тексты, вошедшие в сборник, барочны в классическом понимании термина, поскольку «стихия барокко» менее всколыхнула прозу, чем, например, другие виды искусства. Причины включения того или иного текста, таящего в себе «барочную искру», даются перед каждым включенным в сборники текстом. Авторы призывают читателя учитывать специфику стиля, который может показаться современному человеку несколько необычным, а между тем мир барокко, обладающий своими внутренними законами, как «мир неустанной игры мечты и мысли», способен увлечь и захватить читателя и нашего времени.

inslav

Стремясь показать колорит эпохи, тематическое разнообразие литературной культуры XVII в., редакторы включили прозаические произведения не только религиозно-дидактического, но и светского содержания, которые представлены в 13 тематических разделах (посвящения и введения к различным книгам; старозаветные и агиографические фрагменты, поданные в барочном стиле; анналы и летописи текущей жизни; народные верования и обычаи и др.). Далеко не все в этой чрезмерно детализированной классификации представляет художественную ценность, но она обладает, с другой стороны, важным документальным свидетельством интенсивной писательской деятельности того бурного и неспокойного времени.

Из 105 текстов известны имена 35 авторов. Это люди различных профессий: духовенство, мореходы, дипломаты, медики, юристы — выходцы не только с приморья, но и континентальной части. Одним из ведущих представителей этой литературы является поэт и прозаик Андрия Змаевич (1624—1694). Его творчество, как и ряда других, показательно как пример присущей многим культурным деятелям этой эпохи неоднородности в языковых, религиозных ориентациях. А. Змаевич, как выходец из черногорских земель, куда проникали иезуиты, был католик, но писал и кириллицей, записывал народный эпос.

В целом поэзия этого региона в основном писалась на народном языке, в ней больше фольклорных влияний, тогда как проза в основном написана на других языках: из 105 авторов 48 писали на национальном языке, 51 — на итальянском, 3 — на французском.

Типичным было явление билингвизма, как, например, в творчестве талантливого мастера ораторской прозы А. Баловича. Выбор языка зависел от адресата — для широкой публики использовался народный язык, темы «высокого» содержания разрабатывались на языке сакральном — чаще всего на латыни. Как замечают исследователи, черногорские авторы, несмотря на частое обращение к чужеземным языкам как средству коммуникации в католической среде, чувствовали себя «по-славянски», не разрывая с национальными корнями, испытывая влияние фольклора.

Работа, проделанная черногорскими исследователями, свидетельствует об интенсивной культурной жизни в одной из славянских земель, удаленной от «эпицентров» европейского барокко, но знавших его влияние, вследствие чего возникла своеобразная культура, причудливо сочетавшая в себе католичество и православие, книжные и фольклорные, церков-

irislav

ные и светские элементы. В результате в XVII—XVIII столетиях в приморских городах нынешней Черногории была создана база для дальнейшего развития культуры. Однако в дальнейшем этого не произошло. Авторы усматривают причину в неблагоприятных исторических условиях, вызванных, в частности, «наполеоновской блокадой», изоляцией края от основных европейских культурных центров. Вторжение переселенцев с континента, в основном занимавшихся скотоводством и земледелием, также способствовало увяданию прежней культуры: у пришельцев не было барочной традиции, а принять новую было нелегко, мешало и отсутствие знаний иностранного языка. Основную культурную функцию у черногорцев стала выполнять фольклорная традиция.

Этого нельзя сказать о литературе сербов в придунайских землях, где барокко послужило своеобразным «трамплином» для стремительного прыжка в культурный процесс. Завоевания барочной эпохи чувствовались в сербской поэзии, драме не только во второй половине XVIII в., но и первой половине XIX в., сказавшись, в частности, на возникновении первого сербского романа, «барочно-сентиментального» по своему типу [33].

Литература и искусство сербов и черногорцев в XVII—XVIII вв. явились новым качественным этапом по отношению к предшествующим и последующим столетиям. Югославскими исследователями проделана немалая работа в изучении этой эпохи. Их труды, упомянуть которые в рамках данного обзора полностью не представлялось возможным, расширяют наши представления о судьбах барокко у югославян, являются солидным вкладом в славянское барокковедение.

[1] *Кашанин М.*, *Петровић В.* Српска уметност у Војводини. Нови Сад, 1927, 215 с; *Медаковић Д.* Вељко Петровић као историчар уметности. — Гласник Српске књижевне задруге, 1968, кн. XXIII, № 1. с. 16—18.

[2] *Кашанин М.* Два века српског сликарства. Београд, 1942, 75 с.

[3] *Коларић М.* Српска графика XVIII века. Београд, 1953, 73 с; *Он же.* Српска уметност XVIII века. Београд, 1954, 112 с; *Он же.* Модернизација српског сликарства у раздобље зографа и молера. — Зборник Матице српске, 1954, № 8, с. 14—27; *Он же.* Основни проблем српског барока. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1967, № 3, с. 235—275.

[4] *Medaković D.* Probleme der serbischen Barockforshung. — Die Welt der Slaven, 1958, N 3, s. 407—422.

[5] *Васић П.* Сликари иконостаса манастира Бођана и Крушедола. — Старинар, 1961, № 12, с. 111—121; *Он же.* Барокни елементи у српском сликарству прве половине XVIII века. — Гласник, службени лист СПЦ, 1964, № 7—8, с. 255—260.

inslav

[6] *Medaković D.* O srpskom baroku. — Delo, 1959, N 12, s. 1479—1491.
[7] *Медаковић Д.* Путеви српског барока. Београд, 1971, 320 с.
[8] *Медаковић Д.* Трагом српског барока. Београд, 1976, 280 с.
[9] *Медаковић Д.* Барокне теме српске уметности. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1979, N 15, с. 343—353.
[10] *Медаковић Д.* Српска уметност у XVIII веку. Београд, 1980, 284 с.
[11] *Радојчић П.* Кијевска Академија и Срби. — Српски књижевни гласник, 1913, № 9, с. 669—675; *Димитријевић-Микић О.* Стефан Тенецки — банатски сликар из XVIII века. — Рад. Војвођанских музеја, 1957, № 6, с. 140—149; *Петковић С.* Руски утицај на српско сликарство XVII с XVIII века. — Старинар, 1961, № 12, с. 10—24; *Васић П.* Руски утицај у српској уметности. — Браничево, 1964, № 1/2, с. 7—26; *Он же.* Доба барока. Београд, 1971, 245 с; *Јовановић М.* Руско-српске уметничке везе у XVIII веку. — Зборник филозофског факултета, 1963, књ. 7, № 1, с. 379—409.
[12] *Давидов Д.* О украјинско-српским уметничким везама у XVIII веку. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1968, № 4, с. 211—236.
[13] *Пащенко Е.* Українське бароко в Сербії. — Всесвіт, 1977, № 1, с. 175—179; *Он же.* Про пахождения стінопису монастиря у Сербії. — В кн.: Українське мистецтво у міжнародних зв"язках (Дожовтневий період). Київ, 1983, с. 10.
[14] *Давидов Д.* Украјински утицаји на српску уметност средње XVIII века и сликар Василије Романович. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1969, № 5, с. 137.
[15] *Давидов Д.* Иконе српских зографа XVIII века. Београд, 1977, 198 с.
[16] *Давидов Д.* Српска графика XVIII века. Нови Сад, 1978, с. 456.
[17] *Михаиловић Р.* Манипристичка својства неких композиција српског сликарства. Утицаји западноевропске уметности на српско сликарство XVIII века. — Зборник филозофског факултета, 1964, № 8, с. 391—399; *Она же.* Утицај западноевропске уметности на српско сликарство XVIII века. Старозаветне теме у манастиру Бођани. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1965, с. 283—305; *Она же.* Утицај западноевропске иконографије на композиције «Удовичина лепта» и «Изгнање трговаца из храма» у српском сликарству XVIII века. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1968, № 2, с. 293—302.
[18] *Михаиловић Р.* Бођани и Библија Пискатора. — Зборник филозофског факултета, 1967, књ. IX, № 1, с. 282—307; *Она же.* Бођани и Библија јохана Улриха Крауса. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1970, № 6, с. 71—88.
[19] *Михаиловић Р.* О конфетистичким основама слике природе у српској уметности XVIII века. — Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1968, № 4, с. 191—210; *Она же.* Топографске пејсаж српске уметности XVIII века као политички аргумент.— Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1973, № 9, с. 137—150.
[20] *Михаиловић Р.* Представе анђела у српској графици XVIII века.— Зборник за ликовне уметности Матице српске, 1972, № 8, с. 281—366.
[21] *Павић М.* Гаврил Стевановић-Венцловић. — Књижевност, 1905, № 4—12.
[22] Од барока до класицизма. Српска књижевност у књижевној критици. Београд, 1966, 445 с.
[23] *Скерлић Ј.* Српска књижевност у XVIII веку. Београд, 1909, 481 с.

inslav

[24] *Павић М.* Историја српске књижевности барокпог доба (XVII и XVIII век). Београд, 1970, 527 с.

[25] *Остојић Т.* Историја српске књижевности. Београд, 1922, с. 112.

[26] *Rousset J.* La literature de l'age baroque en Franse. Paris, 1963.

[27] *Angyal A.* Barock in Ungarn. Budapest, 1945; *Idem.* Das problem des slawischen Barocks. — In: Der Literarishe Barockbegriff. Buchges, 1975, s. 329—359; *Idem.* Slavische Barockwelt. Leipzig, 1961, S. 321.

[28] *Ериħ В.* Мануил (Михаил) Козачинскиј и његова «Трагедокомедија». Нови Сад; Београд, 1980, 765 с.

[29] *Он же.* Историјска драма у Срба од 1736 до 1860. Београд, 1974, 456 с.

[30] *Пејовић Т.* Умјетност на тлу Црне Горе од праисторије до данас. — Овдје, 1981, № 147—148.

[31] Поезија барока. Титоград, 1976, 456 с.

[32] Проза барока. XVII и XVIII вијек. Титоград, 1978, 592 с.

[33] *Деретић Ј.* Српски роман 1800—1950. Београд, 1981, 394 с.

inslav

ИЗУЧЕНИЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ЗАПАДНЫХ СТРАНАХ

В журнале Немецкого общества по изучению Восточной Европы «Osteuropa» за 1982 г. (№ 5) появилась новая рубрика «Аспекты восточноевропейских исследований». Под этой рубрикой в 1982—1983 гг. были опубликованы статьи об изучении Восточной Европы во Франции, Великобритании, США, Израиле, Японии, а также работы, посвященные отдельным областям восточноевропейских исследований и их учреждениям [1]. Рубрика открывается статьей вице-президента Немецкого общества по изучению Восточной Европы О. Анвайлера о деятельности так называемого Международного комитета по изучению Советского Союза и Восточной Европы (МКИССВЕ), президентом которого он был избран в 1980 г.[2], и вступительной статьей А. Буххольца, одного из ведущих сотрудников официозного западногерманского Федерального института по изучению Востока и международных отношений [3].

Буххольц, ведающий в ФРГ координацией правительственных институтов восточноевропейских исследований, выступает за сотрудничество западных стран в области изучения Восточной Европы, придавая этому важное политическое значение. Под его редакцией, в частности, в Западном Берлине в 1982 г. был опубликован сборник статей буржуазных экспертов-советологов об организации, финансировании и политических задачах восточноевропейских исследований в капиталистических странах [4]. Материалы, опубликованные в этом сборнике, положены Буххольцем в основу указанной статьи. Прежде всего он отмечает, что во всех этих странах в период после второй мировой войны до 60-х годов, а частично и в начале 70-х годов отмечалось интенсивное развитие восточноевропейских исследований. Были основаны многочисленные институты, кафедры и другие учреждения, появились специальные журналы. Это, по мнению Буххольца, означало, что разработка восточноевропейской проблематики соответствовала тогда «национальным» интересам (точнее было бы сказать — правящих кругов) этих стран.

В то же время Буххольц отмечает некоторые различия в характере восточноевропейских исследований отдельных

inslav

стран. С его точки зрения, в США значительный исследовательский потенциал сочетается с децентрализацией организации восточноевропейских исследований; в Великобритании имеются научные центры, концентрирующие свое внимание на каких-то отдельных областях, чему трудно найти параллели в других странах; ни в одной другой стране развитию культуры и искусства в Восточной Европе не уделено столько внимания, как во Франции и т. д.

Хотя Буххольц пытается создать впечатление, что основная часть подобных исследований носит в политическом смысле «независимый характер», он решительно выступает против аполитичности в восточноевропейских исследованиях. Это замечание красноречивей многих слов свидетельствует о подлинном стремлении руководителей подобных исследований ориентировать их на решение задач, стоящих перед буржуазными государствами в этой сфере. С этой точки зрения любопытно признание Буххольца, что по мере усиления напряженности в международных отношениях возрастает значение восточноевропейских исследований и их ответственность. Он ссылается на собранные в упомянутом сборнике материалы, из которых следует, что ассигнования на исследования находятся, как правило, в прямой зависимости от того значения, которое придается им правящими кругами западных стран в системе текущей политики и науки. Ссылаясь на статью о развитии изучения Восточной Европы в США, он стремится доказать, что в борьбе за размер ассигнований восточноевропейским исследованиям приходится вести конкурентную борьбу с другими дисциплинами, такими, как изучение развивающихся стран, охрана окружающей среды и др. Причину такого явления Буххольц, видит как в общем сокращении на Западе ассигнований на научную деятельность, так и в уменьшении интереса официальных кругов к разработке восточноевропейской проблематики и особенно к результатам этих исследований. Независимо от мнения Буххольца, такая ситуация во многом объясняется кризисом самой советологии, беспочвенность рекомендаций которой все более осознается буржуазными политиками.

Буххольц отмечает далее, что при обилии фундаментальных работ в большинстве областей восточноевропейских исследований существует дефицит обобщающих, междисциплинарных работ. Между тем, по его мнению, именно такие работы наиболее существенны, хотя многочисленные попытки организации междисциплинарных исследований по разным причинам были чаще всего неудачны. Оценивая такое положение, Буххольц отмечает, что несоответствие между нали-

inslav

чнем профессиональных знаний и недостатком обобщающих трудов вообще представляет собой перешенную на Западе проблему современного развития всех областей знания. Но восточноевропейские исследования в силу чрезвычайной комплексности предмета своего исследования страдают от этого в первую очередь. Находя подобную ситуацию неудовлетворительной, Буххольц обращает внимание на имеющийся в ряде капиталистических стран опыт координации, отражающий не столько собственно научные, сколько, по его словам, «практические потребности».

Н. А. Богаева

[1] *Bonamour J.* Osteuropaforschung in Frankreich. — Osteuropa, 1982, N 6, S. 501—509; *Confino M.* Die Osteuropaforschung in Israel und ihr Einfluss auf die Politik. — Ibid., N 7, S. 601—608; *Dallin A.* Osteuropaforschung in den Vereinigten Staaten. — Ibid., N 8, S. 625—644; *Kiga K.* Osteuropaforschung in Japan. — Ibid., N 10, S. 853—857; *Anweiler O.* Forschungen zum Bildungswesen und zur Pädagogik der Sowjetunion. — Osteuropa, 1983, N 1, S. 40—46; *Ito T.* Slavistik und Osteuropakunde in Japan. — Ibid., N 5, S. 400—412; N 6, S. 463—477; *Görner F.* Osteuropa-Abteilung der Staatsbibliothek Preussischer Kulturbesitz. — Ibid., N 7, S. 547—554; *Murakami N.*, *Uegaki A.* Japanische Arbeiten über Sowjetlandwirtschaft. — Ibid., N 8, S. 644—655.

[2] *Anweiler O.* Internationale Zusammenarbeit in der westlichen Osteuropaforschung. — Osteuropa, 1982, N 5, S. 358—363; *Богаева Н. А.*, *Максутов И. С.* Международный комитет по изучению Советского Союза и Восточной Европы. — В кн.: Славяноведение и балканистика за рубежом. М., 1980, с. 63—71.

[3] *Buchholz A.* Osteuropaforschung in westlichen Ländern. — Osteuropa, 1982, N 5, S. 353—357.

[4] Internationale Osteuropaforschung: Organisation, Finanzierung und Politikbezug / Hrsg. von A. Buchholz. [West-]Berlin, 1982.

ПОЛЬСКАЯ ПЕРИОДИКА О СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ СЛАВЯНСКИХ И БАЛКАНСКИХ НАРОДОВ И О КИТАЙСКОЙ ПОЛОНИСТИКЕ

Многие черты методологии и организации славянских и балканских исследований, присущие западной науке, находят отражение и в современной японской историографии. Вместе с тем здесь встречаются некоторые специфические черты (особенно в части проблематики исследований), которые представляют самостоятельный интерес. В силу сказанного заслуживает внимания опубликованная в центральном польском историческом журнале «Kwartalnik historyczny»

inslav

обзорная статья японского историка-слависта Хироши Бандо «Восточная Европа в современной японской историографии». Автор — профессор частного университета Мэидзи в Токио, специализируется в области новой и новейшей истории Польши, а также русско-польских и советско-польских связей. В своей статье, он знакомит польскую научную общественность с современным состоянием японской историографии славянских и балканских народов [1].

Само развитие этих исследований автор делит на два этапа: работы, вышедшие в 1960—1972 гг., и исследования, опубликованные в 1972—1977 гг. В работах, относящихся ко второму этапу, Бандо выделяет новые тенденции. Во-первых, по его мнению, стали цениться исследования, опирающиеся на источники и оригинальную литературу предмета. Во-вторых, возрос интерес к социалистическим странам восточноевропейского ареала, произошел пересмотр некоторых оценок, особенно в том, что касается взаимосвязей между национально-освободительными и социальными движениями народов данного региона и реакцией на них со стороны империалистических кругов и приверженцев прежних режимов.

Как явствует из статьи, изучение национальных и социальных движений славянских народов является значительной составной частью проводимых в Японии исследований.

Вышли в свет монографии, статьи и публикации документов по истории революционного движения в России 40—60-х годов XIX в. и польского национально-освободительного движения этих лет, русско-польскому революционному союзу (Тсугуо Тогава, Хироши Бандо, Тетсуо Аратаке). Харуки Яда поднял проблему общего и особенного в революционных движениях России и у народов Центральной и Юго-Восточной Европы во второй половине XIX в. Слабее изучены вопросы империалистической политики и национально-освободительных движений конца XIX в.

Проблемы национально-освободительного движения народов Австро-Венгерской империи и причины распада габсбургской монархии рассмотрены в работах Тошитака Яда и Окио Мурасе. Однако, по мнению Бандо, характер этих движений заслуживает большего внимания и изучения. Это замечание он относит и к работам Хироши Момосе, в которых рассматриваются вопросы национально-освободительного движения внутри Османской империи и действия империалистической дипломатии великих держав на Балканах в период между второй половиной XIX в. и после мировой войны. В 1970-х годах в японской историографии появилось не-

inslav

сколько работ по истории дуалистической Австро-Венгерской империи, которые, по словам Бандо, опираются на солидную методологию и добротную источниковую базу. Он выделяет среди них серию статей Шиго Минамузики об экономической истории Венгрии. В частности, используя венгерскую литературу и источники, он исследовал также аграрные и национальные проблемы венгерского социалистического движения и революции 1919 г. Масахиро Кашима рассмотрел историю Венгрии от революции 1919 г. до 1930-х годов. Томоко Мюра и Кумико Хаба опубликовали статьи, посвященные венгерскому рабочему движению. Тадаюки Хаяши исследовал роль Э. Бенеша в восстановлении независимости Чехословакии.

По мнению Хироши Бандо, изменения, происшедшие в Восточной Европе в результате первой мировой войны и двух российских революций, не нашли достаточного освещения в японской историографии. В Японии по традиции принято рассматривать историю народов восточноевропейского ареала в связи с политикой западных держав и их отношениям с СССР. Однако в последнее время, как отмечает Бандо, появились тенденции изучать эту проблематику самостоятельно, с позиций угнетенных народов. С такой точки зрения сам Бандо рассматривает историю Восточной Европы в своих трудах.

Различные аспекты истории восточноевропейских стран в период между двумя мировыми войнами освещены в работах нескольких японских историков. Наиболее полно и всесторонне, по мнению Бандо, внутреннее положение восточноевропейских стран и международные отношения нашли отражение в работе Хироши Момосе «Версальская система и малые страны Европы».

Исследования по истории второй мировой войны и периода, предшествовавшего ей, занимают в японской историографии значительное место. Обширный труд принадлежит Хироши Момсе. Серия работ Томоеши Хире проливает новый свет на дипломатию европейских стран с середины 30-х годов и до начала второй мировой войны. Фашистские режимы в Центральной и Юго-Восточной Европе рассмотрели Хани Киношита, Киоши Ямагива. Проблемы второй мировой войны, политика государств «оси», движение Сопротивления исследованы в книгах и статьях Шин-ичи Аре, Окио Мурасе и в обобщающем пятитомном труде по истории тихоокеанской войны, изданным Научным историческим обществом. Однако, констатирует Бандо, на фоне сравнительно лучшей изученности национальных движений периода войны

inslav

в Азии, Африке и Латинской Америке исследованность восточноевропейского ареала выглядит явно недостаточной.

Хироши Бандо отмечает, что в результате второй мировой войны судьбы народов Восточной Европы подверглись коренным изменениям, которые привели к национальному и социальному освобождению многих народов. В новых условиях повторилась, по его словам, Весна народов 1848 г. Перед японскими историками, пишет Бандо, стоит сложная задача — отобразить развитие социалистической системы как в Восточной Европе в целом, так и в отдельных странах этого ареала. Хотя исследование этой проблематики только начинается, уже появилось несколько монографий, в том числе Шигеки Хирато по истории Чехословакии, Хироши Бандо — по Польше. Эта тематика получает освещение и в ряде статей Ясуо Иши, Шигеру Кидо и др. Отдельные аспекты социалистического строительства в Болгарии, Венгрии, Чехословакии и Югославии рассмотрены в сборниках «Исследования социалистической экономики» и «Общество и экономика Восточной Европы». О современной истории Балканского региона пишет Сигеру Кидо. Основываясь в значительной степени на данных советской исторической науки Масаоши Шибата исследовал историю народной демократии в Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии.

Как явствует из статьи, японская историография имеет определенные успехи в изучении современной Польши. Сам Хироши Бандо посвятил этой теме работу «Политика и общество в современной Польше», в которой рассмотрел польский вопрос во время второй мировой войны. Различные аспекты истории послевоенной Польши получили разработку в исследованиях Шигенари Тсурука (экономика), Масамори Сасе (проблема западных польских земель), Казуо Енекава (культурная проблематика). Несколько работ о польском национальном и социалистическом движении написал Казуо Като. Наоки Миамо издал книгу о Пилсудском. Возросший интерес к личности Розы Люксембург увенчался в японской историографии рядом исследований.

Особого внимания, по словам Бандо, заслуживает серия статей Ито Такаюки, который изучил все доступные ему источники в Польше и в других европейских странах, а также в СССР и в США.

Появляются и первые обобщающие труды по истории Восточной Европы — коллективная монография под редакцией Тоситака Яда и популярная книга Акихиро Ишивака.

Обзорная статья Хироши Бандо завершается подробной библиографией, насчитывающей несколько сот названий.

inslav

В газете «Trybuna ludu» сообщается о развитии польской полонистики в КНР [2]. Первые занятия на кафедре польского языка Пекинского университета начались 1 сентября 1954 г. Набор студентов на польскую кафедру проводился один раз в четыре года. Отмечается, что большую помощь в становлении полонистики в Китае оказали преподаватели из Польши, в том числе в создании учебника для китайских студентов. Кафедра, переведенная вскоре в Пекинскую академию иностранных языков, подготовила около 60 специалистов.

После перерыва, вызванного, как указывается в газете, внутренним положением в КНР, работа кафедры возобновилась. Оживились научные и культурные связи между ПНР и КНР, в Китае все больше публикуется переводов польской литературы, и что особенно важно — с языка оригинала.

Под руководством и непосредственным участием заведующего кафедрой польского языка доцента Ченга Дзиджунга ведется работа над польско-китайским словарем, который будет содержать около 45 тыс. слов и скоро выйдет в Китае. Он явится, по словам газеты, значительным вкладом в достижения китайской полонистики.

Н. П. Митина

[1] *Bando H.* Europa wschodnia we współczesnej historiografii japońskiej. — Kwartalnik Historyczny, 1982, N 4, s. 641—657. Статья является кратким вариантом труда, первая часть которого опубликована в Rekishigaku Kenky, kai, пзд. The Archievements and Tasks of Recent Historical Studies. Tokyo, 1975, t. 4. См. также: *Ито Такаюки.* История и современное состояние славяноведения в Японии. — Сов. славяновед., 1980, № 2. В этой статье представлена история формирования японской славистики, ее организационная структура, книжные фонды, издательская база, перспективы развития.

[2] Trybuna Ludu, 1984, 1.IX.

МАТЕРИАЛЫ ПО СЛАВЯНОВЕДЕНИЮ, СССР И СТРАНАМ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В БИБЛИОТЕКАХ ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Книга Грэгори Уолкера «Источники по советским, восточноевропейским и славистическим исследованиям в библиотеках Великобритании» («Resources for Soviet, East — European and Slavonic Studies in British Libraries») является новым, измененным изданием книги Гросби Локвуда «Справочник по библиотекам и специальным собраниям по Восточной Европе и СССР» («Direktory of Libraries and Special

inslav

Collections on Eastern Europe and USSR»), вышедшей в 1971 г. под редакцией группы славяноведения и Восточной Европы при Ассоциации национальных и университетских библиотек (Standing Conference of National and University Libraries, SCONUL).

Из 149 библиотек, описанных в предыдущем издании, в новую книгу не вошли 42 (в основном публичные) библиотеки, которые, по мнению автора, не располагают фондами, представляющими научную ценность. В новое издание включены сведения о 19 новых библиотеках, содержащих значительные собрания источников по славяноведению, СССР и странам Восточной Европы.

Книга Грэгори Уолкера представляет собой руководство для исследователей, приступающих к изучению славистики, Советского Союза и восточноевропейских стран, ее цель — «описание библиотек Великобритании, содержащихся в них материалов, достаточно полное, чтоб помочь исследователю сориентироваться в обилии материала» [1]. В соответствии с этим руководство не содержит сведений об отдельных публикациях — такие сведения собраны в каталоге Славянского союза (Slavonic Union Catalog) в Отделе хранения Британской библиотеки (British Library Deposit Division, BLDD), и в других каталогах и описях. В отличие от каталогов в руководстве Уолкера дается систематическая характеристика библиотечных коллекций путем описания общей тематической направленности фондов и их особенностей.

В книге приводится описание библиотек Великобритании, содержащих материалы по СССР, Польше, Чехословакии, ГДР (с 1949 г.), Венгрии, Югославии, Румынии, Болгарии и Албании. В тематическую сферу интересов составителя руководства включены библиотечные собрания, охватывающие все области человеческой деятельности и общественных наук; дается описание фондов библиотек всех видов: национальных, академических, независимых. Архивные хранилища, а также библиотеки с ограниченным доступом (например, только для слушателей Королевской военной академии) в описание не включены.

Грэгори Уолкер приводит интересные сведения из истории развития славяноведения в Великобритании. Он констатирует, что в конце XIX в. единственной в стране библиотекой, коллекционировавшей материалы по славяноведению и странам Восточной Европы, была библиотека Британского музея. Из университетов, существовавших в то время, Оксфорд и Кембридж располагали библиотеками, содержащими небольшие коллекции по данной тематике. Два уни-

inslav

верситета в Шотландии — университет св. Андрея и университет в Глазго собрали немногочисленные, но интересные русские публикации XVIII—XIX вв. Фонды пополнялись в основном за счет материалов, полученных от зарубежных академий и университетов, с которыми библиотеки поддерживали научные связи.

В течение первой декады XX в. университет в Ливерпуле создал замечательную коллекцию исследований о России. Единственной частной организацией, которая перед первой мировой войной приобретала значительные фонды по русской литературе и истории была Лондонская библиотека (London Library). Некоторые научные общества также собирали материалы о России согласно своей специализации, в частности Королевское географическое общество (Royal Geographical Society), Королевский антропологический институт (Royal antropological Institute), Королевское среднеазиатское общество (Royal Central Asian Society).

За время первой мировой войны и в первые послевоенные годы было основано несколько институтов, организовавших крупные специализированные библиотеки. Школа славистических исследований (School of Slavonic Studies) была создана при Лондонском университете в 1915 г. Школа ориенталистики и африканистики (School of Oriental and African Studies), образованная в 1917 г., в сферу своих научных интересов включила Среднюю Азию и Кавказ. Королевский институт международных отношений (Royal Institute of International Affairs), основанный в 1920 г., целенаправленно собирал фонды по современной Восточной Европе и СССР.

Более регулярным и широким становилось приобретение источников по Советскому Союзу, восточноевропейским странам в библиотеках других городов Великобритании. Тематические коллекции были созданы в Бодлеанской библиотеке (Bodleian Library), в университетских библиотеках Кэмбриджа, Бирмингема, Манчестера, Нотингема и Шеффилда. Интерес британской общественности к Советскому Союзу обусловил образование в 1924 г. Общества связей с Советским Союзом, а в 1933 г. — Мемориальной библиотеки К. Маркса (Marx Memorial Library), которые в настоящее время располагают обширными фондами.

Конец 40-х—начало 50-х годов, по определению Уолкера, был периодом повышенного интереса к славянской тематике. Интенсивно расширялись фонды уже существующих библиотек, основывались новые институты с быстро растущими библиотеками; в Оксфорде — колледж св. Антония

inslav

(St. Antony's Colledge), в Бирмингеме и Глазго — Центр изучения России и Восточной Европы (Centre for Russian and East — European Studies) и Институт советских и восточноевропейских исследований (Institute of Soviet and East — European Studies), в Кембридже была образована отдельная Славяноведческая библиотека (Slavonic Library). Этому процессу, констатирует Уолкер, во многом способствовал ряд правительственных мер. В частности, в 1947 г. был опубликован доклад комиссии, созданной министерством иностранных дел, под руководством лорда Скарборо, содержащий рекомендации по созданию научных центров для разработки и популяризации исследований по славяноведению, странам Восточной Европы, ориенталистики и африканистики.

Растущий интерес британского правительства к Советскому Союзу, к информации о нем отразился в увеличении количества публикаций на русском языке в Министерстве по делам Британского содружества и в Министерстве обороны. В 1953 г. по инициативе правительства был образован исследовательский центр по Средней Азии (Central Asian Research Centre), создавший обширную библиотеку по этому региону.

Успехи СССР в области науки и техники привели к тому, что Национальная абонементная научно-техническая библиотека (National Lending Library of Science and Technology), а также Национальная справочная библиотека по науке и изобретениям (National Lending Library of Science and Inventions) с момента своего образования (в 1950, 1960 гг.) начали сбор советской научно-технической литературы.

В 60-х годах наблюдался, по словам Уолкера, беспрецедентный рост библиотечных коллекций по России и в меньшей степени по странам Восточной Европы и СССР. Этому во многом способствовал отчет правительственного подкомитета во главе с сэром У. Хейтером, опубликованный в 1961 г. и содержащий рекомендации по дальнейшему расширению сети исследовательских центров по славистике, Советскому Союзу и восточноевропейским странам в университетах Великобритании. Количество университетов, где было введено преподавание русского языка с начальных курсов, поднялось с 15 в 1962 г. до 37 в 1967 г. В ряде городов (Абердине, Бангоре, Белфасте, Бристоле, Эдинбурге, Экстере, Лидсе, Шеффилде и др.) были образованы университеты и колледжи, начавшие систематический сбор материалов по СССР и странам Восточной Европы. К этому же времени относится появление специализированных библиотек

inslav

по южно- и западнославянским странам: библиотека в Бредфорте приобретала фонды по Югославии, библиотека в Ланкастере — по Чехословакии.

Уолкер отмечает, что позднейшее развитие изучения славянских стран было предопределено докладом подкомитета Парламентского комитета по ассигнованиям для университетов, обнародованном в 1971 г., об исследованиях России в британских университетах. В докладе было констатировано, что число студентов, изучающих русский язык гораздо превысило намеченные цифры. По мнению подкомитета, количество мелких русских отделений в британских университетах неоправданно велико. Все это побудило подкомитет рекомендовать сократить численность русских исследовательских центров, ряду университетов было предложено прекратить преподавание русского языка, а свои библиотечные фонды передать более крупным библиотекам.

Далее Уолкер останавливается на характеристике специализации библиотек по странам и тематике. Он отмечает, что Россия и СССР почти во всех библиотечных собраниях представлены гораздо более полно по сравнению с другими восточноевропейскими странами; в тематическом отношении наибольший объем занимают русские литературные тексты, что является результатом преобладающей литературной ориентации университетских курсов. Преобладает, хотя и в меньшей степени, литературная ориентация источников и по странам Восточной Европы. Источники исторического характера занимают второе по объему место, менее многочисленны публикации по экономике, искусству, религии.

Самая богатая в Западной Европе коллекция источников по СССР, странам Восточной Европы и славистике, по свидетельству Уолкера, находится в Справочном отделе Британской библиотеки (British Library, Reference Division, BLRD), унаследовавшей материалы от библиотеки Британского музея. Она насчитывает более полумиллиона наименований книг и брошюр. Обширны материалы коллекции по истории России и СССР. Внимание исследователей привлекает собрание публикаций на русском и церковнославянском языках, вышедшие до 1800 г. В библиотеке собраны богатые материалы по языку, литературе и истории России XIX в. Менее полно обеспечен источниками период с 1917 по 1945 г. Наиболее интересной, по мнению Уолкера, среди источников этого периода является обширная коллекция работ русских футуристов. Период с 50-х годов XX в. представлен более широко: библиотека располагает всеми серийными изданиями и отдельными публикациями, вышедшими

inslav

с 50-х годов до настоящего времени, представляющими, по мнению составителей коллекции, интерес.

По словам профессора В. Вейнтрауба, «из всех стран западного мира Британский музей располагает, возможно, самой богатой коллекцией польских материалов. В библиотеке собрано 2 тыс. томов работ польских авторов, датируемых XV—XVIII вв. Наиболее полно представлен в источниках XIX в., а также историческое и культурное развитие ПНР с 1945 г. Из источников, относящихся к другим восточноевропейским странам, Уолкер выделяет как наиболее интересные чешские и словацкие издания XV и XVII в., коллекцию материалов по истории Венгрии до 1914 г., источники XV—XVI вв. по истории Хорватии и Черногории.

Второй по объему собранных материалов по славистике, СССР и странам Восточной Европы является библиотека Школы славистических и восточноевропейских исследований. Ее фонды насчитывают 119 200 наименований книг, брошюр, серийных изданий по СССР, Финляндии, Польше, Чехословакии, Югославии, Болгарии, Венгрии, Румынии и Албании. Источники имеют литературно-историческую ориентацию. 21 тыс. наименований публикаций представляют русский язык и литературу, 5,7 тыс. — русскую и советскую историю. В библиотеке собрано 113 наименований изданий на церковнославянском и русском языках, датируемых 1552—1800 гг., среди них имеются уникальные экземпляры. 328 наименований работ, хранящихся в библиотеке, являются источниками по русской истории 1801—1860 гг. Библиотека располагает 5000 томами работ о православной религии и истории церкви.

Другой крупнейшей тематической библиотекой Великобритании является Польская библиотека — 103 000 наименований. Ее фонды состоят из вкладов, даров от лиц польской национальности, проживающих в различных странах. В библиотеке собраны материалы по польскому языку, литературе, истории, политике, социологии, географии, религии, истории военного дела, фольклору и искусству.

Обширная коллекция источников по славистике, СССР и восточноевропейским странам, насчитывающая 85—90 тыс. наименований, собрана в Бодлеанской библиотеке. Среди источников по истории и культуре России наибольший исследовательский интерес, по словам Уолкера, представляет серия микрофильмов «Русские книги XVI—XVII веков», документы Думы, Государственного Совета, российские статистические исследования, а также — подборка сатирических журналов с 1904 г. Библиотека располагает богатой

inslav

коллекцией монографий по русской истории. В фондах библиотеки хранится выдающаяся коллекция «Libry e Polonici», составленная па основе библиотеки польского историка Йозефа Лукашевича и содержащая 2000 наименований работ по польской истории и религии, опубликованных с XVI—XIX в. В библиотечных хранилищах находится несколько средневековых манускриптов и первых печатных книг из Богемии. Особенно многочисленна коллекция серий книг на чешском и немецком языках, изданных в первые десятилетия XIX в. Среди источников по истории Венгрии имеются книги XVII в.; специализированная коллекция, известная как «Libry Hungarici», содержит 416 томов, изданных между 1700 и 1830 гг. В библиотеке также собраны материалы по ГДР, Югославии, Румынии, Болгарии и Албании.

Около 60 тыс. наименований источников по славистике, СССР и странам Восточной Европы содержатся в университетской библиотеке Бирмингема. По сравнению с другими библиотечными коллекциями фонды этой библиотеки располагают самыми обширными материалами по истории революционных событий 1905—1907 гг., по развитию СССР с 1917 по 1941 г. Сюда входят документы, журналы, газеты, предвоенные серийные публикации, современные работы авторов по данному периоду. В библиотеке также имеются материалы по истории и культуре других восточноевропейских стран. Далее автор приводит сведения о менее крупных британских специализированных библиотеках; в университетах в Кембридже, Оксфорде, Глазго, Лидсе, Ланкастере, Бирмингеме и некоторых других.

В приложении к руководству, следующим за основным текстом, перечислены наименования, адреса и телефоны прочих источников информации по странам Восточной Европы и СССР: посольств, торговых и финансовых организаций, туристских контор, академических организаций и научных журналов.

Содержание справочника позволяет получить представление о круге информационных данных, которыми располагают английские ученые, занимающиеся восточноевропейскими исследованиями.

В. П. Сычева

---

[1] *Walker G.* Resources for Soviet, East-European and Slavonic Studies in British Libraries. Birmingham, 1981, p. VI.

inslav

БИОБИБЛИОГРАФИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ БОЛГАРИСТИКИ ЗА ПРЕДЕЛАМИ БОЛГАРИИ

Изучение истории Болгарии и болгарского народа с давних пор привлекало внимание ученых соседних и далеких от Болгарии стран, но особенно широкий размах приобрело в послевоенный период. Болгарскими историками в полной мере осознается ценность «взгляда со стороны» на проблемы отечественной истории, необходимость знать и учитывать в собственных исследованиях результаты их зарубежных коллег. Этому, в частности, призвана содействовать работа специальных групп в Народной библиотеке им. Кирилла и Мефодия (до 1963 г. — в Болгарском библиографическом институте), готовящих ежегодные библиографические бюллетени по зарубежной болгаристике.

Важным новым справочным изданием, суммирующим достижения работающих за пределами Болгарии историков, является составленный Ц. Славчевой в Институте истории БАН биобиблиографический справочник «Историческая болгаристика за рубежом, 1944—1980» [1]. Основную часть этой внушительной по объему книги составляют биографические (очень краткие) и библиографические (по возможности более полные) данные об исследователях, занимающихся вопросами политической, экономической и культурной истории болгарского народа и имеющих на менее двух печатных работ по данной проблематике. Учтены также исследования, где вопросы болгарской истории затронуты в более широком региональном или сопоставительном контексте (история Юго-Восточной Европы, славянская история, Болгария в ее взаимоотношениях с Византией, связи балканских народов, история социалистической системы).

В справочнике охвачены публикации, вышедшие до 1980 г. включительно (дополнительно приведены некоторые опубликованные еще до 1944 г. труды видных современных историков-болгаристов, а также отдельные особенно важные работы, изданные в 1981 г.). Упорядочение произведено по алфавиту фамилий исследователей (вначале в кириллическом алфавите — ученые из СССР и Югославии, затем в латинице), а среди работ одного автора — преимущественно по хронологическому принципу.

Книга содержит 480 биобиблиографических справок об историках-болгаристах из 19 стран. Почти половина из них (237) — советские исследователи (причем наиболее широко

inslav

представлен Институт славяноведения и балканистики АН СССР), далее распределение по странам следующее: Югославия — 72, США — 26, Чехословакия — 22, Румыния — 20, ФРГ — 19, Польша — 18, ГДР — 11, Франция — 10, Великобритания, Венгрия и Греция — по 9, Австрия — 5, Турция — 4, Швейцария — 3, Италия и Канада — по 2, Западный Берлин и Израиль — по 1.

Дополнительно приводится список диссертаций по истории Болгарии, защищенных в 1944—1980 гг. авторами, не фигурирующими в основном списке (с. 901—912). Облегчению поиска нужных исследований способствуют указатели историков-болгаристов по странам (с. 913—921), личных имен упоминаемых в библиографических описаниях (с. 923—926), географических названий (с. 937—941) и тематический (с. 942—955); следует, впрочем, сказать, что последний указатель мог бы значительно выиграть от использования более детализированной рубрикации.

О широте исследований по болгаристике во всем мире свидетельствует то, что перечень сокращений источников насчитывает свыше 600 периодических и продолжающихся изданий на 16 языках.

В предисловии к справочнику отмечается, что значительная часть трудов зарубежных историков-болгаристов носит научно объективный характер, содержит беспристрастные и справедливые оценки. В этих трудах, нередко опирающихся на ценные, недоступные для болгарских исследователей источники, освещаются существенные вопросы прошлого болгарского народа, вводятся в научный оборот новые данные и документальные материалы из архивов, популяризируется история Болгарии. В то же время часть работ характеризуется тенденциозным отклонением от исторической истины, продиктована далекими от науки антикоммунистическими и антиболгарскими позициями их авторов. Однако, несмотря на свою необъективность, и эти работы «содержат фактические материалы и архивные документы, недоступные болгарским исследователям, что оправдывает их включение. Критическая оценка соответствующих взглядов и компетентный научный отпор — задача болгарских ученых, для выполнения которой необходимо хорошее знание авторов и их работ» (с. X).

В сочетании с опубликованным ранее биобиблиографическим справочником «Болгарские историки» [2] новая книга позволяет получить полную и цельную информацию о состоя-

inslav

нии разработки отдельных проблем исторической болгаристики и об ее достижениях в послевоенный период.

Е. А. Хелимский

[1] Историческата българистика в чужбина, 1944—1980. Библиографски справочник / Сост. Ц. Славчева. София, 1983, XXII, 1004 с.
[2] *Чолов П.* Български историци. Биографично-библиографски справочник. София, 1981. 527с.

О ПЕРЕИЗДАНИИ В ГДР ПАМЯТНИКОВ ИСТОРИИ СЛАВИСТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ

В последние годы благодаря творческому содружеству издателей и славистов в ГДР был выпущен ряд репринтов трудов, сыгравших значительную роль в истории славянских исследований. Центром этой плодотворной деятельности является Центральный антикварнат в Лейпциге. Среди выпущенных фотомеханическим способом переизданий можно упомянуть такие, как знаменитая «Российская грамматика» М. В. Ломоносова (СПб., 1755), известный альманах Й. Добровского «Славянка» (Прага, 1814—1815, т. I, ч. 1—2), «Библиографические листы» и остальные выпуски «Материалов для истории просвещения в России» П. И. Кеппена (СПб., 1819—1827, т. 1—3), наконец, энциклопедический труд И. В. Ягича «История славянской филологии» (СПб., 1910). Переиздание подобных книг, давно уже ставших библиографической редкостью, имеет безусловное научное и культурно-историческое значение. Оно как бы дает новую жизнь трудам, сыгравшим заметную роль в истории мировой славистики и ныне вновь становящимся доступными исследователям.

Недавно к этой практике обратилось и известное серболужицкое издательство «Домовина», находящееся в Баутцене (Будишине), выпустившее репринт книги П. Й. Шафарика «История славянского языка и литературы по всем наречиям» (Пешт, 1826). Нет нужды подробно останавливаться на значении этого раннего труда выдающегося словацкого и чешского слависта [1]. Отметим лишь, что П. Й. Шафарик стремился философски осмыслить и на основе сравнительно-исторического анализа раскрыть важнейшие этапы прошлого и настоящего состояния и развития культур славянских народов, показать их этнокультурную общность и дать новые аргументы в пользу упрочения меж-

inslav

славянского сотрудничества. При всех исторически объяснимых недостатках этого труда в нем проявился гуманизм автора, его стремление к уважению культуры всех славянских народов. Одной из примечательных черт «Истории» П. Й. Шафарика было признание права словацкого народа на самобытное литературно-языковое развитие [2].

Репринт, выпущенный «Домовиной», открывается вводной статьей одного из ведущих современных чехословацких лингвистов и историков славистики Яна Петра, хорошо знакомого, в частности, трудами о славистическом наследии классиков марксизма [3]. В этой статье Я. Петр характеризует «Историю» П. Й. Шафарика и ее место в историографии славянских изучений. Статья переведена с чешского оригинала на немецкий язык.

Нельзя не отметить высокого полиграфического уровня книги и ее оформления. Переплет, воспроизводящий вид оригинала, выполнен в цехе Лейпцигского антиквариата. Фотомеханическое воспроизведение текста самой книги осуществлено в типографии «Домовины».

Всячески приветствуя инициативу ученых и издателей ГДР по переизданию ценных в историографическом и справочном отношениях старых книг и журналов, хотелось бы пожелать дальнейшего развития этой деятельности. В частности, заслуживал бы внимания вопрос о разработке перспективной программы такой деятельности в области переиздания классических трудов по славистике. Несомненно, дальнейшие шаги в этом направлении встретили бы поддержку со стороны широкой славистической общественности. Но уже теперь усилия как Центрального антиквариата ГДР, так и серболужицкого издательства «Домовина» заслуживают всемерного одобрения.

А. С. Мыльников

[1] *Šafárik P. J.* Geschichte der slawischen Sprache und Literatur nach allen Mundarten. Fotomechanischer Neudruck mit einem Vorwort von J. Petr. Bautzen, 1983. 18+XII+524 S.

[2] *Мыльников А. С.* Павел Шафарик, выдающийся ученый-славист. Л., 1963, с. 14—16.

[3] *Petr J.* Slavistické zájmy K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1976; Idem. Filozofie jazyka v díle K. Marxe a F. Engelse. Praha, 1980.

inslav

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ 3

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

А. Н. Горяинов, М. А. Робинсон. IX Международный съезд славистов: вопросы историографии 6

Г. К. Клепикова. Карпатское языкознание — состояние и перспективы международного научного сотрудничества 13

Е. Л. Немировский. О сводном каталоге славянских старопечатных изданий 28

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ ЗА РУБЕЖОМ

А. С. Мыльников. О становлении славистики в Германии (конец XVII—первая треть XVIII в.) 37

Л. Б. Милякова. Возникновение университетской славистики в США (конец XIX—начало 1920-х годов XX в.) 78

Н. А. Богаева. Немецкое общество по изучению Восточной Европы в 1913—1939 гг. 104

В. Э. Орел. Славянская этимология в работах французских славистов (конец 40-х—50-е годы XX в.) 131

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИССЛЕДОВАНИЙ В ОТДЕЛЬНЫХ СТРАНАХ

Л. П. Лаптева. Славяноведение в Германии в XIX—первой половине XX в. (до 1945 г.) в освещении историков ГДР 146

Е. Л. Валева. Французский Национальный институт восточных языков и цивилизаций 165

Э. Нидерхаузер (ВНР). Славяноведение и балканистика в современной Венгрии 177

Э. Эгеберг (Норвегия). О работе норвежских славистов . . . 193

ИСТОРИОГРАФИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ

А. С. Мыльников. О разработке некоторых проблем культуры чешского барокко в Чехословакии 203

С. М. Стецкевич. Историография ГДР о народно-демократических революциях и переходном периоде от капитализма к социализму в странах Центральной и Юго-Восточной Европы 209

Т. И. Студеникина. Польско-немецкие общественные связи 40-х годов XIX в. (к историографии темы) 218

Е. А. Хелимский. Труды В. М. Иллич-Свитыча и развитие ностратических исследований за рубежом 229

Е. П. Пащенко. Изучение сербского барокко в СФРЮ 282

inslav

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

Изучение Восточной Европы в западных странах (*Н. А. Богаева*) 302
Польская периодика о современной японской историографии славянских и балканских народов и о китайской полонистике (*Н. П. Митина*) 304
Материалы по славяноведению, СССР и странам Восточной Европы в библиотеках Великобритании (*В. П. Сычева*). . . 308
Биобиблиография исторической болгаристики за пределами Болгарии (*Е. А. Хелимский*) 315
О переиздании в ГДР памятников истории славистической мысли (*А. С. Мыльников*) 317

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ
СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ

Утверждено к печати
Институтом славяноведения и балканистики АН СССР

Редактор Г. В. Моисеенко. Художник Н. А. Седельников
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор А. М. Сатарова. Корректор Ю. Л. Косорыгин

ИБ № 32182

Сдано в набор 13.12.85. Подписано к печати 02.04.86. Т-05870. Формат 84×108 1/32.
Бумага книжно-журнальная. Импортная. Гарнитура обыкновенная.
Печать высокая. Усл. печ. л. 16,8. Усл. кр. отт. 16,8. Уч.-изд. л. 20,6.
Тираж 1600 экз.
Тип. зак. 1120. Цена 1 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука» 117864, ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

Ордена Трудового Красного Знамени Первая типография издательства «Наука». 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

inslav

inslav

ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ